

О. ТАМНН и Е. ИОГАН

~~610049~~

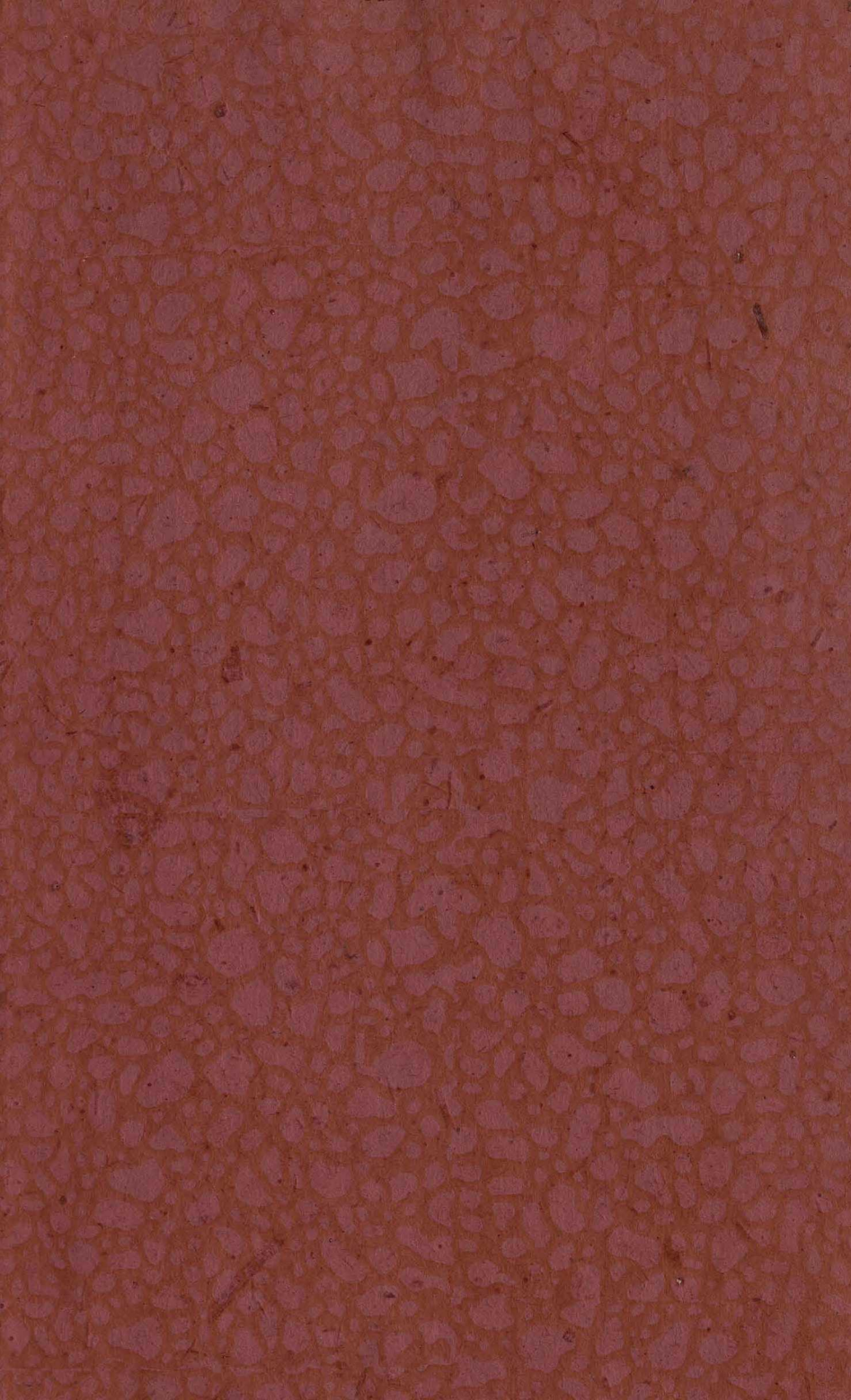
M

174

54

M 174
54

235

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

М 174
54
О. ТАНИН

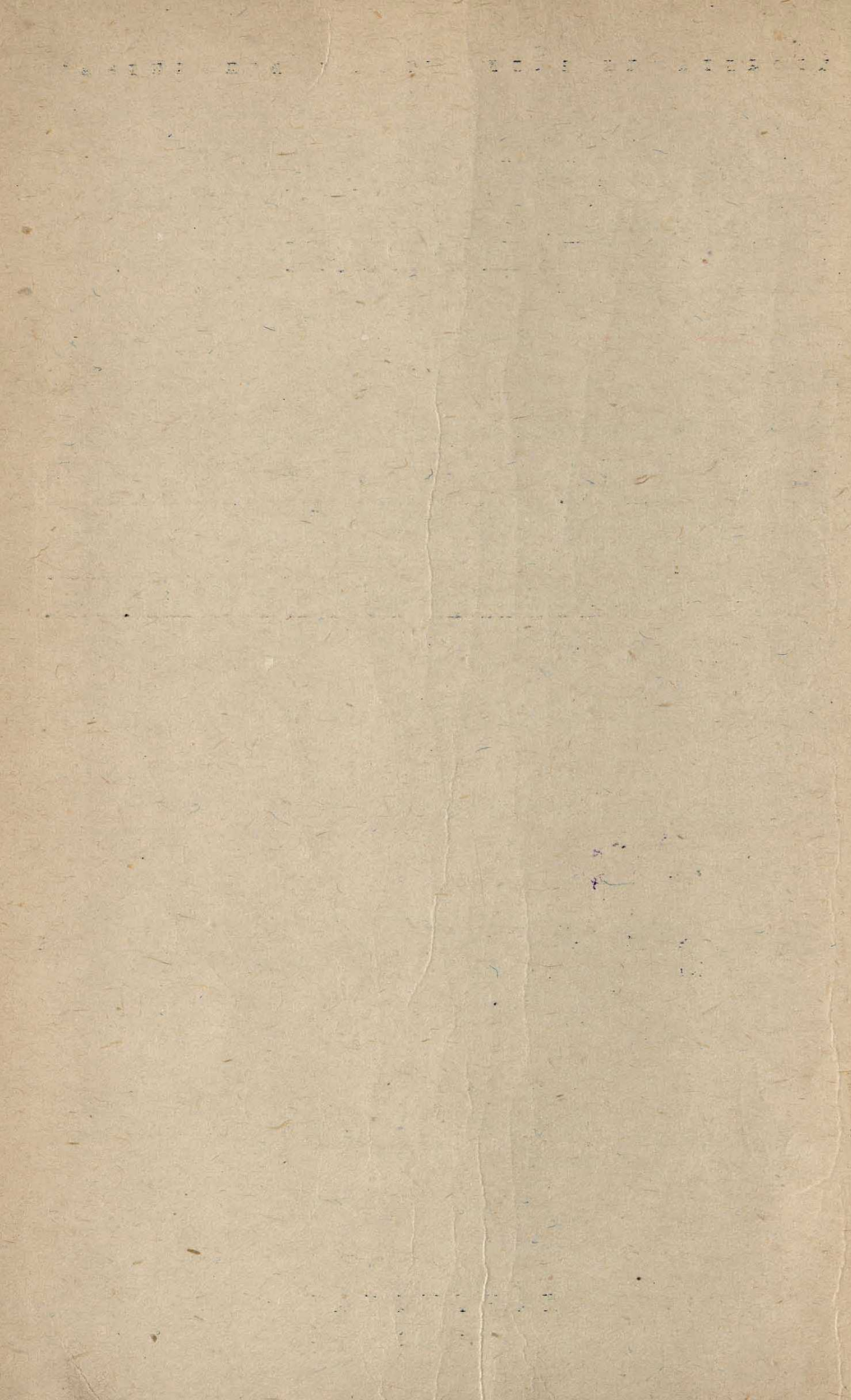
и

Е. И О Г А Н

ВОЕННО-ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ

ПАРТИЗДАТ

1988

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

О. ТАНИН

и

Е. ИОГАН

ВОЕННО-ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

К. РАДЕКА

ПАРТИЗДАТ

МОСКВА

1933

33-62541

2011097539

Редактор Д. Фихман. Обл. худ. Божанова. Техредактор А. Лавров.
Сдано в производство 28/X—33 г. Подписано к печати 1/XI—33 г. Уполн. Главл. № Б-34130.
Партиздат № 711. Форм. бум. 62×94 $\frac{1}{16}$ 43 200 зн. в п. л. 18 п. л. Тираж 25 000 экз. Зак. № 7361

Типография «Красный пролетарий» Издательства ЦК ВКП(б) Партиздата, Москва, Краснопролетарская, 16.

Предисловие **ЯПОНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАШИЗМ**

Предлагаемая работа двух советских востоковедов представляет большую научную и политическую ценность. Военно-фашистское движение Японии является одним из тех механизмов, которые должны перевести Японию из состояния скрытой в состояние открытой мировой империалистической войны. Знание этого фугаса, заложенного на Дальнем Востоке под дело мира, является необходимым. Но во всей мировой литературе нет работы, которая бы выяснила конкретно корни военно-фашистского движения в Японии, фазы его развития, которая бы познакомила читателя с его идеологией, организацией и с его местом в общей системе сил, решающих основные проблемы политики японского империализма. До этого времени существовали только журнальные статьи, посвященные этому вопросу. Наши авторы дают нам довольно подробную картину явления, опираясь на японскую литературу. При этом они не изолируют военно-фашистского движения в Японии, а показывают его развитие на фоне современной истории Тихоокеанской империалистической державы, на фоне социального кризиса, ею переживаемого. Они показывают на конкретном материале отношение разных прослоек японского общества к военно-фашистским идеям и организациям, уделяя особенное внимание вопросу о соотношении между этим движением и военщиной. И выяснение корней военно-фашистского движения Японии и обрисовка его социального содержания и связей, данные авторами, в общем правильны. В исторической части работы спорить можно было бы только о ряде второстепенных вопросов, которые вызывают сомнение, но для этого нужно знание японских источников, которого у меня, к сожалению, не имеется. Поэтому я ограничусь только одним вопросом, поставленным авторами в последней главе их работы, а именно вопросом о сходстве и различиях японского и европейского фашизма, вопросом, имеющим большое значение для оценки перспектив развития на Дальнем Востоке. Такое сравнение позволит не только обратить внимание на некоторую, по моему, односторонность постановки авторами вопроса о перспективах военно-фашистского движения в Японии, но и даст возможность ярче подчеркнуть громадное значение тех сил, которые теперь потрясают империалистскую Японию.

«Можем ли мы все это реакционно-шовинистическое движение, — от барона Хиранума, генерала Араки и Тояма до Окава, Тацибана и Акацуму, — назвать «фашистским» в западноевропейском смысле этого слова?» — спрашивают авторы и отвечают отрицательно на этот вопрос, мотивируя свое отрицание тем, что «если мы его (это движение) будем рассматривать в целом, то оно характеризуется двумя отличительными чертами, существенно разнящими его от фашизма, например итальянского или германского».

Какие же это различия?

«Первое различие сводится к тому, что западноевропейский фашизм является в основном орудием финансового капитала, а японское реакционное шовинистическое движение, взятое в целом — это орудие не только финансового капитала, а орудие японской монархии, представляющей блок двух классовых сил — финансового капитала и полуфеодалных помещиков — и обладающей к тому же собственной логикой развития, представленной в лице армии и монархической бюрократии, гнет которых имеет самостоятельное значение. Поэтому в центре японского реакционно-шовинистического движения стоят в основном те же люди, которые возглавляют систему японского военно-феодалного империализма. Отсюда — роль армии как хребта всего реакционно-шовинистического движения, взятого в целом.

Отсюда вытекает вторая отличительная черта японского реакционно-шовинистического движения, характерная для очень значительного и пока что для наиболее влиятельного его крыла. Это — ограниченное использование социальной демагогии реакционно-шовинистическим движением в целом».

Раньше чем подвергнуть анализу эту мотивировку, надо сказать: сравнивать можно между собою только те явления, которые кроме различий имеют и сходство. Не имеющие сходства явления нельзя вообще сравнивать. Поэтому методологически неверно, что авторы говорят только о различиях военно-фашистского движения в Японии и европейского фашизма, ни одним словом не упоминая об его сходстве, хотя само название «военно-фашистское движение» говорит, что они это сходство видят. Отсутствие анализа черт сходства неминуемо ведет к однобокости, которую Ленин часто называл «преувеличением истины».

Фашизм является фазой развития монополистического капитализма на известной ступени его загнивания, распада, кризиса. Монополистический капитализм создал везде, где он побеждал, тенденцию к замене демократии как прикрытой формы диктатуры крупного капитала более открытыми ее формами. С самого мо-

мента возникновения современного империализма наметились в его политике явления, которые дали повод уже в конце XIX и начале XX столетия заговорить о кризисе демократии. Об этом кризисе заговорили не только представители революционного пролетариата, не только представители мелкобуржуазных оппозиционных и бунтарских течений—анархисты и синдикалисты,—это отметили также представители феодальной и полуфеодальной реакции (см. литературу французских роялистов, литературу немецких реакционных кругов, как например Дельбрюк), это заметили даже деловые люди, описывающие растущую власть финансовой олигархии. Литература, посвященная американской внутренней политике конца XIX и начала XX столетия, полна работ, показывающих загнивание буржуазной демократии.

Концентрация власти в руках капиталистических монополий, трестов и картелей привела уже перед войною к тому, что решение всех основных вопросов политики перешло от правительств к бесконтрольным замкнутым капиталистическим кликам, действующим на правительство не парламентским путем, а путем прямого подкупа, путем перехода власти в буржуазных партиях к маленьким группам, финансирующим эти партии и диктующим им свою волю. Все эти процессы приводили не только к ослаблению парламентской демократии, но и к фактическому урезыванию так называемых прав и свобод, без которых буржуазная демократия немыслима. Наскоки на свободу организаций пролетариата, на право собраний, свободу слова и т. д. имели место в предвоенные годы в целом ряде капиталистических стран и держав, выхолащивая с каждым годом все больше содержание буржуазной демократии.

Этот процесс пошел ускоренным темпом во время войны, ибо война привела к такому обострению классовых отношений, что буржуазия сомневалась, сможет ли она добиться своих целей демократическим путем. Военный режим не устранял в руководящих капиталистических странах парламента. Парламент становился даже в наиболее демократических странах, как например во Франции, средством, при помощи которого к власти приходили наиболее энергичные империалистские клики (Клемансо во Франции), но вся «низовая» основа буржуазной демократии в значительной мере исчезала. Демократические свободы были немедленно отняты у пролетарских групп, выступающих против империалистской войны. Даже мелкобуржуазные пацифистские группы и социал-демократия, стоящая на стороне империализма, не избежали этой участи. Военные клики, зная, что за партиями II Интернационала стоят еще громадные народные массы, боялись, что предоставление обычных демократических свобод даже социал-демократии, поддерживающей войну, даст возможность недовольству рабочих низов прорваться наружу и через организации социал-демократии. II Интернационал представлял дело так, что налицо только временная жертва, временный отказ от использования демократических свобод, продиктованный высшей целью—

«защитой отечества», и что, наоборот, после войны пролетариат получит в награду за спасение отечества полный расцвет своих прав. Они были даже убеждены, что в связи с этим ожидаемым расцветом наступит эра нового роста социальных реформ.

Ближайшие годы после мировой империалистской войны, казалось, подтверждали эти предположения, ибо они привели к расширению избирательных прав в Англии для женщин, к падению империи Гогенцоллернов и Габсбургов, к созданию во всей центральной и значительной части Восточной Европы республик, к введению 8-часового рабочего дня и социального страхования в размерах, до этого времени не известных. В ряде стран, в том числе даже в Англии, к власти приходили партии II Интернационала. Но даже в это время в тех странах, где капитализм из страха перед пролетарской революцией демократизовался, этот внешний рост демократии сопровождался прямым насильственным подавлением революционного движения и классовых организаций пролетариата. Если в предвоенное время монополистический капитализм, выхолащивая внутреннее содержание парламентаризма, внешне оставлял еще все демократические права за рабочими (только урезывая их), то теперь, все более увеличивая за кулисами власть монополистического капитализма, буржуазия признавала демократические права только за теми частями народных масс, которые шли за партиями, поддерживающими ее господство. Буржуазная демократия становилась демократией для рабовладельцев и для послушных рабов.

В 1922 г. приход к власти итальянского фашизма означает известный исторический рубеж в истории загнивания буржуазной демократии. Итальянский фашизм поставил вне закона не только революционную, но и реформистскую часть рабочего класса, а со временем ликвидировал даже реакционную мелкобуржуазную партию «Пополари». Он открыто ликвидировал все институты буржуазной демократии: парламент, легальное существование буржуазных политических партий и все основные демократические права. Страхивая и отбрасывая ускоренным темпом лохмотья синдикалистских и социалистических фраз, итальянский фашизм из социалистической критики либерализма, из критики свобод конкуренции и капиталистической монополии создает теорию корпоративного государства, которая на деле прикрывает господство частных капиталистических организаций, слегка заgrimированных под органы государственно-капиталистического контроля. Победа итальянского фашизма означала, что господствующие слои буржуазии, начиная от помещиков и кончая крупными банками, не считают возможным сохранить свою власть при наличии буржуазной демократии. Права на агитацию и организацию, которые буржуазная демократия предоставляла раньше народным массам, начали угрожать существованию монополистического капитализма в тех странах, где условия развития капитализма были наиболее потрясены. Захват заводов итальянскими рабочими в 1920 г. итальянская буржуазия правильно расценила как при-

ближение пролетарской революции. Она оказалась бессильной перед лицом этого движения. Джиолиитти, один из наиболее умных государственных людей итальянской буржуазии, отказался применить вооруженную силу к очистке фабрик, зная, что, во-первых, для этой цели нехватит сил армии и полиции, а, во-вторых, что введение войск в фабрики может означать приближение революции. Буржуазия спасло тогда реформистско-центристское руководство итальянской социалистической партии, которое дезорганизовало движение. Но буржуазия прекрасно понимала, что предательство рабочего класса реформистами и центристами будет иметь своим последствием передвижение рабочих масс в сторону коммунизма, выкристаллизование действительно революционного руководства, которое обеспечит победу при следующем наступлении рабочего класса. Поэтому буржуазия решилась раз навсегда освободиться от этой опасности путем уничтожения всей демократической системы и создания организации, которая была бы достаточно сильной, чтобы охранять капитализм от новых опасностей. Эта организация не могла быть узкой организацией консервативных слоев, ибо такая организация вызвала бы отпор рабочих и крестьян и не имела бы другой опоры, кроме полиции и армии. Новая контрреволюционная организация должна была быть массовой организацией, ибо задача ее состояла в борьбе с массовым революционным движением. Чтобы быть массовой организацией, она должна была выступать под псевдореволюционным флагом, пользоваться лозунгами социальной демагогии, направив социальное недовольство остальных колеблющихся масс в сторону от монополистического капитализма.

Победа итальянского фашизма ускорила созревание фашистских идей почти во всех капиталистических странах. Но только тяжелейший экономический кризис, разразившийся на фоне послевоенного общего кризиса капитализма, привел к победе второй массовой фашистской организации, созданной в крупнокапиталистической стране, а именно в Германии. Я не буду здесь говорить об отличиях немецкого фашизма от итальянского и отличиях в их развитии. Мне важно подчеркнуть здесь то, что роднит оба движения. Германский капитализм более развит, чем итальянский. Но побежденный в мировой войне, лишенный крупной армии, морского флота, морских баз, колоний, он оказался неспособным к конкуренции с мировыми империалистическими державами, как был неспособен к такой конкуренции, несмотря на свои претензии, итальянский империализм из-за слабости своей сырьевой базы, из-за слабости своего капиталистического накопления и отсутствия богатых колоний. Неспособность к конкуренции с Англией, САСШ, Францией ухудшила условия послевоенного монополистического капитализма Германии в борьбе с нарастающей опасностью пролетарской революции, которая в 1918—1923 гг. была сорвана германской социал-демократией. В период временной стабилизации капитализма, которая сопровождалась отвоеванием значительной части старых позиций немецкого капитала

на мировом рынке, германская буржуазия могла еще сохранять свою власть благодаря помощи социал-демократии и подавлению всякой попытки рабочего класса к революционным выступлениям. Пользуясь социал-демократией как главной опорой, германская буржуазия поддерживала фашистское движение отчасти как средство давления на социал-демократию, чтобы заставить ее уменьшить свои требования, отчасти как будущую смену социал-демократии. Мировой экономический кризис, ударивший жесточайшим образом по Германии, поставил перед германской буржуазией вопрос о надвигающейся опасности новой революции. Никто не мог сказать, как долго будет продолжаться этот кризис; его продолжение угрожало таким нарастанием влияния германского коммунизма, что завоевание им большинства рабочего класса, этой основной предпосылки борьбы за захват власти, могло стать вопросом ближайших лет. Кроме того кризис развязал во всех империалистских странах все центробежные силы, тенденции к автаркии, т. е. к вырезанию из капиталистического мира по возможности большей территории, которая должна стать закрытым полем эксплуатации данной «национальной» монополистической буржуазии. Германская буржуазия должна была позаботиться об устранении опасности пролетарской революции и одновременно создать условия для использования растущих империалистических противоречий с целью создания собственного автаркического экономического организма, т. е. для завоевания новых колоний. Обе эти задачи могли быть решены только путем уничтожения остатков буржуазной демократии, без чего нельзя было ни оттянуть, ни отсрочить опасность революции, ни создать наиболее благоприятные условия для новой империалистической войны.

Кризис, вызывающий растущее недовольство в широких мелкобуржуазных массах, создавал необходимые условия для победы фашизма как массовой организации и одновременно делал невозможной борьбу с опасностью революции другими средствами, кроме фашистской диктатуры. Потрясенные кризисом, мелкобуржуазные массы города и деревни покидали ряды старых буржуазных партий и попадали под влияние националистической партии, обещающей им спасение от разорения при сохранении частной собственности. Исчезновение старых буржуазных партий, приближающееся с каждым днем, делало невозможным продолжение их господства даже при наличии поддержки социал-демократии, отказывающейся от юдной демократической свободы за другой во имя политики «меньшего зла», т. е. во имя избежания полной победы фашизма. Эта политика, наоборот, только ослабляла социал-демократию как опору буржуазии, ибо толкала одну часть социал-демократических рабочих за другой в лагерь коммунизма, увеличивая этим опасность пролетарской революции. Идея господства военно-бюрократической клики, нашедшая свое выражение в правительстве Папена и Шлейхера, являлась утопией, ибо нельзя было господствовать чисто бюрократическими методами,

опираясь только на полицию и армию, имея против себя революционных рабочих и миллионные массы мелкой буржуазии, втянутых в национал-социалистическое движение. Ввиду раскола, внесенного в рабочие массы социал-демократией и не преодоленного еще коммунистической партией, ввиду того, что кризис толкнул значительные массы мелкой буржуазии временно направо, в лагерь фашизма, авангард пролетариата не мог поставить себе целью непосредственную борьбу за захват власти. Так стала возможной победа фашизма, диктатура которого является диктатурой монополистического капитала и который ставит себе задачей искать выхода из кризиса, бежать от революции на поле империалистической войны, чтобы в результате создать новую империалистическую германскую державу, способную и к конкуренции с другими империалистическими державами и к борьбе с революционным пролетариатом.

Подводя итоги развития фашизма на Западе, надо сказать, что основные его черты состоят в том, что он, во-первых, развивается на экономической почве господства монополистического капитализма, который не в состоянии уже решить основных экономических задач, стоящих перед обществом, — монополистического капитализма, чувствующего приближение социалистической революции и переживающего углубляющийся кризис. Этим сказано, что реакция в странах неразвитого капитализма, не достигнувшего еще степеней монополистического капитализма, не является однородной с фашизмом, хотя имеет многие черты, схожие с фашизмом (комбинация дикого террора с социальной демагогией). Отсутствие господства финансового капитала как экономической базы фашизма не позволяет этим реакционным режимам быть последней фазой развития к социализму. Они могут быть ликвидированы еще буржуазно-демократическими революциями довольно длительного характера или даже ублюдочным демократическим режимом, который может явиться наследником обанкротившегося реакционного режима даже без революции.

Вторая черта фашизма состоит в том, что он является не просто бюрократическим господством реакционных клик, а диктатурой, опирающейся на массовые организации, преимущественно мелкобуржуазные; что он объединяет величайший террор против рабочих и революционных крестьян с необузданной социальной демагогией, пытающейся внести разложение в рабочий класс, перетянуть наиболее отсталые люмпен-пролетарские части его в лагерь фашизма. Фашизм не является просто реставрацией буржуазной власти. Такая реставрация есть утопия, ибо во всех странах развитого капитализма старая буржуазная власть опиралась на поддержку широких масс мелкой буржуазии и даже отсталых рабочих, поддерживающих буржуазные и «социалисти-

ческие» партии, стоящие на почве реформы капитализма. Эти массы подчинялись буржуазии через посредство буржуазной демократии. Где ликвидирована буржуазная демократия, она ликвидирована именно потому, что массы мелкой буржуазии и пролетариата потеряли убеждение в устойчивости капиталистической системы и покидали с каждым днем все больше ряды буржуазных партий.

* * *

Фашистская диктатура не есть просто реакционная диктатура, вроде режима Хорти или Цанкова. Она является диктатурой финансового капитала, сумевшего через ряд новых рычагов обеспечить себе демагогической политикой и массовой организацией поддержку со стороны мелкой буржуазии.

Существуют ли в Японии эти две черты фашизма: 1) господство потрясенного монополистического капитализма, боящегося пролетарской революции, ищущего выхода из нее на путях фашистской государственной организации внутри страны и новой войны за передел мира; с одной стороны, и 2) стремление к созданию в качестве опоры капитализма массового мелкобуржуазного движения, обманутого социал-демократическими лозунгами, с другой? Это не может подлежать никакому сомнению. В Японии господствует финансовый капитал. Исследователи, подчеркивающие своеобразные черты этого господства финансового капитала в Японии тем, что он в значительной мере господствует еще через монополию банков, через эксплуатацию ими мелкого, среднего предпринимателя и разрозненного мелкого крестьянского производителя, что он глубоко сросся с пережитками феодализма,—абсолютно правы. Так например книга Орчарда, указывающая на это своеобразие господства монополистического капитализма в японской промышленности, и предисловие к этой книге т. Сафарова, дающее конкретную картину пережитков феодализма в японской деревне и сплетение их с господством монополистического капитализма,—правильно указывают, несмотря на допущенные преувеличения, на особенности, которые будут иметь большое значение в дальнейшем развертывании японского кризиса. Значение этих моментов состоит в том, что, во-первых, недостаточная концентрация и недостаточная техническая модернизация японской промышленности не позволяют японскому финансовому капиталу развить ту силу, без которой японский империализм может оказаться, по правильному выражению одного из наших японоведов, «могучим кулаком на очень слабых мышцах». Японская военщина великолепно чувствует эту слабость и сделала за последние два года все от нее зависящее для концентрации промышленности и для оснащения ее современной техникой. Но, несмотря на значительные вложения в промышленность, проведенные в последние два года японским правительством и японскими финансовыми трестами, им только в незначительной мере удалось устранить эту отсталость. Исключительный паразитизм японского

помещика, выкачивающего из деревни 50% ее годового дохода, наличие пережитков феодализма во всех областях деревенской жизни гарантируют в будущем широкий размах демократического революционного движения крестьянства. Но как ни важны эти особенности, нельзя отмахнуться от вопроса, который является центром всех вопросов. И при рассмотрении японского империализма и японского фашизма является вопрос: кто же экономически господствует в Японии—монополистический капитализм или остатки феодализма? На этот вопрос может быть только один ответ.

Развитие Японии с 1868 г. означает возникновение и победу индустриального капитализма, переход его на рельсы монополистического капитализма. Помещичий класс Японии, представляющий пережитки неликвидированного в 1868 г. феодального класса, сумел удержать в измененной форме дань, взимаемую с крестьянства. Для этого он использовал власть, которую сохранил в значительной мере в своих руках. Но эта власть служила в то же самое время проводником укрепления финансового капитала, служила интересам его победы над всеми другими классами в Японии и орудием его борьбы за мировой рынок и за завоевание позиций на Азиатском континенте. Помещичий класс, вкладывающий выжатые из крестьянства капиталы в промышленность и банки, является сам частью монополистической буржуазии. Поскольку его интересы как владельца рент противоречили интересам его как владельца прибыли, он мог добиться учета своих специфических интересов за счет общего развития экономических сил страны. Но усиливая этим роль монополистического капитала как тормоза развития производительных сил, помещичий класс Японии не мог господствовать вопреки основным интересам монополистического капитализма. Помещик пытался сорвать с капиталистического развития Японии по возможности больше для себя, но он не мог вести политики, которая бы не отвечала основным интересам монополистического капитализма.

Весь экономический и политический кризис Японии разворачивается на фоне кризиса монополистического капитализма, хотя этот кризис углублен и осложнен наличием пережитков феодализма. Социальный и политический кризис Японии вызван теми же самыми причинами, как и кризис всей капиталистической системы. Монополистический капитализм утратил способность обеспечить развитие производительных сил. Всякая его попытка делать это через повышение техники, через рационализацию вызывает величайшее обострение нужды и безработицы масс, увеличивает социальный кризис. Попытка завоевания новых рынков сбыта для продуктов монополистического японского капитализма вызывает громадные обострения международных империалистских противоречий, вынуждает его к бешеным вооружениям, которые, подрывая экономические силы деревни, ложась неслыханным бременем на рабочие

массы и массы городской и мелкой буржуазии, со своей стороны ослабляют производительные силы страны. Попытка завоевания части Китая, для того чтобы создать автаркическую японскую континентальную империю, имеющую собственные железо и уголь, являющуюся закрытым для других империалистских держав рынком сбыта, — все это приводит к растущему конфликту с массами, которые не хотят стать колониальными рабами Японии, и конфликту с другими империалистскими державами, в первую очередь с САСШ.

Вот основы кризиса, переживаемого Японией. Он является только видоизменением общего кризиса, переживаемого монополистическим капитализмом. Опасность пролетарской революции в Японии не подлежит в этих условиях сомнению и вытекает из принципиально тех же источников, что и в других странах, — из господства монополистического капитализма. Пережитки феодализма, обостряя в Японии противоречия интересов между крестьянством и помещичьим классом, создавая опасность революционных крестьянских движений, создают условия поддержки пролетарской революции крестьянской войной. Независимо от того, начнется ли развязка политического кризиса Японии от крестьянской войны или от пролетарских революционных движений, наличие пережитков феодализма делает в Японии необходимым и неизбежным решение задач демократической революции. Развитие пролетарской революции в Японии будет последствием перерастания демократической революции в социалистическую. Основное значение идеи этого перерастания состоит в том, чтобы научить пролетариат не перескакивать через задачи демократической революции, не забывать ни на один момент, что крестьянство принадлежит к движущим силам японской революции, что союз с крестьянством является условием грядущей победы пролетариата.

Но наличие пережитков феодализма в Японии и поэтому наличие перспективы вырастания пролетарской революции в Японии из буржуазно-демократической не устраняют факта, что степень развития, достигнутая японским капитализмом, есть степень монополистического капитализма. Развязка кризиса монополистического капитализма может состоять только в социалистической революции, через сколько бы этапов ей ни пришлось пробивать свой путь. Кризис Японии развертывается на основе монополистического капитализма, и японская буржуазия, ища выхода из него на путях империалистской агрессии и фашизма, ищет спасения от пролетарской революции и борется за такие условия конкуренции с другими империалистскими державами, которые дали бы ей возможность и в дальнейшем избежать пролетарской революции. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что японский фашизм пытается решить в основе те же самые задачи, которые пытается решить германский и итальянский фашизм.

Когда авторы предлагаемой книги пишут, что

«западноевропейский фашизм в основном является орудием финансового капитала, а японское реакционное шовинистическое движение, взятое в целом,—это орудие не только финансового капитала, но и орудие японской монархии, представляющей блок двух классовых сил — финансового капитала и полуфеодалных помещиков»,

то, противопоставляя помещиков финансовому капитализму, они ошибаются и по отношению к западноевропейскому и по отношению к японскому фашизму.

Роль итальянских помещиков, пытающихся спастись от напора батраков и мелких арендаторов, в деле победы итальянского фашизма была очень крупна. О роли германских юнкеров в победе германского фашизма знает весь мир. На мекленбургских, поморанских и ост-эльбских поместьях вскармливались страды фашистских убийц, раньше чем в карманы фашизма поплыли деньги из железных шкафов королей промышленности. Значительная часть главарей германского фашизма—сыновья помещиков. Германский фашизм пришел легко к власти благодаря поддержке, которую оказали ему прусский юнкер,—фельдмаршал Гинденбург и командование рейхсвера, состоящее из прусских юнкеров. Германский фашизм именно поэтому не смеет тронуть интересов ост-эльбских помещиков, несмотря на то, что ему приходится разыгрывать роль партии, якобы спасающей крестьянство. Благодаря тому, что пережитки феодализма в Японии сильнее, чем в Италии и даже в Германии, роль помещиков в военно-фашистском движении Японии наверное крупнее. Но она в основном не может отличаться от роли помещиков в европейском фашистском движении, ибо и в Японии фашизм своей политикой вооружений набивает в первую очередь карманы финансового капитала. Захватив полностью власть, он смог бы проводить экономически только политику, в основном отвечающую интересам монополистического капитала. Помещики своим участием в фашистском движении обеспечивают себе особый куш из общеимпериалистской добычи, как его обеспечили себе германские и итальянские помещики. Быть может, что и доля их при разделе временной добычи будет крупнее. Но это не создает принципиально отличной основы японского фашизма от западноевропейского фашизма.

Вторая черта фашистского движения, а именно—поиски опоры в широких мелкобуржуазных массах, которые привлекаются широкой демагогической социальной программой, налицо в Японии в не меньших размерах, чем в Европе.

Именно книга наших авторов дает тысячи доказательств, что нет ни одной социальной идеи, пускаемой в ход для демагогических целей европейским фашизмом, которая не имелась бы в арсенале фашистского движения в Японии. Когда японские дворянчики выступают на процессе убийц Инукаи в качестве защитников рабочих и крестьян, то где еще искать лучшей социальной демагогии? Именно благодаря этой социальной демагогии япон-

ским военно-фашистским организациям удалось мобилизовать громадные массы мелкой буржуазии, приведенной в движение социальным и политическим кризисом Японии. Авторы нашей книги правы, когда доказывают, что цифры, приводимые японскими фашистами о силе их организации, сильно преувеличены. Но было бы ошибкой эти силы преуменьшать. Не в том дело, имеют ли японские фашисты миллионы приверженцев, объединенных в особые партийные фашистские организации, или эти миллионы находятся в массовых организациях общепатриотического характера, созданных бюрократией и военщиной, — решающий вопрос состоит в том, — служат ли фашизму люди, держащие в руках рычаги этих массовых, формально не фашистских организаций и какие идеи они проводят в этих организациях. Германский «Стальной шлем» не был фашистской партийной организацией, он был организацией, которую часть германских помещиков и часть германской промышленности пыталась противопоставить фашистской организации. «Стальной шлем» был в свое время многочисленнее, чем штурмовые отряды Гитлера. Но так как «Стальной шлем» и стоящая за ним партия германских националистов не имели никаких идей, отличающих их от гитлеровцев, которые они могли бы противопоставить гитлеровцам, то «Стальной шлем» в окончательном счете был подчинен Гитлеру и стал из организации, конкурирующей с Гитлером, одним из побочных резервуаров силы германского фашизма. Недоверие бюрократической военной верхушки Японии к организации мелкобуржуазных масс, боязнь этой организации толкают военную клику на попытку захвата власти без организации фашистской массовой партии, как та же самая боязнь мелкобуржуазных масс привела в Германии к созданию правительства Шлейхера и Папена, пытавшихся удержать власть без Гитлера, а отчасти против него. Но это правительство было только эпизодом, ибо без поддержки массовых фашистских организаций оно висело в воздухе. Ход развития в Японии трудно предугадать, но если группа Араки овладеет полностью властью путем закулисных махинаций, поддержанных давлением верхних слоев офицерства, то этой группе придется искать опоры в фашистских организациях. Будет ли это правительство опирающимся на фашистские организации, или развернется оно в правительство фашистской организации, — в обоих случаях социальное его содержание будет одно и то же: оно будет диктатурой монополистического капитализма, принужденной сильно считаться с интересами помещиков, и в обоих случаях мелкая буржуазия не будет господствовать, а будет только массовой опорой господства монополистического капитализма.

Особенности японского фашизма состоят в известной мере в более значительной роли помещиков в организации японского фашизма в том духе средневековья или, точнее говоря, легенд о средневековьи, которые вожди японского фашизма пытаются внести в народные массы. Но мы имеем здесь дело со второстепенными, а не первостепенными различиями. Более важное, хотя тоже не основ-

ное, различие состоит в организационно-руководящей роли японской армии в фашистском движении. В Италии кадровое офицерство не играло этой роли, хотя часть высшего командования стояла на стороне фашистов. Итальянская армия не вышла из мировой войны в ореоле славы, в итальянских народных массах после войны существовала громадная усталость от войны. Поэтому итальянский фашизм подчинил себе армию только после победы. В Германии в фашистском движении играло руководящую роль только младшее поколение бывшей императорской армии, не вошедшее в рейхсвер. Рейхсвер оказывал скрытую помощь фашистским организациям, поставляя им оружие и инструкторов. Но он не был в состоянии из-за военно-политических соображений и отчасти из-за связи со старыми буржуазными партиями и их режимом сыграть руководящую роль в возникновении и победе германского фашизма. В Японии эта руководящая роль в организации фашистских сил высшего офицерства налицо. Эта роль идет так далеко, что даже раскол японской социал-демократии и создание открытой фашистской «социалистической» партии происходят при непосредственном участии крайних фашистских элементов высшего японского офицерства (группа полковника генерального штаба Хасимото). Эта роль японского офицерства в организации фашизма объясняется, с одной стороны, великим ореолом, которым оно окружено как организатор побед над Россией в 1904—1905 гг., а, с другой стороны, тем, что разорение значительной части средних и мелких помещиков, из которых происходит офицерство, и деградация японского сельского хозяйства создают среди этого офицерства социальное недовольство, роднящее его с недовольной мелкой буржуазией, которая между прочим тоже составляет часть офицерства. Эта роль японского офицерства как руководителя фашистского движения создала в верхушке этого офицерства, организованной вокруг генерала Араки, иллюзию, что она может взять власть одна, без участия фашистских мелкобуржуазных организаций, которых группа Араки не старается объединить повидимому из боязни увеличения их удельного веса. Но эта политика вызывает недовольство в части младшего офицерства, возглавляемого бывшим военным атташе в СССР полковником Хасимото, который заявляет, что офицерству не по силам руководить Японией и что если оно не создаст массовой фашистской партии как своей опоры, то оно будет разбито коммунизмом, который несомненно складывается в массовую организованную силу. Эта чисто фашистская тенденция, представляемая Хасимото, которая будет усиливаться с ростом социального кризиса в Японии, показывает, что и здесь налицо силы, которые (что касается роли армии в фашистском движении) сближают японский фашизм с европейским типом.

Ошибки, допущенные авторами предлагаемой работы, вытекают из двух источников. Один состоит в том, что из законной боязни недооценить значение пережитков феодализма они допускают в окончательных формулировках известный перегиб. Другой источник, что историческое изложение развития японского фашистского

движения накладывает чересчур сильную печать на их теоретические выводы. Фашистское движение в Японии уходит своими корнями в бюрократически-военную организацию «Черного дракона», являющуюся в прошлом главной конспиративной организацией нарождающегося японского империализма. Но, несмотря на помещичье-бюрократический состав этой организации, она, служа целям японской экспансии, была в окончательном счете орудием монополистического капитализма. Тут налицо большая аналогия с развитием пангерманского союза, который сыграл такую громадную роль в истории германского империализма. Пангерманский союз был создан бюрократическими и военными кругами; роль дворянства в нем была очень значительна, но он служил застрельщиком германского империализма, являющегося результатом развития немецкого монополистического капитализма. Марксистский анализ не может пройти мимо социального состава любой политической организации, но он не признает решающей роли в определении социального характера данного движения за этим социальным составом, а спрашивает, какие классовые интересы в окончательном счете руководят этим движением. Партии II Интернационала являются во всех капиталистических странах в большинстве своем еще рабочими партиями по их составу, но они являются по характеру своей политики буржуазными партиями, ибо, отказываясь от революционной борьбы, они не могут вести другой политики, как политики, которая диктуется интересами буржуазии. Фашистские партии на Западе являются по своему составу мелкобуржуазными партиями. Руководящий ими слой в значительной мере помещичий, но ведут они политику защиты интересов финансового капитала, который является ведущей силой капиталистического общества, поднявшегося на ступень монополистического капитализма. Не иначе обстоит дело в Японии, хотя руководящую роль в фашистском движении этой страны играют помещики и высшая бюрократия.

Если принять во внимание эти ошибки авторов, то книга их принесет значительную пользу, обогащая наше знание рычагов японской империалистической буржуазии, ищущей выхода из кризиса на путях фашизма и империалистической войны.

Карл Радек

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕАКЦИОННО-ШОВИНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава первая

САМУРАЙСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПЕРВЫХ ПОРЕФОРМЕННЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Переворот 1868 г. поставил в Японии у власти феодальных вождей движения за реформы. Крепостнические устои в их старом виде рухнули, когда к голодным бунтам, потрясавшим страну изнутри, присоединилась угроза иностранных пушек извне. Устранение сиогуната и национально-государственная консолидация страны стали необходимой предпосылкой спасения господствующих классов от крестьянской революции и от закабаления чужеземцами. И эти задачи были выполнены сверху самими феодалами при участии торгово-ростовщического капитала. Это и была так называемая «революция Мейдзи» — реставрация императорской власти.

Переворот 1868 г. носил половинчатый и незавершенный характер.

Фактически произошел только переход власти к более прогрессивному, вступившему на путь обуржуазивания, более тесно связанному с торговой буржуазией крылу феодальной аристократии и служилого дворянства (самураев).

Новый порядок сохранил власть и доходы в руках феодальной аристократии и дворянства. Об этом свидетельствовали: выкупные платежи за землю, оставление старых князей в своих уделах на положении губернаторов, обеспечение князей (даймио) доходами в их прежнем объеме, рисовая пенсия самураям, личный состав правительства и высших государственных учреждений, которые например еще в 1886 г. включили 226 высших сановников из бывших князей и самураев и только 2-х человек из «третьего сословия» и т. д.

Большинство представителей прежде господствовавших сословий заняли привилегированное положение и при новом общественном порядке. И действительно, реставрация 1868 г. превратила часть самураев в государственных чиновников, компенсировала их за отнятые рисовые пенсии специальными государственными обязательствами, открыла всем самураям возможность заниматься торговлей и промышленной деятельностью через созданные в 80-х годах самурайские банки и т. д. Однако рост капиталистических отношений означал смертный приговор для самурайства как сословия и совершенно выбрасывал из

жизни сотни тысяч этих мелких дворян, ничего не умевших, не желавших и часто не имеющих возможности делать¹.

Развитие товарно-денежных отношений уже в эпоху токугавского режима выбивало почву из-под ног тысяч мелких самураев, ставило их в полную зависимость от ростовщиков и купцов («фудасаси» — перекупщики рисовых пенсий самураев и их кредиторы), создавало множество бродячих самураев, лишившихся своих сюзеренов. Так сложилось сословие так называемых «ронинов», «обретающихся под небом самураев», как их пышно называет японская литература того периода. Пока продолжались клановые междоусобицы и пока самурайский меч был еще нужен — они еще находили себе место под солнцем. Но по мере того, как укреплялся новый режим, положение их становилось все более беспочвенным. Приспособленные только к паразитическому безделью при феодальных дворах и для участия в клановых междоусобицах, они, несмотря на все меры поощрения и содействия со стороны правительства, очень быстро промотали средства, полученные ими от государства в качестве компенсации за рисовые пенсии, и очутились у разбитого корыта. Они были предметом постоянных забот со стороны правительственной бюрократии после реставрации, стоили государству несметных средств (правительство, само состоявшее из князей и самураев, ни о ком не пеклось так, как о них), но экономика выталкивала самураев из системы новых общественных отношений. Среди этой массы мелкого дворянства (а их вместе с семьями было 2 500 тыс. человек, что составляло около 10% тогдашнего населения Японии) с каждым годом начинает крепнуть разочарование в результатах реставрации и усиливается стремление найти выход из создавшегося положения. И совершенно естественно, что они, наряду с нарождающимися элементами капитализма, стремящимися к расширению внешних рынков, поддерживают политику вовлечения страны во внешние завоевательные войны. Требованием самураев становится покорение Кореи и Формозы, требование внешней экспансии. Надежды на восстановление своего положения эти слои самурайства связывают с войнами на континенте и Южных островах. Самураи надеялись еще сохранить свой вес и привилегии в государстве путем втягивания Японии в военные авантюры, в которых главной силой были бы самураи, поскольку армия всеобщей воинской повинности, комплектуемая из различных социальных слоев, не сложилась еще в действенную силу. В этом видели они свое естественное призвание, но это облекалось в форму, подсказанную всей обстановкой, в которой находилась в то время Япония, связанная еще по рукам и ногам неравноправными договорами с более могущественными капиталистическими державами.

Политика правительства, не способного ускорить освобождение страны от иностранного контроля, подвергалась в то время критике

¹ Такекоси определяет число этих дворян в сотни тысяч человек. См. Y. Takekoshi, *The Economic Aspects of the History of the Civilisation of Japan*, v. III, p. 68.

с двух сторон. Оба критикующих лагеря выступали под знаменем борьбы за национальную независимость. Тем не менее между ними была существенная классовая разница. Один лагерь был представлен так называемой «либеральной школой», опиравшейся на ту часть японской буржуазии и японской буржуазной интеллигенции, которая считала, что сложиться в самостоятельное национальное государство Япония сможет лишь в том случае, если она в наиболее полной форме воспримет уроки Запада, станет на путь быстрого развития капитализма.

Вождь этой школы Фукудзава писал в 1885 г.:

«Независимость страны—это цель, и наша цивилизация стала теперь путем к достижению этой цели».

Сторонники этого течения не видели в европеизации никакой опасности.

«При нынешней силе Японии,—писал Комабаяси в 1888 г.,—иностранцам невозможно полностью подчинить себе японцев. А если это так, то мы должны сами войти в среду иностранцев, рассчитывая получить выгоды для себя. Это самое срочное из всех наших срочных дел, и мы не должны ни на день откладывать его».

В этих высказываниях достаточно ясно проглядывают вера в собственные силы поднимающегося буржуазного класса и его нетерпеливое желание освободиться от мертвящих феодальных пут. Школа эта представляла несомненно по вопросам внутренней политики прогрессивное крыло в японском национализме эпохи Мейдзи. Однако экономическая слабость японской промышленной буржуазии и наличие компромисса между буржуазией и феодалами, положенного в основу реставрации Мейдзи, не позволили «либеральной школе» и конституционному движению, которое она идеологически оформляла, укрепнуть настолько, чтобы наложить решающий отпечаток на судьбы страны.

Но наряду с «либеральной школой» и в противовес ей в японском национализме оформилось и другое течение, представлявшее те настроения самурайства, о которых мы говорили выше.

Новое правительство, продолжавшее линию на уступки иностранцам, начатую еще сиюгуном, рассматривалось националистически настроенными кругами бывшего самурайства как сила, не способная к защите национальных интересов Японии. Самураи считали, что они сами должны способствовать расширению влияния Японии на континенте и Южных островах и тем увеличивать ее силу и способность противодействия «белой расе», т. е. САСШ, царской России, Англии, Франции. Спасение Японии эти круги видели не в том, чтобы, восприняв европейскую цивилизацию и европейские учреждения, достигнуть такого же уровня развития, какой достигнут «белой расой». Правительство пыталось это сде-

лать, но безнадежно: «Пока мы делаем шаг вперед—они делают целый скачок». «Только на путях активной внешней политики, на путях распространения на азиатском континенте,—твердили эти круги,—можно добиться раскрепощения страны, а не на путях европеизации и внутренних реформ».

«Преже всего,—пишет один автор той эпохи,—возникает вопрос: куда теперь должен быть направлен главный принцип нашего правительства—на внутреннюю или внешнюю сторону? Подумав о первом и втором, можно сказать, что не лучше ли прежде направить внимание на внешнюю, чем на внутреннюю, как это делает правительство? Что это за образец другой далекой страны? Они (деятели правительства) фактически хотят купить расположение «цивилизованных» людей, не считаясь с благосостоянием нашего народа. Нет другого пути для развития производительности и процветания торговли городов, как забота о создании могущественного государства».

Стремление следовать во всем европейской цивилизации есть последствие рабского духа. Уничтожение этого рабского духа нельзя ожидать ни от кого другого, как только от молодого поколения:

«Молодежь, поднимайся! Теперь не время опьяняться закатом солнца. В твоей голове витают всевозможные грезы: популярность, мишура, красота и литература. Откажись от порабощающего влияния. Твой долг—спасти страну от рабства»¹.

Таковы были те достаточно смутные и неоформленные настроения, которые господствовали в среде низших слоев самурайства, принимавшего свои сословные интересы за интересы общенациональные.

Эти два течения в японском национализме начали оформляться еще накануне реставрации Мейдзи.

«В последние дни владычества Токугава-сёгуна,—рассказывает нам японский историк,—многие японцы, очарованные успехами техники и прогресса европейских и американских стран, пораженные блеском великолепных работ по обороне в этих западных странах, высказывались против агитации за изгнание «чужеземных дьяволов», так как подобные мероприятия могут повредить империи. Они стояли за то, чтобы империя воздержалась от подобных необдуманных поступ-

¹ Из сборника «Культура Мейдзи» (на японском языке).

ков, а избрала позицию, допускающую компромиссы, чтобы дать возможность стране пережить трудный кризис: распахнула широко двери страны для общения с внешним миром, для изучения этим путем западной цивилизации, укрепила основы империи могуществом и богатством и подождала более благоприятного случая для нанесения решительного удара иностранным государствам. Против этих доводов люди, не желавшие идти на компромиссы, решительно возражали, требуя изгнания «чужеземных дьяволов». Вожди мысли, как Токо Фуджита, Сиин Иосида и другие, утверждали, что при существующем порядке вещей в стране идти на компромисс это значило бы открыть широкий путь к порабощению себя иностранными врагами, если бы они были допущены в ее пределы без всяких ограничений, и настаивали на том, чтобы народ объявил войну внешним врагам, желая этим пробудить его от дремотной лени и неги и дать понять иностранцам, что Япония не позволит наносить себе оскорблений. После этого в случае надобности Япония может снова возобновить мир с иностранными государствами»¹.

Однако только после реставрации, когда в полной мере начали сказываться последствия привилегий, которыми пользовались иностранцы в Японии, и когда под влиянием внутренних классовых сдвигов в стране сформировалась многочисленная самурайская оппозиция, разногласия между этими двумя течениями обострились с новой силой.

Самураи стали обвинять правительство в том, что оно роняет национальный престиж страны, оставляя безнаказанно обиду, нанесенную каким-нибудь японским рыбакам на формозском или корейском берегу. Создаются и раздуваются десятки поводов к вмешательству Японии во внутренние дела Кореи и т. д.

Правительство старается сначала удовлетворить требования самураев о завоевательной внешней политике, ибо оно слишком крепко чувствует связь с ними и свою зависимость от них, чтобы вступать с ними в ссору. В 1874 г. Япония захватывает острова Рюкю, в этом же году организуется экспедиция в 30 тыс. самураев на Формозу, в 1875 г. предъявляется ультиматум Корее.

На одну часть самурайства эта политика правительства подействовала в желательном для правящих групп направлении, способствовала сближению самураев с правительством, так что, когда позже (в 80-х годах) усилилось либерально-конституционное движение группы бывшей самурайской интеллигенции, примирившиеся было с правительством выступили на его поддержку. Из всего старого арсенала борьбы против европеизации они сохранили только враждебность к конституционным реформам и противопоставили требованию конституции лозунг охраны

¹ Кайиро Сато, Япония и Америка в их взаимном отношении, Гиз, 1923 г. стр. 46.

«исконных японских национальных черт», которым-де совершенно противоречат чуждые европейские конституционные принципы.

«В этот период,—пишет Ката,—возникло так называемое ультранационалистическое течение. Националисты утверждали, что они выставляют принципы государственности в противовес антиправительственному движению либеральной демократии. Идеи ультранационализма существовали с начала эпохи Мейдзи, а к 20-м годам Мейдзи (1887 г. и позже) развивались в цельную концепцию»¹.

Один из поздних представителей этого течения—Куга Минору писал в 1891 г.:

«Партия национализма имеет своей великой целью сохранить и развить силы и возможности исторически возникших японских национальных черт... Отличительной чертой партии национализма является то, что она не сходитя во взглядах со всеми остальными партиями, ставящими своей конечной целью организационное оформление конституционных принципов».

Эти взгляды были положены в основу деятельности возникших тогда организаций «Хосюкюсэйроха» и «Кокуминронха» («партия национализма»).

Однако позиция этих организаций не характерна для всего самурайства, в особенности в 70 и 80-х годах. Надо иметь в виду, что у правительства были весьма небольшие ресурсы для уступок требованиям самурайства, в частности для выполнения требований оппозиционного самурайства об активной завоевательной внешней политике. При таких условиях, несмотря на всю уступчивость правительства, трудно было достигнуть примирения с самурайской оппозицией. Поскольку Япония сама была в это время еще полуколонией крупных капиталистических держав, возможность ее внешней агрессии была конечно весьма ограничена. Ее завоевательные предприятия большей частью кончались провалом и служили только поводом для новых обвинений правительства в мягкотелости, нерешительности, капитуляции перед иностранцами и т. д. и следовательно—для новой активизации самурайской оппозиции.

В своей борьбе против правительства оппозиционные круги самурайства прибегали к двум противоположным методам действия, которые были подсказаны всей обстановкой в стране. С одной стороны, это были местные клановые восстания против центрального правительства. Возможность таких восстаний создавалась тем, что высшее дворянство ряда кланов было также отнесено от власти захватившими центральный государственный аппарат кланами и легко поддавалось поэтому влиянию своих самураев. Отметим происходившие под лозунгом необходимости наказания Кореи и борьбы с иностранцами самурайское восстание 1872 г., восстание 1874 г. клана Сага под руководством Ито,

¹ Ката, Анализ японского госсocialизма, Токно, 1932 г. (на японском языке).

вышедшего из правительства вследствие разногласия по корейскому вопросу, восстание клана Сацума в 1877 г. под руководством бывшего военного министра Сайго, также недовольного корейской политикой правительства, и т. д.

Когда клановые восстания в Японии стали невозможны в силу укрепления аппарата центральной власти, самураи переходят к террористическим актам, провокационным убийствам иностранцев для того, чтобы вызвать внешнеполитический конфликт, и к организации восстаний в Корее для того, чтобы создать повод к вмешательству Японии в корейские дела. В 1885 г. была сделана попытка вызвать восстание в Корее, в 1889 г. был убит министр просвещения Мори за дружественную к иностранцам политику, в том же году брошена бомба в министра иностранных дел Окума. Убийства и покушения на иностранцев, начавшиеся тотчас же после подписания неравноправных договоров, продолжались до 90-х годов (покушение в 1891 г. на Николая II во время его пребывания в Японии).

Одновременно значительные круги самурайства участвуют в конституционном движении, которое также рассматривается ими лишь как метод давления на правительство для активизации его иностранной политики.

Можно считать установленным, что костяком первых политических конституционных обществ в Японии были те же самураи. В роли агитаторов, организаторов, журналистов, выступавших с требованием конституции, они придали первым шагам конституционного движения тот элемент радикализма, который был совершенно несвойственен японской буржуазии, очень умеренно требовавшей очень умеренных реформ. Но они же ввели в высший принцип этого движения абсолютную беспринципность, ибо стоило правительству поманить пальцем кого-нибудь из этих «демократов», как он бросал свою партию и переходил на чиновничий пост. Так получалось, что вчерашние вожди массовых народных волнений под лозунгами конституции и руководители оппозиционного движения на завтра оказывались членами кабинета министров, получали графские титулы, потом снова перебегали в оппозицию и снова возвращались под крылышко правительства. В качестве примера достаточно привести имена Окума, Итагаки, Гото. Их более мелкие последователи превращались просто в наемные банды политических хулиганов, готовых обслуживать потребности любой партии, которая способна их оплачивать. Бывший секретарь британского посольства в Токио Гэббине очень красочно описывает эту систему.

«В ранние годы существования парламента выборы производились среди сцен насилия и беспорядка. Партийная полемика внутри и вне парламента производилась без всякого декораума и воздержанности, что было плохим предзнаменованием для будущей работы парламентских учрежде-

ний. Политические страсти разжигались партийной прессой, и новый класс политических хулиганов, называемых «соси», был готов вмешаться в любом месте, где его услуги понадобятся. Банды этих хулиганов, вооруженные дубинками, эскортировали популярных лидеров в палату по улицам столицы. В течение двух или трех наиболее бурных сессий помещение парламента представляло оригинальное зрелище отрядов жандармов и полиции перед лицом полчищ «соси»¹.

Эта профессия стала особенно необходимой с того времени, как начались регулярные выборы в парламент. Для очень многих самураев поддержка конституционной системы означала не что иное, как возможность применить свои силы в качестве «соси», выступая то на стороне правительственных, то на стороне оппозиционных партий.

Что самурайская оппозиция нисколько не отказывалась и от использования для влияния на аппарат власти японского лжеконституционализма, свидетельствует любопытный случай, рассказанный виконтом Миура на страницах японской прессы в день юбилея Тояма для возвеличения этого «национального героя». Миура рассказывает нам, что Тояма был одно время занят усиленными спекуляциями с Хоккайдосскими рудниками. Когда его спросили, какую цель преследует он этими финансовыми операциями, он ответил, что «собирается заработать 30 млн. иен и подкупить весь парламент для образования единой, большой общенациональной партии». Если это не удалось ему сделать, то, судя по рассказам его биографов, только потому, что он заработал на этой спекуляции лишь 750 тыс. иен, из которых он к тому же в первую очередь решил обеспечить самого себя².

Однако еще до того, как значительная часть самураев разуверилась в возможности успеха на путях «прямого действия» и выступила поэтому в роли «соси» и вождей лжеконституционного движения,—в среде самураев успел сложиться ряд тайных организаций, представлявших антииностранные настроения среди самурайства и его недовольство «медлительной и мягкотелой» политической властью.

Первыми, кто организационно оформил эти настроения, были Дзитаро Хираока и Мицура Тояма. Оба они происходят из среды самураев, были участниками движения за реставрацию Мейдзи, а затем боролись против нового правительства: первый—в рядах армии Сайго, второй—в армии клана Сага. Хираока был в 1877 г. взят в плен правительственными войсками и провел 1½ года в тюрьме, по выходе из которой отправился к себе на родину в Фукуока, где он встретился с Тояма и с примкнувшими к ним затем Хокадо Раппа и Синдо. В 1879 г. эта группа создала организацию, названную ими «Ген-йося», т. е. общество «Черного океана». Название это происходит от моря Генкай-Надо (залив

¹ I. H. Gubbins, *The Making of Modern Japan*, London, 1922, p. 202.

² A. Japanese Hero, «The Japan Chronicle».

северо-восточнее Фукуока), через которое надо переплыть, чтобы достигнуть Азиатского континента, т. е. тем самым указывалось, что цель общества заключается в развитии японской континентальной политики. Первоначально общество это преследовало чисто пропагандистские цели, влияние его было весьма ограничено, и существовало оно на скромную поддержку, которую мог оказывать ему сам Хираока, владевший угольными копями. Тем не менее уже в этот период общество смогло послать первых своих резидентов в Китай, Корею и на Формозу для ознакомления с тамошними условиями.

У нас нет прямых доказательств того, что общество «Ген-йося» участвовало в организации всех антииностранных волнений, убийств иностранцев и в других непосредственных антииностранных выступлениях 80-х годов. Однако весь характер деятельности этого общества свидетельствует, что оно было одним из важнейших центров самурайского национализма этой эпохи. И этого достаточно, чтобы понять роль этого общества как «прародителя» многочисленных, унаследовавших и развивавших эту идеологию организаций, стремившихся при помощи террора претворять эту идеологию в политическую практику.

Но по поводу ряда террористических покушений известно совершенно точно, что они были организованы «Ген-йося» или людьми, которые впоследствии играли руководящую роль в этом обществе. Так убийство в 1878 г. члена правительства князя Окуба было совершено группой молодых самураев, лично связанных с Тояма. Тояма организовал также ту группу террористов, которая в 1889 г. бросила бомбу в министра иностранных дел Окума. В первые годы своего существования общество «Ген-йося» пыталось также непосредственно выступать в качестве организатора широкого «патриотического» движения, и Тояма был руководителем одной из крупнейших организаций патриотического общества «Айкокуся» на острове Кюсю, восстановленного в 1878 г. Однако позже, когда Тояма был приглашен вступить в патриотическое общество «Кокуминкиокай», он отказался от этого, и члены «Ген-йося» стали инспирировать работу патриотических обществ, оставаясь однако сами в тени.

Правительство, относившееся сначала безучастно к работе общества «Черного океана», заинтересовалось им тогда, когда Япония благодаря поддержке, оказываемой ей со стороны Англии, получила возможность активизировать свою политику на Азиатском континенте.

Историческая обстановка формирования японского национального государства сложилась так, что развиться в самостоятельное национальное государство и полностью освободиться от иностранного контроля и иностранных привилегий,—а это несомненно было насущным требованием буржуазного развития,—Япония смогла лишь при помощи своих побед над Китаем и затем над царской Россией, т. е. осуществляя требования самураев об агрессии в Азии. Именно эти великие во-

енные победы обеспечили ей самостоятельное национальное развитие. Но это говорит, разумеется, не о том, что самураи были подлинными представителями национально-освободительных тенденций в Японии, а о том, что эпоха борьбы за собственное национальное освобождение и эпоха борьбы за национальное порабощение своих соседей не только были чрезвычайно сближены в Японии, но перекрыли одна другую. В результате японо-китайской войны в 1895 г. Япония получает право экстерриториальности в Китае, в то время когда иностранцы еще имеют такие же права экстерриториальности в самой Японии. Какова же была в данном случае позиция Японской буржуазии?

Всегда и во всех странах мира буржуазный национализм даже в эпоху своего самого высокого освободительного пафоса связан с признанием «национальной исключительности» (Ленин), которое впоследствии выливается в форму признания своей нации «образцовой нацией» или «нацией, обладающей исключительным правом на государственное строительство» (Ленин). Таким образом стремление к экспансии может иметь место и действительно имеет место исторически даже на самых ранних этапах освободительной борьбы национальной буржуазии. Но тем более верно это по отношению к японской буржуазии, которая была слишком слаба в рамках своей страны, слишком стеснена в своем развитии господством феодальных пережитков внутри Японии, слишком запоздала с выходом на мировую историческую арену, чтобы твердо надеяться, что она сможет померяться силами с находящимися в зените своего могущества капиталистическими странами Европы и Америки. Нужна была очень небольшая «помощь» извне, чтобы основные группы господствующих классов Японии, в том числе и подавляющая часть японской буржуазии, приняли внешне-политическую программу оппозиционного самурайства, пошли на компромисс с сильными капиталистическими государствами. Они пошли даже в услужение империалистам в деле порабощения слабых азиатских народов и, вываривая себе за эти услуги ту или иную мзду, богатели за счет грабежа за рубежом. За счет этих богатств они откупались как от своих союзников-феодалов, так и от тех иностранных держав, которые продолжали еще грабить саму Японию. И этот «толчок со стороны» пришел очень быстро в виде изменения дальневосточной политики Англии.

Глава вторая

ПЕРЕХОД НА ПУТЬ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЗАХВАТОВ

Когда в 1847 г. японцы попытались захватить Формозу, чтобы успокоить самурайскую оппозицию, Англия заставила их вернуть Формозу Китаю. Но к середине 90-х годов положение изменилось. Стремление к новым колониальным захватам к этому времени чрезвычайно окрепло в Англии, между тем в Азии начинали вырисовываться контуры грядущих осложнений, которые могли превратиться в серьезнейшие препятствия для целей английской политики. Это было, во-первых, укрепление царской России и САСШ на берегах Тихого океана и появление нового империалистического конкурента—Германии, с другой стороны, в самом Китае обстановка начала складываться таким образом, что создавалась угроза повторения в ближайшем будущем тайпинского восстания на новой и более высокой основе.

Это осложнение обстановки в Азии, происходившее в то время, когда у англичан руки были связаны в других частях света, заставило Англию начать подыскивать для себя в самой Азии союзников. Вступившая уже на путь европейских преобразований и жаждавшая военных подвигов Япония могла быть использована в этом направлении. Англия решает заключить с Японией условный договор, который должен вступить окончательно в силу через несколько лет, в том случае, если Япония будет выполнять взятые на себя обязательства. Как известно, японо-китайская война началась через две недели после подписания англо-японского договора 1894 г., известно также, что в числе уступок, которых добилась Япония у Китая по Симоносекскому договору, фигурируют такие пункты, как открытие для иностранцев ряда портов в бассейне верхнего течения р. Янцзы, в которых японцы тогда мало были заинтересованы, но зато очень были заинтересованы англичане; фигурирует право для иностранцев открывать промышленные предприятия в Китае, в чем также еще не были заинтересованы японцы, но чего усиленно добивались англичане.

Хотя формально японо-английский союз был заключен только в 1902 г., одних этих фактов все же достаточно, чтобы понять, что японо-китайская война была со стороны Японии не только методом укрепиться за счет ограбления соседей для борьбы за

свое собственное национальное раскрепощение, но была уже и прямым включением Японии в ряды тех хищников, которые смотрят на Китай, «как на кусок добычи, которую будут рвать японцы, англичане, немцы и т. д.» (Ленин). В обмен за эти услуги Япония добилась от англичан в 1899 г. англо-японского договора об отмене консульской юрисдикции, за которым последовали аналогичные договоры с другими державами. Принимая в 1900 г. участие в подавлении боксерского восстания в Китае, Япония уже окончательно демонстрировала свою способность к участию в империалистических союзах. 1904/05 г. (победа над царской Россией) сделал это бесспорным. Можно поэтому согласиться с Гаусгофером, когда он говорит, что:

«Если в 1895 г. японо-китайская война принесла с собой для Японии значение великой державы на ограниченном участке земли, если участие в 1900 г. в боксерской экспедиции принесло с собою для Японии возможность заключения союзов за рамками Азии, то победа над Россией в 1905 г. принесла Японии значение мировой державы»¹.

В результате японо-китайской войны в самой Японии чрезвычайно окрепли aggressively-империалистические тенденции.

Эту эволюцию можно понять в связи с процессами, происходившими в экономической структуре самой Японии, ибо только эти процессы объясняют ее в полной мере и вскрывают нам, какие социальные функции выполняла японская агрессия на континенте в ту эпоху и чьи интересы в связи с этим обслуживали организации типа «Черного океана». Японская буржуазия с первых же своих шагов оказалась хорошим союзником феодально-самурайской военщины. Буржуазия присоединила к милитаристическому пылу японских генералов свою готовность к захватам как к средству ускорения первоначального капиталистического накопления, тормозившегося малой емкостью внутренних рынков самой Японии. Но если эта потребность все новых и новых захватов в дальнейшем стала для японской буржуазии абсолютной необходимостью, то уже не только потому, что «аппетит у нее увеличивался по мере еды», и не только потому, что она была связана со своими полуфеодальными союзниками, но и потому, что после десятилетия, лежащего между японо-китайской войной и японо-русской войной, японский капитал стал быстро перестраиваться, вступая в новый империалистический этап своего развития.

Было бы однако неправильно считать, как это делают некоторые авторы, что переход японской буржуазии в тесном сотрудничестве с военно-феодальной бюрократией (добавим: и под политическим руководством последней) к активной захватнической политике на континенте с первых же шагов этой агрессии объясняется вступлением японского капитализма в фазу финан-

¹ К. Haushofer, Japan und die Japaner, 1923, Berlin, S. 120.

сового капитала и что исключительно потребностями финансового капитала и монополизированной крупной промышленности объясняется полностью дальнейший широкий размах японской колониальной агрессии.

В десятилетие, лежащее между японо-китайской и японо-русской войной (т. е. примерно 1892—1902 гг.), японский капитализм еще не приобрел характернейших черт эпохи финансового капитала. Более того, под него даже не была подведена сколько-нибудь серьезная база крупной промышленности. Не следует забывать, что даже через шесть лет после японо-китайской войны (в 1900 г.) в Японии из 7 171 промышленного предприятия только 2 388 пользовались механической силой и что общая мощность первичных двигателей японской промышленности едва достигала 90 тыс. лошадиных сил. Еще в 1903 г. импорт в Японию фабричного сырья и фабрикатов превосходил в стоимостном выражении японский экспорт фабрикатов почти в два раза. Из 232 млн. иен оплаченного капитала, вложенного в японское народное хозяйство накануне японо-китайской войны, только 22,3% приходилось на промышленность. В течение последующего десятилетия, т. е. к 1903 г., сумма вложенного в японское хозяйство оплаченного капитала резко увеличилась, достигнув 887 млн. иен, но доля капитала, вложенного в промышленность, упала до 19% этой суммы. Вложения в торговлю и банки превосходили почти в три раза вложения в промышленность: накопление капитала в банковском деле и торговле далеко опережало накопление капиталов в промышленности. Но и банки были мелкими и обладали ничтожными капиталами: 2 534 банка имели оплаченный капитал в 348 млн. иен, что дает в среднем 137 тыс. иен на каждый банк, и даже крупнейшие из них не играли еще роли центров, действительно контролирующих народное хозяйство страны. В 90-х годах только складывались современные крупнейшие банки: входил в силу банк Ясуда, были еще незначительны банки Ивакура, Мицуи и др. Японо-китайская война благодаря 350 млн. иен контрибуции, полученной от Китая, открытию новых китайских рынков, военным заказам промышленности и т. д. в огромной степени стимулировала капиталонакопление и быстрое промышленное развитие Японии, однако из приведенных выше цифр мы видим, что и через шесть лет после Симоносекского мира, т. е. накануне русско-японской войны, японский капитализм по своему удельному весу стоял на весьма низкой ступени развития. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что из 7 171 промышленного предприятия, которые существовали в 1900 г., 4 150 предприятий было в текстильной промышленности, и только она одна показала серьезные успехи (в ней было уже около миллиона веретен) сравнительно с другими областями промышленности.

Чем же в таком случае объяснялась тяга к колониальной экспансии со стороны японской буржуазии в 90-х и половине

900-х годов? Не высокой степенью развития японской промышленности, не тем, что в стране уже сложился современный финансовый капитал, а чрезвычайной отсталостью всех других отраслей японского народного хозяйства и всей классовой структуры страны, что ограничивало развитие даже ничтожной тогда японской промышленности внутри Японии, обуславливая развитие японского капитализма не вглубь, а вширь. К японскому капитализму этой эпохи в известной степени применимо то же, что Ленин писал о русском капитализме 90-х годов:

«Расширение внутреннего рынка задерживается многими обстоятельствами (главным образом сохранением устарелых учреждений, задерживающих развитие земледельческого капитализма), и фабриканты не станут, конечно, ждать, чтобы другие отрасли народного хозяйства догнали в своем капиталистическом развитии текстильную индустрию. Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны».

Поскольку компромисс, заключенный с феодалами, не позволял японской буржуазии разрушить средневековый строй в сельском хозяйстве (а вскоре она и сама территориализовалась, т. е. приобщилась к феодальному землевладению), она в дальнейшем приспособилась к этому строю и нашла в новых колониальных захватах средство ослабить остроту противоречия между начавшей быстро расти крупной индустрией и сохранением феодальных пережитков во всем народном хозяйстве страны.

Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отодвигаются вследствие того, что капитализм может легко развиваться вширь (Ленин). Поиски путей «развития вширь» и были причиной, подтолкнувшей японскую буржуазию так рано на путь колониальной экспансии. В дальнейшем (приблизительно с эпохи русско-японской войны) сдвиги, наметившиеся в японском народном хозяйстве, приобретают уже такое значение и такой удельный вес, что позволяют нам говорить о вступлении японского капитализма в фазу финансового капитала. Однако и тогда, как мы это покажем ниже, мы не имеем дела с чистой формой финансового капитала.

Таким образом когда мы говорим, что эпоха национально-освободительной борьбы в Японии не только сомкнута с эпохой колониальных захватов, но и перекрыта ею, то эти явления в области политики тесно связаны с параллельными им процессами в области экономики, базируются на них. Впрочем, как это часто бывает, политика на отдельных этапах забежала вперед экономики, однако только для того, чтобы тенденции, уже обозначив-

шиеся в экономике, получили свое более полное и быстрое развитие.

Для нас важно однако здесь отметить, что 1894—1904 гг. были переломными для политики господствующих классов Японии. В это десятилетие начал определяться, для того чтобы найти в дальнейшем свое полное оформление, агрессивный военно-феодальный тип японского империализма.

Тем самым снижались однако актуальность и острота разногласий как между буржуазными партиями и правительством, так и между «патриотическим» движением и правительством. Буржуазные круги, несмотря на то, что позже (в 1906—1908 гг.) их противоречия с помещиками в связи с вопросом о сельскохозяйственных пошлинах, ценах на хлеб и картельных ценах на промышленные товары стали опять обостряться, в основном стали однако прочно на позиции признания нерушимости компромисса с феодалами, признания и поддержки военной монархии, своим мечом расчищавшей путь для японского капитала на континент. Тем самым отпала необходимость противопоставления конституционных лозунгов клановым правительствам и монархической бюрократии, форсировался процесс политического слияния буржуазных и помещичьих организаций, и буржуазно-помещичьи политические партии, несмотря на всю их взаимную грызню, стали вполне приемлемым орудием сотрудничества капитала, полуфеодального землевладения и венчавшей эту систему военно-полицейской монархии. Период «борьбы за конституцию» отошел в прошлое. «Конституция» 1889 г. явилась достойным оформлением сложившегося классового союза.

Но еще меньше оснований для выражений своего недовольства имели «патриотические организации», сложившиеся в период самурайской оппозиции пореформенному правительству. Быстрое развитие капитализма в десятилетие 1894—1904 гг. способствовало растворению самураев как отдельного сословия в общей массе населения. Часть из них осела в деревне в качестве мелких помещиков, другие были втянуты в промышленность, создали кадры технической интеллигенции, заняли чиновничьи должности в значительно расширившемся государственном аппарате и наконец пополнили офицерский корпус реорганизованной японской армии. Проблема самурайства как социальная проблема потеряла вообще свою остроту. Правильнее даже будет сказать, что самурайство перестало существовать. То, что осталось от него,—кадры воспитанных в духе зоологического великодержавного шовинизма профессиональных политиков и политиканствующих хулиганов вполне могли теперь сотрудничать с правительством.

Что же представляло собой в этот период японское правительство?

«Уже перед войной с Китаем,—пишет цитированный уже нами Гэбинс,—что-то очень близкое к милитаристическому

духу стало заметно в административных кругах. Знаменательный успех, достигнутый в ходе этой кампании армией и флотом, способствовал дальнейшему росту этого духа. Всем внимательным наблюдателям стало ясно, что отныне существование военной партии в стране становится фактором, с которым нужно считаться при любой оценке будущего курса японской политики. Ведущие представители этой милитаристической политики находились конечно в среде армейских и морских офицеров, но их взгляды разделялись и теми японскими государственными деятелями, которые принимали активное участие в военных реформах, теми, чьи декларации в иностранной политике временами окрашивались тонами шовинизма, углублявшегося по мере усиления внешнеполитической мощи Японии, и частью японской прессы»¹.

И действительно в 1895 г. маршал Ямагата проводит закон о том, что военный и морской министры могут назначаться только из состава армии и флота, и тем самым отдает судьбу любого кабинета в руки военщины. «Конституционная» буржуазия послушно склоняется перед маршальским салогом. «Патриоты» торжествуют победу. Сотрудничество всех групп и фракций господствующих классов Японии в деле колониальной агрессии было обеспечено.

Это не значит, что не происходит столкновений и споров о направлении этой агрессии, ее темпах, ближайших противниках и т. д. Одни группы господствующих классов тянут больше в сторону Центрального и Южного Китая и тихоокеанских островов, т. е. в сторону рынков сбыта и областей сырья для легкой промышленности, и соответственно этому заостряют вопрос о господстве на море и неизбежности борьбы против САСШ. Другие ищут сближения с САСШ и стремятся направить японскую агрессию в сторону северо-западного Китая, т. е. к источникам топлива и минерального сырья для тяжелой промышленности. Военное министерство склонно больше поддерживать вторую группу, а морское министерство — первую группу. Разногласия эти имеют большую давность и восходят в сущности еще к тем временам, когда маршал Ямагата в начале 900-х годов стоял за заключение союза с Англией и подготовку к войне с Россией, а Ито считал необходимым заключение союза с Россией и развитие экспансии в сторону Тихого океана. Но во всяком случае после русско-японской войны освоение Южной Манчжурии и Квантунской области оказалось выгодным не только преимущественно для тяжелой, но и легкой промышленности, и к тому же оно сопровождалось постепенным расширением влияния и в Центральном Китае (хотя оно до мировой войны и наталкивалось на очень упорное сопротивление могущественных империалистических дер-

¹ J. H. Gebbins, *The Making of Modern Japan*, London, 1922, p. 223—224.

жав), что давало огромные доходы легкой промышленности и судоходству. Нет во всяком случае основания для того, чтобы конструировать два якобы противоположных и враждебных друг другу в ту эпоху направления в японской агрессии и приписывать одному из них отрицательное, а другому положительное значение, как это делает Гаузофер.

«Японской деятельностью на северо-западе,—пишет он,—руководило не желание захватов, а глубокое стремление распространить свое покровительство на незаселенные области и удержат в стороне от них жаждущие захватов мощные капиталистические англо-саксонские державы. Эти народные чувства и формирующаяся по мере демократизации государственного строя национальная воля во внешней политике всегда конечно будут иметь и обратную сторону—«Ura-Nippon», рассчитывая на большую выгодность окружить Японию беззащитными и зависящими от нее буферными государствами или бессильными на море в хозяйственном и политическом отношении соседями. Но лицевая сторона этого народного духа—«Omotte-Nippon» обращается в сторону Тихого океана. Народный инстинкт не дает искусственно отвлечь себя в сторону наименьшего сопротивления, а толкает и манит политику государства в сторону юга и юго-востока, ища только безболезненного сближения, возможно-стей сбыта, новых источников сырья и т. д.»¹.

В действительности однако оба эти направления прекрасно уживались и дополняли одно другое. Стремление противопоставить их объясняется только вполне уместным в устах Гаузофера желанием изобразить дело так, будто помимо агрессивного захватнического империализма возможен еще империализм «народный», «мирный», «трудолюбивый» и невоинственный.

Важнейшая особенность японского империализма в том и состоит, что он вообще не прошел через стадию промышленного капитализма в том виде, как это имело место в Западной Европе или САСШ. В узкие рамки десятилетия между японо-китайской и русско-японской войнами было втиснуто и разрешение задач первоначального капиталистического накопления, и создание вчерне промышленной базы японского капитализма, и подготовка перехода к эпохе финансового капитала и империалистической политике. На основе победы в русско-японской войне этот переход уже оформился и произошла параллельно та внутренняя перестройка японского капитализма, которая ввела его в стадию финансового капитала. Где же было развиваться «либерализму эпохи промышленного капитала»?

Очевидно и японской буржуазии, так же как и полуфеодальным японским помещикам и военно-монархической бюрократии, объединявшей интересы этих двух классов, гораздо больше к

¹ К. Haushofer, Japan und die Japaner, S. 121.

лицу была поддержка самых агрессивных течений в области внешней политики.

Таким образом основатели общества «Черного океана», о котором речь шла выше, только предвосхитили на одно десятилетие лозунги, которые потом стали официальным курсом самого правительства. Это не могло не способствовать сближению между ними, облегченному еще тем, что укрепившемуся правительству больше не были страшны фрондирующие самураи, да и все сколько-нибудь влиятельные представители последних уже успели пристроиться к государственному пирогу. В 1889 г. правительство окончательно амнистировало всех участников восстания Сайго и возвратило их руководителям права на выкупные платежи за отнятые земли и рисовые пенсии. Общество «Черного океана» стало пользоваться негласной поддержкой со стороны правительства и смогло значительно увеличить количество своих агентов, работающих в Корее, Манчжурии и Китае.

Благодаря деятельности этого общества к моменту японо-китайской войны в распоряжении японского генштаба были подробные карты Кореи и Манчжурии, составленные резидентами общества, кадры подготовленных переводчиков и людей, знающих местные условия на театре войны, из среды членов общества. Особенно существенную помощь оказало общество японской армии тем, что члены его были связаны с руководителями корейской партии «Восточной школы» (Тонхак), возглавлявшей восстание в Корее в 1894 г. Восстание это было, как известно, широко использовано японцами как повод для вмешательства в корейские дела и наконец для начала войны против Китая. После Симоносекского мира, по которому Япония принуждена была вывести свои войска из Кореи, члены общества продолжали работу в Корее, связавшись с рядом претендовавших на власть высших групп корейской аристократии и подготавливая те события, которые привели впоследствии к оккупации Кореи Японией.

Во главе членов общества «Черного океана», ведших работу в Корее, стоял Уцидэ Риохей, организовавший для этого специальную группу («Тенюкиюдан» («Небесное спасение угнетенных»). Одновременно группа Уциды связалась с филиппинским национально-освободительным движением, и от этой группы в 1892—1893 гг. на Филиппины ездил член общества «Черного океана» Нагано. Как известно, японо-китайская война принесла Японии 350-миллионную контрибуцию и власть над Формозой, но—что еще важнее—отмену тех неравноправных договоров, которые до этого времени еще существовали. Однако полностью японские притязания не были удовлетворены: по настоянию России, Франции и Германии Ляодунский полуостров, занятый во время войны японцами, был отдан обратно Китаю только для того, чтобы впоследствии быть захваченным русскими. Это был первый серьезный шаг к нарастанию враждебности между Японией и Россией. Подписание в 1896 г. договора о постройке КВЖД еще

более способствовало сгущению атмосферы. Наконец трения, возникшие между Россией и Японией в 1900 г. в связи с дележом добычи, доставшейся от подавления боксерского восстания, подлили еще масла в готовое вспыхнуть пламя. К этому времени Уцида Риохей уже пришел к выводу, что ближайшим противником, с которым придется столкнуться Японии, будет Россия. Он уже успел побывать в Петербурге, изучить русский язык и теперь концентрировал внимание своих сторонников на проблеме подготовки войны с Россией. В 1901 г. Уцида вместе с Сугияма, при содействии Тояма, создает общество «Кокурюкай» («Черного дракона»), что по-японски равнозначит «Обществу реки Амур», так как иероглифы названия этой реки означают «черный дракон». Этим названием конкретизировалась задача общества: подготовка войны с Россией, проводившей свою границу по Амуру. Общество «Кокурюкай» («Черного дракона») с первых же шагов развернуло значительно более широкую работу, чем его предшественник—общество «Ген-Йося» («Черного океана»).

Группа Уциды пригласила ко двору вождем военщины, и общество «Черного дракона» было превращено фактически в негласную заграничную агентуру военного министерства, к помощи которой прибегали всегда, когда государственной власти как таковой было неудобно в силу существующих договоров выполнять ту или иную неблагоприятную работу за рубежом. На первых этапах своей деятельности общество финансировалось домом Ясуда, имеющим большие интересы в Манчжурии, но вскоре оно полностью перешло на содержание военного министерства. Во всей своей работе общество пользовалось помощью ген. Танабе Ясуносукэ, ген. Гентаро Кондама и ген. Тэроуци (генерал-губернатор Кореи). Обществом была открыта в Токио школа русского языка, велась большая работа по составлению карт Сибири и русского Дальнего Востока. Сотни резидентов были посланы этим обществом в Приморье, Амурскую область и Забайкалье. Обществом велась и большая пропагандистская работа, и сам Уцида выступил в 1903 г. с книгой «О гибели России». Наибольшая активность была проявлена обществом уже в момент самой русско-японской войны: сам Уцида организовывал китайские хунхузские отряды, действовавшие против русских царских войск в Манчжурии, позже связался с эсерами (Азефом) и организовал для них отpravку парохода с оружием в Россию.

Параллельно общество «Черного дракона» развивало активность и в других странах. В течение ряда лет члены общества вели широкую работу в Китае, связываясь здесь с самыми разнообразными элементами, которые могли быть использованы для борьбы против империалистических держав, конкурировавших с Японией в Китае. В частности общество продолжительное время поддерживало связь с Сун Ят-сеном и его группой, и в 1911 г. Уцида организовал специальное тайное общество «Юринкай» для поддержки китайских революционных организаций.

С национальным движением на Филиппинах общество «Черного

дракона» было связано с начала 90-х годов. Во время восстания Агинальдо последний присылал в Японию своего представителя Хозэ, который получил с помощью общества «Черного дракона» оружие и группу инструкторов добровольцев, сражавшихся в рядах армии Агинальдо и уехавших с Филиппин только по требованию американского правительства. Участник движения Агинальдо ген. Рикарте после подавления восстания поселился в Японию, где поддерживал связь с обществом «Черного дракона».

В Британской Индии агенты общества «Черного дракона» связались также с различными националистическими группировками. Представитель одной из них Босс остался постоянно жить в Японии, работая в качестве члена «Черного дракона» среди индийских купцов и студентов, живших в Японии. Другой—Протап, высылки которого из Японии требовало английское посольство, был скрыт обществом «Черного дракона», затем тайно отправлен в Афганистан, где натурализовался, и приезжал затем уже в Японию в качестве сотрудника Амманула-хана. В Афганистан в 1925 г. с миссией от «Черного дракона» ездил также член этой организации Танаба, параллельно завязавший связи с различными тюркскими организациями в Центральной Азии. Надо сказать, что с различными деятелями мусульманского националистического движения общество «Черного дракона» было связано еще со времени русско-японской войны, надеясь использовать для борьбы с царской Россией 25 млн. мусульман России. Подготовка кадров для всей этой работы проводилась обществом «Черного дракона» в специальных школах иностранных языков в Токио и Осака, на различных курсах, организуемых вокруг этих школ, изданием соответствующей литературы и т. д. Наиболее сильные его организации имеются, помимо Токио и Осака, на острове Кюсю, где находится старый центр организации—Фукуока.

Программные установки этого общества носят ярко выраженный агрессивно-империалистический характер. Уже в момент организации это общество формулировало свои задачи в словах: «Шире развернуть национальную политику Японской империи с тем, чтобы пробудить народы Азии». Впоследствии эта пан-азиатская программа была детализирована в положениях: «Японцы—руководители развития азиатских народов», «Стремиться к расширению за море», «Станем народными солдатами, повинующимися высочайшим рескриптам и пылающими жаждой военных подвигов».

В настоящее время общество это проявляет наибольшую активность по линии подготовки войны против СССР: поддерживает тесную связь с атаманом Семеновым, с группой «сибирских автономистов» проф. Головачева, с белоэмигрантскими мусульманскими кругами во главе с Курбан Галиевым, ставит военное обучение монгольской аристократической молодежи в Барге, связано с бурятскими и якутскими белоэмигрантами, насаждает японскую резидентуру на советском Дальнем Востоке. Общество развивает очень широкую антисоветскую пропаганду, в частности против заключения пакта о ненападении.

Таким образом, развиваясь вместе с развитием японского империализма, движение, представленное обществами «Черного океана» и «Черного дракона», превратилось из выразителя оппозиционного самурайского шовинизма, корни которого лежали в непригодности этого феодального класса к капиталистическим условиям, в носителя агрессивных тенденций классового блока империалистической буржуазии и полуфеодальных помещиков и возглавляющей этот классовый блок военно-полицейской монархии. Это есть органическое следствие всех специфических особенностей развития японского капитализма, и экономически и политически неразрывно сросшегося с феодальными пережитками. В организациях вроде «Черного океана» и «Черного дракона», как «солнце в малой капле вод», отражается эта общая специфическая особенность японского военно-феодального империализма. Под этим знаком происходило в частности и все развитие общества «Черного дракона».

Общество это теснейшим образом связано сейчас со всеми господствующими классами Японии и со всем аппаратом власти японской монархии. Сам Уцида еще со времени своих связей с домом Ясуда очень близок к «деловым кругам». Во главе одного из крупнейших отделений общества—Осакского стоит видная фигура японского «делового» мира—Екудзо Иосида. Но в то же время основные связи общества идут по линии военщины. Без теснейшей органической связи с генштабом и министерством иностранных дел деятельность этого общества была бы невозможной. От прежних антиправительственных тенденций раннего периода общества «Черного океана» в работе общества «Черного дракона» не осталось конечно и следа. Вступление господствующих классов Японии на путь агрессивной, захватнической политики устранило почву для разногласий с кругами, подобными тем, кто объединялся обществом «Черного дракона», и последнее стало просто исполнительным органом военного министерства за рубежом Японии. Если общество продолжает существовать в тени, то не потому, что оно преследуется японскими властями, а исключительно потому, что членам его приходится работать за рубежом и потому им лучше не раскрывать себя. Когда в 1932 г. исполнился 77-летний юбилей Таяма, вся правительственная японская пресса чествовала его как национального героя, «народного генро» (старейшину), хранителя «ямато дамаси» (т. е. «японской морали»).

Общество «Черного дракона» не носит массового характера и во всей Японии объединяет не более 20 тыс. членов.

В качестве центров для создания легальных организаций великодержавно-националистического типа общества «Черного океана» и «Черного дракона» выступили уже в тот период, когда их собственное примирение с правительством и превращение в необходимые органы империалистической агрессии буржуазно-помещичьей Японии стало совершившимся фактом. Роль и место этих организаций вытекает из социальной эволюции, проделанной Японией после русско-японской войны.

Глава третья

ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОГО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Десятилетие, лежащее между русско-японской и мировой войной, принесло с собой дальнейший рост японской промышленности, увеличение ее удельного веса во всем народном хозяйстве и развитие концентрационных процессов в промышленности и в банковской системе, а также их взаимное сращение.

С 1900 по 1914 г. общая численность фабрично-заводских рабочих выросла с 388 тыс. до 1 086 тыс. человек. Общая мощность первичных двигателей в японской промышленности поднялась в 10 раз и достигла 1 млн. лошадиных сил. Стоимость японского экспорта увеличилась в три раза, капиталовложения в промышленность, торговлю, транспорт и банковское дело увеличились с 887 до 1983 млн. иен, причем доля промышленности в этой сумме поднялась с 19 до 42⁰/₀.

Процессы концентрации в промышленности видны из того, что в 1909 г. на один завод приходилось в среднем 28,3 рабочих, а в 1914 г.—31 рабочий, мощность двигателей на один завод в среднем поднялась за это же время с 22,8 до 40,6 лош. сил, на предприятиях, насчитывающих свыше 100 рабочих, работало в 1909 г. 43,5⁰/₀ всех рабочих, а в 1914 г.—48,6⁰/₀ всех рабочих¹.

Однако еще быстрее, чем этот рост и концентрация промышленной базы капитализма, происходили другие процессы, обусловленные тем, что развитие японского капитализма находило свой главнейший питательный источник в колониальной экспансии. Последняя становилась тем настоятельно необходимым, чем больше обострялось противоречие между ростом крупной индустрии и сохранением феодальных пережитков в стране. Более того: сама промышленность под влиянием этих факторов приобрела типические черты, определявшиеся тем, что она работала в первую очередь на колониальный рынок и на обслуживание военных нужд экспансии в Азию. Это нашло свое выражение в том, что за исключением военных отраслей вся тяжелая индустрия находилась в зачаточном состоянии, а доминирующее место попрежнему занимала текстиль-

¹ Uchida, The Industry and Trade in Japan, p. 16.

ная промышленность. Зависимость страны от ввоза иностранного промышленного оборудования была поэтому очень велика. Еще более велико было значение экспорта для всей промышленности, для платежного баланса страны, для курса ее валюты. Техническая отсталость промышленности компенсировалась чрезвычайно высоким уровнем эксплуатации рабочих, вербовавшихся из разоряемого феодальными поборами и капиталистическим рынком крестьянства, эксплуатации, невероятно жестокой. Господство феодальных отношений в сельском хозяйстве замедляло процесс капитало-накопления, создавало нужду в капиталах и поэтому суживало размеры экспорта капитала сравнительно с другими капиталистическими странами.

Таким образом сама капиталистическая промышленность носила на себе отпечаток того компромисса с феодализмом, которому она была обязана своим происхождением. Это однако не только не уменьшало, но, наоборот, увеличивало роль внешних рынков для нее и делало японскую буржуазию особенно агрессивной в вопросах внешней политики.

Сама организационная структура японского финансового капитала сложилась при прямом воздействии связи японской буржуазии с отечественным феодализмом и ее ранней ориентации на колониальную агрессию. Централизация капитала, увеличение роли банков, их сращение с промышленным капиталом и т. д. происходили не столько на базе соответствующей концентрации производства (т. е. не только под влиянием собственной логики капиталистического развития), сколько на основе связей с феодальными привилегиями, с колониальной агрессией. Достаточно перечислить все крупнейшие капиталистические объединения в Японии, которые стали приобретать свое выдающееся значение именно в этот период, а некоторые и раньше, чтобы убедиться в том, что их происхождение связано неразрывными узами с феодальным прошлым Японии и с феодальными пережитками ее новейшей структуры.

Крупнейший концерн Сумитомо уходит своими корнями в конец XVI в. Сибусава, глава «Первого банка», принадлежит к числу ближайших сотрудников сиогуната. Мицуки — бывший банкир владельцев князей и сиогуната; начало быстрому росту своего богатства в новейшее время этот дом положил благодаря тому, что получил буквально даром от правительства крупнейшие угольные копи, став на ряд лет монополистом в угольной промышленности. Даже капиталистические объединения, гордящиеся своим «демократическим» происхождением и считающие себя «детищем новой Японии», в действительности не имеют права на это звание: фирма Мицубиси вышла из торгово-транспортной компании, основанной в феодальную эпоху князем клана Тоса, и свое выдающееся положение в японском морском транспорте завоевала исключительно благодаря тому, что уже в 80-х годах получила от правительства монопольное право организации ряда линий и право взимать фрахты в серебре при обесценении иены. Мацуката раз-

вил свою предпринимательскую деятельность только благодаря связям с таким полуфеодальным институтом в госаппарате, как «совет старейших» («генро»); то же самое относится к «демократическим» концернам Асано и Окура, выросшим на русско-японской войне благодаря особому покровительству маршала Ямагата. Ясуда положил основу своего богатства меняльными операциями еще в столице сиогуната и богател затем на субсидировании русско-японской войны при содействии маршала Ямагата.

Концерн Кухара вырос также благодаря тому, что получил от правительства монопольное право поставки руды правительственным заводам Явата; от этих же заводов получал сталь для дальнейшей обработки по льготным ценам и затем по высоким ценам сбывал правительству готовую продукцию. Уже в новейшее время на подобных же операциях во время строительной горячки после землетрясения 1923 г. Кухара заработал 70 млн. иен. И даже в текстильной промышленности крупнейшие капиталистические объединения складывались не на базе предварительного роста и концентрации производства, а создавались сверху: достаточно указать на примеры Вада и Муто, которые, получив капитал от Мицуи, установили контроль над львиной долей японской текстильной промышленности в ту эпоху, когда она находилась еще на весьма невысоком уровне развития¹.

На этом фоне необычно ярко проявляются также и роль армии и значение колониальных завоеваний как источника накопления для капиталистических групп. Контрибуции, полученные в японо-китайской войне и в русско-японской (под видом уплаты расходов по содержанию русских военнопленных царское правительство выплатило Японии 200 млн. иен), полностью вливаются в промышленность в качестве субсидий от государства; железные дороги, захваченные в Манчжурии во время русско-японской войны, образуют основной капитал для совместных правительственных и частнокапиталистических предприятий; на этой войне вырастают концерны Асано и Окура, становится крупнейшей величиной концерн Ясуда².

Таким образом современные капиталистические монополии Японии либо прямо ведут свое происхождение от феодальных привилегий, либо выпестовывались в более позднюю эпоху полуфеодальным государством.

¹ Commercial Japan. Leadin; Business Interests Number. 1926.

² Совершенно правильную характеристику этого процесса дает бывший германский посол в Японии доктор В. Зольф: «Экономическое развитие Японии отмечено тремя войнами, к которым приводилось предшествующее поколение каждые 10 лет: японо-китайская война, русско-японская и мировая война. Вся экономическая и финансовая статистика Японии показывает, что каждая из этих войн клала конец безнадежной депрессии, вызванной сравнительно ничтожным развитием емкости домашнего рынка, и давала хозяйству страны новый толчок к капитализму». (Из речи на собрании Союза германского машиностроения. Цитируется по К. Moser, The Cotton Textile Industry).

Если в Европе монополии торгово-ростовщического капитала, тесно связанного с феодальными привилегиями (скажем, типа Фуггеров), были оттеснены и разрушены в эпоху промышленного капитала и новые монополии сложились уже на базе выделения крупных промышленных компаний и их слияния с новым банковским капиталом, то в Японии новейшие монополии финансового капитала являются прямыми продолжателями монополий эпохи торгово-ростовщического капитала и часто даже наследовали старые феодальные привилегии либо получили в том же порядке новые государственные привилегии. Организационная структура монополий японского финансового капитала отражает эту историческую особенность. Например то, что большинство всех этих капиталистических объединений было построено на принципе вертикальной, а не горизонтальной концентрации и при этом не как капиталистические анонимные общества, а как семейные или клановые объединения. А объяснялось это тем, что они выросли при ближайшей помощи государства в борьбе за внешние рынки и, пользуясь рядом государственных привилегий, сумели объединить в одних руках захваченные источники сырья в колониях, все стадии производства, аппарат транспортировки и заграничного сбыта своих товаров.

Так сложилась структура японских монополий, которые конечно тоже являются монополиями финансового капитала, но такими монополиями финансового капитала, которые неразрывными узами связаны с феодальными пережитками в хозяйстве и в политической надстройке Японии.

В области политической надстройки это историческое своеобразие сказалось в особой расстановке классов.

Переворот 1868 г. завершился компромиссом между поднимающейся буржуазией и умирающим феодальным классом. Фактически дворянство осталось у власти, как мы говорили уже выше. Не сразу, но все же очень быстро буржуазия примиряется с этим. Весь период, когда буржуазия активно, прибегала к более или менее радикальным методам, боролась за парламентаризм и против клановых правительств, обнимает в сущности не больше одного десятилетия: союз сторонников парламента был создан в 1880 г., «Либеральная партия» («Дзюкото») выступила с требованием гражданских свобод через год после этого; через два года, когда она была распущена правительством, она пыталась еще апеллировать к массам, а уже в 1891 г., с приходом к власти Ито, «радикализм» либералов линяет с катастрофической быстротой, и вскоре они оказываются совершенно прирученными. Они помирились на конституции, перед которой Булыгинская дума выглядит верхом демократического радикализма. Японский буржуазный радикализм оказался действительно бабочкой-однодневкой, не оставивши после себя никаких реальных завоеваний, никаких сколько-нибудь ощутимых традиций или следов.

Японская буржуазия должна была предпочесть худой мир с феодально-монархической бюрократией доброй ссоре с ней уже в силу того экономического компромисса, который был заключен между буржуазией и феодалами. Совершенно очевидно, что средства, необходимые для оплаты этого компромисса, до того как началась колониальная экспансия Японии, могли быть приобретены лишь путем чрезвычайно высокой нормы эксплуатации трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве и путем постоянно возрастающих налоговых тягот. Но это неизбежно создавало опасность нарастания социального недовольства и движений протеста со стороны трудящихся. Перед лицом такой опасности господствующие классы не могли позволить себе роскоши взаимной борьбы. И действительность очень быстро подтвердила эти опасения буржуазии: многочисленные крестьянские восстания и первая волна массовых забастовок в 1897 г. показали, что без помощи «твердой власти» буржуазии не удалось бы сохранить в промышленности установленные ею каторжные условия труда, а в деревне поддерживать полуфеодальный строй земельных отношений.

Но переход Японии к завоевательной политике на континенте в еще большей степени сплотил буржуазию, помещиков и монархическую бюрократию. Контрибуция, полученная от Китая в результате войны 1894—1895 гг., и открытие для японской торговли китайских рынков обеспечили огромные доходы господствующим классам. За счет китайского крестьянина японский фабрикант и японский помещик могли помириться друг с другом: здесь хватало на обоих. Японская буржуазия очень быстро поняла выгодность этой сделки, и в подготовке русско-японской войны 1904 г. в ее среде не было уже тех колебаний, которые еще имели место накануне 1894 г., когда парламент чинил препятствия при утверждении военных бюджетов. Колониальные сверхприбыли помогли буржуазии «откупаться» от притязаний помещиков и тогда (примерно за десятилетие до мировой войны), когда в Японии начали все сильнее сказываться признаки хронического отставания и кризиса в сельском хозяйстве, буржуазия смогла компенсировать помещиков установлением высоких тарифов на ввоз сельскохозяйственных продуктов, а бывшее результатом этого удорожание издержек производства в промышленности возместить за счет монопольных цен и главным образом за счет усиленной эксплуатации колониальной периферии. А тем самым и помещики заинтересовывались в усиленной колониальной экспансии.

Но японская буржуазия поняла также и то, что без «добрых отношений» с военным дворянством, без сильной монархической власти ей трудно будет вести страну от одной войны к другой, одерживать победы в этих войнах и удерживать плоды этих побед от «великих держав», ревниво оберегавших свое преимущественное право на грабеж азиатских колоний. Последнее обстоятельство также ни в коем случае не следует упускать из виду,

ибо, поскольку Япония (опять-таки в силу незавершенности буржуазной революции у себя, т. е. узости внутреннего рынка и сосредоточения всей полноты власти в руках военно-бюрократической монархии), как мы уже это показали, встала на путь империалистических захватов еще до того, как сама освободилась от всех следов зависимости, она зачастую принуждена была уступать плоды своих побед более сильным хищникам. Ленин очень тонко подметил еще в 1901 г., как «Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»¹.

Вот все эти причины и принуждали японскую буржуазию скромно держаться за стремя военно-бюрократической монархии. Буржуазия сама очень быстро вошла во вкус колониальных захватов и, по мере того как японский капитализм складывался в систему финансового капитала, дружно подгоняла военщину в походе за новыми победами и на континенте.

Другой важнейшей особенностью развития довоенной Японии был тот факт, что страна не потрясалась большими движениями протеста со стороны трудящихся масс, несмотря на тяготившее над ними двойное ярмо феодально-капиталистического гнета. Военные победы и последовавшее за ними проникновение на колониальные рынки создали условия для сравнительно быстрого развития японской промышленности. Разоряющаяся деревня обеспечивала для промышленности неисчерпаемый приток почти даровой рабочей силы женщин и детей. Фабрики превратились в проходной двор, который поглощал в один прием сотни тысяч крестьянских девушек, в течение двух-трех лет выжимал из них все соки, выбрасывал их обратно в деревни инвалидами — чахоточными, зараженными сифилисом и получал взамен их новые партии деревенской молодежи.

В таких условиях основная масса пролетариата не представляла собою чего-либо устойчивого, его состав постоянно менялся и был разжижен неграмотным крестьянством, беспомощными детьми и женщинами, работающими по принудительным для них контрактам. Та же узкая прослойка квалифицированных рабочих, которая нужна была в легкой промышленности (а в довоенной Японии была почти исключительно легкая и горнозаводская промышленность, где не требуется много квалифицированного труда), и рабочие военной промышленности могли быть сравнительно хорошо обеспечены за счет подачек из колониальных сверхприбылей.

К этому остается только добавить, что японский пролетариат не имел предшественника на революционном поприще в лице радикального буржуазно-демократического движения, традиции которого облегчили бы формирование пролетарской революционной

¹ Ленин, Уроки кризиса, Соч., т. IV, стр. 165, изд. 3-е.

партии. Вследствие сговора между буржуазией, феодальными помещиками и монархической бюрократией пролетариат не мог воспользоваться борьбой между этими группами для оформления своих собственных классовых требований, как это исторически было в других странах.

На этом фоне понятно, почему социалистическое движение в Японии, давшее первые ростки в 80 и 90-х годах, затем быстро пошло на убыль, а после победы Японии над Россией в 1904 г. замкнулось в очень узких кругах интеллигенции, почти совершенно лишенной связей с рабочей массой. Суровой полицейской реакции удавалось быстро и жестоко расправляться с отдельными революционными рабочими группами, когда они оформлялись, вопреки тем органическим трудностям, которые мы только что изложили.

Таким образом революционное движение трудящихся масс еще не сложилось в силу, которая могла бы угрожать основам монархии, а буржуазный радикализм исчерпал себя «конституционным» компромиссом. В стране царил покойствие. А где это спокойствие нарушалось, его жестоко и быстро восстанавливали: достаточно напомнить казнь Котоку в 1911 г.

Ни революция, ни движение за реформы не стояли в порядке дня. Народ безмолвствовал, придавленный сапогом маршала Ямагата, который оставался единственной действительной властью, олицетворявшей силу военно-монархической бюрократии, несмотря на всю пестроту сменявших друг друга министерских кабинетов.

Внимание агрессивных групп господствующих классов могло быть таким образом направлено на проблемы внешней политики, поскольку тыл их внутри страны был прикрыт компромиссом с буржуазией, очень быстро превратившейся в реакционную силу, и незрелостью массового движения. Более того: в эту сторону толкали энергию и внимание «патриотической молодежи» классовые интересы всех основных групп господствующих классов.

Рожденная этой спецификой японского империализма его высокая внешнеполитическая агрессивность определила и основное содержание деятельности возникших до мировой войны японских «патриотических» организаций, а именно то, что основные патриотические организации в довоенной Японии сосредоточивали почти полностью свое внимание на вопросах внешней политики и проявляли сравнительно меньшую активность в вопросах внутренней политики.

Почти все эти патриотические организации, выполнявшие пропагандистские и практически организационные внешнеполитические задачи, были связаны с обществом «Черного дракона». Во главе этих организаций стояла группа Тояма—Уцида—Сугияма, известная в политической жизни Японии под названием «фукуокская тройка».

Если общества «Черного океана» и «Черного дракона»¹ были исполнительными органами этой тройки, то их внутренним идеологическим центром стало созданное Тоямой общество «Ронинкай» (т. е. «Общество бродячих самураев»). Оно не носило массового характера, но объединяло ближайшие к Тояма активистские круги, сформировавшие идеологию пан-азиатизма. Это общество больше, чем общество «Черного дракона», старалось связать задачи патриотического движения со старыми традициями самурайства, что отразилось и на названии общества. Это однако никого не должно обманывать: конечно апелляция к старине свидетельствует об отсталости японского империализма, его тесной сращенности с феодальными пережитками. Вся эта самурайская мишура была и остается данью средневеково-азиатским чертам японского империализма. Тем не менее эти люди, одевавшие маску средневековых рыцарей, обслуживали уже не только потребности полуфеодальной реакции и военной бюрократии, но и потребности империалистической буржуазии, стремления к захватам финансового капитала.

Общество «Ронинкай» было очень активно в первые годы после мировой войны, ведя ожесточенную борьбу с либеральными течениями среди японской интеллигенции, и «прославилось» в частности яркой защитой идеи сибирской интервенции.

В статье, посвященной смерти известного японского либерала Иосино, «The Japan Chronicle», писала, что в 1918 г. «насильственный патриотизм концентрировался вокруг «Ронинкай», руководящими деятелями которого были М. Тояма, Р. Уцида, У. Огана и И. Сасаки—«король Монголии»².

Но наряду с организациями, связанными с обществом «Черного дракона», получили широкое развитие в течение двух десятилетий между японо-китайской и мировой войной легальные массовые патриотические организации. Это был патриотизм казенно-благонамеренный, который никогда не выражал недовольства медлительностью правительства, никого не «подталкивал», а взял на себя выполнение необходимых функций подготовки населения Японии к «службе отечеству», т. е. преимущественно занимался воспитанием широких кругов молодежи в великодержавном духе. Во главе этих организаций, как правило, стояли крупнейшие бюрократы, члены правительственных партий с их «августейшими

¹ Мы остановились выше подробно на описании обществ «Черного океана» и «Черного дракона» только потому, что эти общества продолжают существовать и по сегодняшний день, оставаясь организующим центром для определенного крыла современного японского великодержавного шовинизма, однако на описываемом здесь этапе существовало помимо этих двух обществ не малое количество аналогичных организаций. Хотя они не дожили до наших дней, но в свое время некоторые из них играли не меньшую роль, чем общества «Черного океана» и «Черного дракона». Описание деятельности некоторых из этих обществ, в частности в период между русско-японской и мировой войной, в европейской литературе читатели могут найти в работе К. Haushofer «Dai Nihon», Berlin, 1913, p. 320—323.

² «The Japan Chronicle», 21/II 1932.

покровителями», члены императорского дома и т. д. На главнейших из них здесь необходимо остановиться.

В 1895 г. в Киото было основано «Общество содействия военной доблести» («Дай Нихон Бутокукай») под председательством барона Оура, которое к 1910 г. имело уже 1650 тыс. членов и занималось патриотическим воспитанием и военно-спортивным обучением молодежи для армии; в его рядах работало значительное количество офицерства. Основными лозунгами его агитации было «возвеличение японского военного духа и объединение всей нации, спаянной вечными самурайскими традициями прошлого, вокруг священной особы императора».

Это общество сохранило свое значение и после мировой войны как важный центр монархической и великодержавной агитации. Центр общества находится в Киото. В 1928 г. оно насчитывало 2167 тыс. членов, а по данным 1931 г. — даже 2760 тыс. членов. Руководство обществом до последнего времени находилось в руках старого кланового генералитета. Последний председатель общества — сацумовец адмирал Ясиро.

К такому же типу организаций относится созданное уже в начале мировой войны (в 1915 г.) «Общество имени ген. Ноги» («Ноги-Ко»), насчитывающее 200 тыс. членов, преимущественно из бывших военных чиновников, участников войны 1904—1905 гг., и т. д. Менее массовый характер носит возникшее почти одновременно (в 1914 г.) «Общество основ государства» («Кокуцюкай»), насчитывающее 30 тыс. членов. Такой же характер общепатриотических организаций, также занятых монархической и великодержавной агитацией и связывающих свою работу с задачами подготовки молодежи для службы в армии, имеет находящийся под председательством принца Канина и взятый с 1893 г. на государственную субсидию «Национальный союз физической подготовки». Он стоит в центре 15 тыс. спортивных обществ, клубов, институтов и т. д., объединяющих в общей сложности, по данным 1929 г., 1128 тыс. членов.

Из юношеских организаций наибольшей популярностью пользуется «Японский союз молодежи» («Нихон Сейнендан»). Он ведет свое происхождение еще с феодальных времен от организаций самурайской молодежи и еще задолго до мировой войны насчитывал около 2 млн. членов. В союз этот принимается без всяких ограничений молодежь в возрасте от 13 до 25 лет. Союз проводит огромную культурно-просветительную работу, имеет свои «дома юношества», клубы, гостиницы, концертные залы, типографии, печатные органы, сеть самообразовательных кружков и т. д. Вся эта «культурно-просветительная» работа чрезвычайно густо пропитана, однако монархическим и шовинистическим содержанием, отраженным в основном лозунге союза: «Верность отечеству и самурайская доблесть». После мировой войны союз был широко использован для постановки допризывной военной подготовки молодежи, и совместными усилиями союза и «Союза резервистов» была создана широкая сеть «тренировочных площадок молодежи» («сей-

нен Кунрендзо»), на которых постоянно обучается более 1 млн. юношей. В ряде случаев члены союза привлекаются и к борьбе «на внутреннем фронте»: в состав муниципальных отрядов, борющихся с забастовками в качестве штрейкбрехеров, для разгона рабочих собраний и т. д. В 1931 г. число членов союза было 3 500 тыс. человек. В октябре 1927 г. в качестве параллельной организации был создан также «Союз молодых девушек», насчитывающий только в столичном округе 45 тыс. членов.

Отдельно от этого союза существует также организация бойскаутов Японии, созданная в 1921 г. и объединившая 280 местных отделений. Большое значение имеют также патриотические студенческие организации, существующие почти при каждом высшем учебном заведении и воспитывающие организаторов и бесчисленное количество агитаторов, ведущих деятельную борьбу с левыми течениями среди студенчества. В 1931 г. все правые студенческие организации объединились в «Лигу учащихся патриотов» («Айкоку Гакусей Ренмей») с целью проведения императорских принципов и строительства «истинной Японии».

В качестве орудия великодержавной и монархической пропаганды нельзя также недооценивать роли религиозных организаций. 60 существующих в Японии буддийских и 12 синтоистских сект обладают огромным разветвленным на самые глухие уголки страны аппаратом, базирующимся на 253 тысячах храмов, молелен и монастырей с целой армией жрецов и монахов¹. Государство широко использует этот аппарат, и в частности в целях борьбы с «опасными мыслями» среди молодежи специальными узаконениями со стороны правительства введено обязательное посещение военными и учащимися синтоистских часовен для культивирования «верноподданности императорскому дому, любви к родине и национального духа», — как гласит разъяснение министерства просвещения.

О широте влияния религиозной организации и о том, как используется это влияние в интересах господствующих классов, свидетельствует например следующий факт, рассказанный христианским миссионером, работающим в Японии:

«В храме «Ацута Дзингу» около Нагойи богослужения по случаю манчжурских событий в течение 3 дней (1—3 января 1932 г.) посетило 1 380 тыс. человек из всех слоев народа. Было продано амулетов на 6 600 иен. Другой знаменитый храм — «Счастливец богов» — тоже около Нагойи в 1 день посетило 1 300 тыс. человек, и 280 тыс. человек выписало амулеты по почте»².

Некоторые религиозные секты, в особенности «Тэнро», «Доин» и «Ницирен», особенно деятельно откликаются на текущие политические потребности господствующих классов и играют видную роль в проведении важнейших политических кампаний. В частности две первые секты проводят большую работу по внедрению

¹ Masaharu Anesaki, History of Japanese Religion, London, 1933, p. 40.

² Die Jinscha Frage im heutigen Japan. «Ostasiatische Rundschau», 1/II 1933.

японского влияния в Корее, Манчжурии, Монголии, Китае и на южных островах¹, а секта «Ницирен» сыграла видную роль и в так называемом «фашистском» террористическом движении последнего времени.

Секта «Ницирен» проявляет высокую активность во внешне-политических вопросах. Известно, что повод к возникновению шанхайских событий в начале 1932 г. был подан группой монахов этой секты, затеявших столкновение с китайцами, в результате которого кое-кто из этих монахов был убит китайской толпой. Руководители секты подняли после этого ожесточенную кампанию с требованием наказания виновных китайцев. В связи с манчжурским вопросом секта также организовала ряд больших политических выступлений. В настоящее время секта эта является одним из важных центров кампании против заключения пакта о ненападении с СССР. Недавно «Сицисо» — отдел секты «Ницирен» — выступил с непревзойденным по своей провокационной наглости анти-советским воззванием, которое под видом объявления на целую газетную страницу было помещено 17 января 1933 г. в руководящих японских газетах. В этом воззвании разбирается речь т. Сталина на январском пленуме ЦК в качестве доказательства агрессивности намерений СССР и вредности для Японии заключения с СССР пакта о ненападении. Советский союз обвиняется в нарушении договоров, в красной пропаганде, подготовке войны, организации в Японии экстремистских правых элементов с целью вызвать восстание справа, а затем воспользоваться им, и т. д. Японские капиталисты предупреждаются против переговоров с советами о концессиях в Приморье и Сахалине, так как это только приманка, и против переговоров о покупке КВЖД, так как она все равно разрушена².

Важнейшим орудием в руках монархии, наиболее действенным из всех, которые мы до сих пор перечислили, является «Союз японских резервистов» («Дзайю Гундзинкай»). Работе этого союза лидеры военных кругов всегда придавали исключительно серьезное значение, на оплату его аппарата и агитационно-просветительной, спортивной и военно-учебной работы тратились огромные средства, виднейшие генералы, выйдя в отставку, возглавляли местные отделения, либо различные секции этого союза.

¹ Религиозные организации особенно широко используются сейчас японским империализмом для проникновения во Внутреннюю Монголию. Известно, что Отаги, глава одной из крупнейших буддистских сект, по специальному заданию японского генштаба руководит работой среди ламаистского духовенства Внутренней Монголии. С этой целью в Ганьчжуэ на ассигнованные японским правительством средства строится новый монастырь. В «Мансю Нанпо» недавно было опубликовано заявление видного руководителя японского буддизма Хорикаси о том, что «японское командование придает большое значение вопросу об объединении монгольских ламайтов и японских буддистов». Для работы среди небуддистского населения Внутренней Монголии и Манчжурии (т. е. мусульман, конфуцианцев и др.) используется секта «Тенро».

² Секта «Ницирен» насчитывает в настоящее время 3 737 храмов, 9 тыс. проповедников и 1 400 тыс. последователей («Doctrines Organisation and Works of Nichiren Sect», «The Jap. Times» 1/X 1932).

Сама идея создания этого союза, его организационная структура, содержание и методы его работы находятся в прямом сочетании с некоторыми специфическими особенностями японской армии и того места, которое она занимала в государственном аппарате. Агрессивный характер японского военно-феодалного империализма наложил яркий отпечаток на систему подготовки населения к войне.

Ни в одной стране в мире военная тренировка молодежи во всей сети народного образования не занимает такого большого места, как в Японии. Нигде так старательно и всесторонне не культивируется «уважение и любовь» к армии. Нигде местная гражданская администрация в каждой деревне, уезде и т. д. не связана так тесно с армейским аппаратом, конкретно — с командованием той воинской части, которая укомплектовывается из населения данного района. За всеми уже отслужившими свой срок и числящимися теперь в резерве солдатами и офицерами полиция несет неустанный надзор, информируя командование той части, куда будут призваны в случае войны эти резервисты, об их «политическом и моральном состоянии».

Эта прочная связь между армией и гражданской администрацией, обеспечивающая влияние армии на население, облегчается тем обстоятельством, что сама японская армия построена по территориальному принципу: вся Япония разделена на ряд дивизионных округов, из которых получают постоянно свои контингенты расположенные в пределах этого округа дивизии. Каждый дивизионный округ делится еще на 4 полковых участка, так что вся страна разделена на 56 полковых участков. Благодаря всей этой системе, жизнь японца протекает в орбите наблюдения и воздействия армии с того момента, когда японец впервые садится на школьную скамью, и кончая временем, когда он становится уже дряхлым стариком. Все без исключения иностранные наблюдатели японской армии приходят к выводу, что в результате всей этой системы командному составу действительно удается следить за политическим состоянием своих теперешних, бывших и будущих солдат, а в ряде случаев удавалось устанавливать тесную связь и с семьями солдат (например родители посылали для своих детей, служащих в армии, деньги не иначе, как через командиров полков, с просьбой выдавать деньги на расходы их сыновьям в зависимости от их поведения).

После мировой войны эти «патриархальные» отношения были уже очень сильно подорваны ростом революционных настроений в широких массах населения, так что даже в аграрных округах влияние армии на население упало, не говоря уже о промышленных центрах, солдатские наборы из которых вносили из года в год совершенно новую струю в армию. Тем не менее система эта далеко не подорвана еще. Одним из основных устоев этой системы, обеспечивающим ее живучесть, является «Союз резервистов», выросший в чрезвычайно мощную организацию.

Уже в 1896 г. было создано «Общество помощи отбывшим воин-

скую повинность» («Гэйкоку Гундзин Годзиокай»), объединившее вскоре 550 тыс. человек из числа отслуживших свой срок солдат. Это общество вело преимущественно работу по распространению военных знаний среди населения. В 1910 г. на базе этого общества по инициативе маршала Тэрауци была создана новая массовая организация—«Союз резервистов» («Дзайго Гундзин Кай»), находившийся в руках генералитета из клана Циюсю (Тэрауци, Та-нака и др.). В 1914 г. в этот союз начали принимать также флотских резервистов, и внутри союза была перенесена тем самым старая борьба между кланами Циюсю и Сацума. В дальнейшем однако эта борьба потеряла свою актуальность и остроту. В настоящее время почетным председателем союза является принц Канин, старейшинами союза—маршалы Уэхара и Того, председателем союза—ген. С. Судзуки.

Союз имеет чрезвычайно разветвленную организацию. При каждом дивизионном округе имеется дивизионный отдел «Союза резервистов», во главе которого стоит генерал-майор, состоящий при штабе дивизии, советниками дивизионного отдела являются командир дивизии и губернатор. Далее идут полковые отделения во главе с начальниками полковых призывных участков, еще ниже—районные и городские отделы и наконец деревенские, заводские и железнодорожные подотделы и команды, во главе которых стоят уже не назначенные, а выборные начальники. Всех местных низовых ячеек «Союза резервистов» в настоящее время насчитывается 14 373 с 3 млн. членов¹. При «Союзе резервистов» имеется также и его юношеская секция.

«Союз резервистов» и его филиальные организации формально преследуют только одну цель: военная подготовка населения. Фактически однако выполнение этой цели возможно лишь в тесной связи с систематическим противодействием росту революционного движения, и союз поэтому всегда был важным центром монархической и шовинистической агитации в массах. С этой целью при нем создан отдел пропаганды, издающий огромное количество литературы, рассылающий свои лекторские группы по всей стране и т. д. Когда началось усиление крестьянского движения в деревнях, при союзе был создан арбитражный отдел для улаживания конфликтов между помещиками и арендаторами.

Во время сибирской интервенции союз вел широкую антисоветскую пропаганду и издавал огромное количество литературы, популяризирующей «общенациональные» цели интервенции. В 1929 г. союз издавал литературу, ставил лекции и т. д. на тему «советско-китайский конфликт и Япония». Огромную активность союз развил со времени Манчжурской оккупации 1931 г. Им издается серия «Материалов по манчжуро-монгольскому вопросу», по всей стране проводятся массовые собрания, разъясняю-

¹ По другим сведениям, число низовых ячеек (секций — «бункай») «Союза резервистов» — 13 619. Число членов союза: офицеров — 53 056, унгер-офицеров — 80 438, солдат — 2 633 139. (По статье полк. Мамамура «Исправление устава императорского союза запасных» в журнале «Кайкосякидзи» за апрель 1933 г.)

щие задачи Японии в Манчжурии, и т. д. Как известно, «Союз резервистов» является также основной опорой по проведению японской колонизации в Манчжурии. Парламентом отпущены специальные средства, а армией—оружие и инструктора, с помощью которых производится переселение резервистов в Манчжурию целыми отрядами. Каждый отряд колонистов приравнивается к батальону из 4 рот по 125 человек.

Эти массовые организации бесспорно сослужили большую службу японскому империализму в деле воспитания в великодержавном духе целого поколения японцев. В частности они создали питательную среду, послужили источником роста для нынешних так называемых фашистских организаций¹. Однако их массовость в новой обстановке, которая создалась после мировой войны, превратилась в их слабую сторону, ибо эта массовость была основана на том, что общества эти не ставили перед своими членами никаких острых внутренних социальных вопросов, а отвлекали их внимание к задачам «общенациональным». До той поры, пока внутренние классовые противоречия в стране не обострились, в этом не было нужды. Но когда—после мировой войны и Октябрьской революции в России—обстановка в стране изменилась, стало очевидным, что помимо этих массовых организаций с их всеобъемлющей «патриотической» и монархической идеологией нужно иметь более узкие, но более действенные организации, которые, работая внутри общепатриотического движения, могли бы подготовить объединенные в рядах этого движения чрезвычайно широкие кадры для защиты самих основ японской монархии.

Для разрешения этой задачи могли бы опять выступить общества «Черного океана» и «Черного дракона». Однако на практике их откровенно империалистическая программа, не дополненная лозунгами более близкими и понятными мелкобуржуазным массам, сделала эти организации, несмотря на всю их активность, верхушечными и замкнутыми, мало приспособленными к работе в массах, хотя эти общества и обладали мощным аппаратом, огромными финансовыми возможностями и широкими связями среди власти имущих. Обществам «Черного океана» и «Черного дракона» на настоящем этапе несомненно повредило то обстоятельство, что в вопросах внутренней политики они, как правило, до последнего времени не проявили большой активности, хотя всегда отличались консервативно-реакционной позицией. Это видно из кампании, проведенной в свое время обществом «Черного дракона» против демократической группы профессора Иосино в Токийском университете, и за удаление из редакции «Осака Асахи» ряда левых журналистов и т. д. Однако эти выступления относятся уже к послевоенной эпохе; до войны же основные японские

¹ «Союз резервистов» и «Союз молодежи»—это резерв японского фашизма,—правильно заметил один японский автор (в статье «Современная сила «Союза резервистов», «Кайдо», июль 1932 г.)

патриотические организации направляли свою энергию почти исключительно на борьбу за расширение внешней агрессии Японии.

Правда, существовал ряд «политических» банд, которые обслуживали потребности парламентских партий во время избирательных кампаний. Один иностранный автор не без сарказма писал недавно, что на месте военщины, которая сейчас выступает в роли работодателей для политических хулиганов, раньше выступали политические партии и что «насилие было всегда спутником японской политической жизни»¹.

Известны случаи, когда банды этих «соси» использовали и для разгона первых в истории японского рабочего движения социалистических организаций².

Наряду с этими кликами политических хулиганов («соси») существовали и шайки громил, полубандитские и штрейкбрехерские организации, состоящие на жаловании у отдельных фабрикантов или промышленных компаний, для борьбы с забастовками, объединяемые обычно под общим названием «Сагибо дудан».

Услуги всех этих элементов впоследствии еще понадобились реакционно-националистическим организациям, но выступить в качестве инициаторов создания таких организаций эти наемные банды конечно не могли.

Таким образом вся политическая обстановка предъявляла требование выживания новых групп, которые в большей степени были бы способны ориентироваться в вопросах внутренней борьбы в самой Японии и оказать господствующим классам содействие в деле торможения радикализации масс. Этим новым требованиям эпохи отвечали те сдвиги, которые происходили среди более молодого поколения «патриотического движения», выдвинувшегося после мировой войны и Октябрьской революции.

¹ «Rough Japanese Politics», «The New-York Times», 24/II 1933.

² Сен-Катаяма, К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии, «Коммунистический Интернационал» № 7—8 за 1933 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕАКЦИОННО-ШОВИНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ОТ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО КРИЗИСА 1929 г.

Глава первая

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПЕРИОД ВОЙНЫ И ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО КРИЗИСА

Возникновение реакционных организаций нового типа

Мировая война внесла существенные изменения в социальную структуру страны, и последствия этой войны способствовали такому обострению классовой борьбы в Японии, какое не имело места в течение всех предшествующих десятилетий ее пореформенного развития. Оказавшись в годы войны в выгодном положении на восточных рынках, Япония сумела благодаря огромным военным прибылям не только экспортировать большие капиталы за границу и накопить значительные валютные резервы, но и расширить все отрасли своего промышленного производства, торговли и финансовой системы. Капитал, вложенный в различные отрасли народного хозяйства Японии с 1913 по 1918 г., увеличился в 7 раз, в том числе в горной промышленности—в 20 раз, в обрабатывающей промышленности—в 5 раз, в пароходстве—в 6 раз, в торговле—в 14 раз, в банках—в 3 раза. Число фабричных предприятий за это же время увеличилось с 15 811 до 22 391, мощность их механических двигателей выросла почти в 2 раза, число рабочих на этих предприятиях поднялось с 916 тыс. до 1 410 тыс.¹. Наряду с дальнейшим быстрым ростом текстильной промышленности впервые получили значительное развитие отрасли тяжелой промышленности: металлургическая, машиностроительная, электротехническая, химическая. Таким образом страна сделала большие шаги вперед по пути индустриализации.

В годы войны, а в особенности на фоне послевоенного кризиса, усилился процесс концентрации производства и капитала, взаимного сращивания банковского и промышленного капиталов и складывания на этой основе мощных монополий финансового капитала. Вот несколько характерных цифр, иллюстрирующих этот процесс. В 1914 г. на каждые 1 тыс. рабочих на предприятиях, насчитывающих от 5 до 100 рабочих, было занято 514 человек, на пред-

¹ Все вышеприведенные цифры даются по книге «The Effect of the World war upon the Commerce and Industry», Vamasaki and G. Okawa, 1929 г., стр. 217—221.

приятях, насчитывающих от 100 до 500 рабочих, было занято 229 человек и на предприятиях, насчитывающих свыше 500 рабочих, было занято 257 человек. После мировой войны, в 1920 г., соответственно цифры эти изменились: на мелких предприятиях работало уже только 457 человек из каждой 1 тыс. рабочих, на средних—218, а на крупных предприятиях число работающих из каждой тысячи всех рабочих увеличилось до 325 человек. Количество лошадиных сил двигателей на 1 завод в среднем поднялось с 40 в 1914 г. до 71 в 1923 г.

Многие мелкие предприятия были поглощены более крупными во время войны, а в особенности во время послевоенного кризиса: с 1914 по 1929 г. было ликвидировано и слито предприятий с общим капиталом в 565 млн. иен, а в 1920—1921 гг. (в связи с кризисом)—на 765 млн. иен. Резко увеличилось во время войны количество акционерных обществ, окончательно ставших господствующей формой организации капитала. Происходил процесс концентрации банковского капитала. С 1913 по 1919 г. число банков упало с 1614 до 1344, а их оплаченный капитал увеличился с 390 млн. иен до 707 млн. иен. К моменту окончания послевоенного кризиса (т. е. в 1923 г.) 37,84 всей суммы банковских активов составляли облигации и акции, что указывает на очень значительное проникновение банков в сферу промышленности. Таким образом война, а в особенности послевоенный кризис дали мощный толчок развитию монополий финансового капитала.

«Картелирование и другие формы укрепления монопольного положения капитала,—говорит Ц. Иномата,—наблюдались еще перед мировой войной, но только во время кризиса (1920—1921 гг.) буржуазия начала усиленно искать способов приведения в порядок экономического положения, прибегая к различным формам монополии. В данное время уже более 25 отраслей производства оказались более или менее картелированными»¹.

Усилившееся за годы войны и послевоенного кризиса обнищание масс и обратный процесс усиления мощи монополий финансового капитала означали усиление всех проявлений классовой дифференциации в стране и резкое углубление этой дифференциации.

Но тем сильнее ударил по ней послевоенный кризис, начавшийся в марте 1920 г., когда отпал специфический военный спрос и когда на восточные рынки, с одной стороны, вернулись устраненные во время войны конкуренты (Англия, САСШ и т. д.), а с другой стороны, выступила развившаяся за время войны молодая промышленность колониальных стран. Выросший производственный аппарат японской промышленности и транспорта оказался

¹ Ц. Иномата, *Монополистический капитал Японии* (на японском языке), Токио, 1932 г. Вышеприведенные цифры взяты на основании подсчетов, сделанных также по материалам этой книги.

перед лицом суженных внешних рынков, в то время как внутренний рынок за годы войны очень слабо расширился в силу резкого отставания сельского хозяйства от промышленности и той усиленной эксплуатации, которой подвергались рабочие за годы войны. Война создала еще большее расхождение ножиц между сельскохозяйственными и промышленными ценами, форсировав тем самым разорение низших групп деревни, создав также расхождение между розничными ценами на предметы потребления и заработной платой, резко снижая тем самым жизненный уровень рабочего класса¹. Наряду со скандальным ростом военных прибылей господствующих классов это обнищание масс особенно бросалось в глаза и было еще усилено быстрым ростом безработицы, начавшимся вскоре после войны вследствие падения экспорта. В этих условиях никакие полицейские и цензурные рогадки не могли предотвратить революционизирующего влияния на рабочий класс и передовые слои крестьянской бедноты вестей об Октябрьском перевороте и последующих событиях в России. Да и сам японский рабочий класс за время войны увеличился численно, консолидировался, сложились более широкие кадры постоянных рабочих.

Таковы были причины, обусловившие послевоенный революционный подъем в Японии. Рисовые бунты 1918 г., охватившие почти всю страну, подняли на ноги миллионы крестьян; со своими особыми требованиями выступили крестьяне-арендаторы; резко увеличилось количество стачечников в стране, оформились первые массовые профессиональные организации рабочих, охватившие к 1920 г. более 100 тыс. рабочих. Под давлением масс даже самые пружинные реформисты принуждены были войти в возникшую для борьбы единым фронтом против капитала «Лигу профсоюзов». Оформились первые ячейки коммунистической партии. Лево-радикальные течения охватили значительные круги интеллигентской молодежи. Возникли левые студенческие организации. С огромной быстротой нарастали силы, которые могли рано или поздно потрясти до основания и в конце концов разрушить все здание военно-полицейской монархии, весь социальный строй буржуазно-помещичьей Японии.

Эти грозные симптомы во внутренней политической обстановке сопровождались и ухудшением внешнеполитического положения Японии, приведшим в 1921 г. на Вашингтонской конференции к разрыву англо-японского союза, необходимости отказаться от ряда захватов, совершенных в Китае во время войны, примириться с англо-американским превосходством на море и наконец отозвать японские войска из Сибири, не добившись ни одной из тех целей, которые ставили перед собой японские империалисты, истратившие на интервенцию около 2 млрд. иен.

¹ Цены на различные промтовары выросли в этот период на 120—313% (а на основные сельскохозяйственные товары на 84—103%). Темп роста прожиточного индекса обогнал темп роста заработной платы в 4 раза.

В рядах «патриотического» движения вся эта обстановка не могла не наталкивать на ту мысль, что задачи дальнейшего распространения Японской империи за море, дальнейшей колониальной экспансии не выполнимы без предварительного укрепления самого базиса японского империализма, начавшего давать грозные трещины, без укрепления самой Японской империи и прежде всего военно-полицейской монархии, под ногами которой начинала явно колебаться почва. Важно однако не то, что в головах руководителей старого патриотического движения созрели эти мысли о новой тактике, ибо от этого еще немного изменилось бы, а важно то, что носителями этих новых идей выступили уже другие люди, представлявшие другие социальные слои, что сами эти новые идеи нашли для себя и новую базу и что вся обстановка должна была активизировать под знаком этих новых идей ряд социальных слоев, прослоек и групп, политическая активность которых на предыдущих этапах была весьма невысокой, либо направлялась в русло общей правительственной политики.

Этот перелом в развитии японского национализма рисует нам г. Зама в своей книге «Обозрение фашистского движения в Японии», представляющей собою скорее панегирик, чем критику реакционно-националистического движения, но не лишенной интереса с точки зрения фактического материала.

«Современные фашистские идеи,—пишет г. Зама,—возникли в период 1917—1918 гг., который был периодом не только изменения общественной обстановки, но также возникновения соответственно этому и новых идей. С одной стороны—движение сторонников социализма, базировавшихся на рабочем классе, а с другой—появление фашистских идей, отличающихся по своему содержанию от фашистских идей, существовавших до этого. Безусловно новые фашистские и национальные идеи были связаны и с наследием прошлых времен, но тем не менее их отличительной чертой было движение новых принципов в отношении государственного устройства».

«Идеи,—продолжает этот же автор в другом месте своей книги,—соответственно времени изменяются. На нынешнем этапе империализма национализм имеет миссию борьбы с социальными тенденциями, что в свою очередь не может не вызвать еще большего общественного движения. Для того чтобы сохранить руководство над оппозиционными большевизирующимися классами внутри страны, нужно выступать не просто под знаменем национализма, а, как того требует вся обстановка, выдвинуть лозунги национального социализма и государственного социализма. Это было отражено в требовании общественного переустройства. Прежний национализм и фашизм, старавшийся предварительно избавиться от иностранного влияния, был прежде всего антиевропеизм. В начальном периоде и конце правления «Мей-

дзи» (1868—1912 гг.), а также в первые годы правления «Тайсио» (1912 г.) мы можем констатировать наличие именно такого типа национализма и фашизма. Однако современный национализм требует прежде всего общественного переустройства. Конечно и современный фашизм в отношении идей старается главным образом использовать национализм и антиевропеизм, отвлекая внимание от внутренних вопросов на внешние—захват колоний и покорение соседних территорий,—желая этим путем исправить социальное положение рабочего класса. Но больше всего современный фашизм проповедует, что для рационализации промышленности и стабилизации капитализма нужны насильственное вмешательство в забастовки, ликвидация классовой борьбы и всех теорий примиренчества и соглашательства с рабочим классом и что повести это дело нужно так, чтобы рабочие союзы превратить в органы национального капитализма. В этом вопросе национализм опирается на фашистское влияние, в котором основой в вопросах политики служит централизация власти, а в экономике—так называемая плановая экономика».

В сущности, если говорить об этих новых задачах, связанных с внутренним положением в стране, то они были полностью осознаны и отражены в программных установках, в лозунгах националистических организаций лишь спустя известный промежуток времени после окончания войны. Но приток новых людей в патриотическое движение и коренные организационные перегруппировки в нем начались еще до того, когда эти задачи были осознаны и отражены в программных документах, как первая и непосредственная реакция на всколыхнувшие страну острые социальные и политические вопросы. Дело было следовательно не так, что новые идеи привлекли к себе новых людей, а так, что активизация новых слоев и приход их в движение принесли с собою новые идеи, сделали необходимой новую тактику. Что же это были за новые слои, пришедшие в движение, и кто выступил их организаторами?

Новые буржуазно-помещичьи реакционные организации

Первые попытки к созданию новых обществ с новыми задачами были сделаны самим правительством, находившимся тогда в руках буржуазно-помещичьей партии Сейюкай. Эта партия и в довоенные годы имела тесную связь с рядом патриотических обществ и проявляла еще большую активность в пропаганде идей пан-азиатизма, чем военно-бюрократические клановые правительства, стоявшие тогда у власти, что в частности отмечает в своей работе и Гаузгофер, искажая только, как это обычно свойственно ему, классовую основу этой «тяги в Азию». Но тогда не было нужды напрягать особые усилия для придания массового характера обществам, выступавшим за форсирование внешней агрессии.

Положение однако резко изменилось после войны, когда патриотическое движение должно было прежде всего противопоставить себя быстрому росту лево-радикальных, социалистических и коммунистических идей. Правительство Хара, находившееся у власти с октября 1918 г. по ноябрь 1921 г., и партия Сейюкай прибегли в то время к созданию патриотических обществ прежде всего как к средству противодействия зреющей революции. Среди первых организаций этого типа должно быть названо «Общество королевского пути» («Одогикай»), созданное в конце 1918 г. сейюкаевскими депутатами парламента Нода Юкаро— (бывш. министром путей сообщения в кабинете Хара), Исии Сабуро, маркизом Яманоуци и ген. Тацибана. Все эти лица близки, с одной стороны, к партии Сейюкай, с другой стороны—к правлению ЮМЖД. Общество это насчитывало 9 тыс. членов. В своей программе организация эта так формулировала свои цели:

1. Монархия, венчающая конституционную политику.
2. Воспитание честного характера, обеспечивающего торжество национальных идей.
3. Развитие расы «Ямато» (старинное название японцев.— *Ред.*) за границей.
4. Реорганизация административного аппарата и самоуправления на местах.
5. Поднятие индустрии и урегулирование вопроса об обороне страны.
6. Поднятие воинского духа и национальной репутации¹.

Программа этой организации представляет, как мы видим, довольно выпуклое и яркое соединение задач империалистической агрессии с задачами укрепления внутривластного базиса буржуазно-помещичьей монархии. Как на конкретную меру, которая должна укрепить аппарат государственной власти в борьбе с нараставшим массовым революционным движением, программа указывает на «реорганизацию административного аппарата и самоуправления на местах». Надо иметь в виду, что партия Сейюкай, тесно связанная не только с промышленниками, но и с помещиками, а до войны даже преимущественно с помещиками, еще в довоенные годы выставляла требование расширения прав местного самоуправления, что мыслилось, как увеличение роли представителей землевладения в провинциальной администрации. Тогда (в 1912 г.)

¹ Такой же характер, как «Одогикай», носила и возникавшая в то же время «Группа искренности правления Тайсио» («Тайсио Сакисиндан»), созданная Мори Кенни. Она провозглашала необходимость полного «объединения национального духа и подавления всех националистических идей, грозящих достоинству страны», но совершенно не противопоставляла себя существующему политическому режиму. Ее программа говорила поэтому о «спокойном развитии имперского конституционализма», «единстве всех партий» и т. д. Таким образом эта организация, так же как «Одогикай», еще не усвоила антипарламентских лозунгов. К этому же типу организации принадлежат «Общество надежд» («Кибося»), основанное также вскоре после войны Гото, и созданное в 1920 г. Уэхара «Общество государственных нравов»—«Кокуфукай»,—насчитывавшее 23 тыс. членов.

требование это было сформулировано главным образом ввиду резкого обострения аграрного кризиса, заставившего помещиков позаботиться об укреплении своего влияния в аппарате власти для изменения в выгодную для себя сторону налоговой и тарифной политики правительства. Конкретно требование это было связано с другим требованием партии Сейюкай: об увеличении пошлин на ввозные с.-х. продукты. Начало послевоенного кризиса опять активизировало эти стремления помещиков, обостряя борьбу между помещиками и капиталистами за долю в национальном доходе и присоединяя к этому старому мотиву необходимость организации для противодействия революции.

К этому же типу организаций принадлежит и основанное в октябре 1919 г. «Общество духа великой Японии» («Дайнихон Кокусуйкай»), с той однако существенной разницей, что оно в отличие от «Общества королевского пути» ориентируется больше на работу среди масс городских рабочих. Последнее стоит в прямой связи с тем, что стачечное и политическое движение городских рабочих в 1919 г., хотя и не носило уже такого массового размаха, как рисовые бунты 1918 г., но приобрело зато более четкий классовый характер. Организаторами этого общества выступали близкие к правительству Хара сейюкаевцы—нынешний президент партии Сейюкай Судзуки Кисабуро, его заместитель Накаясу Синсабуро, министр внутренних дел правительства Хара Таканами Такедзиро и генералы Кида Иносукэ и Сато. Во главе местных отделений общества были поставлены влиятельнейшие представители «делового» мира. Так главным директором столичной окружной организации общества был выдвинут маркиз Ито Уэхиро—по своему происхождению представитель крупнейшего владетельного дворянства, потомок даймио, а в настоящее время глава акционерного общества гидро-электрической компании и плательщик самого большого налога по Токио. Во главе Осакинского отделения общества был поставлен глава крупнейшей строительной фирмы Нагуци Эйджиро, и общество это охватило почти всех строительных подрядчиков в стране и старост («ояката») строительных артелей.

Центром своей агитации общество это сделало «гармонию труда и капитала» (или «взаимное сотрудничество капиталистов и рабочих, обеспечивающее благосостояние народа», как выражается программа общества), единение народа с императором, «поднятие в сознании людей почитания божества» и т. д. Требование внешней империалистической агрессии занимает в программе общества подчиненное место. На практике общество это специализировалось на погромах рабочих организаций, избиении стачечников, вербовке штрейкбрехеров и тому подобных подвигах. Это общество проявляло наибольшую активность именно в первые послевоенные годы, когда ему удалось развернуть свои местные организации во всех более или менее крупных промышленных центрах и довести количество своих членов до 120 тыс. человек. В 1922—1923 гг. оно отличилось кровавым избиением рабочего митинга в Киото,

разгоном митинга рудокопов в Явата и вмешательством в конфликт между крестьянами-арендаторами и фирмой Фудзитагуми.

Если руководителями местных ячеек и отделений общества являются большей частью старосты и подрядчики строительных артелей, то основная масса членов общества—это строительные рабочие, рабочие-сезонники, неквалифицированные рабочие на фабриках и заводах, люмпен-пролетарии, мелкие лавочники и торговцы в разнос и т. д. Установившаяся на этой основе прямая материальная зависимость членов общества от его руководителей—артельных старост и подрядчиков, от которых зависит подыскание работы, определение заработка и т. д., помогает поддерживать ту систему «патернализма», которая положена в основу организационной структуры общества и при которой руководитель местной ячейки считается как бы «отцом», указаниям которого должны беспрекословно следовать члены общества. В рядах «Кокусуйкая» нашли себе работу немало наемных громил, профессиональных хулиганов, бродяг и тому подобных деклассированных элементов. Имя «кокусуйкаевцев» было в это время широко известно в рабочих кварталах, как кличка самых ярых противников рабочего движения, пользовавшихся неизменной поддержкой со стороны полиции, которая возглавлялась министром внутренних дел, бывшим в то же время и инициатором этого общества. Любое убийство, избиение, грабеж и погром проходили для этого общества безнаказанно, если только жертвами этого дебоша были деятели рабочего движения. «Кокусуйкаевцы» специализировались также на борьбе против «Суйхэйся», выступившего на защиту неполноправной касты париев «Эта», и организовали по этому поводу целую серию громких скандалов и насилий.

По заказу своих нанимателей кокусуйкаевцы не гнушались и выполнением самых грязных денежных афер. Известен ряд случаев (например дело крупного концерна Исси), когда кокусуйкаевцы, будучи наняты банкротящимися фирмами, являлись в банки и к другим кредиторам этих фирм и принуждали их под угрозой насилия отказываться от своих денежных претензий к этим фирмам. Этот шантаж только очень поверхностно прикрывался разговорчиками о «защите промышленности от засилия банков».

Задачу борьбы с назревающей революцией в новой обстановке, сложившейся после мировой войны, вынуждены были взять на себя и организации Таяма—Уцида, до сих пор посвятившие свои силы почти исключительно зарубежным задачам японского империализма. Созданные ими общества носят характер откровенно черносотенный и в этом смысле ничем не отличаются от «Кокусуйкая». Из этих обществ здесь необходимо отметить «Дружину по борьбе с большевизацией великой Японии» («Дайнихон Сэкика Хасидан»). Она была основана в октябре 1922 г. Нонэмура Дзюн-пиро (член общества «Черного дракона»), а ее официальным руководителем был сам Уцида. Ее устав гласил:

«1. Большевики подрывают основы социального порядка и несут горести человечеству. Наша партия клянется до конца препятствовать развитию большевизма.

2. Тирания капиталистов и произвол богачей являются источниками и причинами развития радикальных идей. Мы будем жестоко и со всей силой выступать против капиталистов и богачей.

3. Рабочее движение издавна связано с социализмом и благодаря этому идет по ошибочному пути. Социализм прельщает рабочих. Наша партия будет стремиться к отрыву рабочих от социализма».

«Дружина» приобрела известность благодаря нескольким проведенным ею жестоким побоищам с забастовщиками и левыми организациями и благодаря шумным «патриотическим» скандалам, которые она учиняла по всякому поводу, в частности и против иностранных дипломатов, когда последние, по мнению руководителей «Дружины», относились с недостаточным уважением к Японии. «Дружина» эта однако широкого круга влияния не имела, и количество ее членов не превышало двух тысяч человек, из которых добрая половина была непосредственно на жалованьи либо у полиции, либо у отдельных предпринимателей. В ряде случаев «Дружина» выступала совместно с «Обществом духа великой Японии» («Кокусуйкай»).

Наконец в числе реакционно-националистических организаций, возникших вскоре после мировой войны и связанных с руководящими политическими буржуазно-помещичьими кругами, должно быть названо и «Кокухонся» («Общество государственных основ»), которому впоследствии суждено было стать центральной организацией всего лагеря японской реакции. Формально его организация и выступление на более широкую политическую арену относятся к периоду 1924—1926 гг., поэтому подробную характеристику этого общества мы дадим в связи с описанием реакционного движения на этапе, последовавшем за сентябрьским землетрясением 1923 г. Однако оно должно быть упомянуто уже здесь, ибо первые его шаги относятся к 1918 г.

В это время барон Хиранума в качестве главы Токийского университета поддерживал созданное проф. Уэсуги общество «Кококу Досикай», ставившее себе целью борьбу с левыми течениями среди студенчества. «Моя цель, — заявил тогда Хиранума, — не выпустить из стен этого заведения ни одного студента левое направления». В рядах общества «Кококу Досикай» выдвинулись два руководителя — Ота и Таканаучи. Совместно с ними Хиранума стал сколачивать группу, которая поставила себе целью распространение реакционно-националистической пропаганды и за стенами университета. Эта группа и явилась основой «Кокухонся», в которую были затем привлечены ряд деятелей патриотического движения и вожди самых разнообразных группировок консервативного лагеря. Сам Хиранума был уже в это время крупным

чиновником (председателем верховного суда) и имел широкие связи среди монархической бюрократии. По своим связям он был близок к партии Сейюкай, что однако не мешало ему занимать виднейшие бюрократические посты не только при сейюкаевских, но и при других правительствах. Идеология руководимой им группы была совершенно чужда каких бы то ни было кригических попыток по отношению к существующему политическому режиму, который принимался им целиком и с его основным военно-бюрократическим содержанием и с его декоративным лжепарламентским оформлением.

Ни критикой «продажных политических партий», ни лицемерной травлей «корыстолюбивых капиталистов» барон Хиранума не занимался: тогда еще это было не в моде. Он поставил себе более ограниченные цели—«воспитания национального духа и морали», и действительно группа его в первые годы после войны занята была преимущественно пропагандистской воспитательной работой, имевшей целью противодействовать росту левых настроений среди интеллигенции. Возможность широко использовать аппарат министерства юстиции, где он занимал виднейшие посты и прочные связи с сейюкаевскими политическими кругами и с «деловым миром» (скандальные процессы которых по случаю злостных банкротств, взяток и различных злоупотреблений время от времени приходилось разбирать «правосудию»), позволила барону Хиранума постепенно расширять круг своих сторонников и сколотить довольно значительную (преимущественно чиновничью) группу. Этим и ограничивалась роль барона Хиранума в националистическом движении в первые годы после мировой войны.

Эти непосредственно связанные с правительственными и буржуазно-помещичьими кругами реакционные общества несомненно сослужили ценную службу господствующим классам Японии в годы послевоенного революционного подъема, когда массовое движение приобрело широкий размах; но отсутствие прочных революционных организаций и отсутствие политического опыта у масс делало это движение стихийным и позволяло сравнительно легко подавлять его самыми примитивными способами: простыми погромами и избиением безоружных стачечников и крестьян и спекуляцией на живучести монархических идей среди отсталой части трудящихся и мелкой буржуазии. При дальнейшем усложнении политической обстановки в стране эти общества оказались однако мало приспособленными для выполнения своих задач. Правда, некоторые из них, как например общество «Кокусуйкай», еще сейчас представляют собой очень сильную организацию и часто используются полицией для борьбы со стачечниками и рабочими демонстрациями.

Наряду с ними как в 1920—1921 гг., так и в 1924—1925 гг. (т. е. в полосу второго послевоенного подъема рабочего движения) создавался ряд аналогичных по своему типу организаций, т. е. также руководимых непосредственно буржуазно-помещичьими политиками, но сумевших под давлением обстановки более удачно приноро-

виться к настроениям в остальных рабочих и мелкобуржуазных массах. Среди этих организаций следует назвать «Японское народно-трудовое общество» («Ямато Минрокай»), созданное в начале 1921 г. одним из уполномоченных «Кокусуйкай» — Фудзисиро Тенбо как параллельная организация. Эта организация развила довольно широкую деятельность, создавая вечерние школы для рабочих, благотворительные госпитали, юридическую консультацию и т. д. и организуя под прикрытием этой филантропии «благонамеренные» элементы для борьбы с революционным движением. Это общество также участвовало в подавлении стачечников на заводе Нода и в разгроме забастовки в газетном бюро Ивацуки и т. д. Одно время обществу с помощью полиции удалось развернуть довольно широкую работу, и оно насчитывало в Токио около 20 тыс. членов.

Непосредственно созданные буржуазно-помещичьими политиками реакционные политические организации продолжают играть по сей день важную роль. Но для большинства этих организаций остается все же характерным то, что состав их руководства и весь характер их агитации позволяют им выступать в роли «усмирителей» и «карателей», но не в роли лжевождей массового движения, т. е. взять на себя инициативу разложения массового движения изнутри, увлечь на путь реакции отсталые отряды массового движения. Между тем для господствующих классов именно эта тактическая задача становится наиболее ценной, по мере того как количественно и качественно растет массовое революционное движение рабочих и крестьян и к нему присоединяется обостряющееся недовольство мелкой буржуазии в городах.

Эти соображения, общие господствующим классам в целом, приобрели еще особое значение для буржуазно-помещичьих политических партий в послевоенные годы. Надо вспомнить, что под давлением массового движения правительство Хара принуждено было в 1919 г. провести через парламент закон о расширении избирательного права, согласно которому имущественный ценз для выборов в парламент был снижен, право выборов было теперь предоставлено платящим не менее 3 иен налога в год (раньше — не менее 10 иен) и число выборщиков в связи с этим повысилось с 1500 тыс. до 2860 тыс. человек. Надо было обеспечить теперь, чтобы эти новые массы выборщиков послушно пошлы за старым реакционным руководством, что было особенно нелегкой задачей, поскольку настроения недовольства охватывали широкие круги мелкой буржуазии.

Стоявшая у власти партия Сейюкай пыталась сначала справиться с этой задачей через свои собственные организации, как «Общество королевского пути» и «Общество духа великой Японии», не давая возможности мелкой буржуазии организоваться отдельно и не делая никаких даже чисто демагогических уступок ее требованиям. С этой целью в руководство созданных сейюкаевцами реакционных обществ было привлечено несколько политиков, влиятельных среди мелкобуржуазного студенчества, чиновничества, мелких помещиков и т. д., например

Окава Сюмэй в «Общество королевского пути», бывшие самураи Аояма Хироноси и Сино Синдзио в «Общество духа великой Японии». Однако вскоре выяснилось, что на этом сыгратся не удастся, и всерьез противодействовать массовому движению можно будет лишь в том случае, если реакционным идеологам мелкой буржуазии будет предоставлена возможность самостоятельного выступления перед массами.

Прежде всего это понимали они сами, проявляя все увеличивающуюся тягу к оформлению собственных организаций и к выставлению таких демагогических лозунгов, которые выглядели бы совершенно неправдоподобными в устах императорских министров, вождей буржуазно-помещичьих политических партий и крупнейших представителей промышленного капитала и землевладения, возглавлявших такие общества, как «Общество королевского пути» и «Общество духа великой Японии» и т. д. Необходимость встать на этот путь стала очевидной, когда в ряде городов начали возникать стихийно организации подобного типа, причудливо соединявшие смутные утопические идеи в экономической и социальной области со все еще популярной монархической идеологией. Если в одних случаях эти организации находились под влиянием уже хорошо известных правительству реакционных лидеров, вроде Инокичи Сабуро, создавшего центр своей «народно-патриотической» агитации в храме Оден, то в других случаях движение ускользало из-под правительственного контроля, несмотря на то, что оно продолжало еще облекаться в весьма реакционные формы. Как на пример такого движения можно указать на секту Омото-Кио, возникшую в 1918 г. и быстро объединившую сотни тысяч последователей в деревнях и среди низших слоев городской мелкой буржуазии под лозунгами ожидания воцарения на престоле микадо, нового Мессии, который устранил угнетающих народ капиталистов и бюрократов и установит всеобщее равенство и справедливость. Правительство разгромило эту секту полицейскими мерами, но это конечно не решило вопроса о руководстве радикализирующимися мелкобуржуазными массами. Таковы были те условия, которые заставляли правительство не только допустить, но и начать поощрять возникновение нового типа патриотических организаций. Были конечно группы либеральной буржуазии, которые надеялись овладеть положением с помощью обычных конституционных мер, считали важнейшей мерой осуществление избирательной реформы, которая приблизит их самих к руководству государственным аппаратом. Поскольку промышленная буржуазия значительно окрепла во время войны, эти настроения в ее среде были даже сильнее, чем в годы, непосредственно предшествовавшие войне. Но наряду с ними значительные группы буржуазии считали своевременным если не прямо содействовать, то во всяком случае примириться с дальнейшим ростом нового типа реакционно-патриотических обществ как с мерой, без которой само расширение избирательного права становится опасным.

Реакционные слои мелкой буржуазии и мелкие помещики. С. Окава, И. Кита, Н. Гондо

Оформление этого нового типа реакционно-националистических обществ питалось еще и теми условиями, которые создались после мировой войны для промежуточных социальных слоев в городах и для мелкого помещичьего землевладения. Наоборот, усилившийся гнет финансовых монополий ухудшил положение промежуточных социальных слоев, в то время как их численность за годы войны почти не изменилась.

В самом деле, и после мировой войны характерной чертой структуры японской промышленности осталось сохранение значительного слоя якобы самостоятельной мелкой промышленности, мелких кустарей и ремесленников и в то же время возросшая зависимость этих якобы самостоятельных мелких хозяйчиков от гнета финансовых монополий.

Несмотря на быстрое развитие крупной индустрии и интенсивный процесс концентрации в промышленности, судоходстве и торговле в период 1915—1920 гг., мелкая (и средняя) промышленность и торговля продолжают занимать выдающееся место в японской экономике.

Еще в 1928 г. 93% хлопчатобумажной ткацкой промышленности состояло из предприятий с числом станков до 10¹. При общем числе 624 тыс. ткацких станков имелось 40% ручных, т. е. 252 тыс. Из 185 631 шелкопрядильни в 1925 г. имелось 181 841 предприятие с числом бассейнов до 10². Таким образом и эта важнейшая отрасль японского народного хозяйства почти вся базируется на мелких и мельчайших предприятиях, правда, находящихся в ростовщической зависимости от крупных концернов (в особенности Мицуи), монополизирующих экспорт вырабатываемой продукции. Примерно так же обстоит дело и в шелкоткацкой промышленности. Так в важнейшем округе шелкоткачества (Киото), где сосредоточена одна шестая всего производства шелковых тканей, 60% членов ассоциации шелкопромышленников являются хозяевами предприятий с 1—2 станками, нанимающих 3—4 рабочих³. Орчард на основании официальной статистики указывает, что 49% всех рабочих в ткацкой (шелковой и хлопчатобумажной) промышленности заняты в предприятиях с числом рабочих до 5. О красильной и ситценабивной промышленности в районе Киото тот же исследователь сообщает, что «большинство предприятий являются мелкими, домашнего типа с 5—30 рабочими, а многие из них имеют всего 2—3 рабочих».

Исследуя огромную роль «патернализма» в японской промышленности, Орчард приходит к выводу, что «большая часть японской промышленности, вопреки развитию западной механи-

1 J. Orchard, Japan's Economic Position, p. 187.

2 «Japan Yearbook», 1931, p. 358.

3 J. Orchard, Japan's Economic Position, p. 186.

ческой индустрии за последние пятьдесят лет, попрежнему организована по этой феодальной системе. Почти все продукты для чисто японского потребления производятся в условиях домашней системы производства. Японская одежда делается в доме хозяина-портного, который может иметь от 12 до 100 рабочих, живущих под его крышей, из числа которых он только 10% платит какую-либо зарплату, остальные—ученики. То же самое относится и к столяру-резчику, лакировщику, производителям фонарей и циновок и ко многим тысячам мелких предприятий, которые производят предметы необходимости и роскоши японского быта»¹.

К этой несомненно правильной характеристике следует добавить, что в деревообделочной промышленности, по некоторым подсчетам, занято 189 тыс. рабочих, а в производстве циновок—120 тыс.

Роль и удельный вес мелкой промышленности в японской экономике выясняется также из следующих общих цифр. В 1926 г. 83% зарегистрированных промышленной статистикой предприятий (т. е. с числом более 5 рабочих) составляли мелкие предприятия (от 5 до 30 рабочих), 12,2%—средние (30—100 рабочих), причем в мелких и средних предприятиях было сосредоточено 40,8% всей рабочей силы, занятой в японской промышленности. Если же учесть и промышленные предприятия, не зарегистрированные японской статистикой, а именно включая мельчайшие с числом рабочих до 5 человек, то, по данным Института социальных исследований Охара (приведенным Орчардом), 3,2 млн. человек, или 60% всех занятых в японской промышленности людей, работали в предприятиях с числом рабочих менее 5 человек².

Об удельном весе мелких торговых предприятий позволяют судить данные обследования Управления государственного благоустройства. Общее число собственников торговых предприятий в Японии, согласно этим данным, представляет 3884 тыс. человек. «Большинство из них является именно мелкими торговцами, причем средние и мелкие торговцы, особенно мелкие, составляют большинство среднего класса нашей страны»³.

Что касается сельской буржуазии, то численность мелких капиталистических предприятий кулацкого типа (по данным, приведенным в книге Накадзава «Аграрный вопрос в Японии за последние годы») составляла в 1925 г. примерно 232 тыс. нанимателей постоянной рабочей силы (до 10 рабочих), в том числе нанимающих менее 3 человек насчитывалось 213 тыс. Нанимателей сезонной рабочей силы было до 304 тыс., в том числе 299 тыс. нанимающих одновременно от 5 до 10 человек.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что примерно 4—5% сельского населения составляет кулацкая верхушка кре-

¹ J. Orchard, Japan's Economic Position, p. 347.

² J. Orchard, p. 185.

³ «Тойо Кейдзай Симпо» от 30 июля 1931 г.

стьянства (помещиков, эксплуатирующих наемную рабочую силу; к указанному периоду было ничтожное количество).

К этим данным надо присоединить еще сведения о количестве вкладчиков в почтово-сберегательных кассах. К 1923 г. имелось всего 27 млн. вкладчиков с общей суммой вкладов, равной 994 млн. иен, т. е. со средним вкладом в 36,8 иены. В числе вкладчиков было 2,8 млн. торговцев со средним вкладом в 52,5 иены и 1,3 млн. «промышленников» со средним вкладом в 41,9 иены¹.

Все вышеприведенные цифры с достаточной полнотой характеризуют тот большой удельный вес, который в японском хозяйстве имеют так называемое мелкое производство и торговля, равно как и тот факт, что средние слои японского общества представляют собою весьма внушительную массу населения. Для количественной характеристики этого социального слоя достаточно указать, что еще в 1932 г. общее количество мелких и средних предпринимателей (освобожденных вовсе от налогов или платящих налоги не выше 50 иен) составляло 9,1 млн. человек (вместе с семьями), что равняется 14,2% японского населения². К этой цифре следует еще присоединить около 3,5 млн. служащих и интеллигенции, что вместе с семьями увеличивает долю промежуточных социальных прослоек японского, главным образом городского, населения до 30%.

Экономическое положение и жизненные условия всей этой массы населения резко ухудшились в годы послевоенного кризиса.

Необычайно высокая дороговизна жизни и бурный рост рабочего движения в этой связи поставили перед мелкими предпринимателями уже в 1918—1919 гг. определенные пределы выжимания прибавочного продукта из эксплуатируемой рабочей силы. Если крупные предприниматели могли широко использовать для нажима на рабочие массы полицейский государственный аппарат, а также подачками подкупать верхушки рабочих организаций, то эти возможности для мелких и средних хозяйчиков были весьма урезаны. «Патернализм» и вся полурабская система эксплуатации обернулись со всей силой против ее мелких и мельчайших агентов и представителей. В условиях, когда большая часть зарплаты выплачивалась натурой (пищевым довольствием), высокие цены на рис в 1918—1919 гг. (напомним, что цены вскочили на 130%) неслыханно удорожили себестоимость продукции и буквально разорвали мелких предпринимателей.

Для той весьма значительной части мелкой промышленности и торговли, которая преимущественно работала на внутренний рынок, резкое сокращение покупательной способности крестьянства и городского трудящегося населения в период высоких цен на рис нанесло еще серьезный удар в области сбыта. Сокращение сбыта нашло частично свое выражение в факте колос-

¹ «The Financial and Economic annual of Japan», 1932, p. 202—203.

² «Дайяндондо» 1932 г., № 20.

сально возросших товарных запасов, достигших к июлю 1920 г. небывало высокой цифры в 1,285 млн. иен¹.

Не в лучшем положении оказались те производства, которые работали на внешний рынок, особенно важнейшие из них—шелкопрядильные. Обладая крайне ограниченными капиталами, большая часть мелких и средних предприятий с трудом могла устоять против той жестокой лихорадки цен на шелк, которой ознаменовался период 1918—1921 гг. Колебания цен на шелк видны из следующих данных.

Цена одной кипы шелка равнялась (в иенах):

В 1914 г.	— 700	В 1919 г. (февр.)	— 1 300	В 1920 г. (январь)	— 4 350
» 1917 » (авг.)	— 1 750	» 1919 » (июнь)	— 2 300	» 1920 » (июль)	— 1 100

Подобный режим цен явился разорительным для большого числа мелких предприятий и чрезвычайно благоприятствовал быстрому расширению кабальной зависимости этих предприятий от ростовщически-ссудного капитала, агентом которого выступали крупные шелкоторговые фирмы и экспортеры (главным образом концерн Мицуи).

Положение мелких торговцев заметно ухудшилось начиная с 1918 г. также в связи с учреждением коммунальных рынков и ростом сети универсальных магазинов, выступивших опасным конкурентом мелких предприятий в области городской розничной торговли.

Несмотря на чрезвычайно тяжелое положение мелкой промышленности и торговли, налоговый пресс по линии государственных и местных сборов усилился. Если в 1911 г. среднедушевое налоговое обложение равнялось 10,1 иены, то в 1919 г. оно достигло 18 иен, т. е. увеличилось на 80%.

Начиная с финансового краха весны 1920 г. положение мелкой промышленности и торговли еще больше ухудшилось. Массовые банкротства наименее мощных банков привели к разорению огромного количества мелких вкладчиков. Правительственная политика дефляции, проводимая в 1920 г. (за I квартал 1920 г. было изъято из обращения банкнот на 100 млн. иен), привела к чрезвычайной «дороговизне денег» (вплоть до 1924 г. средний банковский ссудный процент держался на уровне 11%).

В этих условиях мелкие предприниматели во все возрастающей мере оказывались в финансовой зависимости от банков и в первую очередь от крупных концернов, непосредственно заинтересованных в посреднических и скупщических операциях. Таким образом военный бум, ускорив концентрацию японской промышленности и банков и процесс формирования японского финансового капитала, одновременно привел к закабалению мелкой промыш-

¹ Jamasaki and Ogawa, The Effect of the world war upon the commerce and industry of Japan, 1929, p. 150.

ленности и торговли и к резкому ухудшению жизненных условий широких слоев средних классов японского общества.

В росте требований рабочего класса и в революционном рабочем движении, с одной стороны, и в возросшей роли крупного финансового капитала (олицетворением которого выступала «великая пятерка» крупнейших концернов, а также народившаяся за годы бума и грюндерства шайка «нарикинов» — новых богачей) — с другой, средние классы Японии усматривали главных виновников обрушившихся на них бедствий.

Существующая парламентская система с ее политическими партиями, находящимися на содержании у финансовых магнатов, бесстыдно защищавшая их интересы, становилась также предметом острой ненависти разоряющейся мелкой буржуазии.

Каково же было положение в деревне? Существует совершенно неправильный взгляд, что колоссальный подъем цен на рис, который имел место в 1918—1920 гг., создал благоденствие для всех социальных групп деревни. В действительности же влияние этого подъема цен на рис на различные слои японской деревни было весьма противоречивое.

Прежде всего надо иметь в виду, что подъем цен на рис при господствующей в Японии системе краткосрочной аренды и фактического права помещика сгонять арендатора в любое время с земли обусловил быстрый рост цен на землю и усиленную мобилизацию земли. Цены на землю поднялись только с 1917 по 1918 г. на 115%, а ценность заключенных земельных сделок — на 266%. Расширение процесса мобилизации земли в трехлетие 1918—1920 гг. шло в направлении концентрации землевладения. В эти годы число крупных землевладений (от 10 до 50 цю) возросло по сравнению с 1913 г. на 15%, а крупнейших (свыше 50 цю) — на 40%. Одновременно за этот же период уменьшилось число мелких (преимущественно крестьянских) землевладений размером от 0,5 до 1 цю примерно на 50 тыс. владений, т. е. на 4%, и уменьшились средние владения размером в 3—5 цю (сюда включаются и владения самостоятельных крестьян и мелких помещиков), зато увеличивается за этот период число мельчайших крестьянских владений (до 0,5 цю). Приняв во внимание, что за период 1915—1921 гг. площадь земли под арендой возросла на 140 тыс. цю, или на 5%, мы можем прийти к выводу, что период высоких цен на рис характеризуется усиленным образованием крупных землевладений за счет измелчания мелкого и среднего самостоятельного крестьянского землевладения и отчасти за счет продажи земли мелкими помещиками.

Экономически слабые слои деревни вынуждены были продавать свои земли потому, что период высоких цен на рис не принес им выгод: вместе с ценами на рис возросли, и в гораздо большей степени, чем цены на рис, и цены на городские промышленные товары, в частности на удобрения.

В связи с этими обстоятельствами, неблагоприятными для основной крестьянской массы, нас не должен удивить тот факт, что как

раз годы высоких цен на рис ознаменовались увеличением в два раза задолженности крестьянства под залог земли. Эта задолженность, сравнительно медленно возрастающая с 1914—1918 гг. (с 352 до 447 млн. иен), резко поднялась за 1918—1922 гг. (с 447 до 972 млн. иен)¹.

Испытывая в силу резкого вздорожания промышленных товаров и в особенности удобрений большую нужду в деньгах, массы самостоятельных крестьян, пользуясь возросшей ценой на землю, усиленно закладывали свои участки в ипотечные банки. Но одновременно возросла как раз в годы высоких цен на рис и общая сумма ссуд, выданных крестьянам из сельхозбанков и кредитных товариществ. Если сумма этих ссуд в 1918 г. составляла 289 млн. иен, то к 1922 г. она возросла до 608 млн. иен, причем наиболее резкое увеличение показывают ссуды, выданные из кредитных товариществ, т. е. преимущественно мелкими суммами. Здесь общая сумма выданных ссуд возросла с 73 млн. в 1918 г. до 266 млн. в 1922 г., т. е. увеличилась больше чем в 3 раза².

Рисовые бунты 1918 г., имевшие место не только в городах и рыбацких поселениях, но и широко распространившиеся в деревнях, также говорят об обострении нужды основных масс крестьянства. Об этом же свидетельствовал быстрый рост арендаторских волнений за 1917—1920 гг., в числе которых цифра официально зарегистрированных конфликтов возросла с 85 в 1917 г. до 408 в 1920 г. Арендаторы организуются в союзы, число которых по всей Японии увеличилось от 130 в 1917 г. до 382 в 1920 г. и которые своим главным лозунгом выдвигали требование снижения арендной платы.

Рисовые бунты и последовавшие крестьянские волнения, сопровождавшиеся быстрым процессом организации арендаторских масс, явились серьезнейшей угрозой помещичьим интересам. Крестьянское движение было еще на этой ранней стадии развития недостаточно сильно, чтобы вынудить помещиков к каким-либо уступкам. Последним, для того чтобы спокойно пожинать плоды создавшейся конъюнктуры, пока что требовалось лишь одно: создание такого правительства, которое не мешало бы помещичьему благополучию, не предпринимало бы попыток регулировать рисовый рынок в сторону снижения цен и т. п.

Бюрократический кабинет Тераути под давлением промышленников, добивавшихся дешевого риса, обеспокоенный нарастанием народного возмущения, пошел на ряд мер, направленных к снижению рисовых цен. В сентябре 1917 г. было издано постановление о борьбе со спекуляцией предметами первой необходимости. 8 марта 1918 г. правительство ввело контроль над экспортом риса. В июле 1918 г. было предложено префектурам создавать рисовые запасы и выбрасывать их на рынок. Чрезвы-

¹ А. Хиромичи, Аграрная статистика и разорение японского крестьянства, «Цио Корон» за июль 1932 г.

² Там же.

чайным декретом 16 августа 1918 г. правительство было облечено полномочиями на реквизицию спекулятивных запасов риса. Кроме того правительство приняло меры к усилению импорта риса из Кореи и Формозы.

Такая политика правительства была явно не в интересах помещиков и торгового капитала. Зато период исключительного благоденствия наступил для помещиков при кабинете Хара, предшедшего к власти в октябре 1918 г. не без содействия помещичьих кругов. Сейюкаевское правительство Хара, имевшее в своем составе в качестве министра Токаноми—впоследствии организатора партии аграриев «Сейохонто», стало проводить ярко выраженную помещичью политику. По существу были отменены все стеснительные для помещиков мероприятия предшествующего кабинета. Этот факт не ускользнул даже от внимания профессоров экономики Токийского университета: «Если сравнить мероприятия министерства Терауци с мероприятиями министерства Хара (в области регулирования цен на рис), то выходит, что первое свободно применяло меры контроля и вмешивалось в рыночные операции, в то время как второе следовало политике «*Laissez faire*» и искало снижения цен естественным путем через регулирование распределения»¹.

Единственное мероприятие, которое было проведено под давлением общественного мнения кабинетом Хара в целях снижения цен, заключалось в освобождении импортного риса от всяких пошлин сроком на один год (чрезвычайный декрет от 30 июля 1919 г.). Однако с самого начала было ясно, что эта мера не будет угрожать интересам помещиков, поскольку таможенная пошлина на рис, установленная в 1910 г. в размере 1 иены на 100 фунтов, уже без того вследствие высоких цен автоматически перестала быть фактором, ограничивающим ввоз. «Когда стало ясно, что эта мера мало страшна по сравнению с регулированием рисового импорта (имеются в виду поощрительные мероприятия кабинета Терауци), цены снова начали возрастать»².

Период исключительно высоких цен на рис таким образом благодаря содействию сейюкаевского правительства Хара принес японским помещикам и кулацкой верхушке деревни огромные доходы. Следует иметь в виду, что значительная часть товарного риса поставляется именно помещиками³ и в наиболее выгодные конъюнктурные периоды. На высоких ценах за 1918—1920 гг. помещики и торговый капитал награбили около 1 млрд. иен сверхприбылей⁴. Вместе с тем поземельный налог, несмотря на резкое

¹ J a m a s a k i a n d O g a w a, p. 64.

² Ibid, p. 67.

³ Средние данные за 1924—1928 гг. минземлеса показывают, что из 32,7 млн. коку реализуемого на рынке риса 12,4 млн. являются помещичьим рисом («Экономист» от 15 июня 1932 г.).

⁴ Мы исходили при подсчете из следующих данных: 12 млн. коку ежегодно реализуемого помещичьего риса, 41 иена—среднегодовая цена в период 1918—1920 гг., 13 ден — нормальная цена 1915—1916 гг.

повышение цен на землю, попрежнему вносился помещиками по старым нормам, а именно из расчета 4,5% стоимости земли по оценке на 1873 г.¹

Какие же политические выводы должны были сделать из этого периода сами помещики?

Во-первых, они стояли перед лицом резкого обострения классово-вой борьбы в деревне, перед первыми симптомами надвигающейся грозной опасности аграрной революции. У более дальновидных групп помещиков это не могло не вызвать стремления, с одной стороны, организовать для отпора пробуждающимся крестьянским массам, а с другой стороны—нащупать новые формы перестройки своего хозяйства, при которых можно было бы пожинать выгоды товарного земледелия, но не зависеть от разоряющейся и бунтующей массы арендаторов. В особенности это относится к мелким помещикам, доходы которых полностью зависят от сельского хозяйства.

Во-вторых, помещики еще раз в течение этого периода убедились в том, что реализовать в полной мере выгоды своей монополии на землю они могут лишь в том случае, если им содействует аппарат правительственной власти; в противном случае финансовый капитал сумеет ограничить их доходы для своей собственной выгоды. Поэтому должно было усилиться стремление помещиков увеличить свое влияние на аппарат государственной власти.

В более широких кругах помещиков эти выводы еще не оформились, так как они были заслонены теми выгодами, которые пожинало помещичье землевладение от высокой конъюнктуры в 1918—1920 гг., но уже кризис 1920—1921 гг. поставил эти вопросы во всей их остроте. Кризис этот катастрофически снизил цены на сельскохозяйственные продукты: цены на шелковые коконы упали на 42%, цены на рис—на 43%. Теперь помещики—в особенности мелкие помещики—поняли всю непрочность своего положения.

Таковы были условия, приведшие к возникновению после войны нового типа реакционно-националистических организаций.

В центре этого движения стал Окава Сюмэй, уже упомянутый нами выше в числе реакционных мелкобуржуазных политиков, привлеченных к руководству «Обществом королевского пути». Окава Сюмэй окончил в 1911 г. философское отделение Токийского университета, но сменил древнюю индийскую философию, которую он изучал, на более актуальные и прозаические занятия, работая в течение ряда лет советником у председателя ЮМЖД Ямамото Дзютаро—одного из самых ярких последователей ген. Танаки в рядах партии Сейюкай. По рекомендации Ямамото он был выдвинут директором Восточного исследовательского экономического института при ЮМЖД, игравшего роль теоретического центра по подготовке японской экспансии в Манчжурии и на

¹ «The Financial and Economic annual of Japan», 1931.

Дальнем Востоке. Впоследствии, когда институт этот был превращен в самостоятельную организацию и переведен в Токио, Окава продолжал возглавлять его. Здесь сблизился он с руководящими кругами реакционно-националистического движения и был, очевидно по рекомендации Ямамото, привлечен в ряды «Общества королевского пути». Таким образом своим выдвижением на политическую арену Окава Сюмэй обязан такой агрессивной группе японского империализма, как руководящие круги ЮМЖД. Надо сказать, что и во все последующие годы, когда Окава развернул самую широкую «антикапиталистическую» демагогию, он не терял этой связи: полицейское расследование в 1932 г. по делу террористических фашистских организаций «Дзимукай» и «Айкодзюку», в которых играл руководящую роль Окава, показало, что деньги на подготовку убийства Инукай, на взрыв токийских электростанций и т. д. были получены Окава от правления ЮМЖД.

Другая наиболее видная фигура этого движения—Кита Икки также вышел из рядов японских колонизаторов. Кита Икки в течение ряда лет до и во время мировой войны работал в Китае, будучи связан с японской разведкой и с обществом «Черного дракона», и по их заданию поддерживал связь как с рядом китайских генеральских групп, ориентировавшихся на Японию, так и с группой Сун Ят-сена. Созданные впоследствии Окава и Кита реакционные организации настолько были тесно связаны с колонизаторскими кругами, что и первых своих сторонников завербовали из рядов молодежи, служившей в Восточном экономическом институте ЮМЖД и Восточном колонизационном обществе, в помещении которого они организовали свою штаб-квартиру. Эта неразрывная связь руководящей группы «патриотического» движения с самыми агрессивными колонизаторскими кругами ни в коем случае не должна упускаться из виду, ибо она открывает нам самую механику, т. е. реальные звенья, которыми связаны идеологи «антикапиталистического патриотического движения» с центрами японской империалистической агрессии.

Кита Икки вернулся из Китая в 1918 г. и выступил с книгой, которая стала догматом веры описываемого здесь крыла японского национализма, книга эта называлась: «Законопроект переустройства Японии». Ее содержание сводилось к плоской, невежественной, но ожесточенной критике социалистических и анархических идей, становившихся все более популярными в Японии, и к противопоставлению им принципа «японизма», на котором якобы построена исторически самобытная «цивилизация расы Ямато». Этой цивилизации грозят сейчас внутренние опасности, которые должны быть преодолены тем, что Япония вернется к основному принципу своего государственного устройства:

«Япония является государством одного императора и одного народа. Это значит, что весь народ централизуется вокруг императорского дома, помогает и содействует ему, старается чтобы род императора продолжался вовеки веков. Эта мо-

раль была никогда не изменяющейся основой силы государства. В восстановлении такого положения должна быть главная цель реформ».

Отбросив, по его мнению, одностороннее увлечение европейскими идеями, Япония соединит восточную и западную цивилизации и на этой основе перестроит мир.

«Надо подумать над концепцией Маркса и Кропоткина,— говорит Кита Икки.— Они жили в эпоху, когда их взгляды были не только ограничены маленьким европейским и американским миром, но эти взгляды базировались на крайней ограниченности философии, а поэтому с современной японской точки зрения их взгляды имеют достоинство только как древняя философия. Разве это не научная постановка вопроса, что хотя европейско-американские идеи в прошлом имели внешнее влияние на Японию, но теперь великая волна японской цивилизации потрясла Европу и Америку? Слияние восточной и западной цивилизаций есть японизация, которая должна просвещать теперь так называемые цивилизованные нации азиатскими идеями».

Основное значение книги Кита Икки заключалось в том, что она формулировала необходимость укрепления базиса самой японской монархии для успеха японской внешней агрессии. Этим базисом провозглашалось единение императора с народом, непосредственное объединение народа вокруг императора.

Что же должно быть переделано в устройстве самой Японии, для того чтобы стало возможно такое единение народа вокруг императора? Для этого должны быть уничтожены те несвойственные Японии, не вытекающие из ее «самобытного исторического развития» учреждения и социальные порядки, которые занесены в Японию извне. В первую очередь это концерны и тресты финансовых магнатов, это накопление огромнейших капиталов в руках немногих лиц, которые корыстно используют свои богатства, ослабляя внешнюю мощь государства и снижая жизненный уровень основных масс населения в самой Японии. И Кита Икки рисует картину реформ, которые должны быть проведены, для того чтобы уничтожить могущество финансовых концернов и сделать могучей самую нацию. Политическая трусость, безграмотная наивность, соединение рабского восхищения перед силой капитала с ненавистью, питаемой к крупному капиталу, мелким буржуа, который однако никогда не решится на революционное свержение капитализма, так ярко выражены в этой программе реформы, что она может быть изложена здесь без всяких комментариев.

«...Предельная стоимость собственности для японских граждан,—мечтает г. Кита Икки,—ограничивается суммой в 1 млн. иен на семью...»

Предел земельной собственности—100 тыс. иен на семью. Частные предприятия разрешаются с капиталом до 10 млн. иен. Все,

что выходит за указанные пределы, переходит в собственность государства.

«...Общие принципы этого проекта реконструкции Японии следующие: мы не являемся противниками прав нации на владение собственностью, но мы хотим гарантировать эти права для всей нации в целом. Так же как энтузиаст-музыкант не удовлетворяется наемным инструментом, так же труженик-земледелец не может сохранить свой трудовой пыл на арендованной земле. Революционный взгляд на человека только как на общественное животное—односторонен и равен тезису старой экономической школы о том, что интересы личной выгоды являются толчком к экономической жизни. Обе эти крайности ошибочны. Человек обладает и общественными и личными интересами. Предстоящая реконструкция в организации общества не может проводиться на основе этих крайностей, не видящих сущности человека».

После национализации предприятий с капиталом свыше 10 млн. иен и т. д. Кита предлагает учредить следующую систему центральных экономических органов:

«1. Министерство банков. Капитал складывается из конфискованных капиталов банков сверх установленной нормы и конфискованных частных имуществ сверх нормы. Объединяются крупные капиталовложения за границей. Отпускаются кредиты другим экономическим министерствам. Кредитуются частные банки. Регулируются курсы и цены. Обеспечивается сохранность сбережений и т. д.

2. Министерство навигации. Составляется из конфискованных капиталов (сверх нормированных) судовладельцев. Устраняется конкуренция на море, в первую очередь для дальнего плавания. Ведется судостроение (в том числе военных судов).

3. Горнопромышленное министерство. Руководство конфискованными предприятиями горной промышленности. Ведется эксплуатация горных богатств за границей в соответствии с капиталовложениями министерства банков. Вместе с частным капиталом ведется разработка участков на новых территориях при условии максимального развития государственной горной промышленности.

4. Министерство земледелия. Эксплуатация государственных земель, эксплуатация сахарной промышленности на Формозе и лесопромышленности.

5. Министерство обрабатывающей промышленности. Управление, объединение, расширение конфискованных промышленных предприятий, создание большой промышленной системы, чтобы по всем видам промышленности Япония стояла на уровне других государств. Эксплуатация предприятий, переходящих к государству ввиду отказа частных лиц от их эксплуатации. Управление металлургическими предприятиями морского министерства и арсеналами военного министерства.

6. Министерство торговли. Плановое распределение всех сельскохозяйственных и промышленных продуктов государственных и частных предприятий. Контроль над ценами внутри государства. Усиленная внешняя торговля.

7. Министерство железных дорог. Реорганизация существующего министерства железных дорог и присоединение к нему корейских железных дорог и ЮМЖД. Постройка и эксплуатация железных дорог на новых территориях усиленными темпами. Предоставление возможности частному капиталу строить железные дороги в дозволенных пределах».

Эта программа в яркой форме рисует нам мечту японского мелкого буржуа: власть Мицуи и Мицубиси уничтожена, мелкая и средняя собственность господствует в стране под благодетельной охраной микадо, окрепшая и объединенная Япония распространяет свое судоходство, свою торговлю, свои капиталы и свою армию на новые и новые страны, и выгодами агрессии пользуется «вся нация».

Вопрос о государственном устройстве этой новой Японии с точки зрения участия народа во власти не получил полного освещения в книге Кита Икки, и оставалось неясным, в чьих руках будет находиться становящееся теперь всемогущим государство: в руках ли микадо, или военно-бюрократической клики, или парламентских политических партий, или самого народа.

В дальнейшей агитации последователями Кита Икки и Окава Сюзэй было разъяснено однако, что средостениями, которые мешают объединению японского народа вокруг императора и которые повинны во всех внутренних несчастьях Японии и в неудачах ее внешней политики, являются также парламент, продажные политические партии и прочие, не свойственные Японии учреждения, занесенные из-за границы. На этой негативной критике и кончалось объяснение того, в чем должна заключаться реформа государственного устройства. Дальнейшие выводы делались уже различными организациями и течениями в зависимости от того, к кому они апеллировали.

Наибольшую популярность из этих новых теорий государственного устройства приобрела теория «народного самоуправления», выдвинутая в книге Гондо Нариаки «Образец народного самоуправления», также построенная на проповеди «самобытности» японского исторического развития, отступление от которого ослабляет и внутреннюю и внешнюю мощь государства и ухудшает благосостояние его населения.

«Несправедливые культурные основы, отказывающиеся от права и характера древних людей,—пишет Гондо Нариаки в своей книге,—не создадут базы самоуправления. Если нельзя создать базу для самоуправления, нельзя сохранить в целости и народную волю, и в силу внешних международных изменений нельзя будет осуществить наши права на национальную независимость. Коль скоро нельзя установить

такого положения внутри страны, государство будет оставаться весьма слабым. Восстановление собственного самоуправления является самым спешным и неотложным делом великих реформ нового этапа.

Термин «собственного управления» был однако настолько всеобъемлющим, что в него вкладывалось самое различное понимание: одни видели в этом осуществление сейюкаевского лозунга «расширения прав местного самоуправления», который при своем осуществлении дал бы очевидно систему, близкую к царскому земству, где всевластие помещиков было вполне обеспечено; другие видели в «народном самоуправлении» какое-то утопическое патриархальное общество; третьи понимали под «народным самоуправлением» только расширение власти императорского дома, ибо «император и есть отец народа». Но во всяком случае все воспринимали этот лозунг как критику нынешней системы продажных политических партий, зависящих от них губернаторов и насквозь прогнившего чиновничьего аппарата, и уже поэтому мелкая буржуазия готова была поддержать этот лозунг, который импонировал ей также своим «демократическим» оформлением.

Судя же по высказываниям самого Гондо Нариаки, его лозунг «самоуправления деревни» имеет целью обеспечить большую помощь со стороны государства мелкому помещичьему землевладению в деле приспособления к новым условиям товарного сельского хозяйства при обостряющемся мировом аграрном кризисе. В настоящее время именно финансово-банковские группы, по мнению Гондо, имеют возможность благодаря своей мощи — к своей собственной выгоде — оказывать большое влияние на аппарат правительственной власти, на налоговую и тарифную политику правительства, на направление государственных субсидий и т. д. Централизованный правительственный аппарат оказывается игрушкой в руках концентрированного финансового капитала, а «деревня» (т. е. помещики) лишена помощи государства. В результате город быстро растет и богатеет, а деревня приходит к упадку.

«Эра Мейдзи, — пишет Гондо, — положила начало европейской системе с ее административным делением на крупные города («Си»), мелкие и средние города («Мац») и селения с деревнями («Мура»). Были заложены основы европейско-американского гражданского и публичного права, самоуправления и твердые правовые основы частной собственности, послужившие к развитию индивидуальных интересов.

Борьба за существование получила общественное признание. Однако этим не было достигнуто гармоническое сочетание частных интересов отдельного индивида с общими и в результате этих ошибочных мероприятий графа Ито создались предпосылки для затруднений в данное время.

Наша современная административно-общественная система по своему обилию чиновников и административному засилью далеко не соответствует потребностям цивилизованной страны.

Ее поддержание сопровождается непомерно большими расходами. Все это приводит к росту налоговых и иных тягот населения.

Постоянный рост чиновничества приводит к новому росту административных расходов и дальнейшему увеличению налоговых тягот. Финансовые затруднения не отражаются неблагоприятно только на интересах банков.

Тяготы сельского населения в последнее время возросли на сотни миллионов иен, чрезвычайно обесценились сельскохозяйственные продукты, шелк и т. д. Все это, если взглянуть на дело с точки зрения народной силы и дееспособности, приводит к печальным результатам. После падения иены произошли повсюду разрушения, подобные тем, какие бывают после опустошительного ливня.

Если начать рассмотрение с японского банка, являющегося банком, пользующимся особыми правами, то из года в год накапливаемые суммы шли главным образом в Токио и в помощь крупным губернским городам на периферии, в промышленность и торговлю, но отнюдь не в деревню, куда попадала сравнительно ничтожная часть, да и та благодаря отсутствию надежных крестьянских представителей в парламенте и госаппарате шла не по прямому назначению. Японское крестьянство, имеющее свою историю самоуправления, от этого только проигрывало, а большие суммы шли на поддержание крупнейших городов.

Великий Токио поглощает 800 млн. одних прямых расходов. Теперешнее население Токио без пригородов насчитывает 2 млн. душ, и в окружающих местах проживает около 5 млн. Население, сконцентрированное в центре, составляет огромную силу в сравнении со всем населением страны. Токио стал одним из главнейших городов Восточной Азии. Подобное сосредоточение и концентрация населения вылились в такое разбухание, которое создает незанятость большого количества лиц, не способствует целесообразному применению средств и т. д. В то же время это незнание ограничения разбухание центра вызывает упадок в провинции и в деревнях. Тяжелые налоги и т. п. способствуют уменьшению числа лиц, лично ведущих земледельческое хозяйство»¹.

Для того чтобы изменить это положение, нужно прежде всего изменить построение аппарата власти в сторону расширения функций местного самоуправления, т. е. в сторону децентрализации власти. Бюджет местных самоуправлений должен быть расширен, должна быть поднята их роль в распределении налоговых тягот. Но должна быть изменена также и политика центрального правительства, которое должно выделить больше средств для помощи сельскому хозяйству.

¹ Н. Гондо, Теория самоуправления деревни, «Кайдзо» июнь 1932 г.

В этом—основной смысл лозунга «деревенского самоуправления», и эту перекачку государственных средств в помещичий карман Гондо старается идиллически изобразить как родительскую помощь «малым сим», не могущим еще самостоятельно стоять на собственных ногах. «Если малое дитя,—говорит он,—вскармливается руками родителей и впоследствии становится способным самостоятельно поддерживать свою жизнь, то такое поддержание существования ребенка в интересах человеческого общества является утверждением системы самоуправления».

Но в какую сторону должно быть обращено действие всех этих рычагов в отношении социальных групп самой деревни? Гондо не дает прямого ответа на этот вопрос, трактуя в большинстве случаев «деревню» как нечто цельное и не дифференцированное в классовом отношении. Однако ряд его отдельных высказываний помогает пролить свет на этот вопрос. Так например если Гондо совершенно обходит молчанием вопрос о том, в чьих руках должно находиться местное самоуправление, то это может означать только одно, а именно, что оно должно остаться в тех же руках, в каких оно находится сейчас, т. е. в руках помещиков. Из этого однако не следует, что программа Гондо означает просто и только требование расширения прав и доходов современного помещичьего землевладения. Аграрный кризис в Японии настолько жесток, что и среди самих помещиков неизбежно должно расти понимание того, что нельзя все просто оставить по-старому. Часть помещиков, в особенности те, кто принужден полностью жить от доходов со своей земли, начинает склоняться к мысли о том, что очевидно не удастся избежать перестройки своей хозяйственной системы и перехода от сдачи земли в аренду к самостоятельному ведению хозяйства при помощи наемной рабочей силы. Возможность в более крупном хозяйстве применять машины, лучшие химические удобрения, современные средства дренажа и т. д. должна будет повысить доходность земли. Но помещичье хозяйство не в силах само совершить эту перестройку, и на помощь ему должно прийти государство, финансовая помощь которого должна оплатить расходы этой перестройки. Государство должно также приспособить к требованиям этой перестройки условия землепользования и согнать с земли те лишние крестьянские хозяйства, земля которых должна будет пойти на округление помещичьих имений. Такова программа этой части мелкого и среднего помещичьего землевладения, которая должна сохранить их доходы и спасти их от крестьянской революции.

«Для устранения создавшегося положения,—пишет Гондо,—чиновничество не принимает надлежащих мер. Если бы надлежащие политические мероприятия принимались, необходимо было бы поставить себе целью проведение надлежащего землеустройства, специальных экономических мероприятий, использование в целях рационализации и упорядочения сельского хозяйства почтовых вкладов. Одна рационализация

сельского хозяйства значительно повысила бы сбор урожая с пахотной земли, а урегулирование взаимоотношений арендаторов земли с владельцами устранило бы повод для конфликтов. Организация специального банка необходима для урегулирования основной задолженности крестьянства и процентов по ней. Страхование нашего шелководства, которое занимает доминирующее положение во внешней торговле, через воздействие на рыночные цены также должно быть осуществлено. Заслуживает внимания, что в различных районах Сикоку и Ксюю ограничен посев пищевых продуктов. Вообще со времени Мейдзи наша сельскохозяйственная продукция приобрела чрезвычайно товарный характер и зависимость от рыночной конъюнктуры, чему не уделяется должного внимания».

А что касается тех крестьянских хозяйств, которые должны быть согнаны с земли, для того чтобы сделать возможной перестройку помещичьего хозяйства, то для них Гондо предлагает создать «вторую родину» в Манчжурии и на Амазонке.

«Наши колонисты в Манчжурии, — пишет он, — не чувствуют себя достаточно спокойно, так как признания независимого государства Манчжурии со стороны других государств не последовало. Большинство наших колонистов расселено в полосе отчуждения ЮМЖД. В Манчжурии проживает около 5—6 млн. манчжуро-монголов, 30 млн. китайцев, около 1 млн. корейцев и слишком мало японцев, которые к тому же не занимаются сельским хозяйством. Манчжурская система издавна поддерживалась силой многочисленного китайского населения. Не пора ли объединить нашу военную и экономическую силу в Манчжурии в одну систему? Заслуживает внимания проблема колонизации на Амазонку и в сторону Южной Америки, улучшение связи этих колонистов с родиной, поддержание среди них обычаев предков и т. д. Поддержание движения за возвращение на родину не входит однако в наши интересы, так как это еще больше затруднило бы внутреннюю обстановку. Необходимо стремиться расселять наших колонистов в Манчжурии, Океании, на Формозе и в Китае, прививать им начала самоуправления с тем, чтобы эти самоуправляющиеся колонии окаймляли родную страну. Таким образом эти колонии явятся как бы второй счастливой родиной наших колонистов, но от этой системы самоуправляющихся колоний выиграет вся страна, ибо этим избыточное население найдет естественный выход».

Не следует думать конечно, что вся программа Гондо целиком воспринимается теми, кто объявляет себя его сторонниками. Действительной популярностью среди мелких помещиков пользуется только та часть его программы, которая говорит о необходимости укрепления влияния помещиков на аппарат власти путем расширения функций местного самоуправления и о необходимости более

усиленного государственного финансирования сельского хозяйства. И сам Гондо, прекрасно понимая это, делает именно эти требования центром своей агитации. Это и делает для него возможным объединить не только ту часть помещиков, которая действительно ищет возможности капиталистической перестройки полуфеодальной сельскохозяйственной системы по прусскому образцу, но и вообще всех помещиков, которые ищут случая залезть в государственный карман и пережить трудные времена с помощью государственной скупки риса, шелка и т. д. Поэтому и движение в целом, которое представляет Гондо, несет на себе не столько черты «прогрессивного течения за модернизацию сельского хозяйства», сколько черты полуфеодальной помещичьей оппозиции финансовому капиталу.

Ранний «госсосоциализм». Общество «Юдзонся»

Критическая струя в политических высказываниях лидеров послевоенного «патриотического» движения обусловила то обстоятельство, что во вновь созданных организациях удалось объединить весьма пестрые в социальном отношении группы. Первой из таких организаций было «Общество старых борцов» («Россокай»). Оно возникло в конце 1918 или в начале 1919 г. по инициативе Окава Сюмэй и Кита Икки в противовес агитации за всеобщее избирательное право и демократические реформы, которую вел профессор Иосино, утверждавший, что право голоса есть право гражданина, компенсирующего его за обязанности, налагаемые на него государством, будь этот гражданин «даже кули ручных тележек или кондуктором трамвая». Движение, возглавляемое проф. Иосино, оформилось в январе 1919 г. созданием в стенах Токийского университета «Общества новых людей» («Синнинкай»), ставшего влиятельным центром левого демократического движения, значение которого выросло на фоне рабочих волнений во всей стране. Против этого общества и направило свою агитацию «Общество старых борцов». Из лиц, влиятельных впоследствии в «патриотическом» движении, мы среди членов этого общества находим также проф. Канакоги Гейин, соединявшего пан-азиатскую агитацию с теорией государственного капитализма (которую ему угодно было назвать теорией «госсосоциализма»), Такабатаке и Мидикава, также считавших себя сторонниками теории «госсосоциализма» и создавших впоследствии ряд патриотических рабочих организаций. Сюда примкнула также группа бывших анархистов из Нагои и ряд других реакционных идеологов мелкой буржуазии.

С идеологическими установками группы Окава—Кита Икки мы уже ознакомили читателей. Теперь необходимо сказать несколько слов о политико-идеологических основах теории так называемого «госсосоциализма», пропагандировавшихся группой Такабатаке и проф. Уэсуги (хотя последний не входил в «Общество старых борцов»); и о бывших нагойских анархистах. Как Такабатаке, так и Уэсуги являлись (оба они теперь уже умерли) учениками проф. Ка-

мисуги из Токийского университета, выдвинувшего в свое время теорию так называемого «государственного конституционализма», не носившую на себе никаких следов социалистических влияний, а смахивавшую скорее на тот принцип квасной «народности», которая входила в триединую формулу русских черносотенцев: «самодержавие, православие, народность».

Однако, когда в последние годы перед мировой войной началось проникновение социалистических идей в среду учащейся молодежи, Уэсуги и Такабатаке, в особенности второй, стали делать попытки объединить теорию Камисуги, построенную на обосновании особого характера японской государственности и роли микадо, с социалистической теорией. В результате начало рождаться направление «госсocialизма», близкое к тем теориям, которые в свое время выдвигал еще Г. Амадзи, создавший свою партию «госсocialизма» («Кока Сякай То»), которая проповедывала социалистическое переустройство общества под руководством конституционной монархии.

Проф. Уэсуги меньше был заражен государственно-социалистическими идеями и больше делал ударение на монархической агитации, отличаясь однако от обычного типа японских монархистов тем, что видел главную задачу в завоевании на сторону монархии рабочих. На страницах «Кайдзо» он писал в 1923 г.:

«В нашей стране преданность императору и любовь к родине не являются монополией тех, у кого есть капитал и видное место. Нет. У нас даже самый простой человек, не имеющий ни капитала, ни видного места, чем ниже он стоит, тем больше чувствует преданность императору и любовь к родине. Рабочие, которые поют на улицах революционные песни и ведут саботаж на фабриках, просто поддались пропаганде двух-трех субъектов». В действительности же все японцы «друг другу—братья». На этой основе нужно примирить капитал и труд, оздоровить общественную мысль и таким образом содействовать укреплению династии и «открыть новую эпоху во всемирной истории».

Однако для того, чтобы вести работу в массах, проф. Уэсуги нужно было предварительно сколотить кадры из среды интеллигенции. Между тем рост влияния социалистов среди студенчества создавал реальную опасность того, что подрастающие кадры буржуазной интеллигенции окажутся неспособными для борьбы с революционными настроениями в рабочем классе и среди мелкой буржуазии, и действительно диктовал поэтому задачу «оздоровления» японской студенческой молодежи.

Для борьбы с левыми социалистическими идеями среди студенчества проф. Уэсуги создал монархическое «Восточное общество» («Тойо Гакай»). Когда после мировой войны социалистическое движение усилилось и началось демократическое движение, возглавляемое проф. Иосино, общество проф. Уэсуги расширилось и реформировалось в «Общество единомышленников для защиты

родины» («Кококу Досикай»). Среди деятелей этого общества выдвинулись также ученики проф. Уэсуги: Аmano, Накатани и Кикучи. Общество это отличилось яростной борьбой против всех демократических движений среди студенчества, в частности приобрело известность, когда добилось изгнания из Токийского университета либерального проф. Марита.

Такабатаке действовал не в студенческой среде, а на общеполитической арене. До мировой войны он участвовал в правом крыле социалистического движения и был известен как переводчик на японский язык «Капитала» Маркса. После мировой войны он выступил с агитацией против финансовых концернов и картельных цен и доказывал с точки зрения потребительских интересов единство пролетариата и средних классов, которые должны положить начало «новой нации». Отдавая дань быстро растущей популярности марксизма, Такабатаке заявлял, что он отвергает марксизм не целиком. В своей книге «Критика марксизма» он писал:

«В том, что предлагает Маркс, есть много неверного и ошибочного. Однако его оценка исторического хода развития капитализма бессмертна. Также бессмертными являются его заключения о капиталистической системе, его наброски того нового общества, которому суждено родиться, и его указания на размеры той роли, которая приходится на пролетариат в этом историческом процессе. Если эти взгляды считать основой марксизма, то я признаю основные взгляды марксизма и являюсь таким образом одним из марксистов. Но я со всей решительностью буду подчеркивать неправильные установки марксизма и т. д.».

Какие же «позитивные» поправки к марксизму предлагал Такабатаке? Помимо уже отмеченного нами подчеркивания роли средних классов, это было отрицание враждебности и несовместимости принципов социализма с современной государственностью, при этом именно японской государственностью. Путь к социализму лежит не через разрушение государственной машины японской монархии и не через диктатуру пролетариата или рабоче-крестьянское правительство, а через расширение организующей и контролирующей роли государства, которое постепенно подчинит все частные и классовые интересы интересам общенародным, т. е. интересам социализма.

«Есть много людей,—писал Такабатаке в своей книге «Великие принципы государственного социализма»,—которые в своем обычном представлении об этатизме (государственности) и социализме считают, что между ними существует лишь полная противоположность. Такая концепция абсолютно беспочвенна. Совершенно верной является такая постановка вопроса: существующие сегодня в большом количестве в нашей стране этатические организации являются капиталистическими верноподданными, а большое количество существую-

щих социалистических организаций является антигосударственными и анархическими. Только при такой постановке вопроса мы вполне согласимся с утверждением, что этатизм (государственность) и социализм стоят на противоположных полюсах. Однако если между фактически существующими ныне организациями усматривается такая противоположность, то это еще не обязательно значит, что они, эти организации, имеют действительно осмысленную форму. Наоборот. С нашей точки зрения эти организации противостоят друг другу вопреки тому, что истинный этатист не может не быть социалистом, а истинный социалист не может не быть этатистом».

Программа Такабатаке пришлась весьма кстати тем слоям реакционной мелкой буржуазии, которые после мировой войны переходили в оппозицию к крупному капиталу, пожавшему все выгоды военной конъюнктуры, но полностью оставались еще во власти представлений об особом надклассовом характере японской монархии и пуще огня боялись самостоятельных революционных выступлений рабочих и крестьянских масс. Это и сблизило Такабатаке с основным ядром «Общества старых борцов» («Россокай»). В 1918 г. вместе со своими сторонниками Осаги, Мори, Ивада, Китахара, Мацунабу он создает общество «Гайсюся» («Массовое общество»). Когда создалось «Общество старых борцов» («Россокай»), это общество вошло в число его членов.

Одновременно с ним в «Общество старых борцов» вошла и группа, называвшая себя «анархистами» из Нагоя, возглавлявшаяся К. Азуми, Акао, Фукуда, Эндо и др. В силу отсталости японского рабочего движения различные направления анархизма — от толстовства до кропоткинско-анархо-коммунизма — пользовались в нем всегда известной популярностью и еще более прочную базу создали себе эти течения среди многочисленных в Японии мелкобуржуазных слоев. Достаточно напомнить, что даже в 1921 г. стачкой 85 тыс. рабочих судостроителей в Кобе руководил толстовец Кагава.

Господство системы патернализма на японской фабрике, текучесть кадров рабочего класса, постоянно пополнявшегося сотнями тысяч новых выходцев из деревни и из разоряющихся слоев городской мелкой буржуазии, тормозили рост классового самосознания среди пролетариата и создавали благоприятную почву для проникновения в его среду различных мелкобуржуазных теорий. Эти теории зрели в среде мелкобуржуазной интеллигенции (или воспринимались ею с запада) сначала под влиянием растущего недовольства укрепившимся могуществом финансового капитала, помещичьего землевладения и военно-полицейской монархии. Но, реакционные сами по себе, эти теории начали совмещаться с еще более реакционными выводами, когда на сцену выступило революционное движение рабочих и крестьян. Значительные слои мелкобуржуазной интеллигенции качнулись тогда под крылышко монархии, которая должна избавить страну от «ужасов» зреющей

революции. В идеологическом арсенале этих групп японской интеллигенции преклонение перед монархией совмещалось с оппозицией финансовому капиталу, составлявшему уже один из устоев этой монархии. Несмотря на такую путанность своей программы, эти группы интеллигенции сумели увести за собой в лагерь реакции и те небольшие раздробленные группки рабочих и крестьянских организаций, которые были ими созданы. Такова была эволюция, проделанная в частности и нагойскими анархистами, довольно близко напоминающая эволюцию французского анархиста Эрве от ультра-«левизны» до погромного национализма. После мировой войны нагойская группа анархистов стала быстро эволюционировать в сторону национализма и монархизма, сохраняя однако лозунги, рассчитанные на недовольство мелкой буржуазии господствовавшим в стране режимом и обогащением в результате войны крупных финансистов и концернов. В «Обществе старых борцов» эта группа оказалась таким образом вполне закономерной.

Но наряду с ними в рядах «Общества старых борцов» мы находим и ген. Оой Кэнтаро, командовавшего японскими войсками в Сибири во время интервенции, создавшего впоследствии организацию отставных офицеров—«Кайкокай». Исходя из наличия в «Обществе старых борцов» ряда людей, именующих себя «социалистами» и «анархистами», некоторые японские авторы считают даже, что это общество в начальный период своей деятельности было демократической организацией. Мы видим однако, что никаких оснований для таких утверждений нет: организация эта выросла именно на борьбе с демократическим движением, хотя и состояла преимущественно из лиц тех же социальных слоев, которые были участниками демократических организаций. Политическая неустойчивость мелкой буржуазии и легкость использования ее реакцией при отсутствии сильных и влиятельных пролетарских партий, естественное деление мелкой буржуазии на революционную и реакционную достаточно объясняют этот факт, чтобы он требовал еще каких-либо объяснений.

Когда начались разногласия в «Обществе старых борцов», группа Такабатаке стала выступать самостоятельно и создала с этой целью «Байбуся» («Общество продажи литературы»), в котором кроме перечисленных лиц активную роль играли Цукуи, Исикава и Ибе. Это общество для пропаганды своих взглядов выпускало журнал «Государственный социализм».

В 1919 г. под влиянием быстрого роста социалистических и радикальных идей среди студенчества обе группы—проф. Уэсуги и Такабатаке—решили объединиться для борьбы с социалистическим движением. Они создали «Лигу принципов управления» («Кэйрин Гакумей»), приобретшую известность своими выступлениями против левого студенчества и профессуры, причем эти выступления носили иногда характер массовых избиений и погромов. Эта лига создала при себе две подсобные организации: одну пропагандистскую—«Кюсин Айкокоцу» («Патриотическая радикальная партия») под руководством Цукуи и исполнительно-органи-

зационный центр, оформившийся в 1920 г. в общество «Дайкакай» под руководством Ивада (последний входил также и в «Юдзонся»).

«Общество старых борцов» («Россокай») просуществовало очень недолго как организация, выступающая самостоятельно на политической арене. Значение его заключается в том, что оно впервые собрало и объединило на платформе противодействия революции группу реакционных мелкобуржуазных лидеров, положивших затем начало многочисленным «патриотическим» организациям.

Началом общества «Юдзонся» надо считать сентябрь 1920 г., когда Кита Икки и Окава приступили к выпуску журнала «Юсакэби» («Мощный призыв»), вокруг которого и сложилось общество «Юдзонся». Название этого общества трудно переводимо на русский язык, но по смыслу своему близко к слову «сомневающийся» или «критикующий», чем подчеркивалась в целях привлечения масс показная «оппозиционность» общества господствующим направлениям в политике. Как мы сказали уже, оно впитало в себя большинство лидеров «Общества старых борцов» («Россокай») и еще ряд лиц, выдвинувшихся к этому времени в рядах патриотического движения: Ивада — ярого борца за активную японскую политику в Китае, Ясуока, выступившего после войны с пропагандой идеи «духовного перерождения Японии», Симидзу, Геносукэ и др.

В «Юдзонся» не вошли (за исключением Мицикава) группы, выступавшие с теорией «госоциализма» и бывшие нагойские анархисты. Это свидетельствует о том, что уже первые же шаги лидеров мелкобуржуазной реакционной организации на широкой политической арене в силу остроты классовой борьбы в стране вносили разноту в их ряды. Проф. Уэсуги со своей группой, как мы уже говорили, не входил даже в «Россокай», не вошел он и в «Юдзонся». Группа Такабатаке осталась также за бортом «Юдзонся», хотя она и продолжала поддерживать связь с группой Окава.

Состав общества «Юдзонся» был тем не менее, очень пестрым, и уже это должно было заставить его особенно подчеркнуть и выпятить те программные моменты, которые могли объединить людей с различными взглядами, затушевав или говоря более глухо о моментах, могущих послужить поводом для разногласий. Таким общим моментом была проповедь национализма, необходимости объединения всей нации для выполнения великой исторической роли Японии в Азии. Но от довоенных пан-азиатских теорий программа «Юдзонся» отличалась тем, что она обуславливала успех внешней агрессии устранением раскола в японской нации, объединением всего народа вокруг императора. А для этого должна быть «улучшена» организация самого японского государства. В качестве своей цели в соответствии с этим общество «Юдзонся» выступало за «создание революционной Японии» вместо «нынешней тесной и замкнутой Японии». Должен быть дан «простор японскому народному духу и создана великая революционная империя, в которой

будут совместно править император и народ» и которая «превратит в рай всю восточную Азию». Один из руководителей «Юдзонся», проф. Канакоки, писал в это время:

«XX в.—век мировой революции. Эта революция противопоставит, во-первых, эгоизму нынешнего мира дух самопожертвования, во-вторых, заменит современный капитализм абсолютным национализмом и, в-третьих, вместо главенства белой расы и англо-саксов даст возможность революционной Японии осуществить идеальную справедливость».

О всех выступлениях этого общества и его лидеров надо сказать, что, когда речь заходила о захватах в Китае, о «борьбе с белой расой» и т. д., то они были достаточно конкретны и весьма точно указывали, чего они хотят, но стоило им заговорить о «внутреннем преобразовании Японии», как дело ограничивалось пустыми фразами, из которых можно конечно понять, что руководители общества стремятся поддаться под настроение недовольства среди мелкой буржуазии засилием капиталистических концернов, бюрократическим государственным аппаратом и т. д., но из которых никак нельзя уяснить, в чем же должно заключаться «преобразование Японии». Очевидно, что большинству членов общества вообще нечего было сказать по этим вопросам, а те, кто имел что предложить, предпочитали не делать этого, ибо это означало бы развал общества, состоящего из слишком пестрых элементов. Следствием этого было то, что хотя в 1920—1922 гг. в рядах этого общества происходила очень большая внутренняя работа по воспитанию кадров для реакционно-националистических организаций и хотя общество это служило притягательным центром для значительных групп великодержавной интеллигенции, однако в конкретных политических вопросах, волновавших страну, активность общества была весьма невысокой. А это означало, что оно не справлялось со своими заданиями и основная тяжесть практической борьбы с революционным движением внутри страны попрежнему лежала на плечах тех организаций, которые были созданы буржуазно-помещичьими политическими деятелями. Стоит действительно просмотреть хронику политических событий в Японии в этот период, описание стачек, крестьянских волнений и т. д., чтобы убедиться, что не пропагандисты «Юдзонся», а агенты «Общества духа великой Японии» («Кокусуйкай»), «Дружины по борьбе с большевизацией» («Саккабосидан»), «Народно-трудового общества» («Ямато Минрокай») и другие вели повседневную борьбу с нараставшим массовым революционным движением. Эту задачу, как мы отмечали, уже принуждены были взять на себя и организации Тоямы и Уцида. Когда же наступили события, приведшие к дальнейшему обострению политической обстановки в стране, общество «Юдзонся» вообще распалось.

Глава вторая

ПЕРИОД УГЛУБЛЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ В ЛАГЕРЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ (1923—1927 гг.)

Бюрократия как организатор реакционно-шовинистического движения

Надо помнить, что с конца 1922 г. революционное движение в стране вступило в новую полосу не только количественного роста, но поднялось и на более высокую качественную ступень, ибо в результате размежевания, подготовленного всеми предыдущими периодами, произошло оформление революционных рабочих организаций. В 1922 г. была создана японская компартия, затем ряд левых профсоюзов, объединившихся в середине 1924 г. в «Хиогикай». Количество членов профсоюзов удвоилось к этому времени сравнительно с 1922 г. Забастовочное движение начало приобретать наступательный характер. В движение втягивалась и деревня: в 1922 г. было создано первое крупное всеяпонское крестьянское объединение («Нихон Номин Кумиай»), в 1923 г. было зарегистрировано 2 тыс. случаев крестьянских волнений. Против организующегося и поднимающегося на борьбу крестьянства помещики выступали также организованно, и с 1921 по 1926 г. было создано 1700 местных помещичьих и смешанных помещичье-арендаторских союзов. Недовольство охватывало и значительные круги городской мелкой буржуазии, которая в частности горячо поддерживала агитацию «Лиги борьбы за всеобщее избирательное право», проводившей в 1923 и последующих годах массовые митинги по всей стране. Вспыхнувшее в Корее восстание «автономистов» было также чрезвычайно грозным симптомом, хотя правительству и удалось кровавыми мерами подавить его.

Полоса белого террора, проведенного правительством против рабочего и крестьянского движения после сентябрьского землетрясения 1923 г., не смогла разрушить эти организации, и рост их влияния продолжался безостановочно. Эти внутренние потрясения сопровождались, а отчасти и обуславливались ухудшением международного положения Японии: необходимостью в результате Вашингтонской конференции отказаться от ряда специальных прав в Китае, расторгнуть англо-японский союз, согласиться на распространение деятельности созданного САСШ банковского консорциума на Манчжурию, вывести японские войска с советского Даль-

него Востока и т. д. Перед лицом всех этих факторов правительство должно было пойти на показательные уступки массовому движению и в то же время подготовиться для нанесения сокрушительных ударов этому движению.

Падение ультрареакционного кабинета Киюна и приход к власти кейсекаевского правительства Като, выступившего с комбинированной программой «либеральных реформ и преследований революционных элементов», удовлетворял этой потребности. Правительство Като было одним из наиболее буржуазных правительств, которые знала Япония: четыре члена кабинета министров были непосредственно связаны концерном Мицубиси, остальные были в той или иной мере косвенно связаны с финансовыми и промышленными кругами, близкими к этой фирме. Приход Като означал действительно значительное усиление влияния промышленной буржуазии на аппарат власти и упадок влияния помещиков и военно-чиновничьей бюрократии. В рядах самой бюрократии и высших бюрократических учреждений к этому времени уже в полной мере сказалось усиление влияния буржуазии. Если раньше такие инстанции, как императорский двор, генро, верхняя палата были целиком или почти целиком в руках военного дворянства или чиновничества, то теперь при самом императорском дворе, как мы увидим из дальнейшего изложения, настолько окрепло влияние буржуазных групп, что вскоре стало возможным образование дворцовой клики (Макино—Икки), противопоставляющей себя военщине. Генро, представленный Сайондзи, тесно связанный с концерном Сумитомо, также потерял характер военно-дворянского института. В верхней палате значительно расширилось количество членов, непосредственно представляющих крупнейшие концерны и даже связанных с парламентскими политическими партиями. Таким образом за исключением армии и тайного совета во всех высших инстанциях власти влияние буржуазии к этому времени значительно усилилось. Эти сдвиги и сделали возможным проведение правительством той комбинированной политической программы, о которой мы писали выше, ибо во «всеобщем избирательном праве» например буржуазия видела не только средство удержания под своим контролем массового движения, но и средство усилить свое влияние на аппарат власти за счет военно-дворянских элементов бюрократии.

В 1925 г. был принят закон о всеобщем избирательном праве и одновременно совершенно средневековый по своему содержанию «закон об опасных мыслях». Этот последний закон, предоставлявший полный простор для полицейского произвола, должен был обессилить революционные организации и нейтрализовать возможное их влияние на выборах, поскольку правом выборов пользовалось теперь почти все взрослое мужское население страны и количество выборщиков поднялось с 2 800 тыс. до 13 млн. человек. Правительство Като приступило также к выработке законопроектов об аграрных реформах, целью которых было разрядить напряженность и остроту экономического и политического кризиса

в деревне путем поддержки также и кулацких хозяйств вместо односторонней поддержки паразитического помещичьего землевладения. Конечно только с очень большой натяжкой можно называть правительство Като «либеральным», но после дворянско-черносотенного кабинета Киауры оно означало все же, что правительство перешло к тем группам крупного капитала, которые поняли, что без известных уступок демократическим требованиям феодально-буржуазный блок не сможет больше удерживаться у власти. Пришедший на смену Като кабинет Вакацуки смог продолжать эту линию отчасти благодаря тому частичному промышленному оживлению, которым характеризуются 1925—1926 гг. Характерно, что и правительство Вакацуки старалось (по крайней мере внешне) не слишком компрометировать себя открытой поддержкой феодальных помещиков в процессе продолжающегося обострения классовой борьбы в деревне.

Не следует конечно думать, что Като или Вакацуки, или стоявшие за их спиной группы финансовой и промышленной буржуазии всерьез намеревались рвать узы, связывающие их с полуфеодальным землевладением и с военно-бюрократическим аппаратом монархии. Во всяком случае они не дали никакого повода, чтобы подозревать их в этом. Что они однако выразили достаточно ясно—это стремление окрепшей во время мировой войны и в последовавшие за ней годы японской промышленной и финансовой буржуазии увеличить свою роль в этом блоке и свое непосредственное влияние на аппарат государственной власти. Война в колоссальной степени обогатила японскую буржуазию. Развитие в годы войны экспорта капитала в Китай и в другие азиатские страны понизило удельный вес интересов ряда буржуазных групп в землевладении и совместных с государством предприятиях, увеличив роль самостоятельных буржуазных интересов (например японская текстильная промышленность в Шанхае). Наряду с теми фракциями буржуазии, которые до этого участвовали во власти, появились влиятельные новые буржуазные группы, также претендующие на власть, на доходы, на покровительство со стороны государства. Именно со времени мировой войны стало также типичным и образование монополий финансового капитала в современном смысле этого слова, т. е. не только тех, которые были связаны со старыми монополиями и привилегиями эпохи торгового капитала и феодализма, а основывались на сращении быстро выросшей промышленности с новыми банковскими центрами либо со старыми банками, в которых, однако, доля частных вкладов значительно возрастает и которые, окрепнув в финансовом отношении, меньше зависят уже от государственных подачек.

Наступивший после мировой войны кризис, банковские крахи 1920 г., последствия землетрясения 1923 г. и наконец финансовый кризис 1927 г. способствовали дальнейшему росту централизационных и концентрационных процессов в этом направлении. Под политические претензии ряда групп буржуазии подводилась таким образом серьезная экономическая база. Буржуазия как

класс требовала увеличения своей роли в аппарате власти, не удовлетворяясь теми привилегиями, которые были завоеваны отдельными фракциями буржуазии. Эти ее претензии вырастали также в силу общего обострения классовой борьбы в стране, ибо последнее обстоятельство все более властно наталкивало на мысль, что только расширение базиса государственной власти и отказ от некоторых наиболее отживших порядков поможет сохранить от развала всю систему.

Если в конечном счете политика Като и Вакацуки была лишь маневром для удержания от развала всей социальной системы буржуазно-помещичьей Японии, то в той конкретной исторической обстановке, в которой она начала проводиться, она должна была все же вызвать недовольство со стороны более агрессивных групп господствующих классов и в первую очередь со стороны военщины и части бюрократии и помещиков.

Все эти события привели сначала к расколу «Юдзонся», а затем к возникновению из его осколков ряда новых реакционных организаций. Распад «Юдзонся» был неизбежен, поскольку первые годы его деятельности показали, что при разнородности своего состава общество это лишено возможности действовать в сложной политической обстановке. Но те же люди, выступая сепаратно, могли рассчитывать каждый на ту или иную группу последователей, ибо вместе с приходом в движение более широких социальных слоев и обострением разногласий в среде самих господствующих классов «политические вкусы» различных фракций стали весьма разнообразны. Между тем все эти «вкусы» надо было суметь удовлетворить для того, чтобы удержать под влиянием реакции те новые миллионы граждан, которые теперь получили избирательные права. К тому же каждая из борющихся групп хотела создать организации, которые будут ее собственным инструментом в политической борьбе. Все это обусловило тот факт, что, примерно с 1924 по 1926 г. включительно, мы наблюдаем бурный рост различных патриотических, националистическо-великодержавных, реакционно-монархических, просто черносотенных обществ и союзов, именующих себя национал-социалистическими или фашистскими. Все они большей частью очень слабо связаны между собою, большинство из них не представляет собою централизованных общепонских организаций, лишь меньшинство из них становится действительно массовыми организациями. Тем не менее эти организационные перегруппировки создают базу и ряд организующих центров для последующего развития великодержавно-монархического и именующего себя «фашистским» движения, и поэтому сложившиеся к настоящему времени в этом движении группировки не могут быть проанализированы иначе, как на основе предварительного выяснения характера организаций, сложившихся в период 1924—1926 гг.

Основой для большинства этих организаций явились осколки распавшегося «Юдзонся». «Юдзонся» распалось в середине 1923 г., а в конце этого года и в течение следующего 1924 г. руководя-

щие деятели, входившие в это общество, создали ряд самостоятельных организаций.

Помимо этих организаций, создавшихся преимущественно из осколков распавшегося «Юдзонся», в течение следующих двух лет возник и ряд новых союзов, не связанных с политическими деятелями, принимавшими участие в рядах «Юдзонся». В процессе дальнейшего развития часть всех этих новых организаций примкнула к одному из оформившихся раньше реакционно-шовинистических течений. Однако основные из этих вновь возникших организаций продолжали работать над задачей создания «самостоятельного» националистического движения, могущего рассчитывать на поддержку мелкобуржуазных элементов города и деревни. Поэтому будет правильным, если мы скажем, что в эти годы существовало четыре основных направления в лагере реакционно-шовинистического движения.

Это были, во-первых, реакционно-националистические организации, связанные с наиболее консервативными кругами буржуазно-помещичьих политических партий и монархической бюрократии. Сюда мы относим уже описанные нами организации: «Общество духа великой Японии» («Кокусуйкай»), «Народно-трудовое общество» («Ямато Минрокай») и «Общество государственных основ» («Кокухонся»). Под их влияние подпали и некоторые из вновь возникших организаций, в том числе «Сейгидан», «Киноо Ремней», «Кайкокай», «Нихон Дзюнкокукай» и «Риккэн Исинто».

Остановимся на описании этих новых организаций. «Великояпонский союз справедливости» («Дайнихон Сейгидан») создан в 1925 г. крупным промышленником Сакаи Эйзю, председателем объединения строительных подрядчиков в Осака и главой ряда крупных промышленных предприятий в электротехнической, керамической и других отраслях промышленности, но в то же время и крупным земельным собственником. Союз этот не поспешил насытить свою программу и агитационную литературу словами о справедливости, гуманности, милосердии, сердечном сотрудничестве и т. д. Классовая борьба объявлялась им противоречащей национальному японскому духу. Интересы рабочих и капиталистов не противостоят друг другу, так как каждый рабочий, если он будет старателен и инициативен, может стать самостоятельным хозяином. Под этими лозунгами «Великояпонский союз справедливости» развил широкую деятельность как в деревне, где он активно вмешивался в конфликты между арендаторами и помещиками, так и в городе, где он приступил к расколу существующих пролетарских организаций и к созданию в Японии «зубатовских» профсоюзов. В этом направлении союз добился известных успехов. На этой основе он выступил активно во время текстильной забастовки 1927 г., громя революционные рабочие организации и организуя штрейкбрехеров под лозунгом: «Ни за капиталистов, ни за рабочих!» Сам Сакаи ездил в 1930 г. в Италию, виделся с Муссолини и по возвращении в Японию ввел для членов своей организации ношение черных рубашек. В вопросах

внешнеполитических эта организация не проявляет активности. По утверждению ее руководителей она насчитывает около 180 тыс. членов. Хотя эта цифра должна быть признана крайне преувеличенной, однако несомненно, что «Великояпонский союз справедливости» принадлежит к числу наиболее массовых реакционных организаций.

«Союз верности императору» («Киноо Ремней») был основан в январе 1924 г. крупным предпринимателем Судзуки Исаму — главой акционерной компании по разведению и продаже скота. Надо думать, что именно интересы его профессии, широким успехам которой препятствует весь строй японского сельского хозяйства, в котором животноводство стоит на чрезвычайно низкой ступени развития, подтолкнули Судзуки Исаму еще до создания этого общества выступить с пропагандой идеи поощрения переселенческого движения из Японии в другие страны.

Для тех, кто теснейшим образом связан с полуфеодальным строем японского сельского хозяйства и заинтересован в сохранении помещичьей собственности на землю, эмиграция представляется единственным выходом из всех социальных зол японской деревни. Хронический аграрный кризис, который все больше обострялся в Японии в послевоенные годы, также активизировал связанные с землевладением элементы и заставлял по ряду конкретных вопросов (налоги, пошлины, цены) рыцарей ренты объединяться против рыцарей прибыли. Лозунгом этого объединения было восстановление самодержавной власти императора, свободной от всяких парламентских организаций, ибо уже показанная всей предыдущей практикой продажность японских парламентариев позволяла финансовым концернам и денежной буржуазии лучше защищать свои интересы через парламентский аппарат, чем сравнительно распыленному помещичьему землевладению.

Все эти идеи и легли в основу созданного Судзуки общества пропаганды «Сисодзендокай», приступившего к изданию своей газеты «Кокка» и переименовавшегося затем в «Союз верности императору» («Киноо Ремней»). Помимо самого Судзуки Исаму в обществе руководящую роль играл граф Огасавара Цесей, бывший в это время вице-адмиралом и советником министерства двора, представитель одной из самых аристократических фамилий эпохи Токугава, сын бывшего главы клана Карацу, крупный чиновник морского министерства и член палаты пэров от Токио. Не удовлетворяясь этими связями с представителем феодального дворянства, Судзуки Исаму в качестве председателя общества привлёк генерала Кикуци Такео. Этот последний и обеспечил связи «Союзу верности императору» с «Обществом государственных основ» («Кокухонся»), в состав правления которого он был включен. Под его руководством союз занялся пропагандой преимущественно в деревнях, рассылая агитаторов, которые организовывали деревенские собрания с помощью местных ячеек «Союза резервистов». Программой союза было объявлено пропагандирование идей абсолютного самодержавия и сохранение престижа и чести страны, т. е. борьбы

против современных демократических идей, и активная захватническая внешняя политика. Союз насчитывал пять тысяч членов.

«Общество восстановления личности» («Кайокай»), организованное ген. Оой Кентаро, интересно лишь в том отношении, что это первая из известных нам офицерских организаций, активно выступившая в рядах шовинистического движения. Круг ее влияния был однако весьма ограничен: она объединяла несколько десятков отставных армейских и морских офицеров. «Жертвенное общество Великой Японии» («Нихон Дзюнкокукай») г-на Мацуй и «Общество конституционных преобразований» («Риккэн Исинкай») Танака Савадзи и Ямато посвятили себя преимущественно монархической агитации в городах. Первое из этих обществ сблизилось впоследствии с группой Тоэмы и с группой Ясуока (из «Юдзонся») и под пан-азиатским лозунгом «Международная революция против белой расы» объединило около 10 тыс. членов. Второе общество, во главе которого стоит сын ген. Танака, имеет довольно прочные связи в бюрократических кругах, но не отказывается также от использования парламентской системы, декларировав, что оно намерено завоевать парламентское большинство и после этого «в течение 25 лет полностью перестроить Японию на новых основах», которые должны заключаться в «служении воле императора». Сам Танака выставился на последних выборах кандидатом от 1-го избирательного округа в Токио. Официальные отчеты общества утверждают, что в его рядах состоит 15 тыс. членов, но очевидно цифра эта значительно преувеличена.

Во всей описываемой здесь группе организаций широким кругом влияний и прочным разветвленным для работы в массах аппаратом обладали только «Общество духа Великой Японии» («Кокусуккай») и «Великий японский союз справедливости» («Сейгидан»), число членов которых продолжало расти и которые более или менее успешно справлялись с возлагавшимися на них задачами по подавлению революционных выступлений. Остальные организации носили пропагандистский характер, и круг их влияния был весьма ограничен. Что касается руководства всей этой группой организаций, то оно все больше сосредоточивалось в руках «Общества государственных основ» («Кокухонся»), о котором поэтому здесь необходимо сказать несколько подробней.

Возникновение этого общества в 1918 г. мы описали уже выше и показали, что его основным ядром были крупные монархические чиновники—преимущественно ведомства юстиции,—группировавшиеся вокруг барона Хиранума и тесно сотрудничавшие с правительством. Однако вокруг этого ядра сгруппировались к 1924 г. не только представители военной и чиновничьей бюрократии, занимавшие видное место в различных националистических и реакционных организациях (ген. Кикучи Такео, граф Огасавара Цесей, ген. Сиотэн, бывш. министр Хара и др.), но и руководители буржуазного «делового мира»—Судзуки (лидер сейюкай), крупный финансист Икэда Сейкин и т. д. Из этого может быть сделан вывод, что выдвижение этого общества в 1924—1926 гг. на ру-

ководящее место среди всей описываемой здесь группы реакционных организаций означает сплочение всех групп господствующих классов вокруг старой платформы «Общества государственных основ». Такой вывод был бы однако неправилен.

В действительности в самой организации «Общества государственных основ» в 1924—1926 гг. произошли уже существенные сдвиги, которые могут быть сведены к тому, что лидеры финансового и делового мира занимали уже в обществе не руководящее, а подчиненное положение, а руководство обществом закрепилось в руках монархической бюрократии. Японский журналист Кимура в январской книжке журнала «Сейкай Орай» за 1933 г. писал, что «следует возражать, если кто-нибудь скажет, что, отняв от Судзуки его организацию «Кукусуйкай», в остатке мы получим ноль». И Кимура безусловно прав, ибо хотя Судзуки и выступил организатором этой банды реакционных погромщиков, но наряду с этим он продолжал пользоваться оружием парламентаризма и продолжал играть видную роль в партии (Сейюкай), в которой были представлены не только интересы землевладения, но и интересы серьезных групп промышленности и финансового мира.

Наоборот, о бароне Хиранума, хотя он и стоит обеими ногами на почве компромисса между капитализмом и феодализмом и воздерживается даже от демагогических выпадов против капитализма, надо сказать, что если отнять от него «Кокухонся», то действительно останется ноль. И поэтому переход руководства в рядах реакционных организаций от Судзуки и других сейюкаевских лидеров к Хирануме в 1924—1926 гг. заслуживает серьезного внимания, ибо этот факт означает усиление влияния в реакционно-великодержавном движении военно-бюрократического крыла за счет буржуазного крыла. Основой этого процесса явился тот переход правительственного аппарата из рук дворянско-черносотенного кабинета Киауры в руки буржуазного правительства Като и затем Вакацуки, о котором мы писали выше и который отбросил в оппозицию к правительству политических представителей помещичьего землевладения, военной и чиновничьей бюрократии и наиболее реакционно-агрессивной части той же буржуазии. Взгляды этих элементов, недовольных курсом правительства Като, и выражало общество «Кокухонся», сумевшее подчинить себе и реакционные организации, созданные на предыдущем этапе самой буржуазии. В последнем нет ничего удивительного, ибо, во-первых, эти организации создавались не вообще буржуазией, а именно тем ее политическим крылом, которое ближе всего стояло к землевладению (т. е. не кенсейкаевским, а сейюкаевским крылом), во-вторых, человеческий материал, из которого были составлены эти организации, состоял в значительной своей части из мелкого чиновничества, полицейских служащих, наемных громил, мелких деревенских землевладельцев и зависящих от них разоренных и деклассированных выходцев из деревни и стоящих в оппозиции к крупному капиталу мелких лавочников, подрядчиков и т. д.

Сам Хиранума, бывший министром юстиции в кабинете Ямато, тотчас же после землетрясения оказывается при кабинете Като (т. е. с июня 1924 г.) устраненным от исполнительного правительственного аппарата, но те слои, которые он представляет, постарались выдвинуть его на руководящие посты в учреждениях, созданных согласно японской конституции именно для того, чтобы ограничить влияние парламента, могущего стать опасным для монархической бюрократии в связи с введением всеобщего избирательного права и ростом влияния буржуазии внутри парламента. Так, в 1924 г. Хиранума был избран председателем палаты пэров, а в 1926 г. назначен вице-председателем Тайного совета. Под его руководством эти учреждения «сдерживали» и без того совершенно ничтожные реформаторские потуги кабинетов Като и Вакацуки и в конце концов в связи с конфликтом, возникшим между Тайным советом и кабинетом Вакацуки по делу о государственной помощи обанкротившемуся Тайванскому банку, добились в 1927 г. падения кабинета Вакацуки и прихода к власти лидера самого реакционного крыла японской бюрократии—ген. Танака. Но еще задолго до прихода последнего к власти, т. е. еще в 1924 г., при кабинете Като, барон Хиранума и его политические друзья решают для проведения своей политической линии использовать не только конституционные учреждения, которые они держат в своих руках (Тайный совет), но и опереться на так называемые «патриотические организации». В 1924 г. они использовали знаменитый «инцидент на улице Тораанамаи» (покушение на императора) для усиленной монархической агитационной кампании и оформили в связи с этим официально «Общество государственных основ» («Кокухонся»).

В качестве своей программной цели общество провозглашало «укрепление основ государства», а фактически было занято организацией борьбы против всяких демократических, революционных или либеральных течений, пропагандой японской великодержавности и больше всего—борьбой за возвращение всей полноты власти в руки военно-бюрократической касты. Именно в связи с этим в обществе в эти годы начали оформляться те антипарламентские тенденции, которые впоследствии были ярко проявлены им. Не порывая связи с Судзуки и другими сейюкаевскими лидерами, вожди общества показывали однако, что они принимают сотрудничество с буржуазией только на основе подчинения буржуазии монархической бюрократии.

Политические установки «Общества государственных основ» в 1924—1926 гг. определили не только роль этого общества, но и всех организаций, принадлежащих к описываемому в этом пункте крылу (т. е. «Кокусуйкая», «Сейгидана», «Ямато Минрокая», «Киноо Ремнея», «Кайкокая», «Нихон Дзюнкоку», «Риккэн Инсинто» и т. д.). Продолжая поддерживать связь с реакционно-агрессивными группами сейюкаевской буржуазии, все эти общества все более становятся орудием монархической бюрократии и

полуфеодалных помещиков и постепенно начинают усваивать антипарламентские лозунги.

Второе течение в лагере реакционных политических организаций представлено в эти годы обществами, которые группируются вокруг Тоямы и Уциды Рекей. Это были, во-первых, уже описанные нами их старые общества (их коронная организация «Общество черного дракона» и созданные для «борьбы на внутреннем фронте» «Дружина по борьбе с большевизацией» и «Общество осенней воды») и, во-вторых, ряд новых обществ, возникших в 1924—1925 гг. Из последних общество «Тойо Киосенкай» («Общество сосуществования на Востоке»), созданное в 1924 г. Тоймой, и «Тоа Ренмей» («Лига Восточной Азии»), созданная в 1925 г. Иукано Кинци, являются простыми филиалами общества «Черного дракона» и не носят массового характера.

Большого интереса заслуживают общества, также воспринявшие основные установки общества «Черного дракона», но созданные не им непосредственно, а образовавшиеся в результате раскола «Юдзонся». Среди них следует прежде всего указать на общества, созданные Касаги. Последний, так же как и Окава, работал раньше в Исследовательском институте ЮМЖД и был одним из создателей «Юдзонся», но в момент раскола последнего разошелся с Окава, считая, что главное внимание патриотов в настоящее время должно быть уделено изучению объектов японского империализма на материке, а не вопросам внутренней политики. Ухудшившееся к этому времени международное положение Японии (о чем мы писали выше) послужило толчком к организации и объединению ряда великодержавно-настроенных интеллигентских групп, большей частью материально связанных с различными колониальными предприятиями японского империализма (ЮМЖД, Восточное колонизационное общество и т. д.). На эти элементы и опирался Касаги в созданном им обществе «Токай Ремней» («Союз развития Востока»), выступившем с обычной пан-азиатской программой «освобождения цветных народов». По инициативе Касаги была создана также и «Каага Кудзiku» («Группа развития Азии»), посвятившая себя постановке изучения восточных языков, докладов и лекций об азиатских странах и т. д. Аналогичный характер носит и находящееся также под влиянием Касаги, но возникшее позже общество «Дайюбокай». Массового характера ни одно из этих обществ не имеет.

Наряду с обществами, созданными Касаги, к этому же крылу реакционного движения должно быть причислено и созданное Иосида в 1924 г. общество «Дайтося» («Большое объединение»). Сам Иосида происходит из Фукуока и является учеником Тоймы. Основное свое внимание общество это концентрировало на пропаганде идеи активной японской политики в Манчжурии. Первоначально оно представляло собою объединение группы журналистов вокруг газеты «Осака Майничи», но в 1925 г.

центр деятельности общества был перенесен в Дайрен, где оно опирается на служилые чиновничьи и интеллигентские круги местных японских резидентов. Позже возникло и токийское отделение этого общества. Круг влияния этого общества остается однако весьма ограниченным: оно насчитывает всего несколько сот членов. В последние годы замечается, что общество это усиливает внимание и к вопросам внутренней политики: сохранив в качестве центральных пунктов своей программы «объединение малых и слабых азиатских племен, освобождение Азии от захватнических планов и от цепей иностранного гнета» (конечно— не японского), общество это включило в свою программу и «борьбу за реформу в системе управления», создало в Цива специальную сельскохозяйственную школу общества «Дайтося» и связалось с одним из деятелей террористического крыла японского фашизма, Симадзү, и с известным своей антипарламентской агитацией бывшим минсейтовцем Накано.

Если вспомнить, что и сами Тояма и Уцида по мере обострения внутренних классовых противоречий в стране принуждены были заняться «борьбой на внутреннем фронте» и создали с этой целью «Дружину по борьбе с большевизацией», то будет очевидным, что и их ученик Иосида должен был пойти по этому же пути. Путь этот обязывает конечно тех, кто вступил на него, прибегнуть к известной дозе социальной демагогии, но политическое лицо «Большого объединения», так же как и других организаций Тоямы и Уциды, определяется в 1924—1926 гг. не столько его критикой системы управления, парламентских учреждений и т. д., сколько тем, что оно остается исполнительным органом японской агрессии на континенте, а это значит—органом военного министерства в первую очередь.

Все же должно быть отмечено, что 1924—1926 гг. создали известное сближение между организациями, находящимися под влиянием общества «Черного дракона» («Кокурюкая») и организациями, описанными в предыдущем пункте, т. е. находящимися под влиянием «Общества государственных основ» («Кокухонся»). Сближение это носит взаимный характер, так как основывается, с одной стороны, на том, что в рядах организаций, находящихся под влиянием «Общества государственных основ», решающая роль переходит к военно-бюрократическим группам и крепнет оппозиция против парламентско-политических кругов, а, с другой стороны, в рядах организаций, находящихся под влиянием общества «Черного дракона», сохраняется тесная связь с военщиной, но в то же время, в силу необходимости расширять свое влияние в массах, делаются попытки играть антипарламентскими лозунгами, хотя основное внимание этих обществ по-прежнему уделяется вопросам внешней политики.

Оформление национал-социалистических и террористических организаций

Третья группа реакционных организаций представлена в эти годы так называемым «национал-социалистическим» или «государственно-социалистическим движением», основой которого явились левые осколки «Общества старых борцов» (т. е. группы и организации Такабатаке и бывших нагойских анархистов) и группа проф. Уэсуги. Организации эти до сих пор не проявляли большой активности и работали преимущественно в студенческой среде, но описанное уже нами обострение внутренней политической обстановки в стране в годы, лежащие между введением всеобщего избирательного права и банковским крахом 1927 г., активизировало и эти группы.

В 1926 г. ряд групп, соединявших националистическую и монархическую агитацию с идеями «госсocialизма», и бывшие анархисты сделали попытку объединиться, чтобы использовать те организационные связи, которые они имели в рабочей среде, преимущественно среди профсоюзного актива, и среди студенческой молодежи. Так произошло объединение групп проф. Уэсуги и Такабатаке с группой нагойских анархистов, первые связи с которыми были установлены еще в то время, когда Такабатаке и нагойцы состояли вместе в «Обществе старых борцов». Организация, которую до сих пор возглавляли проф. Уэсуги и Такабатаке, т. е. «Лига принципов управления» («Кэйрин Гакумей»), перешла в руки проф. Номура, который продолжал работу среди студенчества и с этой целью реорганизовал это общество в чисто студенческую организацию, назвавшую себя «Общество семи учеников» («Тэйдай Сицися»). Это общество, провозгласившее своей целью «реставрацию идеалов, на основе которых была создана Японская империя», пригласило в число своих руководителей ряд полицейских деятелей (начальника токийской полиции Хосидзе, прокурора окружного суда в Токио Нагао и др.) и прославилось яркой борьбой с левыми студенческими организациями, в частности избиением левых студентов в Токийском университете в январе 1928 г.

Уэсуги и Такабатаке со своими ближайшими сторонниками объединились с группой бывших нагойских анархистов, руководимых к этому времени Акао, известным своим участием в крестьянском движении в районе Цюбу, и создали в апреле 1926 г. «Союз государственного строительства» («Кэнкокукай»). В качестве своей цели этот союз провозгласил «создание подлинно народного государства, основанного на единодушии народа с императором». Идеям «госсocialизма» в программе союза была отведена дань в виде включения требования «государственного контроля над жизнью народа, чтобы среди японцев не было ни одного несчастного или неполноправного». Подобно всем реакционным организациям, союз объявил себя также и сторонником пан-азиатской программы: «Японский народ. — говорит программа союза, — стоящий во главе

цветных народов, несет миру новую цивилизацию». Учитывая состав аудитории, к которой он обращался, союз внешне не афишировал своих реакционных целей и одно время заявлял себя даже сторонником всеобщего избирательного права. Однако на деле с первых же своих шагов «Союз государственного строительства» зарекомендовал себя как активная антирабочая организация, пользующаяся своими связями в рабочей среде для провокационной работы по срыву рабочих забастовок, вербовки штрейкбрехеров, устройства погромов рабочих организаций и т. д. Уже в 1926 г. кэнкокукаевцы организовали погром стачечных организаций во время забастовки угольщиков в Тоциге, затем подавляли стачки на предприятиях Канегафуцы, токийских трамвайщиков, арендаторские конфликты в префектуре Гифу и на этой основе завязали тесные связи с полицией. Кульминационный пункт развития активности союза относится к моменту полицейского разгрома рабоче-крестьянских партий, в котором кэнкокукаевцы приняли активное участие. Вся эта погромная работа прикрывалась организацией реакционных профсоюзов, помощью безработным, на что предприниматели охотно давали деньги в обмен за услуги, оказываемые обществом по борьбе с революционным рабочим движением.

«Акао, после того, как он переметнулся к правым,—писала недавно одна газета,—продолжает метать гром против капитализма, предлагая, чтобы капиталисты вернули свои богатства трону, подобно тому, как феодальные лорды вернули свои земельные владения императору в эпоху реставрации»¹.

Однако этот гром был не из туч.

В официальной фашистской литературе число членов этого союза в 1927 г. определяется приблизительно в 45 тыс., однако в действительности даже с созданными им профсоюзами «Союз государственного строительства» не насчитывает этого количества членов, а число членов самого «Союза государственного строительства» в описываемый нами период не превышало 10 тыс. Практически взятая им с первых же шагов ярая антирабочая линия не только разоблачила его в глазах рабочих, но быстро привела к расколу в его собственных рядах, ибо как группа Такабатаке, так и группа Уэсуги отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы полностью в короткий срок сорвать свой авторитет в массах. Обе эти группы поэтому очень быстро покинули «Кэнкокукай», который сначала остался только в руках бывших нагойских анархистов, нашедших однако себе быстро новых союзников. Группа Уэсуги покинула «Союз государственного строительства» в 1927 г., а в декабре 1928 г., после смерти Такабатаке, из союза вышли его ученики во главе с Цукуи. На место вышедших в союз были теперь приглашены уже откровенно реакционные фигуры: почетным председателем союза стал лидер общества «Черного дракона»

¹ «Reactionaries in Japan», «The Japan Chronicle» 21/II 1933.

Тояма, его заместителем—бывший губернатор и начальник полиции Нагата, советником общества и его идеологом стал известный националист Ихэра, в состав правления союза вошли ген. Кида, лейтенант Сугимото и др. Вождь нагойских «анархистов» Акао удовлетворился ролью директора союза. Теперь при союзе стали уже открыто организовываться «партизанские» и «летучие отряды» для борьбы с забастовщиками, кэнкокукаевцы специализировались на погромах левых союзов и в 1928 г. отличились тем, что бросили бомбу в полпредство СССР. Издаваемый союзом печатный орган «Нихон сюги» превратился в обыкновенный погромный листок. Их боевым лозунгом стало: «Уничтожение коммунизма, русского большевизма, левых партий и рабочих союзов».

Что касается вышедших из «Союза госстроительства» учеников Уэсуги и Такабатаке, то они создали свои собственные организации с целью более тонкого маневрирования. Ученики Уэсуги уже в 1927 г. создали «Всеяпонское общество единомышленников возвеличения родины» («Дзен Нихон Кенкоку Досикай»), объявившее своей главной задачей «создание национального крыла в рабочем движении». Ему удалось создать свои местные организации не только в Токио, но и в провинции, в частности в префектурах Ниигата, Нагано, Кумамото, Ибараки и Киото. Организации эти существовали под различными названиями, так что объединяющее их общество может рассматриваться как федерация целого ряда обществ. Общество выпускало свой печатный орган «Нихонсю Юндо». Впоследствии из первоначальных вождей Аmano, Накатани и Аякава в обществе остался один только Аякава. Последний связался с «Обществом государственных основ», пригласив в свою организацию одного из видных кокухонсевских деятелей Ота. Несмотря на довольно разветвленную организационную сеть, общество это большой политической роли не играло, что в частности объясняется и неопределенностью его установок, так как Аякава стремится сотрудничать как с бюрократами из общества государственных основ, так и с национал-социалистами.

Ученики Такабатаке во главе с Цукуи и с помощью Ивада из «Дайкакай» (общество это продолжало существовать и не было распущено во время слияния с «Союзом государственного строительства») воссоздали в начале 1929 г. распущенное ими раньше «Массовое общество» («Тайсюся») на его старой платформе. Вскоре к этому обществу снова примкнули и ученики проф. Уэсуги. Наряду с этими группами широкую деятельность развил также проповедывающий теорию государственного социализма Мицикава. Тогда же, т. е. в 1927 г., он создал «Общество обновления» («Иссинся»). Вместе с ним над созданием этого общества работал Касаги, о котором мы уже говорили выше как о руководителе ряда реакционных организаций, поставивших себе основной целью активизацию внешней политики японского империализма. Одно из основных обществ Касаги—«Тоокио Рэммэй»—фактически превратилось в этот период в исполнительный орган «Общества обновления». Политические установки «Общества обновления» носили

весьма упрощенный характер пропаганды японского национального духа, совпадающего якобы с требованиями государственного социализма и призванного теперь лечь в основу переделки японского государства.

На страницах созданного ими печатного органа «Кооганроку» руководители «Общества обновления» писали:

«Что несет с собою 1927 г., являющийся 60-летним юбилеем реставрации Мейдзи, 50-летним юбилеем восстания Сайго и 10-летним юбилеем русской революции? Мы должны ясно возвестить о приходе новой жизни для народа. Наше общество «Иссинся» имеет идейной целью реконструировать японское государство. В этих целях мы будем вести длительную борьбу на широком фронте.

Надо однако подчеркнуть, что за все время существования «Общества обновления» размах его работы, по крайней мере в организационном отношении, особой широтой не отличался и, судя по разным данным, охватывал лишь несколько сот интеллигентов. Мицикава имеет однако довольно прочное влияние среди различных студенческих патриотических организаций и именно в этой среде он пользовался до сих пор известной популярностью.

В четвертую группу реакционных организаций в описываемый период мы включаем те общества, которые явились основными продуктом распада «Юдзонся» и унаследовали его программные установки, т. е. организаций реакционной мелкой буржуазии, которые были связаны с группой Окава—Кита Икки. В центре их стоит «Общество действия» («Коцися» или «Гиоцися»). Оно было создано в начале 1925 г. Окава и объявило себя «продолжателем принципов «Юдзонся». Окава на страницах газеты «Нихон» (бывшей одно время органом этого общества) формулировал цели «Общества действия» как «укрепление японской политики и экономики путем возрождения народного духа и коренных внутренних преобразований».

Центром своей политической агитации общество это сделало «борьбу за развитие государства, повинующегося естественным законам природы». Таким естественным законом природы является прежде всего императорская власть, поэтому «реставрация Японии возможна только на основе укрепления императорской власти». Хотя наряду с этим программа общества выставляла требования «равенства в политической жизни и свободы духовной жизни», по его политическая физиономия определяется конечно не этим, а безусловной поддержкой военно-полицейской монархии, выставляемой в качестве «естественного закона природы». Но так как на этом и кончается вся платформа общества по вопросам государственного устройства, то было бы совершенно непонятным, в чем заключаются «коренные внутренние преобразования», которых, по словам Окава, добивается общество, ибо монархия в Японии и сейчас не может пожаловаться на недостаток власти. Это недоумение однако рассеивается самой практикой общества, которое, начиная с

1925 г., т. е. с момента своего возникновения, не пропускало ни одного случая для организации выступлений против демократических и либеральных элементов, для травли парламентских политических партий и тех, кто, по мнению общества, недостаточно активно и решительно выступает в вопросах внешней политики.

Общество стяжало себе известность в частности своими антипарламентскими выступлениями, выступлениями по китайскому вопросу во время революции 1925—1927 гг. в Китае, своими выступлениями против законов, стесняющих японскую иммиграцию в САСШ, демонстрациями против Англии в связи с протестом английского посла по поводу приезда одного индийского националиста в Японию и т. д. Пан-азиатские идеи, преподносимые под прикрытием лозунга «раскрепощения цветных народов», стояли в центре агитационных выступлений «Общества действия». Оценивая деятельность этого общества примерно до 1927 г., приходишь к выводу, что очевидно и сами лидеры общества еще плохо представляли себе и свои цели и пути, которые должны вести к этим целям, и вся деятельность общества носила какой-то случайный и нецелестремленный характер, а круг его влияния был совершенно ничтожным: оно объединяло около трех тысяч членов. Объясняется это очевидно тем, что «Общество действия» унаследовало все же основной недостаток «Юдзона»: его состав был также достаточно пестрым и политически неопределенным. В самом деле, в него еще входила группа национал-социалистов во главе с Мицикава и председателем союза железнодорожников Мацунабу, интересовавшимся преимущественно работой среди рабочих организаций; группа Касаги, занятая исключительно вопросами внешней политики; группа Ясуока, посвятившая себя целиком вопросам «духовного воспитания» и работавшая исключительно среди интеллигенции, и т. д.

Из этого неопределенного состояния «Общество действия» было выведено расколом, произошедшим в 1927 г., в результате которого общество оказалось целиком в руках Окава Сюмей. С этого времени и начинается быстрая эволюция общества к тактике прямого действия, и Окава начинает формулировать программу «уничтожения социальной несправедливости путем террора», устанавливает связь с офицерской молодежью, создает при обществе нелегальные боевые отряды. Таким образом Окава нацупывает тот путь, который должен привести к «укреплению императорской власти», подрываемой парламентскими политическими партиями и сторонниками «мягкотелой» внешней политики. Работа общества начинает оживляться, оно создает свои отделения в Осака, Киото и других крупных центрах страны, завоевывает влияние в ряде студенческих организаций¹.

¹ Среди студенческих организаций, подпавших под влияние этого экстремистского крыла реакционно-шовинистического движения, должно быть названо общество «Кюокай», объединившее правое студенчество университета в Киото. Это общество было создано Мицусима в 1925 г. под покровительством властей для борьбы

Что касается выпедших в 1927 г. из «Общества действия» руководителей, то почти все они входят в различные общества, создавшиеся одновременно с «Обществом действия» или несколько раньше его и продолжающие существовать параллельно с ним. О группах Мицикака и Касаги мы уже писали выше. Ясуока, сумевший заручиться покровительством члена Верхней палаты графа Сакаи, представителя старинной дворянской фамилии, совместно с рядом крупных бюрократов (генерал-лейтенантом Татэкава Есицугу, начальником полицейского управления Кореи Икэда Киоси, начальником управления по делам храмов Есида Сигэру и др.) создает «Институт золотого фазана» («Кинкэй Гакуин»)¹. Общество это, объединяющее сравнительно немногочисленную группу отставных офицеров, чиновников и националистического студенчества, посвятило себя преимущественно воспитательной работе в обычном великодержавно-монархическом духе, громко именуемым «движением за духовную культуру», «воспитанием национальных героев» и т. д. Книжки Ясуоки («Восточная логика», «Изучение духа Японии», «Восточная политика»), являющегося видным в Японии публицистом, обличают в нем весьма консервативно настроенного политика и пользуются популярностью среди чиновничьих, военных и буржуазных кругов. Ясуока не порвал однако окончательно тех связей, которые существовали у него с группой Окава: в состав руководства своего общества он привлек одного из ближайших сотрудников Окава Симидзу Гиносукэ, а среди рядовых членов общества остался ряд лиц, принимавших непосредственное участие в террористических предприятиях Окава.

Но еще ближе к Окава, с того момента как он повернул на платформу «прямого действия», оказался ряд групп, возникших одновременно с «Обществом действия» на этой же террористической платформе и предвосхитивших таким образом поворот, который позднее совершил и сам Окава. Прежде всего это относится к группе Кита Икки. В момент развала «Юдзонся» Кита Икки разошелся с Окава, считая, что подлежащая разрешению задача заключается в сознании не широких массовых организаций, а небольших замкнутых групп, которые средствами террора сумеют повлиять на направление политики правительства. С этой целью Кита Икки с помощью Тацукава Сидзуо, Тацибана Масааки и Нисида в 1924 г. создает «Общество белого волка» («Хакурокай») — активистско-боевую организацию, определяющую свои цели в краткой формуле: «Перерешить социальные проблемы фактической силой на основе справедливости и рыцарского духа».

Замкнутый характер этой организации, насчитывающей всего несколько сот членов и существующей нелегально, не позволяет нам судить обо всей ее работе. Известно только, что она усиленно

с левыми течениями среди студенчества под лозунгом: «Все дела наши должны вращаться императорским домом». Из членов этого общества впоследствии вышел ряд участников террористических пятаков «Бровного братства».

¹ Золотой фазан согласно японской мифологии охранял первого императора Японии Дзимму Тэно во время его походов.

вербовала офицерскую молодежь в свои ряды, занималась шантажем деятелей министерства двора, была замешана в скандальное «дело 15-го банка» и т. д. В ее рядах получили первоначальное политическое воспитание многие исполнители террористических актов последующих лет. Впоследствии (1928 г.) один из участников этой организации бывший офицер Нисида, занимавшийся изучением социальных проблем и увлекавшийся одно время кемалистской революцией, скомпрометированный своим участием в афере с 15 банком, принужден был выйти из организации и создал общество «Сбор самураев» («Сиринася») — также активистско-боевую организацию, сочетавшую в своей программе пан-азиатские и национал-социалистические лозунги.

Организация эта работала среди офицерской молодежи и членов «Союза резервистов», в котором Нисида удалось насадить несколько террористических групп («Общество звездных лучей», «Общество небесного меча» и т. д.). Из рядов этих организаций вышло впоследствии несколько участников террористических групп «Кровавого братства».

Менее ярко выраженный активистско-боевой характер носило «Общество величия» («Дайкакай»), созданное Ивада точнее после распада «Юдзонся». Сам Ивада, бывший раньше сторонником Такабатаке, в годы мировой войны работал в Манчжурии среди китайских хунхузов, очевидно по заданиям японской разведки, и занимался пан-азиатской пропагандой, а после Октябрьской революции — различными антисоветскими махинациями. Созданное им общество заявило, что задачей общества является «накопление сил для проведения рациональных реформ в Японии», заставив для этого «всю страну понять миссию Японии, противостоящей всему миру». Предпосылкой для этого является «борьба как с рабскими идеями (т. е. идеологией сотрудничества с другими странами), так и с революционными идеями, занесенными из Европы». «На этом общенародном базисе общество будет руководить молодежью». Общество издавало журнал «Кюсин» («Быстрый прогресс»), поддерживало связи с движением Такабатаке и своей активной пан-азиатской пропагандой сумело в 1925—1926 гг. завербовать довольно значительное количество членов. Однако примерно с 1927 г. в обществе начинается внутреннее расслоение. Часть его членов во главе с Симидзу Гионосукэ выделяется, создает замкнутую боевую организацию «Дайкося», которая после того, как глава «Общества действия» («Коцися») Окава воспринял террористическую программу, превратилась в боевой отряд при «Обществе действия». Из этой группы вышел в частности один из руководителей «Лиги крови» — Иосифудзи. После этого раскола «Дайкося» насчитывает 1500 членов.

Сам Ивада, относившийся отрицательно к террористическим методам борьбы, пытался впоследствии создать массовую «патриотическую» организацию.

Таким образом эволюция, которая была проделана в течение 1924—1927 гг. организациями, связанными с именами Окава — Кита

Икки, заключается в основном в росте террористических тенденций в их рядах, в постепенном переходе их на платформу «прямого действия». Питались эти тенденции тем отмеченным уже нами фактом, что именно в эти годы укрепились в стране позиции финансового капитала и в его руки перешел в большей степени, чем до сих пор, правительственный аппарат. Оппозиционные настроения среди мелкой буржуазии по отношению к финансовым концернам и к их кенсейкаевскому правительству поощрялись противодействием, которое оказывали военщина и полудфеодально-бюрократические элементы претензиям буржуазии на власть. Противодействие это толкало идеологов реакционной мелкой буржуазии и мелкого помещичьего землевладения на путь «прямого действия».

Оценивая 1924—1927 гг. для всего реакционно-шовинистического движения в целом, мы видим следовательно, что хотя годы эти и не принесли с собой быстрого численного роста членской массы этих организаций и не привели к их консолидации вокруг единого центра, этап этот все же имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития реакционно-шовинистического движения. Значение этого этапа сводится к тому, что он содействовал обострению разногласий в лагере господствующих классов; оформлению ряда организационных центров реакционного движения применительно к тем социальным слоям, к которым они апеллировали; активизации этих реакционных организаций как в деле непосредственной борьбы со всеми революционными, демократическими и даже просто либеральными течениями, так и в попытках оказать прямое давление на политику правительства; он содействовал также оформлению террористических течений в рядах реакционно-шовинистических организаций.

Глава третья

ЭПОХА ТАНАКА. ПОМЕЩИЧЬИ ОРГАНИЗАЦИИ

Приход к власти ультра-реакционного правительства ген. Танака в апреле 1927 г. не внес качественно ничего нового в реакционно-шовинистическое движение, но способствовал дальнейшему развитию тенденций, наметившихся на предыдущем этапе, и значительному количественному росту реакционных организаций. Ген. Танака пришел к власти на волне финансового кризиса 1927 г., на известный момент политически дезорганизовавшего буржуазию и снова отбросившего значительные ее группы под крылышко военно-феодалной реакции. Кризис этот во весь рост поставил перед японской буржуазией две проблемы: необходимость проведения самой жесткой рационализации в промышленности в целях снижения издержек производства и проблему закрепления за собою новых внешних рынков. Было очевидно, что без выполнения этих двух условий каждое «финансовое оживление», подобное тому, которое имело место в 1926 г., будет происходить «на холостом ходу», вырождаться в пустое грюндерство и спекулятивный ажиотаж, который через самый короткий промежуток времени будет терпеть потрясающие крахи.

Танака—лидер военного дворянства клана Цюсю и вождь буржуазно-помещичьей партии Сейюкай, не скомпрометировавший себя никакими либеральными исканиями,—представляется той фигурой, которая сумеет обеспечить твердый курс во внутренней и внешней политике. На него возлагалась задача разгромом революционных организаций обеспечить успех осуществления рационализаторских мероприятий в промышленности и активной внешней политикой добиться расширения японского влияния в Китае. Таким образом в лице правительства Танака военные и часть бюрократических кругов, отодвинутые на второй план в эпоху кейсейкаевских правительств, теперь брали реванш.

Придя к власти под лозунгом «поднятия национального духа», Танака конкретизировал это отвлеченное понятие разгромом в 1928 г. японской компартии и левого профсоюзного движения, полицейским обеспечением жестокой рационализации (в результате которой количество фабрично-заводских рабочих сократилось с 1926 по 1928 г. на 9,6% и создалась безработица, исчисляемая в 1 млн. человек) и наконец военными авантюрами в Шаньдуне и подготовкой Японии к выполнению тех авантюрно-утопических

планов, которые изложены в знаменитом «меморандуме» Танака на имя императора, содержавшем в себе пан-азиатскую программу в таком развернутом виде, что к ней ничего не могли бы прибавить и сами Тояма или Кита Икки.

Политика «бронированного кулака» ген. Танака, как известно, не только не вывела господствующие классы Японии из стоявших перед ними трудностей, но, наоборот, создала новые трудности: революционные выступления внутри страны если и сократились в численном отношении, то приобрели более упорный и стойкий характер. Загнанная в глубокое подполье компартия освободилась от различных предательских элементов и начала завязывать более серьезные связи в самой гуще рабочих. На парламентских выборах 1928 г. левая «Родо Номинто» (рабоче-крестьянская партия), несмотря на все меры полицейского террора, получила все же два места. Шаньдунская военная авантюра не только не привела к осязаемым успехам, но вызвала взрыв анти-японского бойкота во всем Китае и дальнейшее ухудшение международного положения Японии. Провал политики Танака привел поистине к росту в парламенте буржуазной оппозиции, которой удалось в июле 1929 г. свалить правительство Танака и вернуться к системе кенсейкаевских (теперь минсейтовских) правительств, удержавшихся в течение последующих 2½ лет (правительства Хамагути и Вакацуки), но на этот раз уже не проявлявших никаких поползновений в сторону реформаторских попыток; с начала мирового кризиса маневренная способность японской буржуазии была сужена настолько, что о реформах думать не приходилось.

Однако до того, как провал политики Танаки стал очевидным, его пребывание у власти способствовало развязыванию всех самых агрессивных течений в стране, всячески поощряемых властями. Дело дошло до того, что в начале пребывания Танаки у власти, когда еще не выявилось полностью направление его политики, одним молодым «патриотом» было совершено на него террористическое покушение, — Танака не нашел ничего лучшего, как пожертвовать 1 тыс. иен семье арестованного террориста и высказать в прессе свое восхищение героизмом молодого патриота. Полицейский аппарат и сами капиталистические предприниматели со своей стороны всячески субсидировали и поощряли деятельность антирабочих реакционных организаций, облегчавших полиции борьбу с оборонительными стачками рабочих против рационализации. Военщина и министерство иностранных дел широко использовали услуги «патриотов» для провоцирования конфликтов в Шаньдуне и распространения пан-азиатской программы, оправдывавшей новое японское вторжение в Китай. Для развития реакционно-националистического движения создавалась таким образом весьма благоприятная обстановка, которой и не преминули воспользоваться реакционные организации.

На деятельность этих организаций описываемые годы наложили однако еще один отпечаток: мы говорим о том влиянии, которое

должен был оказать на эти организации рост социального недовольства в массах мелкой буржуазии и мелких помещиков последствиями финансового кризиса 1927 г. Этот кризис не только разорил многих мелких вкладчиков в банки, но, что еще важнее, открыв этап рационализации в японской промышленности, форсировал процессы концентрации в ней, т. е. ускорил разорение ремесла и мелкого производства, пожираемых монополизированным финансовым капиталом. Аналогичные процессы происходили и в сельском хозяйстве.

Аграрный кризис в Японии, порожденный коренными противоречиями японского военно-феодалного империализма, задолго до его катастрофического обострения в связи с современным мировым экономическим кризисом распатывал сельскохозяйственную экономику страны. Кризис, подсекая малоустойчивое крестьянское хозяйство, начиная с 1921 г., также обратился своим острием против менее мощной группы помещиков, в первую очередь против многочисленного слоя мелких помещиков¹.

Начавшаяся с 1921 г. полоса низких цен на рис ударила не только по крестьянам, но и по помещикам, являющимся, как известно, главными поставщиками товарного риса в Японии. Начиная с 1922 г. с каждым годом заметно увеличивался ввоз дешевого колониального риса, оказывавшего существенное давление на уровень цен внутри страны. Доля корейского риса на японском рисовом рынке изменялась следующим образом:

В 1920 г. она составляла	11%	В 1925 г. она составляла	27%
» 1922 » »	20%	» 1926 » »	28%
» 1924 » »	25%	» 1928 » »	31%

Низкие рыночные цены на рис при господстве натуральной формы ренты продуктами автоматически снижали размеры ренты в денежном выражении. Чтобы компенсировать «убытки», помещики пытаются в годы наиболее резкого падения цен увеличить арендную плату в натуральном выражении. Соответственно повышается также и арендная плата деньгами. Переложить на плечи арендаторов потери от низких цен путем простого увеличения арендной платы — в этом помещики усматривают единственный выход в рамках старых отношений земельного ростовщичества. Формальным оружием при этом оказывается помещичье право сгона арендаторов с земли в случае отказа крестьян от перезаключения арендных договоров (на основе новой, повышенной арендной платы). Это средство в годы низких цен на рис стало применяться

¹ Японская аграрная статистика сваливает в одну кучу крестьянскую и помещичью земельную собственность. Различные японские авторы по-разному определяют количество помещиков в Японии. Нагата, автор специальной статьи по аграрному вопросу в журнале «Маркусюсюга» («Марксизм») за февраль 1929 г., определяет общее количество помещиков в 180 тыс. человек, большинство из которых — мелкие. Хасимото и Нагата (авторы цит. труда) приближаются к оценке Нагата, говоря о 94 тыс. помещиков-абсентеистов, составляющих 50% общего числа помещиков.

помещиками во все более широком масштабе. Анализ причин арендных конфликтов показывает, что в период 1924—1930 гг. чрезвычайно возросло число конфликтов, вызванных требованием арендаторов о сохранении «права аренды», т. е. направленных против массового сгона арендаторов с земли. Так, если в 1924 г. конфликты, возникавшие на этой почве, составляли всего 1,6% общего числа конфликтов, то к 1930 г. они уже составили 39,7%¹.

Но прямой нажим на арендаторскую массу все чаще наталкивался на ожесточенное сопротивление крестьянства. Бурно разразившееся, начиная с 1921 г., крестьянское движение красноречиво свидетельствовало об ограниченных перспективах сохранения старого высокого уровня ренты методами прямого нажима. Многие авторы отмечают, что уже начиная с 1922 г. стала остро ощущаться нерентабельность капиталовложений в земледелие². Правильным на наш взгляд было бы также утверждение о малой рентабельности капиталовложений в землевладение. При падающих ценах на сельскохозяйственные товары, необходимости уплаты сравнительно высокого поземельного налога³ и в случае невозможности брать с арендаторов повышенную арендную плату уровень ренты падал ниже сравнительно высокой средней нормы прибыли и процента на капитал. Простым подсчетом можно выяснить, что этот уровень ренты не превышал 5—6% на вложенный в землевладение капитал, в то время как средние акции промышленных предприятий давали в эти годы не менее 10% дивиденда, и даже банковский процент по вкладам в среднем составлял 5,3—6,7%⁴.

В особенно невыгодном положении, естественно, оказывались мелкие помещики, для которых, как утверждает Крокер, «снижение арендной платы было равносильно банкротству». Часть мелких помещиков, а именно: наименее устойчивые, наименее способные к осуществлению последовательного нажима на арендаторов и, с другой стороны, более связанные с городом и способные найти выгодное применение своему капиталу, неизбежно в этих условиях пошли на ликвидацию своих владений. Аграрная статистика показывает этот процесс достаточно наглядно в цифрах, свидетельствующих об уменьшении количества средних, являющихся преимущественно помещичьими, землевладений (от 3 до 10 цию). Однако этот процесс не мог охватить основной массы помещиков, которая искала выхода как на путях организованного давления на арендаторскую массу, так и по линии борьбы с городской бур-

¹ Хасимото и Нагаи, цит. соч., стр. 571.

² W. Crocker, The Japanese Population Problem, L. 1931.

³ Исследование «Имперского сельскохозяйственного общества» в 1922 г. показывает, что налоги в отношении валовой суммы дохода составляли для крестьян-собственников 23% дохода, для мелкого помещика (с годовым доходом в 2 100 иен) — 28,5%, для мелкого торговца — 16%, для мелкого промышленника — 14%. (Кандо и Огати, назов. соч., стр. 78.) Несмотря на тенденциозное преувеличение тяжести налогового обложения мелкого помещика, большой удельный вес налога, при невозможности перебрести его на плечи арендаторов, весьма показателен для ухудшившегося с 1931 г. экономического положения мелких помещиков.

⁴ «The Financial and Economic annual of Japan» за 1932, стр. 194.

жуазией за увеличение доли ренты в общей массе выжимаемой господствующими классами прибавочной стоимости.

На этой основе из среды деревенского кулачества и преимущественно мелкого помещичьего землевладения образовывались течения, пытавшиеся бороться с крестьянским движением. В то же время эти течения пытались противодействовать наступлению финансового капитала на свои позиции в союзе и с помощью реакционно-шовинистических антипарламентских организаций, военищины и монархической бюрократии. Эти последние обстоятельства в дальнейшем способствовали формированию экстремистско-террористического течения в японском реакционно-шовинистическом движении. Однако рост оппозиционных настроений против финансового капитала со стороны помещичьих кругов не сразу пошел по руслу антипарламентских реакционно-шовинистических организаций. Так в лагере буржуазно-помещичьих и бюрократических реакционных политических организаций, группировавшихся вокруг «Общества государственных основ» («Кокухонся»), в эти годы, помимо уже отмеченного нами роста руководящей роли бюрократии в них, не произошло особых сдвигов, хотя некоторые из этих организаций, например «Общество духа великой Японии» («Кокусуйкай»), стали более активны, чем до сих пор, как на фронте борьбы с забастовочным движением, так и в особенности на фронте борьбы с крестьянским движением. Но зато помещики проявляют очень большую активность по линии своих «профессиональных» объединений и по активному сплочению своей агентуры внутри парламентских политических партий. Хотя подробное описание этих объединений выходит за рамки нашей темы, мы должны все же характеризовать их здесь, ибо они послужили питательной средой для возникших уже после кризиса 1929 г. многочисленных деревенских реакционных организаций.

Еще сейюкаевским кабинетом Хара, который мы характеризовали выше как правительство, весьма ревностно защищавшее торгово-помещичьи интересы, в начале падения цен на рис был проведен в апреле 1921 г. закон о правительственной скупке риса. Одновременно были отпущены средства для сооружения государственных зернохранилищ в Токио на 300 тыс. коку, в Осака—на 200 тыс. коку и т. д. Последующие правительства, в том числе и кенсейкаевские, продолжали эту политику: «поддержания цен» на рис, давшую к 1930 г., по официальным оценкам, около 70 млн. иен убытка казначейству¹.

Необходимо отметить, что и налоговая политика кенсейкаевских правительств шла вполне по линии помещичьих интересов. В то время как в бюджете 1912 г. земельный налог составлял 20,9% государственных доходов, этот налог в 1926 г. составил

¹ «Japan Yearbook», 1931, стр. 347. Придя после многолетнего перерыва к власти в апреле 1927 г., партия Сейюкай (кабинет ген. Танака) незамедлительно провела на майской сессии парламента постановление о закупке 1 млн. коку риса.

всего 10,6%. Зато возрос удельный вес косвенных налогов, главным образом на сакэ—до 28%, и подоходного налога—с 10,8% до 28,2%¹. Политическое влияние помещиков оказалось таким образом достаточно сильным, чтобы перевалить тяжесть налогового обложения не только на плечи широких потребительских масс, но и частично на буржуазные слои. При этом господствующая роль крупных помещиков в органах местного самоуправления позволяет значительную часть поземельного налога переложить на собственников-крестьян и мелких помещиков. Исследованиями «Имперского сельскохозяйственного общества» установлено, что тяжесть налогового обложения обратно пропорциональна размерам землевладения². Так

Собственник участка		до 1 цию уплачивает 13,6 иены налогов на 1 тан					
»	»	от 1 до 2	»	»	10,1	»	»
»	»	от 2 до 3	»	»	6,5	»	»
»	»	от 3 до 7	»	»	5,7	»	»

Пересмотр таможенных тарифов в 1926 г. (при кенсейкаевском правительстве Вакацуки) также не упустил из виду интересов помещиков. Торжественно провозглашенный принцип изменения тарифов, а именно: необходимость снижения пошлин на предметы первой необходимости, на деле не был применен в отношении важнейших сельскохозяйственных товаров—пшеницы, муки, яиц и др.³. Сохранение старого порядка таможенного обложения риса (не по стоимости, а по объему—1 иена на 100 кин) в условиях падающих цен на рис означало автоматическое повышение нормы обложения. Таким образом в 1926 г. кенсейкаевскому кабинету, намеревавшемуся в интересах промышленности провести снижение таможенных тарифов на сельскохозяйственные товары, пришлось уступить нажиму помещиков и продолжать старую политику аграрного протекционизма.

В рассматриваемый период весьма щедрой была кредитная политика правительства в отношении аграриев. Достаточно здесь указать, что правительственные кредиты (через ипотечный банк, элеваторный кредит, ссуды минвудел и минземлеса и др.) за несколько лет (к 1925 г.) достигли суммы 60 млн. иен. За 1923 г. ипотечный банк и банки промышленности и земледелия при поддержке госбанка выдали всего ссуд на 970 млн. иен. Значительная часть этой суммы попала помещикам и была использована ими для кредитования под ростовщический процент крестьянской бедноты.

Но, проводя политику покровительства помещикам, кенсейкаевские кабинеты вместе с тем делали попытки урезать всемогуще-

¹ Канто и Отани, цит. соч., стр. 59.

² Там же, стр. 99.

³ «The Financial and Economic annual», January 1933 г.

ство помещиков в деревне. Насажение кулацкого хозяйства («поддержка крестьян-собственников») имело, как мы выше указали, целью сформировать в деревне родственную буржуазии социальную базу. В декабре 1924 г. правительство Като проводит закон об обязательном арендном арбитраже, встреченный помещиками в штыки. В этом же году назначаются арендные инспектора (Косакукан), в задачи которых входило осуществление правительственного контроля над ходом арендных конфликтов и содействие мирному улаживанию конфликтов, не отказываясь от давления также и на помещиков. Выдвинутый кенсейкаевским правительством закон об арендном праве также включал ряд пунктов, ограничивавших весьма умеренно помещичье всевластие, в связи с чем проект был заклеен помещиками как «социалистический».

Начало организации помещичьих союзов относится, как мы уже отмечали, к периоду резкого падения цен на сельскохозяйственные товары. В 1921 г. насчитывалось 163 помещичьих союза и 48 «смешанных», созданных помещиками с участием представителей крестьян. В 1922 г. помещичьих союзов было 247, а смешанных — 176. Как отмечают Хасимото и Нагаи, «помещичьи союзы имели своей целью, как об этом гласили их уставы, оказывать сопротивление организованному наступлению арендаторов и защищать свои растущие интересы». В этом смысле возникшие в эти годы помещичьи союзы отличались от немногочисленных старых помещичьих организаций довоенного времени, ставивших перед собою агрикультурные и т. п. задачи. К концу 1928 г. помещичьих союзов было 734. С 1926 г. стали быстро развиваться так называемые «Общества земли» («Татикайся»), ставившие себе задачей охрану интересов помещичьего землевладения.

В 1925 г. в г. Осака была создана «Ассоциация помещиков Великой Японии» («Дайнихон Дзинуси Киокай»), задачей которой было «придать помещичьему движению политическую силу во всеяпонском масштабе¹. К 1930 г. ассоциация объединяла 30 тыс. помещиков и стала мощным орудием наступления класса помещиков на жизненный уровень трудящегося крестьянского населения. Ассоциация помещиков в следующих словах декларировала свои задачи:

«Мы не можем мириться с замалчиванием положения современной деревни... Из года в год углубляются арендные конфликты. Опасность стоит перед нашими глазами... Настоящая ассоциация борется за предохранение деревни от левого радикализма, она — против консерватизма, она стремится поднять деревню на основах умеренной справедливости и стремится предостеречь арендаторов от легкомысленных действий... Ассоциация признает человеческое достоинство арендатора и стремится посредством

¹ Хасимото и Нагаи, цит. соч., стр. 571.

всевозможных социальных мероприятий повысить его положение и прекратить арендаторскую борьбу¹.

Программа всеяпонской помещичьей организации говорит с достаточной ясностью о ее классовых целях. Еще более ясно об этом свидетельствовали ее действия.

Помещичьи союзы и общества земли выступали юридическими лицами перед судебным учреждением с требованием лишения несправных арендаторов права на землепользование, добивались возврата земли самочинно, без решения судебных органов, применяя «временное недопущение арендатора на арендуемую землю», т. е. просто сгоняли крестьян с земли. Создание обществ земли, отмечают цитированные нами выше авторы, было «образцом активной и сильной тактики помещиков».

Помещичьи общества привлекают себе в помощь банды «Кокусуйкай» и других реакционных организаций и оказывают в случае надобности давление на местную префектурную, судебную и прочую администрацию.

Всеяпонская ассоциация выступала на широкой политической арене по важнейшим вопросам, имевшим непосредственное касательство к помещичьим интересам. Когда кенсейкаевский кабинет Като, представлявший главным образом интересы промышленной буржуазии, в 1924 г. провел закон об арендном арбитраже, урезывавший в известной мере помещичий произвол в деревне, «Ассоциация» выступила против этого закона, указывая, что «арбитражный закон по арендным вопросам лишь напрасно затягивает конфликты, вследствие чего его следует пересмотреть». Когда в марте 1927 г. кабинет Вакацуки (к тому времени уже минсейтовский) после многолетнего «изучения» арендных отношений наконец издал проект закона, которым предполагалось установить некоторые элементарные права для арендаторов, «Ассоциация» выступила с резкой критикой проекта, заявив, что основные принципы арендного законопроекта «идут вразрез с духом японского государственного строя и противоречат национальному характеру страны»². Законопроект вследствие оппозиции деревенских зубров был провален. «Ассоциация» организовала также движение за отсрочку сбора государственного налога с земель, по которым не уплачена аренда, вела борьбу за установление политики высоких твердых цен на рис, за уменьшение налогов с землевладения и т. п.

Помимо подобной «профессиональной» организации помещиков в союзы, класс помещиков в целом в годы ухудшающейся экономической конъюнктуры активно защищал интересы ренты при посредстве политических партий. Это представлялось тем более необходимым, что финансовый крах 1920 г. и последовавшая за ним полоса депрессий чрезмерно разбухшей за годы войны промышленности поставили буржуазию перед необходимостью энергичнейшей защиты интересов капитала, в частности посредством

¹ Из декларации и программы ассоциации.

² Хасимото и Нагаи, цит. соч., стр. 573.

использования государственной власти и соответствующего направления правительственной экономической политики. На основе своего сильно возросшего за годы войны экономического веса японская промышленная буржуазия добилась в 1922—1929 гг. значительного расширения своего участия во власти, сумев продвинуть и в парламент и в правительство своих ставленников (кенсейкаевские кабинеты).

Характерно, что как раз в этот период произошло образование новой партии — «Сейюхонто» — с ярко выраженной помещичьей программой. Партия «Сейюхонто» откололась от Сейюкай, связанной с концерном Мицуи и его аграрно-торговыми интересами (Мицуи является монополистом-скупщиком коконов и крупнейшим производителем шелка-сырца; торговля рисом также в значительной мере сконцентрирована в руках этого концерна). После убийства Хара, лидера Сейюкай, в партии создавалась оппозиционная группа, преимущественно из аграриев, недовольная руководством нового лидера Такахаси, связанного с финансовыми и промышленными кругами. Когда позже руководство Сейюкай перешло к ген. Танака, сумевшему обеспечить интересы аграрных кругов, большинство отколовшейся группы «Сейюхонто» вернулось в лоно Сейюкай (1927 г.).

Партии, представлявшие помещичьи интересы, в рассматриваемый период особенно активно выступали за повышение таможенных тарифов на сельскохозяйственные товары. Уже в 1922—1923 гг. им пришлось столкнуться с противодействием правительства Като, стремившегося, как об этом рассказывает бывший кенсейкаевский министр финансов Иноуэ, к «снижению стоимости жизни и поощрению импорта»¹. Борьба интересов ренты и прибыли по таможенным вопросам приняла весьма острую форму в 1926 г. во время обсуждения в парламенте правительственного проекта пересмотра таможенных тарифов, предусматривавшего сохранение старых пошлин по сельскохозяйственным товарам. Партия Сейюкай выступила с проектом повышения пошлин на рис, пшеницу, бобы и другие сельскохозяйственные товары. Партия «Сейюхонто» при поддержке «Имперского сельскохозяйственного общества» внесла поправки к проекту Сейюкай в смысле еще более высокого таможенного обложения импортного риса и др.

Борьба между промышленниками и аграриями имела место также и по вопросу о налогах. Здесь еще в 1923 г. Сейюкай пришлось выступить против притязаний промышленников, требовавших в лице созданной текстильным королем Сандзи Мута «Партии деловых людей» («Дзицугио Досикай») полной отмены налогов на промышленность и реформы подоходного налога в сторону уменьшения его. Партия Сейюкай, встречая сопротивление Кенсейкай, также настойчиво добивалась передачи местным самоуправлениям всего дела сбора и расходования государствен-

¹ I. Inoue, *Problem of the Japanese Exchange 1814—1926*, London, 1931, p. 86.

ного поземельного налога, что явилось бы мероприятием, весьма выгодным для помещиков, господствующих в префектурных и уездных собраниях и управах. В ходе этой борьбы Сейюкай и «Сейюхонто» добились на 50 и 51-й сессиях парламента (1925—1926 гг.) перенесения части расхода (в сумме 30 млн. иен) по обязательному обучению с местных бюджетов на бюджет центрального правительства.

Весьма выпукло отражены расхождения между промышленным капиталом и помещиками в «программах действия» партий Сейюкай и Кенсейкай (позже Минсейто).

У Сейюкай мы находим следующие характерные пункты:

- «1) расширение прав префектурных собраний,
- 2) передача налогов местным органам,
- 3) улучшение сельскохозяйственной техники и поощрение развития шелководства».

Программа Минсейто, помимо того, что она подробно останавливается на вопросах промышленности, включает следующие пункты:

- «1) против передачи земельных налогов местным органам,
- 2) разрешение крестьянского (арендного) вопроса» (о чем не случайно умалчивает программа Сейюкай).

При общеизвестной расплывчатости программ японских буржуазно-помещичьих политических партий, отражающих их фактическую беспринципность, вышеотмеченные нюансы в программных документах достаточно ясно подчеркивают расхождение в интересах ренты и прибыли. Однако незначительность содержания самих пунктов расхождения (спор идет о том, как использовать налог, регулировать ли арендные отношения и т. д.) свидетельствует в то же время о характерной для японского империализма близости интересов помещиков и буржуазии. Этот факт можно было легко обнаружить и в так называемой политике «охраны и насаждения самостоятельного крестьянского хозяйства».

План «укрепления мелкого крестьянского собственного хозяйства» был выдвинут Сейюкай. Суть его заключалась в том, чтобы из различных государственных источников создать целевой фонд для долгосрочных низкопроцентных ссуд арендаторским хозяйствам на предмет постепенного выкупа земли у помещиков. В сейюкаевском плане превращения арендаторов в счастливых крестьян-собственников явно просвечивали интересы тех слоев помещиков, которые под ударами депрессии цен и перед угрозой нараставшего крестьянского движения искали наиболее выгодных путей ликвидации своей земельной собственности. Широкие массы налогоплательщиков должны были оплачивать эту убыточную для казначейства, но выгодную для помещиков операцию. Помещичий план Сейюкай был осуществлен буржуазными правительствами партии Кенсейкай (Минсейто), видевшими в политике насаждения самостоятельных крестьянских хозяйств путь к расширению внутреннего рынка (а вопрос о

внутреннем рынке встал с чрезвычайной остротой по окончании войны и возвращении других империалистических держав на азиатские рынки) и к созданию кулацкой социальной базы в деревне.

В 1925 г. сумма кредитов, отпущенных на «укрепление самостоятельных крестьянских хозяйств», составила 17 млн. иен. К 1929 г. сумма этих кредитов составила 48 млн. иен. Было создано 54126 «самостоятельных» хозяйств, купивших в рассрочку у помещиков около 20 тыс. цю земли. 70% вновь созданных хозяйств приобрело земельную площадь от 1 до 5 тан¹. Небольшой размах и медленный темп осуществления этой реформы находит свое объяснение в господстве голодной полуфеодальной аренды и относительной аграрной перенаселенности, являющейся условием процветания кабальных форм эксплуатации. Приобретать землю даже в рассрочку и даже по низкому ссудному проценту (3,5%) в этих условиях мог только весьма тонкий слой зажиточного крестьянства. Тем не менее тенденция верхушечной буржуазной перделки деревни при поддержке буржуазно-помещичьего государства является весьма знаменательной, и отмеченное нами совпадение интересов помещичьей партии с партией буржуазии в этом конкретном вопросе вполне объяснимо фактом экономической и политической сращенности обоих господствующих классов японского общества.

Этот факт также сказался в компромиссной правительственной политике рассматриваемого периода. Своеобразие ситуации заключалось в том, что как раз в годы резкого ухудшения экономического положения помещиков у власти находились преимущественно кенсейкаевские кабинеты, т. е. правительства буржуазной партии. Под давлением помещичьих кругов кенсейкаевские правительства осуществляли целый ряд мероприятий в интересах ренты.

Понятно, что эти мероприятия кенсейкаевского правительства, равно как и компромиссный характер даже тех правительственных мероприятий, которые были проведены в пользу помещиков, не удовлетворяли последних и толкали помещичьи круги на поиски новых, внепарламентских средств воздействия на правительственную политику. Во время пребывания у власти ген. Танака эти тенденции оформились и вылились в усиление связей между только что описанными помещичьими объединениями и такими реакционными организациями, как «Общество государственных основ» («Кокухонся»), «Общество духа Великой Японии» («Кокусуйкай»), «Великояпонский союз справедливости» («Сейгидан») и др., т. е. организациями, находившимися в эти годы преимущественно под руководством бюрократии.

Что касается антипарламентских организаций других течений реакционно-националистического лагеря, то здесь развитие происходило еще более прямолинейно, форсируемое общим укрепле-

¹ Хасимото и Нагаи, цит. соч.

нием реакционных и шовинистических тенденций в стране под влиянием крайне агрессивного курса, взятого правительством Танаки. Из организационных перегруппировок, происшедших в реакционно-националистическом лагере во время пребывания у власти ген. Танака, прежде всего должно быть отмечено сближение между группой Окава—Кита Икки и группой Тояма—Уцида, нашедшее свое выражение в создании ими совместных массовых организаций. Сближение это было вызвано главным образом стремлением группы Тояма—Уцида расширить свою базу внутри страны, завоевать влияние на новые поколения молодежи, втягивающейся в националистическое движение. Насколько можно судить, сами Окава и Кита Икки не принимали непосредственного участия во вновь созданных массовых организациях, но многие из их сторонников нашли целесообразным соединить свои усилия с популярными в шовинистически настроенных кругах именами Тояма и Уцида, пользующимися к тому же многолетним покровительством со стороны военщины и части бюрократии. Из созданных в таком порядке организаций наиболее значительна «Национальная партия Японии» («Нихон Кокуминто»), основанная в середине 1929 г. националистом, близким в первые послевоенные годы к кругам «Юдзонся», Тэрада Инедзиро. К руководству партии принадлежали также не только связанный с этими же кругами Нисида, но и один из близких сотрудников Тояма—Яватэ и Судзуки (из «Киноо Рэмей»). Советниками партии были приглашены Тояма и Уцида. В качестве своей главной цели партия провозгласила «экономическое и политическое освобождение угнетенных народов». Ей удалось объединить довольно значительные группы реакционно-националистического студенчества, чиновников, буржуазной интеллигенции и отставного офицерства. Деятельность ее носила агитационно-пропагандистский характер. Впоследствии Тэрада и Нисида, будучи замешаны в террористических актах 1932 г., вышли из партии, руководство которой осталось таким образом в руках группы Тояма.

Во-вторых, должно быть отмечено возросшее влияние крайних элементов (т. е. сторонников «тактики прямого действия») на общенационалистические организации. В этой связи следует отметить создание Ивада (известный уже нам как сторонник Такабатаке в прошлом и руководитель общества «Дайкакай») нового «Патриотического общества» («Айкокуся»). В последние годы до этого Ивада посвятил себя изучению манчжурского вопроса, заостряя в своих выступлениях внимание японских шовинистов на китайской проблеме. Активизация японской политики в Китае явилась основным содержанием агитации «Патриотического общества», встретившей всяческую поддержку со стороны правительства Танаки. Но когда правительство Хамагути взяло более мягкий курс в китайском вопросе, Ивада и его сторонники выступили с открытыми призывами к террористическим актам против «мягкотелых дипломатов» и (согласно указаниям японской прессы) имели прямое организационное отношение

к покушению на премьера Хамагути 10 ноября 1930 г. В это время, как и позже, «Патриотическое общество» было немногочисленной организацией, насчитывавшей около 2 тыс. членов, преимущественно из студенческой среды. Студентами из этой группы в 1931 г. была создана подсобная организация «Союз студентов-патриотов» («Айкоку Гакусэй Рэммэй»). В 1932 г., когда обострение аграрного кризиса поставило вопрос о судьбах сельского хозяйства в центр общественного внимания, Ивада создал в деревне Инада (губернии Канагава) «школу патриотов» («Айкокудзюку») с целью «обучить молодежь земледельческой самопомощи».

О росте влияния крайних элементов в националистическом движении свидетельствует также создание в конце 1927 г. «Общества императорского штандарта» («Кинкикай»), объединившего часть бывших нагойских анархистов во главе с Эндо Тамосиро и К. Ацуми с группой военной молодежи (майор Фудзисука, подпоручик Нэмото, подпоручик Хасимото и др.) из русского и китайского отделов генштаба. Это общество объявило своей целью «проведение социальных реформ под императорским знаменем», а фактически подготовило в своих рядах террористов и участников военного заговора, путем которого намечалось в 1931 г. проведение государственного переворота, о чем ниже мы еще скажем подробнее. Общество это носило строго замкнутый характер, насчитывая не больше двухсот членов.

Наконец о росте влияния крайних элементов в националистическом движении свидетельствует и тот факт, что ряд юношеских и студенческих организаций, не носивших до этого ярко выраженной политической окраски, теперь подпадает под влияние группы Окавы. Сюда относится и созданная в 1929 г. «Лига единения студентов» («Гакусей Киококу Рэммэй»), опирающаяся на студентов университета Мейдзи, Колониального института и Сельскохозяйственной школы, и «Союз молодежи великой Японии» во главе с одним из ближайших сотрудников Окавы Каноо.

Существенной чертой в развитии националистического движения периода пребывания у власти ген. Танака является также усилившаяся активность национал-социалистических элементов, создавших свои собственные организации с целью раскола и ослабления общерабочих профсоюзов и левого крыла в них, что диктовалось потребностями проведения капиталистической рационализации в промышленности. Факты эти однако уже описаны нами выше.

Должен быть наконец отмечен факт создания в этот период ряда новых организаций вокруг «Общества государственных основ» («Кокухонся») по его типу. Среди этих организаций наиболее значительная — «Общество блеска великой Японии» («Дайнихон Кокикай»), возникшее осенью 1929 г. по инициативе ряда бюрократов и наиболее тесно связанных с правительственными кругами финансистов. Почетный председатель этого общества — бывший министр сообщений в кабинете адмирала Като и директор

Ясуда-банка Г. Маддо, председатель общества—бывший квантунский губернатор и видный деятель «Общества государственных основ» («Кокухонся») проф. Ямаока, вице-председатель—один из основателей крупнейшего бумажного концерна «Одзи» Хосино. Советниками общества были приглашены бывший премьер Киюра и виднейший финансист барон Сибусава. Общество это использовало свою филантропическую деятельность (открытие ночлежек, бесплатная медицинская помощь, доставка работы, помощь бедным студентам) для монархической агитации в массах под лозунгом «процветания всего народа вокруг императорской семьи». Большой политической роли это общество однако не играло.

* * *

Следовательно реакционно-националистическое движение периода 1925—1929 гг. в отличие от предыдущего, непосредственно последовавшего за мировой войной периода 1918—1924 гг., развивалось в первую очередь при условиях продолжающегося роста революционного движения внутри страны. Ухудшение экономического положения и международных отношений Японии углубило расхождение между двумя лагерями господствующего в Японии классового блока—буржуазии и помещиков, поставило в оппозицию к буржуазии часть военной и гражданской полуфеодальной бюрократии и обострило социальное недовольство в рядах городской и деревенской мелкой буржуазии, значительная часть которой продолжала однако искать для себя выхода не на путях революции, а на путях реакции.

Реакционно-шовинистические организации становятся в этот период орудием полуфеодальных помещичьих и бюрократических элементов и идущих за ними слоев реакционной мелкой буржуазии. Хотя влияние буржуазии и сохраняется в некоторых из этих организаций, но в движении, взятом в целом, оно безусловно падает в эти годы. Для характеристики движения в целом важно также отметить, что оно остается крайне раздробленным, организационно слабым, а круг его влияния в массах весьма ограничен, ибо за исключением студенческой молодежи и некоторых кругов чиновничества, отставного офицерства, помещичьих слоев и части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, ни в одном социальном слое влияние этих реакционно-шовинистических организаций не становится решающим и ведущим.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕАКЦИОННО-ШОВИНИСТИЧЕСКОЕ И ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОБСТАНОВКЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА И ВОЙНЫ

Глава первая

КРИЗИС, ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ, НАЧАЛО ВОЙНЫ

Начавшийся в 1929 г. экономический кризис и ускоренное им вступление Японии в новую войну в конце 1931 г. открыли новый этап в развитии японского империализма. В соответствии с новыми задачами этого этапа перестраивалось и японское реакционно-шовинистическое движение.

Влияние современного мирового кризиса на японское хозяйство в целом и на все его отрасли, на экономическое положение отдельных классов, пути, на которых ищут господствующие классы Японии выхода из этого кризиса, цели, которые преследовали японская оккупация Манчжурии и попытка захвата Шанхая, — достаточно описаны в нашей литературе, и мы можем поэтому прямо перейти к вопросу о том, что нового внесли кризис и война в расстановку классовых сил в стране, в их взаимные столкновения.

Кризис привел к резкому обострению всех внутренних классовых противоречий в стране. С наибольшей силой и в наиболее массовом масштабе это проявилось в обострении борьбы между рабоче-крестьянским лагерем и реакционным блоком господствующих классов Японии. Именно этот фактор является самой глубокой и решающей основой всех других столкновений и противоречий в современной политической жизни страны и одновременно глубокой подосновой столкновений в лагере самих господствующих классов. Если отвлечься хотя бы на минуту от этого процесса вызревания японской революции, сегодня еще загнанной в глубокое подполье, еще далеко не сколотившей в боевую силу даже своей основной кадровой армии, то в позиции отдельных классов, политических партий, групп, течений ни в одном решающем вопросе нельзя будет ровным счетом ничего понять. По своим количественным цифровым показателям (в особенности в зеркале официальной статистики, а другой у нас нет) рабочее и крестьянское движение, хотя и шагнуло далеко вперед за годы кризиса, остается все же на сравнительно низком уровне. Если сравнить три кризисных года (1929, 1930, 1931) с трехлетием, предшествовавшим кризису (1926, 1927, 1928 гг.), то мы увидим, что количество конфликтов между трудом и капиталом, заре-

гистрированных правительственными органами, составляло в трехлетие, предшествовавшее кризису, 3 484 с 433 510 участниками, а кризисное трехлетие дает 6 165 конфликтов с 518 477 участниками. При падении количества участников на 1 конфликт в среднем, что объясняется вовлечением в стачечное движение рабочих мелкой и средней промышленности, мы имеем однако общий рост всего количества участников конфликтов и еще более резкий рост (увеличение почти вдвое) количества конфликтов. Не вошедшие в это сравнение данные за 1932 г. показывают ту же тенденцию. В 1932 г. было зарегистрировано правительственными органами 1 926 трудовых конфликтов с 98 850 участниками.

Годы кризиса дали также в городах новую форму борьбы: движение безработных, значение которого будет понятным, если мы вспомним, что кризис создал в Японии армию в 2 1/2 млн. безработных.

В деревне три предкризисных года дали 5 560 конфликтов между крестьянами-арендаторами и помещиками, а три кризисных года дали 7 597 конфликтов. За 9 месяцев 1932 г. было зарегистрировано 2 103 конфликта между помещиками и арендаторами.

Но еще важнее, чем эти цифровые показатели, это продолжающийся, несмотря на все преследования, травлю и полицейский террор (в одном 1932 г. было проведено около 8 тыс. арестов по подозрению в коммунизме), идеологический рост и организационное укрепление революционного крыла в рабочем движении (группирующегося вокруг «Дзенкио») и рост влияния коммунистической партии Японии. Эти субъективные факторы пока что еще далеко отстают от объективных возможностей движения, тем не менее в руководящих политических кругах господствующих классов твердо убеждены в том, что перед проблемой борьбы со зреющей революцией должны отступить на задний план все другие заботы господствующих классов, в том числе и самые острые хозяйственные вопросы, поставленные кризисом. Это достаточно ярко выразил в своей речи в ноябре 1932 г. ген. Араки, когда он на конференции торговых палат возражал барону Го:

«Теперь мы, потребители,—сказал ген. Араки,—имели лучший заслушать вас—производителей. Мы видим, что вы не учитываете вопроса об идеологии и беспорядка среди населения. Эту идеологию нам нужно преодолеть. Пример соседней страны показывает, насколько это важно. Перед этим вопросом не важны хозяйственные вопросы. На другие вопросы нужно будет обратить внимание после того, как будет разрешен вопрос об идеологии. Теперь, когда имеются признаки расцветания капитализма, нельзя сказать, что нет зародыша антикапиталистического движения. Наоборот, имеются факты, свидетельствующие о таком движении, которое может натворить много бедствий».

Мы увидим из дальнейшего, что внутренние противоречия в лагере господствующих классов слишком обострены, чтобы можно было говорить об их действительном единстве, но что их действительно сближает—это прежде всего страх перед революцией. Один из иностранных наблюдателей японского реакционно-националистического движения писал недавно:

«Будь это военные или политики, промышленники или финансисты, чиновники или ученые—все они имеют самые серьезные основания для ожесточенной борьбы с коммунизмом до полнейшего его уничтожения по крайней мере в пределах Японии. Это их сближает»¹.

Растущее социальное недовольство охватывает и очень широкие круги городской мелкой буржуазии.

Иномата Цунао в следующих словах резюмирует положение, создавшееся в результате кризиса для представителей крупного монополизированного капитала и для мелких предпринимателей:

«Разного рода монополии, как искусственного шелка, бумажная, стекольная, удобрений, красок, мукомольная, сахарная, пивоваренная, шелка-сырца, электрическая, газовая и др., получали прибыль выше средней. Производители материалов, как цемента, хлопчатобумажной пряжи, металла и другие, в связи с кризисом получили наибольший удар, но избегли убытков. Из промышленных монополий только судостроение получило убытки, так как здесь не было ограничено производство.

Отрасли хозяйства, не объединенные в монополии, получили страшный удар. Во втором полугодии 1930 г. из одиннадцати отраслей хозяйства десять немонополистических отраслей получили убыток. Особенно понесли убытки мелкие предприятия в хлопчатобумажной, ткацкой, шелкоткацкой, спичечной и др. отраслях, которые явились жертвой монополии, переложившей на них тяготы кризиса»².

Важнейшим руслом нажима на мелкое и среднее производство является твердо взятая правительством и концернами линия на закрытие мелких и средних банков. «Даямондо» в № 20 за 1932 г. писал, что эти банки «постепенно прекращают свое существование, а с ними исчезает и аппарат финансирования мелких и средних предпринимателей». Что касается депозитного бюро министерства финансов, бесконтрольно распоряжающегося вкладами почтово-сберегательных касс, то оно на деле служит не аппаратом кредитования мелкого и среднего производства, а, наоборот, каналом выкачивания средств из него.

«Транспасифик» от 30 июня 1932 г. сообщал, что обязательства, которыми располагают почтово-сберегательные кассы, со-

¹ Проф. Дон Гото, Фашизм в Японии, Токио, 1933 г.

² Иномата, Монополистический капитал Японии, Токио, 1933 г.

8 Военно-фашистское движение в Японии

ставляются из правительственных облигаций—1130 млн. иен, префектурных облигаций—680 млн. иен, ипотечных долгов—409 млн. иен. Мы видим следовательно, что подавляющее большинство вкладов использовалось на цели правительства и ипотечных банков.

«Факт таков,—писал по этому поводу д-р Васио,—что в то время, как субсидии, потребные на этот год, легко могут дойти до 700 млн. иен, ресурсы депозитного бюро ограничены его депозитом в 92 млн. иен в Японском банке и 200—300 млн. всего резервного фонда, который может быть мобилизован, и также тем, что может быть собрано из предшествующих авансов. Таким образом на помощь мелкому и среднему производству денег не остается».

На фоне общего экономического кризиса это отсутствие кредитов должно чувствоваться особенно остро ввиду высокой задолженности мелкого производства. Сейюкаевский депутат Симида заявил 13 июня 1932 г. в Нижней палате, что «кроме деревенской задолженности есть еще задолженность по мелкой промышленности и торговле, равная примерно 2½ млрд. иен».

Между тем налоговое обложение продолжает расти. Государственные и местные прямые налоги в среднем на 1 душу населения составляли: в 1891 г.—2,2 иены, в 1911 г.—10,1 иены, в 1919 г.—18 иен, в 1930 г.—25,8 иены.

Реальным средством «помощи», оказываемой мелкому и среднему производству, остается трестирование, проводимое крупными компаниями и выражающееся в пожирании мелкого производства. Эти методы применяются в той или иной форме во всех отраслях промышленности и торговли. Когда перед правительством летом 1932 г. была поставлена во весь рост проблема кризиса мелкой промышленности, то оно совместно с председателем токийской торгово-промышленной палаты бароном Го выдвинуло план: «Учредить общество с капиталом в 100 млн. иен, акции которого реализуются правительством и концернами Мицубиси, Мицубиси и др. Задача общества—оказание широкой помощи средним и мелким торгово-промышленным предприятиям». Таким образом дело помощи мелким предпринимателям отдавалось в руки концернов, занятых пожиранием этих мелких предпринимателей.

В связи с вопросом о положении мелкобуржуазных слоев следует сказать также несколько слов о положении интеллигенции.

Согласно данным, опубликованным в «Journal Chronicle» от 30 мая 1930 г., из подавших заявления на Центральную биржу труда о поступлении на должности служащих получило работу только 10%. В Токийском районе из оканчивающих ежегодно различные учебные заведения нашли работу в 1928 г. 55%, в 1929 г.—54%, в 1930 г.—47,7%. Всего не нашедших работу за эти три года—55 тыс. человек.

Но вся глубина кризиса обнаружилась только в 1931 и 1932 гг. и показала полную беспросветность положения для очень много-

численных слоев интеллигенции. В 1932 г. газеты сообщили о возникновении в ряде крупных городов союзов интеллигенции под лозунгом: «Готовы на любую работу за 20 иен в месяц».

Все это должно было приводить к тому, что среди самых широких кругов мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции нарастало горькое разочарование в способности правительства, опирающегося на парламентские политические партии, прийти на помощь мелкому производству и острая ненависть к финансовым концернам, которые рассматривались как главные виновники обрушивающихся на мелкое производство испытаний.

На этой основе вслед за рабочим и крестьянским движением в городах нарастает волна протеста и среди широких кругов мелкобуржуазного городского населения. Движение мелких торговцев против универмагов (вынудившее правительство в 1932 г. выработать специальные законопроекты об ограничении деятельности универмагов), требование снижения налогов и дешевого кредита со стороны ремесленников и мелких промышленников (очень показательны в этом отношении резолюции митингов мелких торговцев и промышленников в конце лета 1932 г. почти во всех крупных городах Японии), требования работы со стороны безработной интеллигенции, движение протеста в высших учебных заведениях против высокой платы за правоучение и т. д. — все это лишь отдельные признаки социального недовольства, растущего среди промежуточных слоев городского населения. Об этом же говорит и огромное количество студентов, учителей народных школ, преподавателей вузов, даже чиновников различных министерств, арестованных по подозрению в причастности к коммунистическому движению во время массовых арестов осенью 1932 г. Об этом говорит также тот факт, что различные левые лиги («пролетарской медицины», «левого театра», «пролетарских писателей» и т. д.), бесконечное количество раз подвергавшиеся разгрому со стороны полиции, каждый раз вновь восстанавливаются и находят новый круг сторонников.

Но еще более сложное положение создалось в деревне.

Экономический кризис 1930—1933 гг. катастрофически обострил выступившую уже в период 1921—1929 гг. тенденцию разорения крестьянства. Резкое падение цен на сельскохозяйственные товары (доход японского сельского хозяйства по рису и коконам упал с 1,5 млрд. иен в 1929 г. до 778 млн. иен в 1931 г. и 922,4 млн. в 1932 г.) при высоком уровне картельных цен на товары городской промышленности, при высокой арендной плате и тяжелом налоговом обложении привело к быстрому росту крестьянской задолженности, измерявшейся в 1932 г. в сумме около 7 млрд. иен. Массовые голодовки в 1932 г. в ряде сельскохозяйственных префектур были наиболее ярким выражением глубины японского аграрного кризиса. Бурный подъем крестьянской борьбы, принявшей в ряде местностей исключительно острые формы (разгром и поджог помещичьих усадеб, избивание судебных исполни-

телей, вооруженные столкновения с полицией и т. д.)¹, а также широкое петиционное движение крестьянства, использованное реформистскими и фашистскими организациями, свидетельствовали о быстром назревании аграрной революции.

Кризис с новой силой поколебал устои помещичьего землевладения. Цена на землю стремительно падала. Средняя продажная цена 1 тана рисового поля среднего качества равнялась: в 1927 г.—546 иенам, в 1930 г.—489 иенам, в 1931 г.—411, в 1932 г.—399 иенам².

Значительная часть мелких помещиков, разоряемая низкими ценами на рис и коконы, заложила свои владения в ипотечных банках и оказалась в экономической зависимости от крупного финансового капитала. Средний размер задолженности помещичьего владения выразился в 3367 иен³.

«В зависимости от непосильного бремени, связанного с владением землей, чрезвычайного сокращения прибыли от земельного капитала и увеличения налоговых тягот часто имеют место случаи продажи помещиками арендуемых крестьянами земель или превращения их в жилые участки»⁴.

Пытаясь поправить свое пошатнувшееся положение, мелкие помещики самым беспощадным образом перекаладывают убытки от кризиса на арендаторские массы. Больше половины арендных конфликтов за 1931—1932 гг. произошло по инициативе помещиков, требующих перезаключения договоров на основе повышенной арендной платы. Чтобы добиться желаемых результатов, помещики лишают под разными предлогами крестьян права аренды. 43% аграрных конфликтов в 1931 г. и 52% в 1932 г. (первое полугодие) произошли на почве требования крестьян о возвращении земли арендаторам.

Однако массовое отбирание земли у арендаторов происходило не только в целях вымогательства более высокой арендной платы. Одновременно за годы кризиса обнаружилась и другая тенденция: перехода части помещиков к самостоятельному ведению хозяйства на основе найма рабочей силы. Из зарегистрированных за 9 месяцев 1932 г. 2103 аграрных конфликтов 15,6% были вызваны отобранием земли у арендаторов ввиду «перехода земли к новым помещикам, которые непосредственно организуют обработку земли», и 11,1% конфликтов—отобранием земли ввиду «перехода старых помещиков к непосредственной обработке земли»⁵. Журнал «Сангио Родо Дзихо» отмечает, что за последнее время наблюдаются следующие явления: «1) занятие помещиков сельским хозяйством своими соб-

¹ Из общего числа 2103 зарегистрированных за 9 месяцев 1932 г. конфликтов отмечен 51 конфликт «с применением насилия со стороны крестьян».

² Нихон Родо, Нэнкан, 1932 г.

³ «Дайямонда» от 21 марта 1933 г.

⁴ «Сангио Родо Дзихо» за сентябрь 1932 г.

⁵ «Нихон Кендзай Ненпо» № 10 за 1932 г., стр. 248.

ственными силами, 2) наем корейцев в батраки к помещикам (префектуры Осака, Ниигата, Фукуока)»¹.

Переход от полуфеодальной издольщины к капиталистическому способу ведения хозяйства должен по расчетам помещиков-хозяев привести к снижению издержек производства риса. Новая система эксплуатации позволит увеличить долю выжимаемого прибавочного продукта за счет уменьшения необходимой части, поскольку в состав последней при старой системе входило содержание семьи арендатора. Даже полуголодный жизненный уровень арендатора требует, как показывают данные специального обследования, в среднем 11,18 иены на одного члена семьи²—сумма, которая отчасти покрывается продажей рабочей силы семьей на городском рынке труда и эксплуатацией в подсобных домашних промыслах, но которая все же частично входит в состав арендаторской доли урожая и таким образом «отягчает» помещику себестоимость продукции. Чем сильнее в годы кризиса становилась безработица в городах и одновременно убыточнее важнейшее подсобное занятие—шелководство,—тем ожесточеннее борется арендаторская масса за предельный уровень необходимой части своего труда и тем менее выгодным становится помещикам сохранение старых отношений эксплуатации. При капиталистической эксплуатации рабочей силы помещикам представляется возможным понизить «оплачиваемую часть» труда путем исключения издержек на содержание семьи рабочего. Зарплата батрака, вынужденного существовать без семьи, с точки зрения помещика выгодно отличается от зарплаты семейного арендатора-крестьянина, потерявшего возможность продажи рабочей силы семьи на стороне. Колониальная мера эксплуатации рабочего класса в японской промышленности, лишаящая рабочего семьи, позволяющая японской буржуазии не заботиться о воспроизводстве армии наемного труда и приводящая к физическому изнашиванию действующей рабочей силы в течение 2—3 лет, служит здесь помещикам соблазнительным образом. Наличие огромной безработицы в деревне (за 1932 г. был отмечен в ряде префектур обратный приток в деревню уволенных с фабрик безработных), возможность привлечения дешевого корейского труда и наконец инфляция, «незаметно» съедающая зарплату и следовательно понижающая себестоимость, явились достаточно благоприятными условиями, способствующими превращению полуфеодальной издольщины в полурабскую колониально-капиталистическую эксплуатацию.

Затруднения, возникавшие перед помещиками-новаторами в области изыскания капитала, не являются непреодолимыми. Доля основного капитала в условиях примитивной техники и ручного земледелия составляет в Японии не больше 2,5% всего капитала для орудий производства и 11—12% для строений (причем

¹ См. номер за сентябрь 1932 г.

² А. Хироми, Аграрная статистика и разорение крестьянства в Японии («Цюо Корон» за июль 1932 г.).

последняя статья в большинстве случаев не требует новых затрат, поскольку она находится в наличии при старой системе хозяйства). Более важен такой элемент оборотного капитала, как удобрение, составляющий около 24—30% всех производственных расходов рисового хозяйства. Но при господствующей роли помещиков в системе кредитной кооперации и при условии поддержки государственным кредитом проблема оборотного капитала представляется вполне разрешимой. Размах, который может приобрести отмеченная тенденция перехода помещичьего хозяйства на колониально-капиталистический путь, зависит таким образом в значительной мере от прямой поддержки государства. В какой мере буржуазно-помещичье государство удовлетворит аппетиты помещиков, должна решить борьба помещичьих интересов с интересами финансово-промышленной буржуазии.

Годы кризиса весьма обострили разногласия между помещиками и буржуазией в вопросе о «распределении убытков» от кризиса. Некоторые важнейшие требования помещиков были наиболее выпукло сформулированы «Имперским сельскохозяйственным обществом» летом 1932 г. Имперское сельскохозяйственное общество, выступившее организатором широкой петиционной кампании крестьянства (в эту кампанию было втянуто более 100 тыс. крестьян из наиболее пострадавших префектур), выдвинуло следующие предложения: 1) чтобы правительство усилило закупку риса старых урожаев в целях поднятия цен нового урожая, 2) чтобы правительство субсидировало накопление и хранение риса, 3) чтобы был установлен государственный контроль над ввозом корейского и формозского риса и 4) чтобы был сокращен земельный налог на ближайшие 3½ года на 50% («Japan Advertiser» от 1 августа 1932 г.). Эта программа общества была проведена на всеяпонской конференции сельскохозяйственных организаций, на которой участвовало свыше 2500 делегатов и 100 депутатов парламента в присутствии министра земледелия.

В дополнение к этой программе партия Сейюкай выступила с требованием оказания правительственной помощи местным банкам при скупке земельных имуществ¹. В защиту претензий помещиков по части снижения налогов газета «Асахи» летом 1932 г. писала: «Крестьяне-собственники находятся в более плохом положении, чем арендаторы, а мелкие и средние помещики—в худшем положении, чем крестьяне-собственники. Поэтому по отношению к этим группам необходимо уделить особое внимание».

Перед открытием августовской сессии парламента в Сейюкае образовался блок из 100 депутатов парламента (из сельских районов), недовольных правительственной программой помощи деревне. Эта группа, охватывающая одну треть всех членов парламента сейюкайцев, настаивала на расширении планов помощи по следующим статьям: 1) отпуск 500 млн. иен на обществен-

¹ «Japan Advertiser» от 16 июля 1932 г.

ные работы в сельских местностях (а правительственный проект предусматривал 64,4 млн.); 2) ассигнование на ликвидацию задолженности 100 млн. иен (правительственная программа предусматривала 25 млн.); 3) ассигнование на закупку правительством риса 200 млн. (правительственная программа не имела этой статьи).

Вплоть до 1932 г. правительственная политика была достаточно внимательной к помещикам. Так например внесенный весной 1931 г. на рассмотрение 59-й сессии парламента новый проект арендного закона был враждебно встречен помещичьими кругами, выразителем которых выступила всеяпонская ассоциация помещичьих союзов и сейюкаевская оппозиция в Нижней палате¹. Верхняя палата совершенно отказалась от рассмотрения проекта, и стеснительный для помещиков закон остался неосуществленным до настоящего времени. Ни минсейтовский кабинет Вакацуки, внесший этот проект, ни тем более сменивший его сейюкаевский кабинет не настаивали на дальнейшем вмешательстве государства в деревенские отношения, оставляя попрежнему полный простор помещичьему своеволию.

Эти же правительства к 1932 г. скупили до 3 млн. коку риса в целях поддержания высоких цен. Еще в мае 1931 г. правительство Инукаи и Сайто скупили полмиллиона коку риса, несмотря на то, что правительственные склады риса были загружены рисом старого урожая. В мае же под давлением шелкоэкспортных фирм и помещиков правительство расторгло контракт с американской фирмой «Джэрли», которой была запродана из правительственных запасов крупная партия шелка-сырца. На этот шаг правительство пошло, несмотря на то, что товарные запасы казначейства достигали в это время 100 тыс. кип, ибо экспортеры шелка и аграрии опасались дальнейшего понижения цен в результате выброски на рынок этой крупной запроданной американцам партии.

В области кредитной политики государство также оказалось достаточно щедрым: за 1930—1931 гг. ипотечный банк при поддержке японского банка выдал ссуд землевладельцам на 897 млн. иен; в 1932 г. было отпущено также «деревне» низкопроцентных ссуд на сумму 780 млн. иен. Эти суммы были использованы ростовщиками и помещиками в целях поправления пошатнувшихся дел и расширения сферы закабаления нуждающегося крестьянства. Как отметил «Экономист» по поводу этих ссуд, «население не использует отпущенных средств ввиду неблагоприятной ссудной системы, а пользуется ими только для избежания банкротства, кредиты или ссуды употребляются теми, кто ничего не производит»².

Инфляционная политика, начатая сейюкаевским кабинетом Инукаи, также была наруку помещикам тем, что она поднимала

¹ «Нихон Ногин Нэнкан», сельскохозяйственный ежегодник, 1932 г.

² «Economist» от 15 июня 1932 г.

цены на сельскохозяйственную продукцию, и тем, что облегчила задолженность широких слоев мелких и средних помещиков.

Однако возрастающие требования помещиков все в большей мере встречали сопротивление крупной промышленной буржуазии, тоже претендовавшей на максимальную помощь со стороны государства. Промышленная буржуазия использует все свое политическое влияние в борьбе за свою долю в расхищении государственных фондов.

«Выбираемые сельскохозяйственным населением депутаты в парламент,—писал Нагано Акира, один из видных руководителей работающей в деревне реакционно-националистической организации,—становятся верными сообщниками финансовой клики городов; все органы прессы принадлежат городам и не повертываются лицом к деревне»¹.

Разгоревшаяся борьба между рентой и прибылью привела к тому, что в дело вмешались военные круги, имеющие свои специфические виды на использование государственных средств и поэтому также выступившие против раздутых претензий помещиков.

Газета «Дзи-дзи» от 20 июля 1932 г. сообщила, что

«министерство финансов задержало проект плана по оказанию помощи сельскохозяйственным районам, указав на отсутствие средств и на крайнюю скудность финансового рынка, и без того с трудом размещающего военные заказы».

Первоначальные грандиозные проекты помощи деревне, измерявшиеся суммами в 400—600 млн. иен, были сокращены в своем объеме. К августовской сессии парламента дело ограничилось тем, что на местах были созданы «земледельческие комитеты» под руководством префектуральных властей, причем на эти комитеты правительство ассигновало 2 млн. иен на год на всю Японию. Задача этих комитетов состоит в том, чтобы приучить сельское население «полагаться только на себя, а не на какую-либо помощь извне».

Сопротивление финансово-промышленной буржуазии имело решающее значение в направлении политики кабинета Сайто в отношении дальнейшей помощи аграриям. 63-я парламентская сессия, несмотря на сейюкаевское большинство Нижней палаты, как известно, также отпустило весьма урезанные ассигнования на «помощь деревне». Из ассигнованных 108 млн. иен на «мероприятия чрезвычайной помощи» около 85 млн. иен отпущено на строительные работы. Из этих средств большая часть была израсходована на закупку цемента и других строительных материалов, т. е. пошла в промышленность, а не к помещикам. Отпущенные 172,5 млн. иен низкопроцентных кредитов имели целью оказать финансовую помощь банкам, заморозившим свои капиталы в недвижимое имущество. Ни моратория задолженности (что было бы также выгодно

¹ «Кайдо» за октябрь 1932 г.

мелким помещикам), ни каких-либо далеко идущих мероприятий по повышению цен на рис и т. п., чего требовали аграрные круги до парламентской сессии, не было проведено последней.

Обострение аграрного кризиса привело таким образом, с одной стороны, к усилению крестьянской борьбы против помещиков, с другой стороны—к росту разногласий между двумя лагерями правящего буржуазно-помещичьего блока.

Наконец чрезвычайно важное значение имеет то обстоятельство, что и политические позиции буржуазии в блоке господствующих классов, осуществляющем власть, были ослаблены обострением внутренней взаимной борьбы между различными группировками в лагере самой буржуазии и представляющих ее интересы политических групп. Борьба эта протекала и протекает по самым различным руслам и направлениям, подробное описание которых не входит в рамки этой работы. Она разворачивалась, во-первых, между банковским и промышленным капиталом, несмотря на тесную связь и прямое сращение обоих. Так например ряд банков оказывал более длительное и более упорное сопротивление переходу к инфляционной политике, боясь обесценения своих кредитов, в то время когда ряд групп промышленной буржуазии уже решил перейти на рельсы инфляции. Позже промышленная буржуазия (в частности группировка Токийской торгово-промышленной палаты, возглавляемая бароном Го) стремилась обеспечить промышленности максимальные банковские кредиты, в то время как сами банки нашли уже для себя в обстановке инфляции более выгодный путь подписки на правительственные займы.

Но проблемы финансовой политики вызвали острые разногласия в самом лагере промышленной буржуазии. Так те слои сейюкаевской буржуазии, которые группируются вокруг концерна Мицуи, выступали сначала в роли ярых поборников инфляционной политики, а когда спекуляция на курсе доллара уже обогатила их на сотни миллионов иен и дальнейшее снижение курса иены грозило обесценить их накопления и создать невыгодные условия для закупки американского хлопка, эти группы буржуазии с приближением импортного сезона выступили противниками дальнейшей инфляции и требовали закрепления курса иены на пониженном паритете. С другой стороны, минсейтовская буржуазия, связанная с концерном Мицубиси, с судостроением и машиностроением и меньше заинтересованная во внешних рынках, сначала упорно сопротивлялась инфляции, а затем в союзе с военщиной выступила с требованием дальнейшей инфляции, когда оказалось, что это является единственным средством обеспечить тяжелой промышленности те государственные субсидии, которые она получает.

Не менее острый характер носила борьба вокруг повышения таможенных пошлин, которое предпринималось несколько раз за годы кризиса: добывающая промышленность требовала и добилась повышения пошлин на ввоз иностранного промышленного сырья, а обрабатывающая промышленность, наоборот, протестовала против этого, и пришлось пойти на ряд уступок ей по линии налогового

обложения и субсидий. Очень острый характер приобрела также в годы кризиса борьба вокруг топливной проблемы в связи с тем, что угольный картель установил на внутреннем рынке монопольные цены на уголь, вдвое превышающие довоенные, в то время как общий индекс товарных цен уже приближался к довоенному. Другие группы промышленности требовали поэтому увеличения ввоза фушунского угля в Японию, что наталкивалось на ожесточенное сопротивление угольного картеля.

Эти разногласия чрезвычайно ослабили политические партии японской буржуазии—Минсейто и Сейюкай, вызвав острую групповую борьбу в их рядах и откол от них ряда политических фракций, ибо в некоторых японских парламентских политических партиях большинство политических деятелей не только представляют «вообще» классовые интересы господствующих классов, но и в самой непосредственной и конкретной форме состоят на жаловании тех или иных фирм, банков и т. д., интересы которых они должны защищать, если они хотят, чтобы эти банки и фирмы покупали им депутатские места в парламенте.

Единство парламентских политических партий подрывалось теперь также и обострением разногласий между буржуазией и помещиками, ибо ни одна из политических партий (а в особенности Сейюкай) не является чисто буржуазной партией, а имеет в своем составе очень значительный процент представителей землевладения. Поэтому хотя вся история Минсейто и Сейюкай заполнена беспрестанными скандалами, беспринципной борьбой групп за власть, взаимными скандальными разоблачениями и т. д., все же эти партии никогда не были так ослаблены внутренними противоречиями в своих рядах, как в этот период.

Вступление Японии в войну в сентябре 1931 г. в еще большей степени обострило расхождение классовых интересов внутри страны.

Когда на исходе 1931 г. оккупацией Манчжурии японский империализм фактически начал войну, все группы господствующих классов Японии, одна за другой, всячески старались выявить свою полную готовность всемерно поддержать «героическую японскую армию». И в самом деле: манчжурская оккупация была начата при минсейтовском правительстве и как раз той генеральской группой (ген. Минами), которая выдвинулась на руководящие посты в армии при пребывании на посту военмина, близкого в последние годы к партии Минсейто, генерала Угаки. Сейюкаевские круги не только поддерживали эту авантюру, но через несколько месяцев после начала войны обвинили даже минсейтовцев в недостаточно активном и целеустремленном ее проведении и под этим лозунгом сами пришли к власти, а возглавившая в это же время армию группировка ген. Араки проявила себя как сторонница самой непримиримой политики по отношению к Китаю. С тех пор и вожди армии, и все, кто побывали за эти годы на министерских постах, и вождь Сейюкай Судзуки, и вождь Минсейто Вакацуки не начинают ни одной речи без того, чтобы не поклясться, что укрепление в Манчжурии рассматривается ими

как «жизненная линия Японии» и никаких колебаний в этом вопросе они не допустят. Таким образом формальное внешнее единство в рядах господствующих классов по коренному вопросу о путях выхода Японии из кризиса посредством новой военной авантюры якобы достигнуто. Все группировки господствующих классов как бы согласились на том, что ограбление Китая, а если удастся, то и советского Дальнего Востока и во всяком случае ограбление Китая от Советского союза для ликвидации революционного движения в Китае и более прочное монопольное закрепление китайского рынка за Японией—должно разрядить, хотя бы на время, остроту экономического и зреющего политического кризиса в Японии. И действительно, поскольку раздел Китая мог бы быть успешно проведен японским империализмом и если бы такой успех был гарантирован в войне против Советского союза—все группировки господствующих классов Японии были бы едины в поддержке манчжурской авантюры. Незачем доказывать, насколько важна демонстрация этого единства для успеха войны и в особенности для того, чтобы усилить дипломатические позиции Японии перед лицом других империалистических держав, ревниво следящих за успехами японского оружия в Китае.

Но, не ограничиваясь установлением этого формального единства в своих собственных рядах, господствующие классы Японии прилагают все усилия и для того, чтобы изобразить манчжурскую авантюру не только их собственным делом, но и делом, в котором кровно заинтересована вся нация. Все рычаги агитации были пущены в ход для того, чтобы доказать массам, что «Манчжурия—это первая линия государственной обороны Японии», что без закрепления за собою естественных богатств Манчжурии Япония будет осуждена на поражение в неизбежной войне с другими странами, что без манчжурского сырья и топлива не может работать японская промышленность, что без манчжурских земельных просторов неразрешима проблема перенаселения Японии, что без манчжурского рынка Япония не сможет выйти из кризиса и т. д. и т. п. Особенное ударение делалось на последнем пункте в этой агитации: изо дня в день на страницах всех газет, в бесчисленном количестве брошюр и плакатов, на собраниях, устраиваемых патриотическими организациями, с парламентской трибуны, в речах министров, в школах, на собраниях желтых профсоюзов, в деревнях—силами «Союза резервистов», на молениях в храмах всех религиозных течений на тысячи ладов твердили и доказывали, что «экономический блок с Манчжурией», «ликвидация гоминдановского хаоса в Китае», «разработка естественных богатств Китая» и т. д.—это единственный, самый быстрый путь, безусловно ведущий к успеху, к ликвидации безработицы в Японии, к оживлению японской торговли, к поднятию жизненного уровня широких японских народных масс, одним словом, к полной ликвидации последствий кризиса для Японии. И надо сказать, что раздутый этими методами шовинистический угар охватил довольно значительные слои городской мелкой бур-

жуазии и известные, хотя и значительно меньшие, слои крестьянства. Что еще вносило сомнение и разноречивость в политическую позицию этих слоев—это боязнь, основанная на уроках прошлых войн, и современная картина могущества финансовых концернов, являющимися как бы результатами побед в Китае, побед, которые даются ценою крови и тяжелых жертв со стороны народных масс, но которыми воспользовались снова господа Мицуи, Мицубиси, Ясуда и Симитомо, оставив как всегда народные массы ни с чем.

Но для этих пессимистов у японской военщины была с помощью социал-фашистов формулирована особая программа превращения Манчжурии в «земной рай». Ошибочно думать, что эта теория была изобретена для того, чтобы она имела хождение только в Китае или в самой Манчжурии. Как раз там она слишком быстро входила в кричащее противоречие с реальной действительностью, чтобы оказать воздействие на кого бы то ни было, несмотря на все старания японских агитаторов. В Манчжурии, как бы она ни была измучена господством «клана Чжанов», как говорят японские агитаторы, никто конечно не верил тому, что японское господство будет легче. Иное дело в Японии. Конечно японская военщина, финансовые концерны и профессиональные политики знают, что они ищут в Манчжурии не «земного рая», а военного плацдарма, залежей коксуемого угля и железа, мировой бобовой плантации, трех десятков миллионов новых покупателей японских товаров, доходной густой железнодорожной сети, необъятных лесных массивов и т. д. и т. п. Но для мелкой буржуазии и для народных масс все это преподносится в ином аспекте.

Манчжурия, утверждают агитаторы, под японским контролем не будет отдана на расхищение капиталистам, ее естественные богатства станут достоянием всей нации. Ни японские, ни какие-либо другие капиталисты не получают здесь ни железных дорог; ни лесных концессий;—все эти богатства, так же как и рудные ископаемые и свободные земли, поступают в распоряжение государства, которое будет эксплуатировать их в интересах всего народа. Частным банкам не будет позволено скупать манчжурские фабрики, либо производить другие капиталовложения непосредственно от себя. Каждый японский безработный, каждый безземельный японский крестьянин, каждый ищущий честного заработка японский мелкий торговец, ремесленник, служащий и т. д.—обретут для себя в Манчжурии «земной рай», в котором не будет капиталистической эксплуатации. Таково было популярное, предназначенное для распространения в массах, оправдание и объяснение манчжурской авантюры. И надо сказать, что известные группы мелкой буржуазии поверили этой аляповатой сказке. Когда вскоре после занятия Харбина японскими войсками туда приехал один из крупнейших японских финансистов барон Окура для переговоров по каким-то своим коммерческим предприятиям,—к нему явилась группа молодых японских офицеров и студентов и заявила ему, что они проливали свою

кровь не для того, чтобы Манчжурия досталась барону Окура, и что, если он немедленно не уедет в Японию, он будет убит. В этот же день барон Окура покинул Харбин. Подобные настроения, приобретшие известную популярность, были наряду с общей неизвестностью в результатах манчжурской авантюры также одной из причин того, что Мицуи, Мицубиси и другие крупные финансовые концерны опасались производить капиталовложения в Манчжурию даже и тогда, когда военщина, очень быстро убедившись в том, что без помощи денег закрепиться экономически в Манчжурии невозможно, стала обращаться к капиталистам с призывами вкладывать капиталы в организовывающийся в Манчжурии банк, в новые предприятия ЮМЖД и т. д.

Означает ли однако все это, что вступление Японии в войну устранило или хотя бы ослабило вызванное кризисом обострение классовых противоречий в стране? Многочисленные факты, которые не удастся скрыть, несмотря на все строгости военной цензуры, говорят, что это не так. Более того: эти факты показывают, что под внешней оболочкой патриотического единства произошло дальнейшее обострение борьбы как между трудящимися массами и господствующими классами, так и в лагере самих господствующих классов. Уже приведенные нами выше цифры и примеры о рабочих и крестьянских конфликтах и политических выступлениях свидетельствуют о правильности этого положения применительно к трудящимся массам. Пока еще в очень ограниченных размерах, но все же происходит просачивание этих настроений и в армию.

Был отмечен ряд очень типичных инцидентов во время отправки пополнений японским войскам в Манчжурию. Так в районе Каназава жены мобилизованных приносили в казармы детей, требуя накормить ребят, раз правительство отнимает у них отцов. В районе Химедзи Окаяма несколько жен и матерей легли на рельсы перед воинским поездом с криком: «Не пустим своих мужей, сыновей на смерть».

Волнения среди японских солдат, по данным иностранной печати, происходили в одиннадцати местах в Манчжурии. Вряд ли все случаи этих волнений измышлены корреспондентами. В телеграфном полку Нагано было расстреляно 10 революционных солдат. В Корее в связи с отправкой войск в Манчжурию арестованы несколько групп солдат и офицеров.

Прессой было отмечено несколько случаев столкновений солдат с жандармерией (например в марте 1932 г. в 15-м пехотном полку), массовых столкновений между новобранцами и полицией (в одном из таких столкновений участвовало 500 новобранцев), антиправительственной агитации на территориальных сборах и на допризывных площадках. Последнее обстоятельство нашло довольно широкое отражение в полицейских докладах о поднадзорных.

Должны быть отмечены аресты 20 сентября 1932 г. преподавателей и слушателей в авиошколах в Такарадзима и в Йокогама за распространение коммунистической литературы. За два дня до

этого в Йокосука замитинговала команда на одном из крейсеров, требуя освобождения арестованных товарищей. Были произведены новые многочисленные аресты не только среди экипажа крейсера, но и на других военных судах, где были представители с этого крейсера, и на берегу. В сентябре были также арестованы за создание ячеек антиимпериалистической лиги и за революционную пропаганду группа рабочих-металлистов с токийских военных заводов, группа рабочих токийского завода военного снабжения и группа женщин-работниц военно-ткацкой фабрики в Сендзю.

В январе 1933 г. японская пресса отметила ряд случаев брожения и упадка дисциплины в армии: аресты нескольких военно-служащих, а также рабочих на военных заводах за коммунистическую пропаганду и повышение количества дисциплинарных проступков в некоторых дивизионных округах (в особенности округ Кавадзима).

Описывая работу коммунистов в японской армии, газета «Нихон» сообщала 19 января 1933 г. о том, что

«...коммунисты вели пропаганду в 1-й авиашколе в Токио, издавали свой орган «Друзья солдат», организовали специальную бригаду, которая вела работу во время прошлогодних маневров в Кансае, организовала ячейки в некоторых частях армий, а отдел по флоту чуть было не организовал ячейку в самом адмиралтействе».

9 марта 1933 г. газета «Ници-Ници» сообщала:

«Несколько дней тому назад в Сибую жандармским отрядом были арестованы несколько солдат, заподозренных в участии в антиимпериалистической лиге, распространении красной литературы и ведении пропаганды среди войск».

Известен ряд случаев, когда демобилизованные из японской оккупационной армии в Манчжурии солдаты (отслужившие свой срок, либо раненные), возвращаясь в родные деревни (в особенности в северных префектурах), попрежнему охваченные жестоким сельскохозяйственным кризисом, открыто ставят уже в крестьянской массе вопрос: за что же мы боролись? Мы не говорим уже о многочисленных рабочих антивоенных собраниях и митингах, проведенных например во всех главных городах Японии в международный день борьбы против империалистической войны—1 августа 1932 г. Необходимо еще раз подчеркнуть, что политически действенную форму эти настроения приняли пока что только у меньшинства рабочих и крестьян, что более широкие слои трудящихся остаются инертными и политически неорганизованными, хотя и на патриотические манифестации удается вызвать еще меньшее количество рабочих и крестьян. В еще меньшей степени политически оформилось антивоенное движение среди мелкой буржуазии, о чем свидетельствует например тот факт, что денежные и прочие сборы на армию, на постройку самолетов и т. д. проходят довольно успешно.

Наконец совсем еще единичный характер носят случаи антивоенных выступлений в армии и во флоте, которые в основном оста-

ются еще послушным орудием японского империализма. Тем не менее рост антивоенных настроений имеет место во всех этих слоях. Пусть среди мелкой буржуазии на другом полюсе параллельно происходит и рост военно-шовинистических настроений, все же тяготы, вызываемые войной и увеличивающиеся по мере того, как затягивается война и обостряется международное положение Японии, будут несомненно способствовать постепенному рассеиванию этого военно-шовинистического утара и пробуждать к активной политической борьбе против империалистической войны все более широкие слои рабочего класса и крестьянства. В конечном счете, а в особенности при серьезных поражениях на фронте, эти настроения проложат себе более широкий путь и в солдатскую массу, ибо хваленые «дисциплина и героизм» японской армии в значительной степени держались на том, что японская армия до сих пор не знала серьезных поражений: ее противниками выступали сгнивший на корню русский царизм, отживающие китайские полуфеодалы-генералы, а с советского Дальнего Востока японская армия убралась заблаговременно, когда были разбиты организованные ею белые банды и только начали сказываться удары красных партизан. Достаточно показательно, что первая же заминка в Шанхае в январе 1932 г., созданная для японской армии неорганизованными и почти безоружными шанхайскими рабочими и XIX Кантонской армией, вызвала среди немалых групп японских солдат «тоску по родине» и заставила японское командование эвакуировать в Японию несколько сот японских солдат и моряков. Никто не может поручиться, что эти «дисциплина и героизм» сохранятся в японской армии при серьезных поражениях на фронте и даже при тяготах длительной современной войны, при революционном брожении в самой Японии.

Но война уже сейчас, на данной своей стадии, вызвала новое обострение разногласий и в среде господствующих классов Японии, хотя пока что материальные жертвы, понесенные этими классами для оплаты военных расходов, сравнительно еще весьма невелики. Не говоря уже о том, что война на деле не сняла ни одного из тех старых разногласий между различными группами господствующих классов, которые были порождены или обострены кризисом, она создала новые и весьма острые столкновения интересов, преимущественно по двум вопросам: о дальнейшем направлении японской агрессии и о распределении тягот военных расходов в настоящее время.

Логика создавшейся для японской буржуазии ситуации неизбежно требовала после оккупации трех манчжурских провинций дальнейшего расширения военных действий, не говоря уже о том, что непосредственные классовые интересы японской военщины с ее известной самостоятельной ролью в стране ускоренно толкают Японию навстречу большой войне.

Японские господствующие классы вместе с тем осознают, что война должна служить не только выходом из нынешнего кризиса, но одновременно должна разрешить коренные задачи японского

империализма (разрешение сырьевой проблемы, создание континентальной империи, монопольное овладение Китаем и Океанией как сферой колониального грабежа). Но именно здесь намечаются расхождения ближайших политико-стратегических планов различных групп буржуазии, помещиков и монархической бюрократии. За последний год «общественное мнение Японии» занято обсуждением вопроса о направлении предстоящей войны: будет ли она японо-американской или японо-советской, и на эту тему вышли уже десятки книг и брошюр. За различными аргументами в пользу того или иного варианта войны скрываются реальные интересы различных групп господствующих классов Японии.

Начало операции в Манчжурии еще окончательно не предвещало направления будущей большой войны. Закрепление Японии в Манчжурии могло в одинаковой степени служить исходным положением для войны как против САСШ, так и против СССР. Именно поэтому в вопросе о желательности успешной оккупации Манчжурии обнаружилось полное единство всех групп и прослоек японских господствующих классов.

Однако шанхайская операция, представлявшая собой второй этап японо-китайской войны, уже свидетельствовала об активизации того крыла японской буржуазии, которое заинтересовано в первую очередь в овладении центрально-китайским рынком — целью, сопряженная с неизбежным японо-американским конфликтом. К этой группе буржуазии относятся экспортеры хлопчатобумажной пряжи и тканей (45% всего японского экспорта этих товаров идет в Китай), экспортеры угля (в Шанхай вывозится около 80% японского экспорта угля, достигающего 1,6 млн. т), бумаги и других товаров (на долю Китая приходится 25% всего японского экспорта).

Сюда примыкает тот слой японской промышленности и финансовой буржуазии, капиталы которой инвестированы в судоходстве и кораблестроении и политико-стратегические интересы которой лежат на море, в развешивании японской экспансии по направлению южнокитайского побережья и архипелагов Тихого океана. Это — прежде всего интересы концерна Мицубиси (дом Ивасаки) с его крупнейшим пароходством «Нипон Юсен Кайся» (акционером которого является императорский двор), с дочерней судоходной компанией «Нипон Кисен Кайся», бывшей до последнего времени таким же рычагом японской экспансии на юге Китая, как ЮМЖД на севере, далее — судостроительные заводы Кавасаки (эта фирма имеет крупные инвестиции в бассейне Янцзы и в Шанхае), банки, связанные с этими отраслями тяжелой промышленности, и т. д.

Интересы этого слоя японской буржуазии отражают японские морские круги, выступившие застрельщиками шанхайской авантюры.

Выступление адмирала Шиозава в Шанхае, положившее начало событиям в феврале — марте 1932 г., должно было, по мнению японских кругов, развязать чрезвычайно выгодную в данный момент для Японии войну с САСШ. При этом морские круги, издавна готовящиеся к этой войне, считают целесообразным не форсировать

событий на севере и временно сговориться с СССР насчет Манчжурии и Монголии, разумеется на основе признания Манчжоу Го.

Иную позицию занимают те круги буржуазно-помещичьего лагеря, которые заинтересованы в сохранении дружественных отношений с Соединенными штатами, как например фабриканты и экспортеры шелка (последние в значительной степени являются также и помещиками). Далее — группы финансовой буржуазии, имеющие непосредственные вложения в Корею, Манчжурию и Монголию и строящие план континентальной экспансии за счет СССР при сговоре с САСШ. Особое место занимают также в этой группе те слои японской буржуазии, которые заинтересованы в рыбных, лесных, нефтяных и других богатствах советского Дальнего Востока. Позиция всей этой группы подкрепляется тем правильным соображением, что в войне против СССР Япония может рассчитывать на очень существенную помощь даже со стороны конкурирующих с ней держав. Точка зрения всей этой группы была выражена в газете «Нихон» следующим образом:

«Так как прямой причиной японо-американской войны является борьба за китайский рынок, то можно найти пути к сожительству и взаимному процветанию, в то время как с СССР фактически невозможно продолжать дружеские отношения, ибо подлинное разрешение манчжурского вопроса зависит от разрешения сибирского вопроса».

Военные круги, являющиеся наиболее последовательными выразителями интересов этой группы буржуазии и аграриев, в качестве основных аргументов в пользу японо-советского варианта войны выставляют следующие доводы: 1) война с САСШ принесет с собой разорение 10 млн. крестьян-шелководов; 2) Англия и Франция не допустят усиления Японии на Дальнем Востоке за счет американских колоний и, наоборот, охотно поддержат войну против СССР; 3) закрепление Манчжурии за Японией (что является «жизненной линией» Японии) невозможно без захвата Приморья и Приамурского края; 4) через пять лет СССР усилится и будет диктовать свою дальневосточную политику; 5) с Америкой возможно войти в экономический контакт для привлечения капиталов по эксплуатации Манчжурии и Сибири.

Во всей японской литературе, посвященной проблемам грядущей войны, можно ясно различить эти две тенденции. И все же их не только нельзя рассматривать как непримиримые или противоположные тенденции и не только в конечном счете они являются двумя сторонами одной и той же проблемы — борьбы Японии за монопольное положение в Азии, — но на настоящем этапе вся обстановка как бы заранее лишает борьбу этих двух тенденций решающего практического значения. Дело в том, что задача закрепления в Манчжурии сталкивает Японию в качестве ближайшего и непосредственного противника с китайским национально-революционным движением. В конкрет-

ной обстановке сегодняшнего дня только мощный размах этого движения может создать непреодолимые трудности для японского империализма в Манчжурии, закрепление в которой является общим делом представителей обеих характеризованных тенденций. Что же рассматривается господствующими классами Японии как фактор, стимулирующий рост национально-освободительной революционной борьбы в Китае вообще и в Манчжурии в частности? Революционизирующее влияние СССР на колониальные страны, в особенности на Китай. Это влияние неизбежно, оно порождается самим фактом существования Советского союза, как бы строго и последовательно ни проводилась Советским союзом политика невмешательства в дальневосточный конфликт. Кроме того захват советского Дальнего Востока, превращение таким образом Японского моря во «внутреннее озеро» Японии и создание себе твердой базы на материке является выгодным стратегическим условием для грядущей японо-американской войны. Поэтому для представителей не только второй, но даже и для части представителей первой из охарактеризованных здесь двух тенденций война с Советским союзом представляется неизбежной. Практически поэтому именно к войне против СССР и направлены основные военные приготовления Японии.

Что действительно уже сегодня вызывает острые разногласия в среде господствующих классов Японии,— это вопрос о размере финансовых тягот, которые может нести страна для оплаты расходов, связанных с большой войной, о распределении этих тягот и связанный с этим вопрос о сроке начала большой войны. Дело в том, что глубочайший экономический кризис, ускоренно толкающий господствующие классы Японии на путь войны, вместе с тем порождает известные контртенденции в их собственной среде.

Мировой экономический кризис неслыханно обострил противоречия между империалистическими державами во всем мире и на Дальнем Востоке в частности. Противодействие САСШ японской экспансии на континент, соответствующее давление, оказываемое Америкой (в первую очередь через доминионы) на Англию, также враждебно относящуюся к японскому проникновению в Центральный и Южный Китай, не могут не создать известной неблагоприятной международной обстановки для японской агрессии в Китае. Обострение проблемы военных долгов и усиление фашистского национализма в Германии позволили САСШ оказать соответствующее давление и на Францию в антияпонском направлении. Результатом всего этого и явилось февральское (1933 г.) решение Лиги наций по манчжурскому вопросу, направленное против Японии. На данной стадии Япония не может следовательно рассчитывать на достаточно щедрую финансово-материальную поддержку других держав в подготовке к войне: державы не дают денег Японии, ибо не уверены в том, куда пойдут эти деньги — на подготовку войны против Советского союза или на дальнейшую японскую агрессию в Китае. Вместе с тем кризис настолько распатал

сельское хозяйство, промышленность, торговлю и финансовую систему Японии и настолько революционизировал широкие массы рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, что одной Японии непосильно нести тяготы и расходы, связанные с большой войной. Поэтому влиятельные круги японской буржуазии весьма неуверенно идут по пути самостоятельного вытягивания Японии в большую войну, считая необходимым обеспечить поддержку Японии со стороны других империалистических держав. К этим кругам буржуазии относятся крупные банкиры, текстильные магнаты (осакская буржуазия), горнопромышленники, экспортеры и в известной мере также представители кругов судоходства и кораблестроения. Наиболее крупными представителями интересов этой группы являются генро Сайондзи (тесно связанный с концерном Сумитомо), флотские деятели, как морской министр Окадо, премьер Сайто, двор в лице Макино, Икки и других сасумцев, связанных тесными узами с Мицубиси, и др.

Торгово-промышленные и банковские круги, связанные с текстильной промышленностью, наиболее сильно пострадали от анти-японского бойкота в Китае. Убытки в результате сократившегося сбыта и угроза полной потери китайского рынка заставляют осакскую буржуазию сугубо осторожно относиться к дальнейшей военной агрессии в Китае, что прежде всего выражается в нежелании финансировать расходы на армию и флот, так как это оказалось ей не под силу, «переговоры о французском займе затянулись до настоящего времени именно потому, что влиятельные финансовые круги Японии (в частности осакские деловые круги) не сговорились с военными по поводу целевого назначения займа». На июньской сессии парламента министр финансов Такахаси, отражающий интересы буржуазии, предупредил, что в случае если разрешение манчжурской проблемы затянется, если потребуются дальнейшее ведение войны в Манчжурии, то «государственный долг Японии, ныне выражающийся в сумме 6 млрд. иен, может подняться до 10 млрд. иен». Характерно, что токийская биржа реагировала на первое сообщение о начавшемся японском походе на Жэхэ резким понижением курса. Что же будет, если действительно начнется большая война, которая будет стоить 5—6 млрд. золотых иен в год?

На этом фоне понятны те острые столкновения, которые происходили в конце 1932, в начале, а также осенью 1933 г. из-за размеров военного бюджета на предстоящий год. Представленный военным и морским министерствами бюджет был построен на принципе необходимости закончить в двухлетний срок перевооружение армии и флота для того, чтобы снабдить их всеми современными орудиями войны. Буржуазные группировки, ставшие в оппозицию к бюджету, исходили из непосильности для хозяйства страны нести такие расходы. Реальным содержанием их предложений было растянуть на более длительный срок перевооружение армии для того, чтобы ежегодно откладывать на эти цели меньшую сумму, а следовательно не форсировать и

сроков вступления Японии в большую войну. Как известно, разногласия по этому вопросу одно время настолько обострились, что Араки выступил в прессе с угрозами потребовать введения новых налогов на капитал для оплаты военных расходов. С этими же соображениями связана и позиция противников выхода Японии из Лиги наций. В то время как военщина вместе с частью политических деятелей проявляет полное нежелание считаться с требованиями других держав, противодействующих японской агрессии в Северном Китае, значительная часть политических деятелей и деятелей финансового и торгово-промышленного мира, не желая взвалить на плечи Японии все финансовые тяготы большой войны, стремится заручиться денежной поддержкой других держав. А это значит, что нельзя игнорировать требования этих держав и нельзя ставить японскую дипломатию в положение изоляции. Вопрос о сроках войны связан также и с вопросом о государственном контроле над промышленностью. Военное министерство весьма твердо и энергично проводит сейчас линию на вмешательство государства во все области производства в целях подготовки их к всеобщей мобилизации. Значительные группы буржуазии сопротивляются этому, ибо это означает ограничение свободы их производственных операций, а в ряде случаев и прямое сокращение их спекулятивных прибылей.

Наконец, с вопросом о темпах и путях подготовки к большой войне связаны и те разногласия, которые в очень острой форме происходят между военщиной, овладевшей сейчас также и аппаратом ЮМЖД, и финансовыми концернами Японии по поводу капиталовложений в Манчжурии, объектов строительства и форм контроля над манчжурским хозяйством.

Таким образом обострение классовых противоречий внутри страны и противоречий в лагере господствующих классов, вызванных теми вопросами внешней политики, перед которыми встал японский империализм, с началом манчжурской оккупации неизбежно должно было привести к осложнению внутренней политической обстановки в Японии. Старые политические партии, осуществлявшие до сих пор власть,—Сейюкай и Минсейто были ослаблены внутренней борьбой в их рядах и слишком скомпрометированы в глазах масс, чтобы иметь возможность выступить в столь острый момент в качестве силы, претендующей на представительство общенациональных интересов. Но зато объективно повышалась роль другой силы, именно военщины, которая, опираясь на прошлый исторический опыт, когда правительство целиком находилось в руках военного дворянства, например в эпоху маршала Ямагата, и на потребности, вставшие сейчас перед господствующими классами страны в связи с кризисом и антикитайской войной, предъявила свои претензии на руководство государственным аппаратом.

Два фактора облегчали военщине достижение успеха в этом направлении: во-первых, уже отмеченное ослабление фронта старых политических партий, которые в других условиях могли бы,

отстаивая свои позиции, оказать военщине более действенное сопротивление, и, во-вторых, тот факт, что эволюция, продланная японской армией за последние годы, и тот ореол побед, которым она была окружена, позволяли ей легче, чем старым политическим партиям, стать притягательным центром для ускользавших из-под руководства этих партий различных промежуточных групп городской и деревенской мелкой буржуазии, мелкого и среднего помещичьего землевладения и даже отсталых элементов в рабочем классе. Да и в лагере самой буржуазии, чем дальше втягивалась Япония в войну и чем глубже охватывал страну кризис, крепло убеждение, что военная диктатура лучше, чем старая лжепарламентская система, сумеет разрешить острые вопросы, стоящие перед японским империализмом.

Ни одна группа японской буржуазии никогда не мыслила, что она сможет осуществлять власть без союза с военщиной и монархической бюрократией, и домогательства ее были направлены только к тому, чтобы обеспечить себе лучшие условия этого союза. А теперь, когда страна стоит перед перспективой новой внешней войны и в то же время перед опасностью внутренних революционных взрывов, т. е. когда на карту ставится судьба всего социального строя и всего политического режима, тяга к «сильной власти» должна была еще усилиться. Это общее в буржуазной среде стремление найти общий язык с военщиной усиливалось еще тем обстоятельством, что конкурирующие группы буржуазии старались обойти друг друга и усилить свои позиции за счет своих конкурентов путем сговора с влиятельными фигурами в милитаристическом мире. Именно это сделало возможным для группы ген. Угаки—ген. Минами готовить военный переворот во время пребывания у власти минсейтовского правительства, а ген. Араки притти к власти сначала вместе с сейюкаевским правительством Инукаи, а затем спихнуть это правительство и обеспечить себе поддержку части буржуазии, шедшей раньше за Минсейто. Таким образом, несмотря на объективно возросшие противоречия между узкими классовыми интересами буржуазии и общими интересами того классового блока, в руках которого находится государственная власть, значительные группы буржуазии на деле облегчают приход к власти военщине, опирающейся также на недовольство со стороны помещиков и мелкой буржуазии политикой финансового капитала.

В этих условиях армия пытается взять на себя роль «вождя общенационального движения» и направить в русло этого подконтрольного себе движения и активность тех промежуточных слоев, руководство которыми уже потеряно старыми политическими партиями. Благодаря этому реакционно-шовинистическое движение приобретает новый центр, вокруг которого оно начинает группироваться—армию. Наряду с общей активизацией реакционно-шовинистического движения в годы кризиса и войны и дальнейшим оформлением экстремистского террористического крыла в нем этот фактор, т. е. выдвижение

армии на руководящее место во всем реакционно-шовинистическом движении, является самым характерным моментом описываемого периода.

Для того, чтобы понять, каким образом армия оказывается способной играть эту роль и какими методами она разрешает эту задачу, необходимо остановиться на политической эволюции самой японской армии.

Глава вторая

АРМИЯ КАК ЦЕНТР РЕАКЦИОННО-ШОВИНИСТИЧЕСКОГО И ФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЯПОНИИ

Эволюция политической роли армии

Хищнический тип японского капитализма и сохранение феодальных методов эксплуатации внутри страны, его агрессивно-завоевательная внешняя, в первую очередь колониальная, политика с первых дней его выступления на историческую арену, дальнейший рост этой агрессивности при переходе в фазу финансового капитала, союз между буржуазией и военно-феодальными элементами, которые отнюдь не были разбиты так называемой «революцией» 1868 г., тот факт, что Япония никогда не проходила через эпоху парламентаризма, а вся полнота власти сохранялась в руках военно-полицейской монархии,—все это определило особую значительную роль военщины в руководстве политической господствующими классами Японии. Здесь уже—не только количественное, но и качественное отличие от того, что мы наблюдаем в «передовых» капиталистических странах, где армия обычно играет только служебную роль в качестве орудия политики господствующих классов, но где армия не определяет эту политику.

Как известно, японское законодательство совершенно освобождает армию и флот из-под контроля и подчинения правительству и парламенту. Военный и морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота имеют право непосредственного доклада императору, минуя премьер-министра. Все назначения и перемещения по армии и флоту производятся с санкции императора без участия правительства. Так как вопросы войны и мира по японской конституции также самостоятельно решаются императором без участия парламента, то это значит, что армия ведет войну, также не нуждаясь в санкции правительства. Поскольку по конституции военным министром может быть только генерал, а морским министром только адмирал, то это означает, что верхушка армии и флота, отказываясь выдвинуть своего кандидата в то или иное правительство, имеет возможность не только влиять на состав правительства в желательном для них направлении, но и вообще сорвать его организацию. Никакого вмешательства

со стороны правительства в свою внутреннюю жизнь армия и флот не терпят. Они не считают даже обязательными для себя соглашения, которые подписывает правительство с другими странами по вопросам вооружений. Единственный пункт, когда парламент соприкасается с армией,—это обсуждение бюджета, однако предоставленное конституцией императору право не утверждать бюджет, принятый парламентом, делает и это «право» парламента иллюзорным. Когда например кабинет Вакацуки, проводивший дефляционную политику и сокращавший поэтому весь государственный бюджет, попытался урезать расходы на армию и флот, это оказалось ему не под силу, и в результате 60% национального бюджета пошли на армию и другие военные расходы. Таким образом законодательство обеспечивает армии и флоту место «государства в государстве», освобождает их от правительственного контроля и тем самым способствует превращению армии в самостоятельную политическую силу в стране.

Японская военщина—это олицетворение самостоятельной роли гнета японской монархии, в силу которого государство выглядит как бы оторванным от общества и не зависимым от него. Здесь может быть проведена известная аналогия с утверждением Маркса, относящимся к Франции, что «во время второй империи с ее законодательным корпусом и сенатом (в этой форме парламентаризм был воспроизведен в военной монархии прусской и австрийской) парламентаризм выродился в пустой фарс; во внешний придаток грубейшего деспотизма».

Секрет классового механизма японской государственной власти состоит в том, что постоянным ядром этой власти остается монархическая бюрократия и военщина, которая в зависимости от потребностей дня и в большей степени в зависимости от изменения в соотношении сил внутри лагеря самой буржуазии привлекает к власти то одну, то другую фракцию буржуазии. Японский капитализм достаточно силен для того, чтобы ни одна политическая группа не могла удержаться у власти, если она не опирается на ту или иную влиятельную фракцию из лагеря самой буржуазии. Но японский капитализм слишком сращен с полуфеодальными пережитками в стране и со всем аппаратом военно-полицейской монархии, а последняя достаточно сильна, чтобы было возможно длительное пребывание у власти чисто буржуазного правительства, действующего в разрез с двором, Верхней палатой, Тайным советом, армейской верхушкой и т. д. В результате правительство всегда представляет собой блок военно-бюрократических элементов с той группой или фракцией буржуазии, которая в данный момент одерживает верх в конкурентной борьбе внутри буржуазного лагеря. Часто при этом бывает и так, что она одерживает верх не потому, что она сильнее экономически или влиятельнее политически в широких буржуазных слоях, а потому, что ей удастся легче найти общий язык с военно-бюрократическими элементами. В этих случаях мы и наблюдаем переход большинства буржуазных депу-

татов парламента в оппозицию к правительству, приобретающему таким образом надпарламентский характер, как это неоднократно было в истории японских кабинетов.

Факты показывают, что армия и флот не только широко используют свое независимое от правительства положение, не только предохраняют себя от вмешательства парламентских партий и политических деятелей во внутренние дела армии, но, опираясь на эти уже давно завоеванные позиции, идут и дальше, стремясь полностью подчинить себе правительство, парламент и политические партии. Эти претензии в значительной степени опираются на исторические традиции весьма недавнего прошлого. В сущности всю вторую половину пореформенного существования Японии—с 1895 до 1922 г.—фактическим диктатором страны был глава клана. Циюсю, т. е. крупнейший представитель военного дворянства, маршал Ямагата, который в качестве самого влиятельного члена «генро» вершил судьбами страны. Под его покровительством армия, т. е. возглавлявший армию клан военного дворянства Циюсю, стала решающей силой государственной власти, и фактически сама монархия (император и его двор) находилась в руках армии. Милитаристические кабинеты ген. Кацура и ген. Терауци и подобные им правили Японией до конца мировой войны.

В конце 1918 г. было сформировано первое парламентское правительство Хара. Это правительство, сформированное партией Сейюкай в разгар интервенции против Советской республики, целиком поддерживало агрессивные планы клана Циюсю, безраздельно властвовавшего в то время в армии. Факт возникновения парламентских кабинетов тем не менее несколько суживал сферу непосредственного контроля армии над политической жизнью страны. В основе этого явления лежали выросшие претензии буржуазии, окрепшей и колоссально разбогатевшей в годы мировой войны и стремившейся теперь приблизиться к непосредственному участию в управлении страной, а также быстрый рост революционного движения, начиная с «рисовых бунтов» 1918 г., что заставляло маскировать военную диктатуру «партийными правительствами» и другими парламентскими побрякушками.

В японской прессе после мировой войны начинают все громче раздаваться голоса критики, направленной против непомерных претензий военщины на руководство всем государственным аппаратом. В особенности после Вашингтонской конференции, означавшей крах политики крайних авантюристических элементов, ряд газет, связанных с буржуазными кругами, выставляет требование «невмешательства военных в политику»¹.

Эти требования увязываются со всей агитацией против бюрократических правительств, за расширение роли парламента и введение всеобщего избирательного права. Когда в середине 1924 г. наступает эпоха тесно связанных с буржуазией кенсейкаевских

¹ Kennedy, The Military Side of Japanese Life, Boston, 1922, p. 135.

правительств (Като, а потом Вакацуки), влияние военщины на руководство политикой все быстрее падает. Военщине еще раз удается восстановить свои позиции в начале 1927 г., когда во главе правительства становится ген. Танака. Но самый метод, с помощью которого ген. Танака пришел к власти, свидетельствовал уже о том, что время почти безраздельного господства военщины миновало. В самом деле: Танака пришел к власти не благодаря тому, что он являлся лидером офицерства, а благодаря тому, что он сумел стать лидером крупнейшей парламентской партии Сейюкай. Позднейшие разоблачения политических противников ген. Танака вскрыли, что, оставаясь продолжительное время на посту военного министра, он использовал секретные фонды военного министерства в размере 3 млн. иен для подкупов ряда парламентских и партийных деятелей и в результате этого, когда с поста председателя Сейюкай ушел Такахаси, новым председателем партии был избран ген. Танака. В качестве лидера самой крупной парламентской партии ему было поручено и формирование министерства в апреле 1927 г. Конечно это говорит о том, что военное дворянство использовало парламентскую партию, а не наоборот, но факт остается все же фактом, что во времена маршала Ямагата военное дворянство и без этого было достаточно сильным, чтобы удерживать всю полноту власти в своих руках, теперь же ему пришлось искать опору в лице политической партии. Скоро однако и этого паллиатива оказалось недостаточно, и неудачи шаньдунской авантюры ген. Танака положили конец его власти, несмотря на то, что он оказал неоценимые услуги буржуазии в деле проведения рационализации в промышленности и разгрома революционного движения в стране.

Это падение влияния военного дворянства на руководство государственным аппаратом надо рассматривать однако не только в связи с укреплением в послевоенную эпоху политических позиций и экономической мощи японской буржуазии, но и в связи со сдвигами, происшедшими в самой армии. Сама буржуазия как раз очень нерешительно атакывала позиции военщины, а в ряде случаев крупнейшие концерны и инспирируемые ими политические группировки предпочитали связываться с клановым генералитетом и отдавать себя под его покровительство: без этого ген. Танака не мог бы например стать и лидером Сейюкай. Но положение теперь изменилось вследствие того, что сами военное дворянские кланы ослабли, исчерпали себя политически и стали сходить со сцены под влиянием сдвигов, происшедших как во всей стране, так и в самой армии. Если этого нельзя еще отнести полностью к возглавляющему флот клану Сацума, то это целиком верно по отношению к клану Цюсю, в течение трех десятилетий бывшему самой могущественной силой в стране. Какие же сдвиги произошли в эти годы в армии?

В годы, следовавшие за мировой войной, японская армия проделала большой путь развития. Особенно сильные сдвиги произо-

шли в армии в результате реорганизации в 1922—1925 гг. Сдвиги эти касаются не только численности, организации, технического оснащения армии, но были связаны и с изменением в составе ее руководящих кадров.

До реорганизации руководящее положение в армии занимал клан Циюсю, а во флоте—клан Сацума. Оба эти клана представляли собою группировки военного дворянства, организационно почти неоформленные, но тесно связывающие своих членов не только единством происхождения из одной и той же местности, но и общностью традиций, исторического прошлого этих слоев дворянства, взаимным покровительством и поддержкой в продвижении по службе и т. д.

Это были представители когда-то землевладельческого дворянства, либо самураев, зависевших до реставрации Мейдзи от крупного владетельного дворянства. Многочисленные представители этих групп дворянства—и при этом преимущественно двух кланов—Циюсю и Сацума, сыгравших выдающуюся роль в укреплении нового режима во время борьбы против сиогуната,—образовали основной кадр командного состава в армии и во флоте пореформенной Японии. Между представителями этих двух кланов происходила бесконечная борьба за монопольное овладение руководящими постами в армии, но оба эти клана вместе представляли собою основную реальную силу, на которую опиралась военно-полицейская монархия, и силу, которая упорно стояла на страже всех самых отживших полукрепостнических по своему социальному содержанию институтов в японском хозяйстве и в японской политической жизни. Монархия могла оставаться опорой всего реакционного в Японии потому, что сама опиралась на эти реакционные военно-дворянские кланы. Мировая война, форсировавшая капиталистическое развитие Японии, в конечном счете нанесла удар по клановому руководству и в армии. Если до мировой войны и реорганизации японской армии в 1922—1925 гг. правильно было говорить о «флоте Сацума» и «армии Циюсю» и сохранялось еще значение борьбы между этими кланами, то с уходом Танака из военного министерства в конце 1923 г. клан Циюсю больше не возглавлял армии, постепенно началось разжижение сацумовских элементов и во флоте.

Было бы неправильно думать, что кланы Сацума и Циюсю оставались до последнего времени феодальными организациями. Они не стояли в стороне от капиталистического развития страны и в итоге переплелись тысячами нитей с концернами и с парламентскими буржуазно-помещичьими партиями. Клановые круги Сацума были все последние годы тесно связаны с концерном Мицубиси, а через него и с партией Минсейто. Клановые круги Циюсю были связаны с концерном Мицуи и в еще большей степени непосредственно с партией Сейюкай, так что в конце концов вождь Циюсю Танака стал также и лидером Сейюкай. Но все же в основе своей кланы эти оставались корпорациями военного дворянства, и их способность примениться к изменившимся условиям не надолго удли-

нила сохранение кланового руководства, несмотря даже на то, что кланами стал широко практиковаться метод «усыновления» желательных для них выходцев из других местностей.

Уже в первом десятилетии 900-х годов для каждого внимательного наблюдателя японской политической жизни было очевидно противоречие между сохранением власти в руках кланового дворянства и растущей индустриализацией и капиталистическим развитием страны.

«Народное хозяйство Японии,—писал один русский автор той эпохи,—делает колоссальные шаги вперед, земледелие растет и крепнет, торговля и промышленность развиваются не по дням, а по часам. И над всеми этими обработанными, как сады и огороды, полями и над всеми дымящими и грохочущими фабриками, поездами и пароходами командует стародавнее дворянство, не имеющее ни фабрик, ни земель, имеющее только казенное содержание, да, может быть, получающее доход со вложенных в банк выкупных свидетельств и ничем больше не связанное с хозяйством Японии. Оторванное от почвы, с оборванными корнями, это «непроизводительное» дворянство держит в своих руках всю Японию, а само висит, так сказать, в воздухе...»¹.

Противоречие это, как известно, в ходе исторического развития разрешалось тем, что клановое дворянство было оттеснено от власти в общегосударственном аппарате новым слоем—монархической бюрократией, а после мировой войны также и буржуазно-помещичьими политическими партиями. Тем не менее роль этого дворянства оставалась очень значительной, поскольку оно продолжало удерживать в своих руках армию и флот. Приблизительно с 1925 г. началось однако вытеснение кланового дворянского руководства и из армии и флота. В особенности ослабло влияние клана Цисю, в то время как Сацума проявил большую живучесть и сохранил за собою решающие позиции во флоте. Большая живучесть Сацума не в последней степени объясняется тем, что в армии всегда происходила борьба между господствовавшим там кланом Цисю и кланом Сацума, а во флоте сацумовцы занимали монопольное положение. Позиции Сацума укрепляются также тем, что этот клан ближе стоит к императорскому двору. Да и сам нынешний вождь сацумовцев Макино—лорд, хранитель императорской печати—является самым близким к императору лицом и, как утверждают в своих воззваниях фашисты, держит под своим влиянием генро—князя Сайондзи и вместе с ним «присвоил себе право монопольно толковать мнение императора».

Однако борьба между кланами Сацума и Цисю давно уже потеряла свою остроту и значение. Трения, которые происходят теперь между морским и военным ведомствами, связаны уже с иными политическими явлениями. Во всяком случае как в армии,

¹ А. А. Николаев, Очерки по истории японского народа, т. II, СПб, 1905 г.

так и во флоте клановые рамки стали уже слишком узкими для выдвинутых развитием страны новых сил. В особенности это почувствовалось в процессе реорганизации армии.

Борьба вокруг вопросов, связанных с реорганизацией армии, обострила отношения между «стариками» и «молодыми», т. е. между генералитетом преимущественно еще времен русско-японской войны и более молодыми поколениями офицерства, выросшими на критическом разборе опыта русско-японской и мировой войны. Так постепенно истощала себя школа маршала Тераути и ген. Танака.

Но эта борьба внутри армии между «стариками» и «молодыми» была не только борьбой двух течений военной мысли, но «молодые» представляли уже иные социальные слои.

Надо иметь в виду, что процесс разжижения военной касты выходцами из рядов средней и мелкой буржуазии и мелких помещиков начался еще до мировой войны.

Вскоре после войны уже цитированный нами английский автор Кеннеди писал, что

«теперь, подобно тому, как в различных торгово-промышленных компаниях можно найти много членов старых самурайских фамилий, — многие сухопутные и морские офицеры происходят из рядов некогда презренного торгового класса»¹.

До последнего времени этот процесс тормозился тем, что в офицерские военные школы принимались преимущественно дети военных. Но закон 1927 г. о вольноопределяющихся, согласно которому лица со средним или высшим образованием, могущие в течение года службы в армии материально сами содержать себя, получают право (по прошествии года и сдачи экзаменов) на первый офицерский чин, довольно широко открыл двери для выходцев из этих промежуточных слоев к офицерскому званию помимо военных училищ. Если уже в 1920—1927 гг. среди поступающих в кадетские корпуса 30% были детьми мелких помещиков, кулаков и городской мелкой буржуазии, то теперь процент лиц из этих социальных слоев, пополняющих офицерские кадры, еще увеличился.

Эти новые офицерские кадры, не могущие еще претендовать на руководство армией, явились однако главной опорой начавшихся с 1922 г. реформ японских вооруженных сил, когда перед армией встала задача освоения опыта мировой войны. Более консервативное старое клановое офицерство с трудом поворачивалось лицом к новым требованиям, предъявлявшимся сложными задачами реорганизации армии, и на этой почве оно вытеснялось новыми офицерскими кадрами. Позиции новых слоев офицерской молодежи укреплялись и благодаря тому, что она в силу своего демократического происхождения лучше, чем старое дворянское офицерство, умела подойти к изменившемуся челове-

¹ Kennedy, The Military Side of Japanese Life, Boston, 1922, p. 277.

ческому материалу армии—к солдатской массе послевоенной Японии. Недовольство старой бюрократией и связанным с ней клановым генералитетом питаются среди офицерской молодежи еще и тем обстоятельством, что при господствующем в Японии консерватизме в обновлении кадрового состава различных государственных и командных аппаратов молодому офицеру требуются десятилетия, чтобы дослужиться до штаб-офицерских чинов (напомним, что возраст командиров полков в японской армии в большинстве случаев не ниже 50 лет). Поэтому вытеснение кланового офицерства шло также и по линии прямой личной заинтересованности новой офицерской молодежи.

Этим процессам во всей офицерской массе соответствовали и сдвиги в руководстве армией, хотя здесь они выражались не в «демократизации» генералитета, а в том, что генералы из когда-то всесильных кланов Цюсю и Сацума были теперь заменены генералами из дворянства менее видных, прежде игравших в армии второстепенную роль кланов. Замена эта произошла не сразу, но все же очень быстро.

Одним из вдохновителей и официальных руководителей реорганизации японской армии после мировой войны был ген. Угаки, старик по возрасту и по служебному стажу (ему сейчас 70 лет, первый офицерский чин он получил 40 лет назад), но не принадлежавший к кругам господствовавших прежде кланов и бывший военным министром в пяти минсейтовских кабинетах. Что его роднило однако со старыми клановыми руководителями армии—это близость с дворцово-аристократическими кругами, а через них и с титулованной и связанной с Верхней палатой группой буржуазии и новых помещиков. Особенно сильна его связь с бюрократическими минсейтовскими кругами. Ген. Угаки был несомненно наиболее подходящей фигурой на посту военного министра в периоды, когда кабинет находился во власти Минсейто. К 1930 г. однако и он уже оказался отодвинутым на задний план новыми силами, выдвинувшимися в процессе реорганизации армии. Произошло это вследствие того, что среди молодого офицерства в этот период стало быстро расти резко оппозиционное настроение против парламентских политических партий, в которых офицерство, как мы еще покажем ниже, видело главных виновников неудачи Японии на Лондонской конференции по морским вооружениям, неудачного для Японии исхода шаньдунской авантюры, постоянных попыток со стороны парламента урезать военный бюджет и т. д. Длительное и повторявшееся пребывание ген. Угаки на посту военного министра в пяти партийных кабинетах связывало его имя с парламентскими кругами, которые рассматривались молодым офицерством чуть ли не как изменники родины. Ген. Угаки пытался восстановить свою популярность в армии, связавшись с начавшими складываться в это время тайными офицерскими организациями и даже обеспечив помощь группе молодых террористов, подготавливавших военный переворот против минсейтовского правительства. Но это

уже не могло сплотить вокруг него армию, и он был заменен в 1930 г. на посту военмина ген. Минами.

Минами был компромиссной, т. е. «переходной», фигурой, ибо он стоял уже близко к офицерству, выдвинувшемуся в процессе реорганизации армии, но в то же время продолжал еще под-держивать связи с группой Угаки.

Ген. Минами и бывший при нем начальником генштаба ген. Ка-ная возглавляли японскую армию в момент возникновения японо-китайского конфликта и руководили первыми операциями по оккупации Манчжурии. Даже самые крайние представители молодого офицерства признавали, что ген. Минами проявил большую «твердость» в противодействии всем попыткам тогдашнего министра иностранных дел Сидехара затормозить развитие конфликта и ввести действия японской армии в Манчжурии в такие рамки, чтобы не притти в столкновение с другими империалистическими державами. Известно, что, когда японское правительство, опасаясь протестов со стороны САСШ, потребовало отвода японских войск из-под Цзиньчжоу, военный министр отдал негласный приказ командующему дивизией под Цзиньчжоу не выполнять распоряжения правительства. Несмотря на это, Минами не мог удовлетворить политических требований молодого офицерства и с приходом к власти сейюкаевского кабинета в декабре 1931 г. уступил руководство армией группе, которая гораздо теснее была связана с движением молодого офицерства, т. е. группе ген. МUTO—ген. Араки¹.

Характерной особенностью этой группы является то, что хотя она в возрастном отношении тоже отнюдь не состоит из молодых людей, но на высшие должности в армии она продвинулась преимущественно только в годы интервенции против СССР и борьбы против китайской революции. В военном совете эта группа начала занимать решающие позиции только с 1930 г. Ее связь со старой придворно-аристократической кликой, с Верхней палатой и с титулованным крылом буржуазии, а это значит и с крупнейшими концернами, слабее, чем у старого армейского руководства, которое, эволюционируя вместе со всей монархической бюрократией под влиянием капиталистического развития страны, тесно связалось с отдельными группами финансового капитала, придворно-бюрократическими кликами и партийными политиками. Группа «Сага» более свободна от этих связей и поэтому имеет возможность

¹ Эту группу возглавляют генералы МUTO, Араки, МазакИ. Ее часто называют «группой Сага» по имени города на острове Кюсю, откуда происходят ген. МUTO и ряд других видных деятелей этой группы. Младшими представителями этого течения являются пользующиеся большим авторитетом среди офицерской молодежи полковники Исихара, Итагаки, Доихара, Окамура и Нагата (теперь все они произведены в генерал-майоры).

С группой МUTO—Араки фактически слилась также группа высшего офицерства, происходящая из Кумамото (также на острове Кюсю) и числящая в своем составе начальника Военной академии Усидзича, начальника оперативного отдела генштаба Фурудзо, комдива I Хаяси, командующего охранными войсками в Манчжурии Иноуэ и др.

выступать с большим успехом, чем клановые вожди, в роли представителей интересов монархии и «нации» (т. е. господствующих классов нации) в целом.

«Несвязанность» группы Араки с финансовой верхушкой и придворной кликой не следует конечно понимать абсолютно. Ряд данных показывает, что группа эта, с одной стороны, связана с той придворной кликой, которая возглавляется принцем Цицибу, а с другой стороны, уже сейчас ген. Араки связывается с вождем Сейюкай, близким к концерну Мицуи, — Кисабуро Сузуки. Последнего пресса называет будущим членом триумvirата, который будет управлять Японией в случае полной победы группы Араки. Некоторые газеты прямо указывают также на связи Араки с концерном Мицуи. Если руководство правительством полностью перейдет в руки Араки, то связи эти еще более окрепнут и выступят наружу. Группа Араки потеряет свой лживый ореол «независимых от финансового капитала военных вождей». Но сейчас этот ореол поддерживается тем фактом, что связи эти действительно еще не оформились прочно в их внешнем выражении и не разоблачены еще на практике в осязаемой и понятной широким кругам форме. Самый тот факт, что группа эта только сейчас заняла руководящее место в армии, означает, что она еще не скомпрометировала себя связями с пользующимися прочной ненавистью в широких народных массах воротилами финансовых концернов, продажными администраторами и партийно-парламентскими авантюристами.

И надо отдать справедливость прежде всего самому ген. Араки, что он сумел очень удачно в демагогических целях использовать все выгодные стороны своей позиции. Он развил самую широкую «антикапиталистическую» демагогию, изображая дело таким образом, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской добродетели («бусидо»), сменив разложившиеся и подкупленные капиталистами политические партии в руководстве государственной политикой, сумеет вывести страну из тех трудностей, в которых она очутилась. Ген. Араки нисколько не смущался тем, что эта демагогия заставляла руководителей влиятельных придворных клик, Верхнюю палату, вождей парламентских партий и финансовых воротил относиться с известной опаской к его группе. Расчет его был правилен: нарастающее в стране революционное брожение ставит перед господствующими классами насущнейшую задачу выдвинуть из своей среды группу, которая, хотя бы и ценою «антикапиталистической» демагогии и связанных с этим накладных расходов, сумеет выступить в качестве силы, объединяющей нацию, сумеет бы привлечь к себе промежуточные слои и тем самым в конечном счете укрепить позиции господствующих классов. Да наконец при том удельном весе, который имеет в армии младший и средний командный состав, значительная часть которого состоит уже из выходцев из мелкобуржуазных и мелкопомещичьих слоев, отброшенных кризисом в оппозицию к крупному финансовому капиталу, — армейское руководство просто не может не считаться с настроениями этих групп офицерства

и не отдавать этим настроениям известной дани. И эта дань тем охотнее отдается генералом Араки молодому офицерству, что она сторицей окупает себя: на деле получается, что группа ген. Араки благодаря своей «антикапиталистической» демагогии использует недовольство самых активных и организованных слоев промежуточных классов в своих собственных интересах, т. е. в интересах того же военного дворянства—его основной служилой массы, и в конечном счете—в интересах всего блока господствующих классов. Группе ген. Араки тем легче было усвоить фразистые лозунги «антикапиталистической» демагогии, что, в отличие от старого генералитета, он и его ближайшие сотрудники происходят не из дворянства привилегированных кланов, сумевшего приобщиться ко всем выгодам долголетнего пребывания у власти и втянувшись в многочисленные банковские и другие предприятия, а из захудалых и маловлиятельных кланов, дворянство которых тесно связано с мелкопоместным землевладением и средними монополистическими слоями буржуазии. А в этих социальных слоях недовольство политикой магнатов финансового капитала таилось давно и дало пышные всходы во время кризиса. В конечном счете социальные функции этой группы военщины те же, что и социальные функции старого кланового военного дворянства—она также является главной опорой всех феодальных пережитков в экономике и политическом строе Японии и также будет постепенно ассимилироваться финансовым капиталом. Тем не менее сеподня ее внешняя неотятченность связями с финансовыми концернами и совершенно подорвавшими свой авторитет в массах политическими парламентскими деятелями позволяет этой группе попытаться выступить в роли бескорыстных суровых солдат, не знающих других интересов кроме интересов родины и империи, и на этой основе привлечь к себе промежуточные социальные слои, которые с нетерпением ждут героя, способного вывести их из тупика кризиса.

Политическая программа военщины

Программа военщины в самой примитивной и упрощенной форме воспроизводит именно те специфические черты особой агрессивности и особой реакционности японского империализма, которые вытекают из его военно-феодалного характера. Программа эта, по высказываниям самих лидеров военщины, может быть сведена к трем основным положениям:

1. Армия является передовой частью нации. Поэтому ей, а не парламентским политическим партиям, должно принадлежать руководство политической жизнью страны. Только армия может сохранить династию, подчинить интересы отдельных групп господствующих классов интересам всего режима и обеспечить распространение «императорской идеи» (т. е. японской агрессии) на другие страны.

2. Основной целью государственной политики в настоящее

время должно быть осуществление плана «Великой Японии», т. е. создание мощной колониальной азиатской империи, в первую очередь за счет захвата областей Восточной Азии. Важнейшим противником, сопротивление которого должно быть для этого сломлено, является Советский союз.

3. Задачам внешней агрессии должна быть подчинена и вся внутренняя политика, важнейшим содержанием которой поэтому должно быть: а) увеличение контролирующей роли государства по отношению к промышленности и финансам; б) изживание острого сельскохозяйственного кризиса, грозящего, в противном случае, перераста в аграрную революцию, которая сметет один из важнейших устоев всего режима — помещичье землевладение, а вместе с ним и монархию; в) самая беспощадная и жестокая ликвидация «красной опасности», т. е. всех проявлений революционного движения в стране.

О программе этой действительно можно сказать словами поэта, что она «проста, как мычание». Иллюстрируем ее высказываниями самих лидеров военщины.

Исходной предпосылкой этой программы является прежде всего борьба за сосредоточение всей полноты власти в руках самой армии.

Руководящая роль армии в политике мотивируется усиленной апелляцией к традициям старины, к кодексу феодально-рыцарской морали («бусидо» — кодексу моральных правил японских самураев), носителем и хранителем которой является армия, к божественной императорской власти, которая не может быть подконтрольна политическим партиям, но может зиждиться на зависящей только от нее армии.

«Центром японской государственности, — проповедует один из лидеров военщины, — безусловно является «Тэнно» — император. Воля императора является волей государства. В Японии нет противопоставления граждан императору. Существование монархии в Японии — неограниченное и всеобъемлющее. Император — центр государства и его полная сущность. Монарх — верх добродетели, а добродетель является философией японца»¹.

Араки объясняет регалии императорской власти:

«Справедливость (зеркало), милосердие (яшма) и смелость (меч), представленные тремя регалиями японской династии, являются основным идеалом японского государства, путь которого указывается императорами. Это — так называемый настоящий императорский путь. Японская история представляет собою не что иное, как осуществление этого пути»².

¹ Ген. Сато, Принципы политики пореформенной Японии, Токио, 1933 г.

² Этот «императорский путь» (по-японски «Кодо») по мнению ген. Араки является той целью, ради распространения которой борется японская армия на континенте. «Кодо», — пишет он, — которое должно защищаться как гармоничное соединение истинного духа, лежащего в основании страны, и великого идеала японской

Окружая таким ореолом монархию, военщина стремится нарастающее среди мелкобуржуазной молодежи и других слоев недовольство политикой правительства и хищничеством финансовых баронов направить в русло защиты монархии, которая-де после «второй реставрации» сумеет осчастливить японскую нацию и очистить общественную жизнь Японии от продажных политиков и корыстных спекулянтов. Кто же может быть носителем этого «настоящего императорского пути» кроме армии? Ясно, что только армия способна защищать национальные интересы страны и должна поэтому выступить с собственной политической программой. Генерал-лейтенант Тамон писал недавно:

«Наше влияние несомненно исчезло бы в Манчжурии, если бы не армия. Армия создала условия, в которых Япония может пожинаать плоды урожая. Долгое время нашим национальным стремлением было получить должное вознаграждение за жертвы и труды в Манчжурии. Но что могло сделать министерство иностранных дел? Дипломатия шла на уступку за уступкой Китаю. Наши права и интересы были подавлены. Даже после того, как произошли события в Мукдене и военные операции быстро развивались, министерство иностранных дел старалось всячески приостановить их, несмотря на твердое решение армии упорядочить манчжурскую проблему именно в этот момент. Я убежден, что было бы очень опасно возлагать национальную дипломатию на министерство иностранных дел, которое не может предвидеть наших национальных судеб. Вся нация теперь убеждена в том факте, что только армия может сохранить наши права и интересы, приобретенные с тяжкими потерями денег и жизней, только армия может вести национальную политику».

«...Армия должна извлечь максимальные выгоды из этого положения и убедить нацию в том, что слабая оборона означает прямой удар по национальному престижу и влиянию. Мы должны заставить всю нацию понять, что необходимо по крайней мере сохранить теперешние войска для обороны, чтобы защитить национальную политику. С другой стороны, мы должны заставить всех политических лидеров засвидетельствовать свою лояльность по отношению к армии и флоту и ввести укрепление военной мощи в платформы всех партий... Если твердая политика не будет установлена именно сейчас, армия и флот будут постоянно находиться под угрозой сокращения вооружений, как средства к сокращению расходов, и будут постоянно расшатываться».

нации, должно распространяться и развиваться во всем мире, и все, что тормозит это распространение, должно быть отброшено в сторону, если нужно, при помощи силы» («The Japan Chronicle» 22/III 1933 г.) В Манчжоу Го это «Кодо» уже победило под названием «Вань-дао» (перевод того же термина на китайский язык), по уверению японских политиков. Однако этим их аппетит еще не удовлетворен.

Эти взгляды были расширены и изложены уже в качестве официальной программы военных кругов на состоявшемся 5 июля 1932 г. совещании в военном министерстве. Совещание обсуждало основные вопросы правительственной политики и в частности вопросы внешней политики, экономической политики и политических настроений в Японии. Решениями совещания отвергается принцип невмешательства армии в политические вопросы, причем это мотивируется тем, что «переживаемый Японией период столь сложен и ответственен, что армия не должна смущаться нареканиями и не должна придерживаться традиции о невмешательстве».

В решениях совещания указано, что регулярные совещания военного министерства должны обсуждать все вопросы внутренней и внешней политики, отношения Японии с Лигой наций и Китаем в связи с Маньчжурией, а также отношения Японии со всеми иностранными державами. Решения по этим вопросам, могущие быть осуществленными силами армии, должны проводиться немедленно, остальные же передаваться через военного министра премьер-министру с требованием их осуществления.

В речи, произнесенной на этом совещании, ген. Араки заявил:

«Армия должна быть подготовлена не только к военным действиям, но также к разрешению экономических, социальных и культурных проблем, действуя на основе самостоятельной линии во внешней политике, основанной на твердых, здоровых и справедливых началах».

И решения этого совещания не остались пустыми словами. Газета «Мияко» писала недавно, что

«...Араки на каждом заседании правительства предъявляет свежий лист требований, заставляющих министров бледнеть и неметь... Бывает, что на заседаниях поворит один только Араки».

В каждом вопросе военщина стремится оставить решающее слово за собой.

Эта гегемония военщины объявляется единственно здоровой формой национальной политики и используется для сплочения во круг армии всех реакционных элементов. Так армия становится или, вернее, закрепляет за собою роль основного ядра реакции.

Второй и вместе с тем краеугольный камень всей программы военщины — создание «Великой Японии» и соответствующая этому внешнеполитическая линия.

«...Министерство иностранных дел, — писал в 1932 г. один близкий к японским военным кругам автор, — почти целиком укреплено кликой Сидехары. Он стоял среди правящей верхушки в кабинетах партии Минсейто (и в кабинете Хамагути и в кабинете Вакацуки). Если заметить, что за его спиной стоит один из четырех капиталистических концернов — концерн Мицубиси, то мы увидим, что внешняя политика Сиде-

хара носит соответствующий этим интересам характер... Военные власти не были довольны такой политикой. После мукденского инцидента двойная внешняя политика начинает заменяться внешней политикой военных кругов»¹.

Под «политикой Сидехара» военщина в своей агитации понимает проявленную якобы минсейтовцами излишнюю осторожность, гибкость и уступчивость во взаимоотношениях Японии с другими империалистическими странами, в процессе борьбы за передел колоний, а также и в деле приведения в повиновение самих колониальных народов. Старым партийным правительствам ставится в вину, что они подписали Вашингтонское соглашение, по которому Япония должна была уйти из Шаньдуна, и пакт Келлога, который неприемлем для Японии, поскольку в нем не сделана специальная оговорка касательно японских интересов в Манчжурии. В равной степени военщина осуждает Лондонское соглашение о морских вооружениях, поскольку оно закрепляет превосходство морских сил других империалистических держав над морскими силами Японии.

Этой политике военщина противопоставляет политику бронированного кулака в Китае и политику в отношении других империалистических держав, основанную на том, чтобы ставить их перед фактом закрепления японского влияния в новых областях и районах. Если минсейтовцы хотели закрепиться в Манчжурии путем подкупов манчжурских генералов, то милитаристический кабинет ген. Танака пытался решить этот вопрос, взорвав поезд Чжан Цзо-лина. Когда не помогли взрывы и наследник Чжан Цзо-лина «молодой маршал» Чжан Сюэ-лян также повернул в сторону американофильской политики, военщина смастерила «инцидент Накамура» и оккупировала Манчжурию. Если минсейтовцы искали возможности «добиться понимания японской политики в Китае» со стороны Лиги наций и САСШ, то военщина считает более эффективным самостоятельные действия Японии в Китае. В своей агитации военщина обрушивается на «англо-саксонские влияния», разоблачает «эксплуататорскую роль белой расы в Азии», обвиняет англичан в «порабощении Индии» и приписывает Японии миссию «освобождения азиатских народов путем распространения императорской идеи».

Ген. Араки в статье «Задачи Японии в эпоху Сиова» пишет:

«Различные страны Восточной Азии являются объектом гнета со стороны белой расы. Разбуженная императорская Япония не может позволить произвол белой расы».

Таковы внешние черты разногласий между военщиной и партийно-парламентскими кругами в вопросах иностранной политики. Эти внешние черты не лишены объективной значимости: они действительно отражают большую авантюристичность военщины и меньшую целеустремленность партийно-парламент-

¹ Саса, Этапы развития японского фашизма.

ских кругов, связанных острой групповой борьбой, интересами отдельных концернов, боязнью буржуазии потерять внешние рынки и заграничные кредиты и т. д. Однако эта внешняя сторона разногласий еще не позволяет судить о значении этих разногласий для определения ближайшего направления внешней политики японского империализма.

В ряде случаев удастся даже установить, что партийно-парламентские круги сознательно подчеркивают перед иностранцами независимое положение военщины, иногда для того, чтобы снять с себя ответственность за слишком уже очевидную агрессивность ее действий (что однако не мешало затем японским господствующим классам полностью пожинать плоды этой агрессии), а еще чаще для того, чтобы шантажировать другие империалистические державы, вымогать у них уступки японской точке зрения, угрожая, что в противном случае военщина использует дипломатическое поражение партийно-политических кругов для установления своего полного контроля над политикой и тогда, мол, другие державы столкнутся с еще большей непримиримостью японской точки зрения. В этом отношении весьма показательно например, что в ответ на выступление мининдела САСШ Стимсона 7 августа 1932 г., обвинявшего Японию в связи с манчжурскими событиями в «агрессивности», японские правительственные круги заявили, что позиция Стимсона «затрудняет японскому правительству контроль над общественным мнением Японии», и вслед за этим «общественное мнение», право выражать которое монополизировали за собою военщина и реакционно-националистические организации, разразилось рядом новых нападок на внешнюю политику правительства.

Гораздо яснее прощупывается разница между военщиной и основным ядром партийно-парламентских кругов (в особенности минсейтовцами) в вопросе о ближайшем противнике Японии. Как мы уже выше показали, коренные вопросы внешней политики Японии встают именно тогда, когда задача оккупации Манчжурии выполнена, ибо теперь встает вопрос о том, против кого в первую очередь направить это оружие. Конечно и военщина стремится к проникновению во Внутренний Китай и малейшую щель, образующуюся в дальневосточной политике САСШ и европейских империалистических держав, использует для расширения зоны японского влияния в Китае.

Верно, что так называемые «фаллисты» громче всех кричат о «засилии белой расы» и о вероломстве американцев и англичан. Но вместе с тем они считают, что основной противник — это советы и что ради успеха подготавливаемой ими японо-советской войны надо пойти на соглашение с другими империалистическими странами.

«Мы, — писал недавно известный военный публицист и участник ряда реакционно-шовинистических организаций Хирата, — должны храбро проводить принцип реализма времен

правительства Мейдзи. Этот военный союз увеличит нашу мощь во время боевых операций в несколько раз. Прежний англо-японский союз помог японскому флагу взвиться на континенте. Поскольку японо-советская война в ближайшем будущем явится продолжением прежней русско-японской войны, то и новый англо-японский союз будет не чем иным, как восстановлением прежнего»¹.

В качестве своего ближайшего противника влиятельные круги военщины рассматривают Советский союз. Манчжурия с их точки зрения должна быть прежде всего плацдармом для войны против СССР. Именно поэтому высшие армейские круги с неодобрением относились к шанхайской операции, в которую ввязался флот, и медлили с поддержкой моряков, ибо считали, что это автоматически вовлечет Японию в конфликт с САСШ и Англией, когда основное внимание должно быть сосредоточено на подготовке войны против СССР. Для них Манчжурия—это первое звено в цепи, следующими звеньями которой должны быть Жэхэ и Чахар, затем Внешняя Монголия, наконец Приморье, Амурская область и Забайкалье. Этапы конфликта рисуются им, сначала как захват КВЖД, затем вопрос о Внешней Монголии и вслед за этим—«Сибирь». С циничной откровенностью повествует об этом генерал-лейтенант Сато Кийокацу в своей книге².

«Если японцы хотят своими собственными руками эксплуатировать Манчжуро-Монголию и Сибирь, то они в первую очередь должны захватить КВЖД и Сибирскую железную дорогу. При удобном для Японии случае с русским и китайским правительствами должны быть открыты переговоры по вопросу о покупке Японией названных дорог».

«Для эксплуатации Монголии,—продолжает он,—нужно прежде всего построить железную дорогу и в первую очередь нужно будет построить железную дорогу от Мукдена до Урги. Эта дорога, имея начальным пунктом Мукден, пройдет через Тунляо, Западный Ляохэ и Малый Хинган и войдет в пределы Внешней Монголии. Затем она протянется до аймака Чаченьхана и достигнет Урги. Далее эта железная дорога в Иркутске должна связаться с Сибирской железной дорогой. Если такая железная дорога будет создана, то горные богатства, находящиеся в пределах Жэхэ и Чахара, а также Алтайское плоскогорье, находящееся на западе от Урги, получают хорошее развитие. По возможности дорога Мукден—Урга—Иркутск должна быть продлена от Иркутска на север до порта Охотск, находящегося на берегу Охотского моря. Если этот план железнодорожного строительства будет выполнен, то почти вся Монголия и восточная часть Сибири войдут в сферу влияния Японии».

¹ Статья Хирата Синсаку. Рассуждения о возобновлении англо-японского союза в «Бунгей Сюдзю» за февраль 1933 г.

² «Манчжуро-монгольская проблема и наша континентальная политика», Токио, 1931 г.

Осторожнее выражается по этому вопросу в цитированной уже статье Араки. Однако и он не скрывает дальнейшего направления японской агрессии.

«Япония, — пишет он, — не желает допускать существования такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей к Востоку, и ей надо дать мир и спокойствие. Никак нельзя оставить ее в положении, при котором другие государства распространяют в отношении ее свою агрессивную политику. Оставить Монголию в двусмысленном положении — значит сохранить очаг беспорядков на Дальнем Востоке. Можно было бы сказать, что вопрос о распространении в Монголии императорской идеи является более трудным, чем аналогичный вопрос в отношении Манчжурии. Нужно здесь выразить отчетливо и откровенно ту мысль, что какой бы враг ни противостоял распространению императорской идеи, он должен быть уничтожен».

Если у немногих из японской военщины захватнические мечты простираются до линии Иркутск—Охотск, как у генерала Сато, то вопрос о Внешней Монголии, о Приморье и Сахалине ставится в более широких кругах. Агрессивные круги японской военщины усиленно подчеркивают, что еще до 1935—1936 гг. (когда соотношение сил будет уже не в пользу Японии) должна быть разрешена проблема Приморья и Сахалина как составная часть плана Великой Японии. И, несмотря на то, что в ближайший год перевооружение японской армии еще не будет закончено, все же чем раньше приступит японская армия к разрешению этой задачи, тем лучше. Мотивируется это тем, что, во-первых, только при этом условии будет устранена опасность воздушного нападения с материка на японские острова, во-вторых, Японское море будет превращено во внутреннее японское озеро, в-третьих, будет кардинальным образом разрешена задача расширения нефтяной и угольной базы Японии.

Среди японской военщины существует также и убеждение в том, что если проникновение Японии в Центральный Китай становится японский империализм с САСШ и Англией, то война против СССР, наоборот, встретит сочувствие со стороны западных империалистических держав. В этом отношении характерно заявление, сделанное бывшим военным атташе японского посольства в Москве. На собрании офицеров токийского гарнизона летом 1932 г. он заявил, что для СССР война с Японией будет одновременно означать войну на западных границах и что поэтому возможности выделения советских войск для охраны дальневосточной границы СССР ограничены, что повышает уязвимость этой границы и Сибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом выставляемые японской военщиной лозунги «распространения на азиатские народы императорской идеи», «свер-

жения гнета белой расы», «Великой Японии», «независимой внешней политики» и т. п. отражают авантюристические устремления в сторону форсирования закрепления японского империализма на азиатском материке и войны с этой целью в первую очередь против СССР.

В вопросах внутренней политики, как мы уже сказали, одним из основных программных положений военщины является требование увеличения контролирующей роли государства над промышленностью и финансами. Прикрывается это требование лозунгом «госкапитализма» или «государственного социализма». Незачем доказывать, что этот лозунг непосредственно вытекает из интересов всего блока господствующих классов, в руках которого находится государственный аппарат, и не противоречит конечным интересам самих капиталистов, поскольку осуществление этого лозунга облегчает успех империалистической агрессии Японии и подавление рабочего движения внутри страны, хотя осуществление этого лозунга и означает ущемление интересов отдельных групп буржуазии на том или ином отрезке времени. Это не мешает однако военщине оформлять этот лозунг «антикапиталистической» фразеологией, рассчитанной на привлечение к военщине симпатий широких промежуточных социальных слоев.

«Капиталисты,— пишет Араки в своей статье «Задачи Японии в эпоху Сиова»,— заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь; политики часто забывают общее положение страны, увлекаясь интересами своих партий»

Государство стоит якобы над классовыми и партийными интересами, защищая интересы нации в целом, и именно государству должно быть поэтому предоставлено решающее слово во всех вопросах, затрагивающих жизнь общества.

Это аргументируется и историческими особенностями Японии:

«Японский капитализм,—излагает один японский автор точку зрения военщины,—с его рождения вырос при помощи государства и сейчас даже зависит от госсубсидий больше, чем капитализм другой страны... Сегодня японские капиталистические интересы напоминают феодальные образования. Военные думают, что японский капитализм капитулирует перед государством, таким же образом как феодальные лорды добровольно сдались государству во время «Революции Мейдзи».

Результатом этого должен быть новый порядок, о котором заявил недавно бывший японский военный атташе в СССР полк. Касахара: «Японии не подходит ни капитализм, ни коммунизм, а «госсосоциализм».

О том, как будет выглядеть Япония при этом «госсосоциализме» (т. е. после «второй реставрации», как по образцу первой «реставрации Мейдзи» называется военщиной капитуляция капита-

лизма перед монархией), военщина предпочитает говорить меньше. Пока она конкретизирует эту программу в двух пунктах. Первый касается «экономического блока Японии, Кореи, Манчжурии и Монголии». Находящаяся под влиянием военщины японская пресса в течение 1932 г. изо дня в день доказывала, что рациональная эксплуатация богатств Манчжурии и Монголии возможна будет только лишь в том случае, если эти страны будут отданы не в распоряжение

«хищнических групп финансового капитала, а будут планомерно эксплуатироваться государством. Это не исключает конечно частных капиталовложений, но последние должны производиться в совместных с государством предприятиях».

Как на образец указывается на ЮМЖД, которая является полуправительственным, участвующим предприятием. Именно этот пример и позволяет нам судить о «госсоциализме» полк. Касахара. Как известно, ЮМЖД является арендой деятельности одного из крупнейших финансовых концернов Японии, именно банка Ясуда, главного частного акционера дороги. Дорога ежегодно приносит миллионные дивиденды финансовому капиталу. Ее отличие от частных предприятий заключается однако в том, что «государство», т. е. военно-полицейская монархия, располагая контрольным пакетом акций дороги, имеет возможность широко использовать дорогу для своих нужд. Именно в последний год мы могли наблюдать, как ЮМЖД бесплатно перевозила огромные воинские грузы, производя таким образом скрытое финансирование войны в Манчжурии. Это повлекло за собой большие убытки для мелких акционеров, дивиденды которых резко уменьшились, но не подорвало положения финансовых монополистов и обогатило военное ведомство. Бывший председатель ЮМЖД Уцита именно на этих операциях и сблизился с военщиной и был ею выдвинут министром иностранных дел. Военщина желала бы начать с того, чтобы такие же порядки были установлены и во всех других важнейших колониальных предприятиях. Таким образом «госсоциализм» типа ЮМЖД или «экономический блок Японии и Манчжурии» означает союз военщины с финансовым капиталом, но основным содержанием этого союза должно быть концентрирование максимума материальных ресурсов на подготовку к войне, на финансирование войны, на укрепление материальной базы японского милитаризма. Что это в конечном счете означает расширение сферы деятельности для тех же финансовых концернов — доказывать нет нужды.

Сюда же примыкает требование «госконтроля над военными отраслями промышленности». При этом надо иметь в виду, что понятие «военные отрасли промышленности» весьма растяжимо, ибо при современных методах ведения войны и многочисленности современных армий нет такой отрасли хозяйства, которая в той или иной степени не должна была бы быть военизированной.

Для понимания этого вопроса большой интерес представляют, во-первых, «Лекция об экономике военного времени» проф. Таксо Мори и, во-вторых, «Материалы по всеобщей государственной мобилизации», опубликованные в июле 1932 г. журналом «Нихон Кейдзай Нэмпо». Оба эти документа сходятся на утверждении, что

«с момента объявления войны можно ожидать введения «госкапитализма». Государство должно будет вмешаться в производство и распределение всех основных продуктов потребления. В случае необходимости правительство может объявить монополию на ряд дефицитных продуктов». «Часть заводов перейдет в собственность правительства, часть же останется в распоряжении частных лиц, но будет работать под контролем правительства, которое возьмет на себя снабжение их сырьем и субсидиями». «Сельское хозяйство и торговля во время войны также конечно будут подвержены контролю государства». «Для реализации внутренних займов правительство принуждено будет прибегать к различным мерам принудительного порядка» и т. д.

Это, так сказать—«программа-максимум» на время войны, а «программой-минимум» является постепенная подготовка к этому путем овладения контролем над отдельными фирмами.

Хотя спекулятивная «свобода» отдельных капиталистических групп и ущемляется системой «госкапитализма», но, как показал опыт мировой войны 1914—1918 гг., интересы класса капиталистов в целом от этого только выигрывали, а наиболее крупные капиталистические предприниматели сумели на военных поставках обеспечить себе скандальные по своим размерам прибыли. И все японские авторы, которые пишут о «госкапитализме», не забывают подчеркивать, что правительство не будет посягать на интересы капиталистов и в основу организации хозяйства военного времени будут взяты организации, созданные финансовым капиталом.

«Правительство,—заявляет Таксо Мори,—контролируя все отрасли производства, конечно не может всю экономику страны сосредоточить в своих руках. Хозяевами предприятий останутся люди, работавшие на них и до войны. Государство, снабжая производства сырьем и получая от них продукцию, этим самым осуществляет нужный контроль».

«Так называемые рационализаторские мероприятия по объединению промышленности вполне обеспечивают работу военного времени и по контролированию производства; картелирование и синдицирование современной промышленности—вот те организации мирного времени, вполне готовые к руководству промышленностью на время войны».

В еще меньшей степени страдают интересы класса капиталистов от того «контроля», которого военщина требует сейчас. Речь идет лишь о распределении дохода между разными капиталистическими группами и между ассигнованиями на удовлетворение сегод-

нящих или завтрашних связанных с войною нужд. Это ярко видно на том же уже разобранном нами примере «экономического блока Японии и Манчжурии». Одной из проблем, ускоривших постановку вопроса об «экономическом блоке», явился ввоз манчжурского угля в Японию, добываемого на принадлежащих ЮМЖД Фушунских угольных коях. Японские угольные компании требовали ограничения этого ввоза, чтобы удерживать на высоком уровне цены на уголь на японском рынке. Если бы речь шла об «интересах нации», эти домогательства следовало бы конечно просто отвергнуть. На деле однако ни гражданская часть правительства, ни военщина не пошли дальше споров вокруг того, на какой процент следует ограничить ввоз фушунского угля. Речь следовательно шла о распределении прибыли между акционерами ЮМЖД, в развитии которой особенно заинтересована военщина, и японскими угольными компаниями. Сейчас в такую же плоскость ставятся проблема всего промышленного строительства в Манчжурии и вопрос об ограничении ввоза корейского риса в Японию в целях урегулирования споров между японскими и корейскими помещиками и ризоторгующими фирмами.

Таким образом «госкапитализм» (или «госсоциализм») ген. Араки не противостоит капитализму и монополиям финансового капитала. Более того, он по двум причинам укрепляет их. Во-первых, потому, что еще больше сближает государственный аппарат с организациями финансового капитала и поэтому позволяет последнему еще более беспрепятственно залезать в карман государства, как это делалось и до сих пор в Японии (причем, надо сказать, японские финансисты в пользовании госсубсидиями, заказами и т. п. превзошли своих коллег во всем мире). Во-вторых, положение финансового капитала укрепляется благодаря тому, что «государственный контроль» означает усиление монархии, являющейся оплотом всего самого реакционного и самого агрессивного в стране, т. е. усиление возможности дальнейшего нажима на рабочий класс (в частности—путем милитаризации важнейших предприятий), более благоприятные условия для завоевания новых колониальных рынков и т. д. Финансовый капитал мог бы поэтому не бояться «второй реставрации» ген. Араки. И если финансовые концерны отвергают этот лозунг, то не потому, что действительно верят в возможность какого-то надклассового «государственного социализма», который будет-де осуществляться после «второй реставрации», а потому, что ни одна группа японской буржуазии не хочет сегодня поступиться своими прибылями, возможностями свободных коммерческих и финансовых операций и возможностью перекладывать убытки, причиненные кризисом, на монополизированные группы буржуазии, на сельское хозяйство, на массу потребителей и налогоплательщиков и даже друг на друга (на самих монополистов в порядке конкурентной борьбы между ними). В еще меньшей степени готовы финансовые концерны позволить ген. Араки самому определять ту долю доходов буржуазии, которая должна пойти на оплату военных расходов: буржуазия Японии

готова нести очень большие военные расходы, она знает, что эти расходы окупятся, но определять, сколько она может дать на это дело, т. е. быть хозяином в своем предприятии и хозяином своих денег, хочет она сама, отнюдь не желая передоверить это полуфеодалной военщине.

Второе программное положение японской военщины в вопросах внутренней политики связано с резким обострением аграрного кризиса. Вожди военщины не могут пройти мимо этого вопроса, во-первых, потому, что они сами и значительная часть молодого офицерства происходят из среды средних и мелких помещиков, доходы которых резко сократились из-за падения цен на сельхозпродукты и хозяйствам которых необходимо выплачивать все увеличивающиеся проценты по долгам ипотечным банкам, наконец самому существованию которых грозит все разрастающееся антипомещичье движение крестьян-арендаторов. Во-вторых, военщина не может пройти мимо этого вопроса и потому, что огромное большинство японских солдат—это крестьяне, и катастрофически быстро прогрессирующее разорение крестьянской массы и рост ее социального недовольства грозят создать очень большие политические трудности внутри самой армии, подорвать ее боеспособность и развалить такое важное орудие военщины, как «Союз резервистов», в большинстве своем состоящий из крестьян.

Обострение аграрного кризиса летом 1932 г. вследствие падения цен на шелк, соединившееся с неурожаем и голодом в северных префектурах и с отливом в деревню вытесненных промышленным кризисом из городов безработных рабочих, заставило военщину обратить особо сугубое внимание на положение деревни. Даже и для тех слоев военщины, которые не имеют непосредственной связи с помещичьим землевладением, заострение этого вопроса было выгодно, ибо позволяло, с одной стороны, привлечь к армии симпатии значительного крыла в реакционно-националистическом движении, а с другой стороны—отвлечь от революционных организаций пробуждающиеся к активной борьбе крестьянские массы. Так в течение весны и пачала лета 1932 г. складывается «единый фронт» группы Араки, «Союза резервистов», «Императорского сельскохозяйственного общества» (организация помещиков), аграриев-депутатов парламента и ряда реакционно-националистических организаций с целью добиться правительственных мероприятий до «помощи сельскому хозяйству». Усилиями этого блока развертывается колоссальная агитационная кампания, газеты заполняются бесчисленным количеством статей об аграрном кризисе, силами «Союза резервистов» в деревнях производится сбор крестьянских подписей под петициями к правительству о помощи сельскому хозяйству и специальные крестьянские делегации отправляются с этими петициями в Токио. Выдвигаются десятки и сотни различных проектов «помощи деревне».

Все эти проекты имеют то общее, что ни в одном из них ни о какой действительной помощи трудящемуся крестьянству нет и речи и что содержанием шумной кампании «спасения деревни» является

требование государственной помощи помещичье-кулацкой верхушке деревни. Об этом прежде всего свидетельствует тот факт, что ни один из многочисленных проектов помощи деревне (за исключением демагогической платформы центристской «Рон-о-Тай Сюто») не включал в себя требование отмены, уменьшения или моратория арендной платы. Все проекты требуют обычно скупки правительством риса и шелковых коконов, на чем выгадывают прежде всего помещики, требуют отпуска правительственных кредитов под недвижимое имущество, ограничения ввоза в Японию корейского и формозского риса, правительственной помощи местным банкам на операции по скупке земельных имуществ и т. д. Помещичья сущность политической установки тех, кто руководил этой кампанией, таким образом очевидна.

Скоро однако ген. Араки пришлось отказаться от той широкой поддержки, которая оказывалась им этому движению вначале. Дело в том, что правительственная политика помощи аграриям вызвала сопротивление крупной промышленной буржуазии, не связанной с деревней. Промышленники сами претендуют на максимальную помощь государства. С целью добиться субсидий «Центральная ассоциация промышленных союзов» подняла широкую кампанию в пользу помощи мелким и средним промышленникам и организовала соответствующее петиционное движение, повела агитацию в печати и т. п. Это выступление сигнализировало решимость промышленной буржуазии бороться за свою долю в расхищении государственных фондов и на этой почве столкновение ее интересов с претензиями аграриев и скупщиков-экспортеров. Разгоревшаяся борьба за использование государственных средств привела к тому, что военщина во главе с Араки заняла позицию максимального сокращения финансовых планов помощи.

Еще 1 июля 1932 г. ген. Араки в своих «четыре-х советах премьеру» указал, что военные круги видят важнейшую задачу дня в разрешении манчжурской проблемы и что в деле изживания сельскохозяйственного кризиса необходимо «поднять самостоятельность деревни». В конце июля Араки на конференции губернаторов заявил: «Я вполне одобряю необходимость спасательных мероприятий в связи с экономическим кризисом, но нельзя забывать ни на минуту, что разрешение манчжуро-монгольской проблемы имеет важнейшее значение». Этими заявлениями было дано понять, что военщина не согласна на безграничное разбазаривание государственных средств в пользу аграриев и промышленников и что государственные субсидии должны в первую очередь быть направлены на подготовку к войне.

Осенью 1932 г. ген. Араки на страницах «Цю Корон» в специальной статье развил свои взгляды на положение деревни и меры помощи ей. О статье этой, чрезвычайно ярко показывающей, каким «другом крестьянства» является военщина, стоит сказать несколько слов. Ген. Араки признает, что кризис отразился чрезвычайно жестоко как на крестьянстве, так и на всех промежуточных слоях деревни и города:

«Крестьяне, мелкие торговцы и владельцы предприятий,— пишет он,—истощили сами себя до такой степени, что не могут возобновить своей прежней деятельности, сколько бы они не пытались».

Что же является причиной этого «истощения крестьянства»? Оказывается, не помещичья эксплуатация, не высасывание соков из деревни торговым и финансовым капиталом, не бремя государственных налогов и не вызванная всеми этими причинами отсталость японского сельского хозяйства, его технической застой, задолженность, обнищание и пауперизация крестьянства. Об этих явлениях Араки не обмолвился ни одним словом, вполне сознательно он умалчивает о них. Более того, он изображает дело таким образом, будто бы японское сельское хозяйство сделало в отношении своего технического развития огромные шаги вперед и вся беда заключается только в том, что крестьяне, освобожденные теперь машиной (которая в действительности в японской деревне почти так же редка, как в индийской или китайской деревне) от значительной части своего труда, предаются безделью.

«Посмотрите на работу крестьян в настоящее время,—повествует ген. Араки,—их орудия труда широко модернизированы и механизированы. Орошение полей и других обрабатываемых земель, которое раньше производилось ножными мельницами, вертящимися от тяжести человека, теперь делается помпой с электрическим пропеллером. Поворот стрелки будет делать всю тяжелую работу. Крестьяне в прежнее время привыкли ходить пешком вокруг своих полей, теперь же они ездят на велосипедах. Время и труд сберегаются. Но на что они используют это время и труд? Ни на что. Они зря растрачивают время и энергию, которые они раньше тратили на полезную работу. Чего им нехватает—это решимости бороться с кризисом».

Ну, а раз крестьянство само виновато в своем бедственном положении, то оно не должно просить и о помощи. Надо отбросить всякие надежды на денежную помощь со стороны правительства. Единственное, что желательно было бы сделать со стороны правительства, это содействовать организации различных кооперативных предприятий среди крестьян, которые смогут таким образом с пользой для себя применить свой труд.

«Такая помощь, как выдача денег без какой-либо определенной цели,—пишет ген. Араки,—не является способом спасения крестьян в настоящее время, когда кризис широко затронул всю экономическую жизнь страны. Если будут даны деньги, они истратят их и завтра опять окажутся в тяжелом положении. Слово «помощь» не является нужным в настоящее время. Лучшим термином было бы «сотрудничество». Дайте им работу в кооперативных предприятиях».

И Араки рассказывает о том, как некий генерал-майор поднял благосостояние крестьян одной деревни около Кумамото тем, что заставил крестьян этой деревни выращивать овощи на рынок и вить соломенные веревки на продажу. Совет Араки:

«...взаимопомощь между крестьянами, мелкими торговцами и владельцами мелких предприятий. Капитал для начала работ и руководство—вот в чем есть необходимость в настоящее время, когда нужда широко распространилась среди народа».

Эти «благодетельные» советы подаются крестьянству в то время, когда правительство, уже после всех урезок, тратит ежегодно сотни миллионов иен на помощь помещикам,—сотни миллионов иен, которые изымаются у того же крестьянства через налоговый аппарат. Мы видим следовательно, что классовая сущность военщины обрекает ее на полную неспособность указать какой-либо выход крестьянской массе из кризиса, несмотря даже на то, что военщина понимает всю опасность для нее самой роста недовольства среди крестьянской части армии и пыталась сначала предотвратить это.

Наконец последний и не требующий особых пояснений пункт внутривластической программы военщины—это подавление революционного движения в стране. Практически на эту сторону внутренней политики и направлено основное внимание военщины. Мотивируется это в массовой агитации шаблонным доводом, что единство всей нации является первейшим условием для успешной борьбы за выход из кризиса.

«Япония,—пишет ген. Араки в одной из своих многочисленных статей,—в настоящее время находится перед лицом кризиса. Она подобна небольшому судну, которое борется с бушующими волнами бурного океана... Здесь нет места вопросу: кто капитан, офицеры, команда или пассажиры,—все должны помогать. Для того чтобы преодолеть затруднения, лежащие на пути, весь народ, богатые и бедные, крестьяне и рабочие, молодые и старые, мужчины и женщины,—все должны объединиться вокруг единой цели: преодолеть кризис. Затруднения по манчжурскому вопросу и с Лигой наций, внутренние экономические затруднения, разногласия в мыслях народа—все это должно быть решено сразу, если весь народ будет к этому стремиться».

«Решить сразу» в устах ген. Араки—это значит решить на путях войны, а для этого нужно прежде всего сломить ту силу, которая является единственным подлинным противником новой империалистической войны: сломить коммунистическое движение внутри самой Японии. Здесь дело уже конечно не ограничивается антикоммунистическими речами и статьями. Тысячи арестованных коммунистов в течение 1932 г., целая система мер, принятая для расширения и укрепления аппарата полиции и жандармерии,

разгром всех левых организаций, которые могут быть использованы коммунистами в качестве легального прикрытия, и всех революционных профсоюзов, аресты сотен интеллигентов, подозреваемых в материальной помощи компартии, вооруженное подавление рабочих стачек и крестьянских конфликтов—все это производится в плане «объединения всей нации». Но эти меры, для того чтобы они привели к цели, должны быть дополнены и другими мерами: попытками при помощи социальной демагогии и шовинистического угара, распространяемых реакционно-шовинистическими организациями, отвлечь массы от революционного пути, на который они стихийно толкаются углублением кризиса. Отсюда—широкая поддержка лидерами военщины не только тех реакционно-шовинистических организаций, которые объединяют однородные с верхушкой военщины социальные слои (например «Общество государственных основ») или полностью зависят от военщины (например общество «Черного дракона»), но и организаций реакционной мелкой буржуазии, специализирующихся на капиталистической демагогии, однако указывающих массам выход из кризиса не на путях революции, а на путях внешней империалистической агрессии и возврата назад—к эпохе неограниченной монархии и военной диктатуры (например все организации С. Окава и Кита Икки), и даже так называемых «национал-социалистических» организаций (Мицикава, Симонака, Акамацу).

Необходимость прибегать к известной доле социальной демагогии в борьбе против революционного движения проистекает для политических организаций военщины и из того уже отмеченного факта, что настроения социального недовольства проникают не только в солдатскую массу армии и в низовые ячейки «Союза резервистов», но и в ряды молодых офицерских кадров. Поэтому свои реакционные и агрессивно-захватнические планы лидерам военщины приходится перелагать на язык патриотического народолюбия. Ярким примером этому может служить агитация, которая велась офицерскими организациями в дни событий 15 мая 1932 г. В одной из листовок, выпущенных в эти дни Национальной федерацией молодых офицеров, мы читаем:

«Японские армия и флот, верные своему императору, сочувствуют народу, который несправедливо обижен политическими дельцами, парламентариями, продавшимися финансовым кучкам, любителям легкой наживы. Японская армия и флот, духом и телом неразрывно связанные с народом, с традициями Бусидо, с негодованием наблюдают возрастающее влияние коммерческих, спекулятивных кругов в ущерб национальному патриотизму. Армия и флот придут на помощь народу».

В другой листовке, изданной в самый день 15 мая, молодые офицеры писали:

«Японская нация! Уничтожь во имя императора существующие политические партии, которые являются общим врагом нации. Убивай капиталистов, наказывай произвольничавшие власти, умертвляй хитрых помещиков и специальный привилегированный класс. Крестьяне, рабочие и вся нация, защищайтесь и охраняйте свою родину! Под руководством способного и августейшего императора мы должны восстановить истинный дух нашей империи. Мы должны осуществить принцип самоуправления. Необходимо привлекать способных людей. Полное разрушение необходимо для великой реконструкции. Мы оплакиваем нынешнее положение в Японии... Нечего говорить, что мы не являемся ни социалистами, ни крайними националистами. Вставай, народ, и восстанови падшую Японию!»

Вся эта демагогия не меняет конечно того, что центром действительной программы военщины остается борьба за укрепление основ военно-полицейской монархии как опоры всего самого реакционного внутри страны¹ и борьба за форсирование внешней экспансии японского военно-феодалного империализма. Но эта демагогия помогает лидерам военщины привлекать к поддержке своей программы более широкие социальные слои, на практике расширяя тем самым социальную базу монархии.

Представляется крайне сомнительным, чтобы лидеры военщины могли на этом пути добиться прочных успехов в крестьянской массе (даже среди большинства крестьян-собственников) и в низших слоях городской мелкой буржуазии. Однако среди мелкой буржуазии и города и деревни, не говоря уже о помещиках, на известный отрезок времени могут быть сколочены реакционные кадры, и при этом немалочисленные. Группе Араки уже удалось в течение 1932 г. сколотить вокруг себя офицерскую молодежь, которая расположена теперь слушать одного только Араки, но не правительство.

«Сущность японской армии,—писал недавно журнал «Цю Корон»,—состоит в том, что она выполняет как армия императора задачи мира, не принимая приказов от правительства и не подчиняясь парламенту».

Автор этой статьи отмечает с удовлетворением, что офицерская молодежь, вместо того чтобы подчиняться правительству, предпочитает подчиняться Араки:

¹ Эту особенность японского фашизма, т. е. его связь с феодальными пережитками в политическом строе Японии, правильно, хотя и односторонне, подчеркивает либеральный японский журналист. «Установление системы муссолинизма,—пишет он,—было бы не чем иным, как возвращением к старой системе назначения высшей исполнительной власти, возвращением к системе клановых правительств, которая господствовала до принятия конституции в 1890 г., заменой конституционализма самодержавием, и было бы связано со всеми пагубными сторонами этой старой системы» (Ozaki Yukio, In Place of a Cravepost, «Kaizo». January, 1933 г.).

«Среди молодых офицеров до чина штаб-офицера существует особое течение «аракинцев», которые относятся к Араки, как к богу».

В течение первой половины 1932 г., когда в Японии было наиболее напряженное хозяйственное и политическое положение и когда ее внешнеполитические отношения, в частности в связи с неудачами в Китае, были также весьма обострены, военщине удалось использовать и все рычаги реакционно-шовинистического движения. Именно в этот период военщина стала центром, вокруг которого прямо или косвенно группировались все реакционно-шовинистические, в том числе так называемые «национал-социалистические» организации.

Офицерские организации и военные заговоры

До тех пор пока позиции военщины в государственном аппарате были прочно закреплены за ней, она могла для систематической подготовки к войне широких масс населения и для воспитания в милитаристическом и шовинистическом духе японской молодежи использовать общепатриотические организации, как «Всеяпонский союз молодежи», различные спортивные общества и т. п. От этих организаций мало отличался тогда и «Союз резервистов» («Дзаино Гундзин»), который находился под непосредственным руководством военного ведомства.

В течение всех послевоенных лет этот союз и был главным орудием военщины во всех ее массовых политических выступлениях. Она и сейчас систематически использует этот союз. С начала манчжурской оккупации союз ведет широкую кампанию, оправдывающую манчжурский захват. Союз организовал по всей стране митинги с требованием выхода из Лиги наций, против подписания пакта о ненападении с СССР. На тысячах деревенских и городских собраний агитаторы союза разъясняют массам мелкой буржуазии, крестьян и рабочих, что раздел Китая и захват советского Дальнего Востока, или, как это благовидно называется, «создание блока Восточной Азии», является единственным выходом из кризиса и т. д. Летом 1932 г. местные организации «Союза резервистов» были также одной из главных сил, организовавших так называемую «петиционную кампанию».

Однако удовлетвориться использованием одной этой организации для осуществления своих политических целей крайние группы военщины все же не могли. Объясняется это двумя причинами: во-первых, тем, что именно массовый характер этой организации делал ее политически рыхлой, мало приспособленной для сложной политической игры, могущей быть орудием, но не организующим центром политических интриг военщины. Более того: в 1925—1927 гг. было даже отмечено большое количество случаев, когда члены «Союза резервистов» в сельских местностях участвовали на стороне крестьян в их столкновениях с помещиками. Во-вторых тем, что в 1925—1929 гг., когда обострилась борьба между

военщиной и парламентскими политическими партиями и началась борьба между старым клановым генералитетом и новыми силами, выросшими в процессе реорганизации армии, аппарат «Союза резервистов» не находился еще в руках тех наиболее активных армейских групп, которые начали возглавлять военную оппозицию против системы партийных правительств. Только на съезде «Союза резервистов», который состоялся в 1932 г. в Манчжурии, группа Араки получила преобладающее влияние в правлении союза. До этого перед военщиной стояла задача создания более политически целеустремленных и действенных организаций, которые в качестве своей массовой базы используют и «Союз резервистов».

Выше мы писали, что 1924—1926 гг. отмечены в послевоенной истории Японии возникновением многочисленных реакционно-шовинистических организаций, связанных с различными слоями мелкой буржуазии и мелких помещиков, и оформлением подобных же организаций в среде монархической бюрократии. Мы выяснили также, что благоприятная обстановка для развития подобного рода организаций создавалась на том этапе, с одной стороны, оппозиционным настроением в этих социальных слоях против финансовых концернов, ближе чем когда-бы то ни было раньше подошедших к овладению государственным аппаратом, а с другой стороны — потребностью этих же социальных слоев создать фронт противодействия нараставшему в стране революционному движению.

Эти процессы не могли пройти бесследно для армии и при этом по двум причинам: во-первых, потому, что переход правительственного аппарата в руки буржуазно-помещичьих политических партий означал ограничение роли военной бюрократии в руководстве внутренней и внешней политикой страны и неизбежно должен был поэтому вызвать сопротивление и попытки отстоять свои позиции со стороны генералитета; во-вторых, потому, что с тех пор, как начал быстро меняться социальный состав кадров младшего и среднего офицерства, в армии неизбежно должны были отразиться настроения тех социальных слоев, из которых вербовались новые офицерские кадры. Политические же настроения среди этих слоев определяются, как мы уже показали, с одной стороны, боязнью массового революционного рабоче-крестьянского движения, которому они враждебно противостоят как эксплуататоры (хотя бы и «мелкие»), а с другой стороны — острым недовольством концернами, воротилами финансового капитала и буржуазно-помещичьими парламентскими партиями. Фразы против финансового капитала, призывы к восстановлению полноты власти монархии в ее первоначальном виде, связанном в представлении этих промежуточных слоев с большой устойчивостью их собственного положения, должны находить и находят благоприятную почву среди широких кругов молодого офицерства.

Таковы были причины, побудившие, с одной стороны, ряд крупных деятелей армии (генерал Кикучи, генерал Сиотен, адмирал

Огасавара, генерал-лейтенант Татэкава и др.) в этот период, как мы уже отмечали, вступить в различные реакционно-шовинистические общества (преимущественно в те из них, которые группировались вокруг «Общества государственных основ» — «Кокухонся»), а с другой стороны — обусловившие возникновение различных тайных организаций молодого офицерства.

Первая из этих организаций была создана отставным лейтенантом Нисида, бывшим, как мы уже писали выше, одним из руководителей созданного Кита Икки крайнего боевого шовинистического общества «Белого волка» («Хакурокай»), а впоследствии — в 1928 г. — создавшего свою собственную организацию — «Сбор самураев» («Сиринся»). В апреле 1927 г. Нисида, вскоре после покушения на жизнь императора со стороны корейца Бо-куруцу, распространил открытое письмо, обвиняющее министерство императорского двора в различных преступлениях, наносящих ущерб династии и императору. Через месяц после этого Нисида создает из членов «Союза резервистов» и нескольких офицеров действительной службы тайную организацию — «Союз звездных лучей» («Сейко Домей»), разославшую по адресам 400 офицеров памфлет, заставивший полицию и жандармерию заняться этим делом. О содержании памфлета полицейский отчет сообщал, что «этот памфлет имел в виду реконструкцию Японии, как это было формулировано Кита Икки, социалистом и другом Нисида, в книге «Проект реконструкции Японии». Он настаивал на необходимости преобразования теперешнего развращенного общества, желая создать идеальное общество. Для достижения этой цели требуется сотрудничество всех молодых офицеров всех полков всей страны»¹.

Вскоре после этого генерал-лейтенант Татэкава, принимавший участие, как мы уже отмечали, в созданной Ясуока «Академии золотого фазана», берется также за организацию офицеров запаса и организует «Общество вишни» («Сайкуракай»), а вслед за этим и объединение офицеров действительной службы под названием «Общество малой вишни» («Кодзакуракай»). В 1929 г. последнее создает более широкую организацию, объединяющую офицеров армии и флота под названием «Сейекай». На организационном собрании этого общества присутствовало 187 офицеров, но уже через два года оно насчитывало 3—4 тыс. членов, т. е. примерно одну шестую часть всех офицеров действительной службы².

Причиной этого быстрого роста офицерских организаций, помимо общей, уже охарактеризованной нами обстановки, создан-

¹ «The Japan Chronicle», 28 october 1927 г.

² Среди офицерских организаций часто называют также «Кайкося» — армейский клуб в Токио с отделениями в провинции — и «Суйкося» — военно-морской клуб в Токио с отделениями в крупнейших портах. Однако это не политические организации в собственном смысле слова, а офицерские клубы, играющие роль гарнизонных офицерских собраний в бывшей русской царской армии. Но конечно и они используются для политической агитации и, в частности, издают военно-политическую литературу. Прием в эти организации однако открыт для всех офицеров вне зависимости от их политических взглядов.

ной в стране углубившимся экономическим кризисом, явились еще особые обстоятельства, специально касающиеся армии и флота, но также связанные с международными и внутренними трудностями, перед которыми стояла Япония. Мы имеем в виду подписание японским правительством Лондонского соглашения о морских вооружениях в 1930 г. Установленное на этой конференции соотношение морских сил САСШ, Англии и Японии, как 5:5:3, рассматривалось значительной частью морского офицерства как ослабление морского могущества Японии, и вина в этом возлагалась им на правительство и парламентские партии. Эти настроения были возглавлены бывшим морским министром адмиралом Като и контр-адмиралом Суэцугу, а также объединением отставных адмиралов («Еекай»).

Вскоре после этого среди офицерства начинается широкое обсуждение и критика мероприятий правительства по сбавке жалования и по увеличению количества офицеров, ежегодно увольняемых в запас, что рассматривалось как результат непатриотического поведения политических партий, экономящих на армии и флоте, но прикрывающих скандальные прибыли спекулянтов и финансистов. Эти обстоятельства и привели к тому, что ряд крупнейших фигур в японской армии и во флоте теперь открыто связываются с теми крайними бюрократическими кругами, которые были объединены бароном Хиранума в «Обществе государственных основ» («Кокухонся»): в это общество вступают почти все руководители группы «Сага» — ген. Араки, ген. Масаки (теперешний зам. нач. генштаба), ген. Койсо, ген. Хата и др., из крупных флотских командиров — адмиралы Като, Номура, Тозэда и др. «Общество государственных основ» («Кокухонся») становится тем самым политическим центром военщины, выступающей под антипарламентскими лозунгами. В массах же молодого офицерства эти события ведут к оформлению крайних террористических течений, подобно тому как такие же течения оформлялись в это время в гражданских реакционно-шовинистических организациях и повели к покушению на премьера Химагути в октябре 1930 г. Почти одновременно с этим покушением лейтенант Фудзима совместно с буддийским священником Иноуэ, о котором речь еще будет впереди, создает первые ячейки «Братства крови», выполнившие впоследствии ряд важнейших политических убийств. Вплоть до манчжурской оккупации (в сентябре 1931 г.) движение продолжает развиваться в этом же направлении, причем две соревнующиеся между собою за руководящую роль в армии генеральские группы — близкая к генералу Угаки группа генералов Минами — Канаэ и группа Араки — наперебой стараются завязать связи с тайными организациями молодого офицерства и с террористическими организациями того крыла реакционно-шовинистического движения, которое возглавляется Кита Икки и Окава.

Сначала в этом деле больше преуспевает группа генерала Минами, поскольку в его распоряжении как военного министра находились секретные денежные фонды военного министерства.

В марте 1931 г. группа Минами, возглавив недовольство военных политикой Хамагути, требует ухода его с поста премьера и одновременно подготавливает антипарламентский военный переворот. Но полиция, не находившейся в руках этой группы, удалось вскрыть подготовку к перевороту, в котором, как показывает полицейский отчет о «мартовском заговоре», в качестве руководителей участвовали сам Угаки и Минами, а исполнителями должны были явиться организации: С. Окава «Общество действия» («Коцися»), боевая дружина этой организации—«Дайкокай» под руководством Симидзу, организация Нисида «Сбор самураев» («Сиринася») и группа молодых офицеров под руководством начальника русского отдела генштаба подполковника Хасимото. Заговорщики ставили себе целью вооруженный захват здания парламента, органов связи и редакций либеральных газет. Хотя заговор этот не удался, Хамагути под давлением военных принужден был все же уйти, и к власти пришло правительство Вакапуки. Это не удовлетворило однако заговорщиков, и работа по сколачиванию кадров антипарламентского движения сторонников военной диктатуры продолжалась.

В августе 1931 г. происходит слияние офицерской организации «Сейкай» с гражданским реакционно-националистическим «Обществом по изучению вопросов современного положения» («Дзикиоку Кенкюкай») и создается массовая «Национальная федерация молодых офицеров». В это же время объединение офицеров запаса «Общество вишни» («Сайкуракай») связывается с группой митосских террористов из общества «Айкодзюку», о котором речь еще будет впереди, и с группой Окава, скототившего в это время свое «Общество императора Дзимму» («Дзиммукай»), на котором дальше нам придется еще остановиться. Когда министр императорского двора Икки по поручению императора объявляет начальнику генштаба генералу Каная выговор за самовольную отставку корейских войск в Манчжурию, это приводит к демонстративному выходу в отставку ряда работников генштаба и к вступлению многих молодых офицеров в ячейки «Братства крови».

Наконец в октябре—ноябре 1931 г. почти одновременно происходят два новых военных заговора, ярко показывающих, как развязала манчжурская авантюра нетерпеливую прыть военщины, ее стремление убрать со своего пути всех, кто недостаточно быстро и решительно становится на путь военных авантур, в которые оказалась втянутой Япония после 18 сентября. Первый из этих заговоров, известный под названием «Революции императорского флага», был раскрыт полицией 17 октября 1931 г. и окончился неудачно. Подготавливался он той же группой, что и «мартовский заговор», деятели которого остались тогда безнаказанными и сейчас не привлечены к ответственности. Удачней однако оказался заговор 3 ноября, в подготовке которого принимала непосредственное участие и группа генерала Араки. С помощью этой группы к поддержке заговора были привлечены различные реакционно-шовинистические организации, группирующиеся вокруг «Общества государственных основ», связанные с

военведом организации Уциды Рехей, «Национальная федерация молодых офицеров», «Союз резервистов» и группа Акамачу из японской социал-демократической партии («Сякай Минсюто»). Корреспондент из Японии описывал в следующих словах программу переворота.

«Согласно программе переворота митинг резервистов в числе около 50 тыс. человек должен был иметь место 3 ноября (день рождения императора Мейдзи) перед зданием «Сиококу Дзиндза» (алтарь в память усопших воинов) с целью молитвы за национальный мир. Резервисты должны говорить относительно опасного положения, в котором находится японская империя. Они затем предполагали устроить шествие перед дворцом. В то же время в связи с секретной договоренностью, достигнутой между руководителями заговора и Акамачу (генеральный секретарь социал-демократической партии), социал-демократическая партия должна была мобилизовать рабочие массы и подстрекать их сделать нападение на газеты и в частности на «Токио Асахи». Полк, расположенный в районе Адзабу (Токио), и три отряда императорской гвардии должны были формально принять меры к рассеиванию толпы и наведению порядка и подавить рабочий бунт, но фактически они должны были соединиться с ними и захватить газеты, после чего соединиться с силами резервистов, которые должны были собраться перед дворцом и, руководимые генералом Сиотен, получить затем императорскую санкцию относительно переворота и подать петицию микадо с просьбой объявить военное положение. В то же время они должны были занять министерства, главные конторы партии Минсейто и Сейюкай, Японский банк и все другие финансовые учреждения по всей стране и все государственные учреждения и конторы. Тогда должна была быть установлена диктатура микадо. Все известные революционеры должны были быть казнены и революционное движение запрещено. Должны были остаться только две газеты: газета «Ниппон» — орган монархистов и «Цувамоно» — орган военных.

Однако заговор развалился, прежде чем он успел осуществиться, в связи с внутренними трудностями. 23 октября в 2 часа 30 минут 300 жандармов было послано для охраны казенных резиденций премьера Вакацуки, Сидехара и Адаци, а также частной резиденции лорда — хранителя императорской печати Макино.

Заговор потерпел поражение. Однако приход к власти кабинета Инукаи наметил шаги к реализации планов заговорщиков. Мемото, один из заговорщиков, был послан на фронт в Манчжурию, но все остальные были отпущены. Не было даже и речи об аресте кого бы то ни было из конспираторов, и многие из них были назначены на видные посты. Так например Араки назначен военным министром, принц Канин

назначен начальником генштаба и известный Судзуки—министром юстиции»¹.

Следовательно, хотя формально заговор потерпел поражение, на деле он привел к тому, что заговорщики получили, во-первых, в свои руки армию, во-вторых, свергли старое правительство и добились прихода к власти более агрессивного в вопросах внешней политики кабинета и сами заняли видное место внутри этого кабинета, и, в-третьих, группа Араки на этом заговоре получила возможность сплотить вокруг себя крупнейшие реакционно-шовинистические организации. Именно этот последний момент необходимо особенно подчеркнуть сейчас, ибо благодаря ему раздробленные до сих пор на различные враждующие между собою течения многочисленные реакционно-националистические организации получают теперь в лице армии организующий центр. Именно с этого момента вопрос о реальности «фашистской диктатуры», как выражается японская и иностранная пресса, приобретает в Японии актуальное значение.

Результаты переворота стимулируют дальнейшее развитие экстремистских течений в армии и в гражданских реакционно-шовинистических организациях и их дальнейшее сближение между собой.

К активизации этих течений ведет также и вся внешнеполитическая и внутренняя обстановка в стране: неудача японского оружия в Шанхае и начавшийся после этого подъем антияпонского движения в Манчжурии, так же как и усилившееся противодействие со стороны САСШ против японской агрессии в Китае и неблагоприятная позиция, которую под давлением САСШ заняла с марта 1932 г. по отношению к Японии Лига наций,—все это рассматривается крайними реакционно-шовинистическими кругами как результат слабости и нерешительности внешнеполитической линии правительства и стимулирует поэтому продолжение борьбы против политических партий и за сосредоточение власти в руках военщины. Экономический кризис, углубившийся в 1932 г. больше, чем когда-бы то ни было раньше, с новой силой обрушивается на промежуточные социальные слои и побуждает связанную с этими слоями офицерскую молодежь к продолжению борьбы против финансовых концернов и зависящих от них политических партий.

В течение последних месяцев 1931 и начала 1932 г. ряд офицерских групп примыкает к обществу «Дзиммукай» С. Окавы и к «Лиге крови» Иноуэ. Происходят убийства бывшего министра финансов Иноуэ и директора концерна Мицуи барона Дана, покушение на Вакацуки в Осака. В феврале 1932 г. создается «Общество 5-го числа» («Ицукакай»), объединяющее ряд крайних офицерских групп во главе с подполковником Немото (участником заговора «Революции императорского знамени») и представителей националистической интеллигенции (писатель Наоки, художник С. Ивада

¹ «China Weekly Review» 2 April, 1932.

и др.) также на антипарламентской террористической платформе. Когда в начале мая 1932 г. полиция под давлением министерства двора решает дать острстку зарывающейся офицерской молодежи и арестовывает одного из руководителей всех офицерских террористических групп—подполковника Хасимото, офицеры заявляют, что освободят его силой.

Наконец 15 мая 1932 г. происходят общеизвестные события: группы террористов из молодых офицеров армии и флота из общества «Дзиммукай» и «Лиги крови» убивают премьер-министра Инукаи, бросают бомбу в хранителя императорской печати Макино, в здания банков Мицубиси и Нихонгинко и в Главное полицейское управление, делают попытку взорвать Токийскую трансформаторную станцию. События эти являются однако только частью неудавшегося более широкого плана: известно, что одновременно с этими террористическими актами была произведена вооруженная войсковая демонстрация против дома Генро Сойндзи и полк под командой полковника Кофу должен был двинуться на Токио. Военщина несомненно замышляла взять столицу в свои руки. Положение было спасено только тем, что правительство, предварительно узнавшее о заговоре, мобилизовало жандармерию и поручило охрану столицы и резиденции императора вместо начальника гарнизона—шефу жандармского корпуса.

Переворот, который замышлялся военщиной, должен был быть совершен под лозунгами:

«Против политических партий, которые заботятся только о власти, о собственных интересах; против капиталистов, которые находятся в блоке с политическими партиями, для того чтобы угнетать своих соотечественников; против мягкой дипломатии; против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду»¹.

Содержание этих лозунгов ярко показывает, как приходится лидерам реакционной военщины драпироваться в тогу друзей крестьян и рабочих и врагов капиталистов. На деле однако заговор привел к иным результатам, не говоря уже о том, что он усилил самое реакционное крыло господствующих классов и открыл новый этап наступления на жизненный уровень трудящихся путем развертывания политики инфляции и подачек для «спасения от кризиса» помещикам и фабрикантам; он привел в тюрьму даже тех руководителей самых реакционно-шовинистических организаций, которые оказались слишком скомпрометированными своими связями с мелкобуржуазными и крестьянскими кругами, стоящими в оппозиции к финансовому капиталу и становящимися теперь опасными благодаря развитой ими социальной демагогии. С. Окава, Тацибана, Иноуэ и ряд других были арестованы и до сих пор содержатся в тюрьме. Но лидеры военщины на заговоре только выиграли: генерал Араки фактически занял руководящее

¹ Из прокламации «Федерации молодых офицеров».

положение в новом правительстве адмирала Сайто, которое теперь отвечало уже основному требованию военщины о том, что правительство не должно зависеть от политических партий, а должно стоять над ними как национальное, надпартийное правительство. Конечно правительство Сайто само является еще коалиционным правительством обеих крупнейших военных группировок—клана Сацума и группы Араки с обеими парламентскими политическими партиями—Минсейто и Сейюкай, но оно уже обеспечивает военщине возможность проведения в жизнь ее важнейших установок, хотя и не без внутренней борьбы. Это видно из позиции правительства Сайто в вопросах об объединении под контролем военных властей японской «четырёхглавой администрации» в Манчжурии, о признании де-юре Манчжоу Го, в вопросах о пакте ненападения с СССР, о выходе из Лиги наций, о походе в Жэхэ, о военном бюджете, контроле над промышленностью и т. п. Во всех этих вопросах военщина добилась удовлетворения правительством своих требований. Таким образом в результате трех последовательных антиконституционных заговоров—мартовского, ноябрьского и майского—военщина восстанавливает полностью свою руководящую и контролирующую позицию в аппарате государственной власти.

Военщина и реакционные террористические организации

Лидеры всех без исключения группировок в лагере реакционно-шовинистического течения открыто говорят о том, что политическая активизация военщины и вступление Японии в новую войну за овладение Манчжурией явились теми толчками, которые активизировали и организации реакционно-шовинистического движения на современном его этапе. Они указывают и причины этого. Во-первых, армия оказалась самой организованной и решительной в борьбе за империалистический выход из кризиса частью «общества» (читай—господствующих классов); во-вторых, армия сумела выставить лозунги отрицания капитализма и партийно-парламентской системы, оппозиция против которых разжигается среди промежуточных социальных слоев опустошительным влиянием кризиса; в-третьих, армия при всем этом остается носителем принципа твердой власти, остается единственной силой, которая на деле способна спасти Японию от революции.

Один из переметнувшихся после начала манчжурских событий на сторону армии «социалистов»—Т. Накая писал недавно:

«Идеология общества и идеология армии определяются одна другой и отражаются одна в другой... Вопрос сводится лишь к тому, что армия имеет более прочные идеи и убеждения, чем все общество... Если дух армии здоровый, то он оздоравливающе будет влиять на идеологию всего общества... Повышение сознательности народа и подъем националистического движения после манчжурского инцидента объясняются не только тем, что этот толчок сам по себе

явился толчком для народного духа, но также и тем, что идеология армии весьма сильно отражалась на идеологии всего общества... Поворот социалистического движения к национализму, определившийся осенью прошлого года, в свою очередь является отражением духа армии. Армия таким образом руководила не только дипломатией и действиями правительства, но и всем народом. Все знают, что японская социал-демократия совершила свой поворот в целях поддержки боевого духа армии... Начиная с турецкой революции, во всех национальных революциях армии всегда были центром, так как живая сила для возрождения государств оставалась только у армий. Успехи радикально-националистического движения в Италии и Германии объяснялись тем, что военные поддерживали это движение... Течениями, имеющимися в военных кругах, поддерживается и питается в Японии националистическое движение к устранению партийной политики и парламентаризма»¹.

Ему вторит Матано—один из руководителей Японского фашистского союза («Нихон Фашизму Рэммэй»):

«Не будет преувеличением, если мы скажем, что в мире сейчас нет ни одной державы, которая бы имела такую крепкую и хорошо организованную армию, как наша Япония. Существование такой армии и является причиной рождения в Японии специфического японского фашистского движения»².

Другой представитель японского фашизма—С. Наоки (тот самый, который принял участие в создании совместно с офицерами генштаба «Общества 5-го числа») перечисляет и основные пункты той программы, которая объединила армию со всем реакционно-шовинистическим движением:

«1. Отмена Вашингтонского соглашения. Совершенно очевидно, что это соглашение позорно для страны.

2. Строгое инструктирование дипломатов, которых сбивает пацифистская идеология, проявляющаяся со времен европейской войны.

3. Поскольку Китай является страной особой, то и политика к нему применяется как к особой стране—вплоть до войны.

4. Выход такой хорошей народности, как японцы, на обширные неиспользуемые земли Китая является положительным явлением как для человечества, так и для китайцев.

В этом вопросе есть разные точки зрения.

5. Естественно, что вышеизложенное является дальневосточной доктриной Монроэ и империалистическим учением. Но

¹ Т. Накая, *Общественная идеология и армия*.

² Статья «До организации союза» «Нихон Фашизму» № 1.

с точки зрения сохранения Японии и существования Китая как соседнего с нами государства эта политика — единственно возможная.

В идеологическом отношении с этим давно уже не приходится считаться.

6. Свержение капитализма. Отрицание партийной политики, существующей например сейчас. Отрицание интернационалистического мировоззрения (открытый вызов пролетарским партиям).

Три положения последнего пункта ничем не отличаются от заграничного фашизма. Коммунисты и другие нас обвиняют в том, что мы в результате идем на соглашение с капитализмом, поддерживаем капитализм. Я же считаю, что о результатах сейчас думать нечего, а то, что нам нужно больше всего, — это сила¹.

Уже заключительная часть этой тирады, объявляющая, что этих «противников» капитализма не беспокоит возможность в конечном счете укрепления капитализма, достаточно ясна, чтобы лишить капиталистов повода брать под сомнение результаты, к которым стремится фашистское движение. Да к чему бы оно и ни стремилось, важно то, что сегодня оно помогает выполнению основной задачи, стоящей перед японским империализмом, — выход из кризиса на путях новой империалистической войны. А эту сторону капитализма, т. е. империалистическую агрессию, Наоки всячески приветствует.

«Хотя я и ненавижу капитализм, — пишет он, — но я признаю, что в капитализме есть черты, неприсущие ничему другому. Например в таких местах, как Фушуньские угольные копи, работает большое количество китайских кули, получающих дешевую заработную плату. Это много лучше, чем если бы мы пользовались дорогим трудом японских рабочих. Дешевый труд кули удешевляет продукцию огромных масс добываемого угля. Для дешевой продукции открываются широкие рынки, и от одного этого Япония богатеет. В этом отношении капитализм очень хорош»².

Это редкое по своему наивному цинизму заявление вполне объясняет нам однако то общее, что сближает армию, финансовый капитал, все основные группы господствующих классов и реакционно-шовинистические организации, к какому бы «крылу» или «течению» они себя ни причисляли. Это общее — есть стремление японского военно-феодалного империализма в целом найти выход из кризиса на привычном пути дальнейшего расширения сферы паразитического грабежа колониальных народов. Реакционные слои мел-

¹ С. Наоки, Свидание с военными, «Токио Ницц-Ницц» от 11 февраля 1932 г.

² С. Наоки, Ранняя весна фашизма, журн. «Фашизм» № 1, март 1932 г.

кой буржуазии и стоящие в оппозиции к финансовому капиталу слои средних и мелких помещиков оказались также увлеченными на этот путь, который в их представлении должен ослабить остроту классовых противоречий внутри самой Японии.

Поскольку речь идет о мелкой буржуазии, можно согласиться с капитаном Кеннеди, считающим, что рост антипарламентского реакционного движения питался недовольством засилием крупных капиталистов и зависимостью от них старых политических партий.

«Резкое неравенство между богатыми и бедными,—пишет он,—обычное взяточничество и коррупция властей, тесный, часто нездоровый союз между крупными капиталистическими партиями, постоянное смещение слишком многими партийными политиками в парламенте личных и партийных интересов с интересами страны и народа—все это способствовало росту недовольства и беспокойства и развитию чувства враждебности по отношению к помещикам и капиталистам и потере доверия к ним и к парламентскому правительству»¹.

Однако эти факторы имели место и раньше, но не вели к такому росту активности и влияния реакционных организаций, как в 1932 г. Очевидно должен был иметь место еще какой-то толчок, чтобы привести в движение эту политическую тенденцию, и Кеннеди близок к истине, когда усматривает эту дополнительную причину в «экстремистской форме национализма», развязанной, как он думает, в начале 1932 г. недостаточно благожелательным отношением держав к Японии в связи с манчжурскими событиями. Однако в действительности эта экстремистская форма национализма в мелкобуржуазных слоях была развязана не недостаточно благожелательным отношением держав, а агитацией японской военщины и близких к ней политических кругов с вполне определенной и ясной целью направить растущее недовольство промежуточных социальных слоев в русло подготовки новых захватнических войн, которые-де обогатят всю нацию, и в русло поддержки претензий на овладение всей полнотой власти со стороны военщины, которая-де является политической силой, совершенно независимой от финансовых магнатов. Таким образом значительные слои мелкой буржуазии были взяты политически на буксир реакционной военщины.

Что касается «антикапиталистической» стороны программы военщины, то сама по себе, как мы показали, она не содержит в себе никакой действительной угрозы существованию капитализма, хотя и согласуется со стремлением помещиков и монополизированных слоев буржуазии обеспечить себе большую долю доходов в разделе прибыли с финансовым капиталом. Опасность этой «антикапиталистической» стороны программы военщины и многих реакционно-

¹ «The Reactionary Movement of 1933» by Can. M. Kennedy, «Contemporary Japan» № 4, 1933.

шовинистических организаций заключается однако в том, что игра «антикапиталистическими» лозунгами в условиях резкого обострения классовой борьбы в стране может повести к тому, что на определенном этапе движение выскользнет из рук своих вождей и массы, мобилизованные под лозунгом «свержения капитализма», попробуют начать реализацию этой программы¹.

Надо однако сказать, что до сих пор военщина и вожди реакционно-националистических организаций более или менее удачно справлялись с задачей удержания мобилизованных ими масс под своим руководством и были достаточно сильны, чтобы во-время пресечь попытки дальнейшего углубления социальной демагогии, когда она начинала становиться опасной.

Убедиться в этом мы можем прежде всего на разборе судьбы так называемых «крестьянских» организаций (на деле объединяющих кулачество и мелких помещиков) и организаций реакционных слоев городской мелкой буржуазии из лагеря реакционно-шовинистического движения в течение последнего года.

* * *

1932 г., как мы уже отмечали, дал резкое обострение сельскохозяйственного кризиса, ударившего не только по крестьянству, но и по мелким и средним помещикам.

1 В «Хоккоу Симбун» от 16 мая 1932 г. помещен изданный накануне событий 15 мая нижеследующий манифест молодых офицеров, по которому можно хорошо судить о демагогической тактике этой группы:

«Японский народ! В политике, дипломатии, экономике, народном образовании, идеях, военном деле — где имеется облик священной Японии?

Япония страдает из-за того, что политические партии поглощены всецело вопросами политической власти и партийных интересов, что плутократы в союзе с ними выжимают пот и кровь из народа, что власти поддерживают их и с каждым днем увеличивают репрессии, что внешняя политика слаба, что народное образование находится в упадке и что имеется идейное разложение.

Япония уже сейчас готова низвергнуться в пучину падения. Если сейчас не наступит момент реформы, то Япония погибнет. Народ! Бери оружие и поднимайся. Сейчас единственным путем к избавлению являются «прямые действия». Другого пути нет. Народ! Именем императора умерщвляй дурных чиновников из императорского двора, убивай плутократов и ныне существующие политические партии, которые являются врагами народа. Карай совершающих злоупотребления властью, убивай предательский привилегированный класс!

Крестьяне, рабочие, весь народ, защищай свое отечество — Японию. Вернись к духу строительства государства под эгидой императора. Определяй на государственные должности людей, проникнутых великим национальным духом, строй светлую реставрированную Японию! Народ! Думай об этом строительстве. Сперва разрушай. Круши гадкие, ныне существующие партии. Перед великим строительством необходима коренная ломка. Рискуя нынешним положением Японии, мы хотим засветить свет реставрации Сйова. Конечно мы не склонимся ни к правым ни к левым ныне существующим организациям. Расцвет или падение Японии не находится в зависимости от наших (авангарда нации) осуществлений; он зависит от ваших действий — народа, исполненного нашим духом. Поднимайтесь, вставайте, создадим истинную Японию!»

Воззвание подписано:

«Единомышленники — крестьяне и молодые офицеры армии и флота»

«С углублением аграрного кризиса,—писал недавно один японский автор,—средние и мелкие помещики Японии под давлением финансового и ростовщического капиталов разоряются чрезвычайно быстрым темпом, удаляются с земель, где они паразитировали, и один за другим становятся банкротами. Несмотря на взимаемую ими непомерно высокую аренду, цены на рис продолжают падать, тяготы налогов не уменьшаются, а задолженность сельскохозяйственного населения все растет»¹.

Угроза полного разорения сплотила и политически активизировала мелких и средних помещиков и заставила их выступить с требованием помощи со стороны государства. С аналогичными требованиями выступило и крупное землевладение. Для армии и для всего политического аппарата монархии вопрос этот приобрел огромную важность, ибо дальнейшее обострение на этом фронте означало реальную угрозу аграрной революции и следовательно радикальное потрясение всех основ современного строя Японии. Задача стояла двойная: с одной стороны, удержать от дальнейшего революционизирования крестьянские массы, с другой стороны, оказать помещицкому землевладению хотя бы ту минимальную помощь, без которой оно не могло бы сохранить своих позиций.

В этих условиях формируются два тесно связанных между собой течения: «петиционное крестьянское движение» лета 1932 г. и террористическое движение «крестьян-смертников».

Петиционное движение заключалось в том, что в противовес стихийным революционным выступлениям крестьянства, начинавшего громить помещичьи усадьбы, из среды реакционно-шовинистических организаций, связанных с мелким и средним помещичьим землевладением (сторонники уже характеризованного нами «учения о деревенском самоуправлении» Гондо Нариаки), и из среды крупного землевладения «Имперское сельскохозяйственное общество» был выдвинут лозунг подачи от имени всего сельского населения Японии петиции парламенту о мерах помощи сельскому хозяйству. Этот план был поддержан военщиной, и «Союз резервистов» стал также одним из основных проводников петиционной кампании.

Один из ближайших сотрудников Гондо Нариаки и руководитель петиционного движения в токийском округе, Нагано Акиро, писал, после того как эта кампания уже была проведена, что руководители кампании исходили из того, что «мы должны были крепко завладеть первыми шагами крестьянского движения». Когда движение, охватившее при подаче первой петиции 16 губерний, а при подаче второй петиции—30 губерний, стало местами вырываться из-под контроля его руководителей, последние увидели свою главную задачу в том, чтобы ограничить размах этого движения. «Мы, податели петиции,—пишет об этом периоде Нагано Акиро,—столк-

¹ «Сайго Родо Дзихо», сентябрь 1932 г., стр. 239.

нулись с необходимостью выработки плана по введению в известные рамки так удачно начавшегося движения»¹.

Таким образом не может быть сомнения в том, что главной целью руководителей движения было затормозить и по возможности обкарнать процесс революционизирования широких крестьянских масс: от прямого пути борьбы за свои требования сбить крестьянство на путь петиций к парламенту. Нечего конечно говорить, что крестьянские требования благодаря такому руководству движением попали в петиции в самом урезанном и безобидном виде, а в конечном счете были отклонены парламентом даже в такой форме: крестьяне не получили моратория по задолженности, не получили субсидий на покупку удобрений, налоги не были уменьшены, а увеличены и т. д. Что касается требований помещиков, то они были удовлетворены только в той их части, в которой были заинтересованы и финансово-банковские круги: так были выделены средства для облегчения помещикам уплаты процентов по их долгам ипотечным банкам и были отпущены субсидии на ломбардирование запасов шелка и риса для удержания цен на них от дальнейшего падения, в чем заинтересованы также и крупнейшие торговые и экспортные фирмы и банки, имеющие огромные запасы этих товаров. Тем не менее петиционное движение помогло господствующим классам внести известную разрядку в напряженную атмосферу 1932 г. в японской деревне. Что касается военщины, то она сначала выступила сторонником петиционного движения, а потом, когда пришло время платить по этим векселям, то, как мы уже упоминали, генерал Араки заявил, что «крестьянство должно само себе помочь». Это не мешало однако военщине в процессе петиционного движения пользоваться им, чтобы развивать самую безудержную демагогию травли по адресу политических партий, «не способных помочь деревне», и изображать себя единственным другом крестьянства. Несомненно, что на петиционном движении военщина сумела нажить известный политический капитал. Петиционное движение не давало однако выхода накопившемуся недовольству более экстремистски настроенных групп мелкого землевладения, и объективно роль отдушины для них сыграли возникшие в этот период террористические организации сельской интеллигенции, деревенской мелкой буржуазии и мелкого землевладения, тесно связанные также с руководящими центрами «петиционного движения».

Центром террористических организаций этого крыла явился город Мито в префектуре Ибараки. Здесь находилась основанная в 1838 г. феодалом Такагава Нарпаки школа Кодакан, которая превратилась в один из важнейших идеологических центров борьбы против сиогуната. Труды, выходившие из этой школы, доказывали, что власть была узурпирована сиогуном в полном противоречии

¹ Натао Акиро, К обзору этапов петиционного движения крестьянства в Японии, «Кайдзо» за октябрь 1932 г.

с историческими традициями страны. Школа эта сыграла большую роль в области идеологической подготовки реставрации Мейдзи. Из рядов этой школы вышла в частности группа 17 самураев, убивших в 1860 г. тогдашнего премьера Ин Наосукэ. Но когда реставрация в конечном счете отдала власть в руки двух-трех привилегированных кланов и экономические результаты реставрации оказались выгодными не самураюству, а буржуазии и тем феодальным группам, которые сумели приспособиться к требованиям буржуазного развития,—среди самураев, воспитанных школой Кодакан, начало крепнуть убеждение, что результатами борьбы воспользовались город и капиталисты, которые ведут страну к гибели. Следующие поколения митосской интеллигенции уже тогда, когда проблема самурайства давно потеряла свою остроту и актуальность, продолжали однако культивировать эту идеологию, оформлявшую в новых условиях оппозицию мелкобуржуазных и мелкопомещичьих слоев против финансового капитала. Из рядов этой интеллигенции вышел адвокат Канэко, внук Канэко Сантаро (главаря митосских ронинов, убивших премьера Ин), Хомма, игравший видную роль в организациях Тояма, а затем создавший свою организацию реакционно-националистического типа—«Синоймадзуку», объявившую себя хранительницей старых «митосских традиций» и поборницей «второй реставрации императорской власти» и др. Организация Хомма в то время, когда начали оформляться террористические течения в реакционно-шовинистическом движении, также стала на платформу «прямого действия», и из ее рядов вышел ряд террористов, принявших участие в покушениях 15 мая 1932 г. Здесь же, близ города Мито, создался и второй центр террористического движения, именно «Школа любви к земле» («Айкедзюку»). Школа вышла из сельскохозяйственной коммуны, созданной незадолго до мировой войны группой последователей Толстого во главе с мелким предпринимателем-красильщиком из города Мито Тацибана. Эта коммуна, сначала насчитывавшая только пять семейств, постепенно разрослась в целый поселок, при котором была создана сельскохозяйственная школа. Руководство поселком и школой к этому времени перешло уже в руки сына основателя поселка К. Тацибана. Он продолжал проповедь опростительства и борьбы с большими городами, капиталистическими хищниками крупного масштаба и «материализмом».

«Капитализм и западная цивилизация,—утверждал он,—вызвали рост крупных городов и привели к неисчислимым человеческим страданиям, к лишениям, бессознательно толкая мир на путь его гибели. Капитализм должен быть уничтожен, так как действительное равенство и братство может существовать только в обществе, основанном на земле».

Его учением заинтересовались как связанные с помещичьим землевладением политические круги, так и некоторые консервативные ученые. Тацибана сумел заручиться покровительством некоторых власть имущих лиц (принц Хигаси Куні, депутат пар-

ламента Кадзэми и др.) и использовать связи своего брата, издателя журнала «Россия-го» («Русский язык»), по всей видимости связанного с кругами японской разведки. Поселок благодаря этому получил в 1930 г. премию «образцовой деревни» на сельскохозяйственном конкурсе губернии Ибараки, и это подняло его популярность, хотя и до этого он часто посещался лицами, интересующимися сельским хозяйством. Все же до 1929—1930 гг. круг влияния Тацибана был весьма ограничен, и только то обострение сельскохозяйственного кризиса, которое принесли с собою эти годы, расширило аудиторию Тацибана, в то время как связи с военщиной, которые он начинает налаживать с 1930 г., создали ему доступ к общеполитическим вопросам, стоявшим перед страной. Эта полоса деятельности Тацибана связана с появлением в Мито Ниссио Иноуэ.

Н. Иноуэ—чрезвычайно типичная и колоритная фигура японского империализма. Задолго до мировой войны он начал свою карьеру в качестве преподавателя бокса в школе полицейских, затем служил мелким шпионом на ЮМЖД, затем по этой же специальности работает среди хунхузов в Манчжурии и Внутренней Монголии по заданиям военного ведомства и, наконец, «советником» у различных китайских генералов. В Японию он вернулся уже в то время, когда военщина, руководимая генералом Танака, вела борьбу против минсейтовских буржуазных политических кругов, и, получив очевидно помощь от Танака, начал создавать религиозно-монархические кружки. В сентябре 1928 г. на морском берегу, недалеко от города Мито, он соорудил храм «Защиты отечества», вокруг которого группировалась местная организация секты «Ницирен». В качестве настоятеля этого храма и главы секты он спланирует вокруг себя несколько сот человек последователей, выступая перед ними с критикой засилья капиталистов и продажных политических партий, призывая ко «второй реставрации» методами прямого действия. Когда начало оформляться террористическое движение среди молодого офицерства, Иноуэ и его ближайший последователь—учитель начальной школы Фуручи завязывают связи с реакционно настроенными молодыми офицерами. В 1930 г. Иноуэ вместе с лейтенантом Фудзиме создают группу «Братства крови» в целях борьбы методами индивидуального террора «с продажными политическими партиями, связанными с плутократией». Ячейки этого братства опираются в Токио и других городах на офицерские и студенческие группы. К этому времени относится и установление связи между Иноуэ и Тацибана. Обе группы, вполне «созревшие» для террористических авантур, в 1930 г. из молодежи, обучающейся в сельскохозяйственной школе Тацибана, создают организацию «Школа любви к земле» («Айкедзюку»). Молодежь, входящая в эту организацию (около 300 человек), делится на два разряда: группа «А» включает в себя учеников, принесших клятву «принести себя в жертву движению за мораль любви к земле и, если нужно, бросить для этого семью и забить себя»; группа «Б»—сочувствующие, но еще не допу-

соединяемые к практическим мероприятиям организации. Участники группы «А» приступили к созданию ячеек «крестьян-смертников», т. е. крестьянских юношей, которым вбивали в голову, что единственными виновниками переживаемого деревней кризиса являются парламентские политические партии и стоящие за их спиной финансовые концерны и что, для того чтобы спасти деревню, нужно убить вождей этих партий и восстановить в ее первоначальной чистоте власть императора, который будет опираться только на армию и народ. В губернии Ибараки было создано 36 ячеек «крестьян-смертников» с 350 участниками.

С начала манчжурской оккупации «Школа любви к родной земле» особенно активизируется, чему помогают ее связи с военной благодаря работе Иноуэ среди молодых офицеров. В это время «Школе любви к родной земле» начинает покровительствовать ген.-лейт. Кикуци из «Общества государственных основ», т. о. «Школа любви к родной земле» получает связь с основным политическим центром наиболее реакционных военно-бюрократических кругов. Это не остается без влияния на Тацибана, который начинает доказывать теперь, что «наилучшие условия для создания общества, основанного на любви к земле, имеются в Манчжурии», что завоевание Манчжурии—это и есть то единственное средство, которое выведет Японию и японское крестьянство из его теперешнего тяжелого положения. Единственными патриотами, которые способны на это, являются конечно военные, а средой, которая должна оказать поддержку военным, является крестьянство. На этом пути будет осуществлена патриотическая реформа Японии в духе национализма и социализма.

«Национал-социалистическая реформа,—пишет в это время Тацибана,—может быть проведена лишь организационной группой «Соси» на основе законов неба, открывая великий путь—помощи государству. Мы слышим отовсюду жалобы на современное положение вещей в Японии, но мы видим, что в первую очередь патриоты появляются исключительно лишь из среды военных. Они встречают отклики скорее всего среди крестьянства»¹.

В конце 1931 г. Тацибана, стремясь выйти из префектуры Ибараки на общепонскую политическую арену, устанавливает организационную связь с группой Гондо Нариаки. Характеризуя течение в послевоенном японском национализме, мы подробно разобрали учение Гондо о «самоуправлении деревни». В последующие годы Гондо не играл заметной роли в реакционном движении, возглавляя маловлиятельную организацию «Общество самоуправления деревни» («Нихон Сондзиха Домей») и созданную им в Токио школу («Гондо-дзюку»), и только новое обострение аграрного кризиса в 1929—1932 гг. опять привлекло к нему общее

¹ Тацибана, Основные принципы патриотической реформы Японии.

внимание. К этому времени Гондо в своей пропагандистской работе уже широко использовал ставшие модными национал-социалистические лозунги, выставя себя защитником японского народа от произвола финансовых магнатов.

В школе Гондо всячески культивировалась мысль о том, что молодежь должна себя готовить к великой патриотической жертве, которая облегчит положение бедняков, сейчас забытых и игнорируемых непатриотическими богачами.

«Руководствуйтесь в ваших действиях,—писал Гондо своим ученикам,—истинным патриотизмом. Твердо держитесь убеждений, не позволяйте вмешивать личные чувства в патриотическое дело. В национальных и международных делах всегда действуйте группой и всегда с самурайским духом. Помогайте бедным, никогда не уступайте богатым и будьте готовы пожертвовать жизнью за родину».

Когда Тацибана установил связь с Гондо, они совместно создали политическую организацию «Союз земледелия» («Нохон Ренмей»), объявивший, что он «под эмблемой лопаты и мотыги стремится к объединению крестьянства всей страны и созданию крестьянского общества на принципах самоуправления». Этот союз позволил группе Тацибана—Иноуэ привлечь к своим террористическим планам ряд последователей Гондо. Однако действительного единства не получилось, так как сам Гондо очевидно не был склонен принимать близкое участие в террористических предприятиях Тацибана—Иноуэ, а занимался больше вопросами экономики сельского хозяйства и пропагандистской деятельностью, также впрочем ярко шовинистической. Поэтому Тацибана выделил наиболее близкую к нему группу из организации Гондо и в марте 1932 г. создал из нее «Крестьянскую ассоциацию самоуправления» («Дзидзи Номин Киокай»), которая летом этого же года руководила в лице Нагано Акира и Симинока Ясобуро крестьянским петиционным движением в районе Токио. Связи между Гондо и группой Тацибана—Иноуэ не порвались однако окончательно. Из полицейского отчета о покушениях 15 мая известно, что список лиц, которые должны были быть убиты, разрабатывался группой Иноуэ с участием Гондо, и когда после террористических покушений 15 мая полиция разыскивала Иноуэ, он скрывался в школе Гондо в предместьи Токио, а после ареста Иноуэ школа Гондо ходатайствовала о его освобождении. Что касается организации Хомма («Синая-мадзiku»), то связь между ней и «Школой любви к родной земле» («Айкодзюку») была установлена с самого начала. Таким образом все так называемые «крестьянские» организации, непосредственно руководимые реакционными мелкобуржуазными лидерами (Хомма, Тацибана, Иноуэ, Гондо), оказались вовлеченными в террористические предприятия и заговоры, которые вдохновлялись и использовались военщиной. Почти все практические исполнители убийств Дана, Иноуэ и Инукайи, покушение на Макино, попытки взрывов банков и гидростанций

в 1932 г. вышли либо из «Лиги крови», созданной Иноуэ и лейтенантом Фудзима (это были большей частью молодые офицеры и студенты), либо из групп «крестьян-смертников», созданных Иноуэ и Тацибана и состоявших преимущественно из крестьян и студентов.

Исключения впрочем составляют несколько «боевых пятерок», принявших участие в террористических актах 15 мая и связанных не с «митоссами» и не с Гондо, а с С. Окавой и его организацией «Дзимукай». Нам уже приходилось упоминать об этой организации в связи с характеристикой движения молодого офицерства. И действительно, она как бы подводила итог тому развитию, которое было проделано реакционно-шовинистическим движением городской мелкой буржуазии от «Общества старых борцов» («Росокай») в 1918 г.—организации, которую некоторые японские авторы склонны даже считать демократической и социалистической,—до полного слияния с самыми экстремистскими группами японской военщины.

Надо иметь в виду, что в течение 1930—1931 гг. группа С. Окава—Кита Икки, с одной стороны, пыталась вести массовую пропаганду своих идей, с другой стороны, создавала замкнутые организации «прямого действия». В качестве организации первого типа может быть названа «Патриотическая трудовая партия» («Айкоку Родото»), в которой объединились, сохранив при этом свои собственные организации, старые сторонники «Общества действия» (С. Окава и Кита Рейкици—брат Кита Икки), сторонники «национал-социализма» (уже известный нам по «Юдзонся» проф. Каногоки и ученики Такабатаке: Каминаги и Окури) и часть последователей проф. Уэсуги во главе с Накатани. Партия эта, основанная в феврале 1930 г., выставила лозунги «непосредственного единения императора с народом, уничтожения политических партий, установления государственного контроля над производством, улучшения положения трудящихся и равенства рас и уравнивания ресурсов», т. е. обычные лозунги мелкобуржуазного крыла японского реакционно-шовинистического движения. Поскольку эта партия была только федеративным объединением входящих в нее обществ и самостоятельной вербовки членов не вела, она своим возникновением не увеличила рядов реакционно-шовинистического движения, но способствовала усилению пропаганды его идей. Такой же пропагандистский характер носит и «Общество родины» («Сококукай»), основанное Кита Рейкици. В состав правления этого общества входит также С. Окава. Общество это, сравнительно немногочисленное (официальное количество его членов около 10 тыс. человек), имеет однако большое влияние, так как оно объединяет почти всех видных писателей и журналистов националистического крыла. Сам Кита Рейкици является основателем самой черносотенной газеты «Нихон» и автором ее передовиц. Среди членов этого черносотенного общества мы находим ряд лиц из общества «Черного дракона» («Кокурюкай») во главе с Тояма, из «Общества государственных основ» («Коку-

хонся») во главе с Огасавара, из «Народной лиги» («Кокумин Домей») — Адаци. Основным лозунгом общества является «прекращение классовых столкновений в стране». Но наряду с этими легальными и апеллирующими к массам организациями С. Окава создает тайные террористические организации, связанные с офицерской молодежью, и именно последние наиболее характерны для его нынешней тактики. Из этих организаций наиболее видное место занимает «Дзимукай».

Общество «Дзимукай» (название это происходит от имени полумифического основателя японской империи Дзиму Тенно) было основано С. Окава в 1931 г., когда он и его сторонники из «Общества действия» («Коцися») пришли к выводу, что реализация тактики «прямого действия» возможна лишь в сотрудничестве с военщиной. Из видных деятелей «Общества действия», помимо С. Окава, в создании «Дзимукай» участвовал также председатель союза железнодорожников Мацунабу, организатор боевой группы «Дайкокай» Г. Симидзу, руководитель союза молодежи Каноо, а из видных военных — один из руководителей «Общества государственных основ» ген.-лейт. Кикүти, вице-адмирал Тидзюки, подполковник Хасимото, возглавивший военный отдел «Дзимукай», и др.

В общество вошло также много офицеров из «Общества вишни» («Сакурайкай»). Оно явилось центром раскрытого полицией в октябре 1931 г. заговора «революции императорского знамени», а 15 мая 1932 г. «боевые пятерки» общества участвовали в террористических актах. К этому последнему заговору обществом были привлечены Гондо Нариаки и «Айкодзюку», с которыми оно предварительно установило связь.

После убийства 15 мая полицией были арестованы, помимо непосредственных исполнителей террористических актов, Хомма, С. Окава, Симидзу. Вскоре добровольно сдались полиции Иноуэ и Тацибана, а затем был арестован заменивший С. Окава на посту председателя «Дзимукай» д-р Сакакибара и ряд других лиц. Но крупнейшие представители военщины, бывшие фактически душой заговора и пожавшие его плоды, остались безнаказанными. Существует ряд косвенных данных, заставляющих думать, что аресты лидеров «Дзимукай» и «Айкодзюку» объяснялись не только тем, что нельзя было оставить совершенно безнаказанным убийство главы правительства и попытку совершить дворцовый переворот, и не только тем, что представители буржуазии требовали обуздания зарвавшейся военщины, но и тем, что как раз эти общества (а в особенности персонально С. Окава) были связаны с группой ген. Угаки и нынешний военный министр — конкурент Угаки — не возражал против того, чтобы отстранить от политической деятельности этих людей. Этот момент — борьба генеральских клик — играл конечно известную роль. В частности после ареста С. Окава сторонники ген. Араки в армии широко распространяли не лишённый правдоподобия слух, что для подготовки террористических покушений С. Окава получил от правления ЮМЖД накануне событий 15 мая 300 тыс. иен. Однако все же не это представляется нам

основной причиной репрессий. В действительности основная причина ареста С. Окава, Тацибана и др. заключается в том, что лидеры военщины терпели их социальную демагогию как известный накладной расход, без которого нельзя было привлечь в лагерь реакции мелкобуржуазные массы, направить в русло петиционного движения растущее недовольство крестьянства, но ни военщина, ни какая-либо другая группа господствующих классов не могла выпускать из-под своего контроля движение, прибегающее к такому острому оружию, как критика всей существующей экономической системы и политического режима. Поэтому репрессии против этой группы, наиболее далеко зашедшей по пути социальной демагогии, рассматриваются нами как средство введения мелкобуржуазных протестантов в те рамки, которые отводятся их «протестам» интересами самих господствующих классов.

Короткая история «Дзимукая» и «Айкодзюку» ярко показывает нам, таким образом, что реакционная мелкая буржуазия прекрасно используется самими агрессивными группами господствующих классов в их собственных интересах, в первую очередь—в интересах совлечения масс с пути революции, но также и в интересах взаимной борьбы внутри лагеря самих господствующих классов, а затем лидерами этих реакционных мелкобуржуазных группировок выбрасывается вон, как выжатый лимон. Правда, С. Окава, Тацибана и др. содержатся, как писала недавно «Джапан Кроникл», «на положении почетных пленников», и можно не сомневаться в том, что к их услугам еще прибегнут, когда в этом появится нужда, но это все же ничего не меняет в выводе, к которому мы пришли.

Глава третья

СОЦИАЛ-ФАШИЗМ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

Мы отмечали уже выше, что период проведения капиталистической рационализации в японской промышленности и усиления японской агрессии в Китае (Шандунская авантюра), выдвинувший потребность в «сильной власти», олицетворенной ген. Танака, дал также толчок и оформлению «государственно-социалистических» организаций, главная задача которых заключалась в борьбе с левым профсоюзным движением в целях разложения изнутри пролетарского фронта сопротивления капиталистической рационализации. Это были организации учеников проф. Уэсуги: Аmano, Накатани («Общество единомышленников возвеличения родины»), организации последователя Такабатаке—Цукуи («Массовое общество», «Кюсин Айкоку То», «Кюсин Айкоку Родося Сонмей») и наконец организации, отколовшиеся от «Общества действия», «Общества обновления» и др.

В этом течении реакционно-шовинистического движения дальнейшее углубление экономического кризиса, вступление Японии в войну и повысившаяся руководящая роль армии во всем лагере реакции также привели к существенным сдвигам. Сначала обострение внутренней политической обстановки в стране натолкнуло на мысль о создании вместо раздробленных групп более мощных объединений. Идея заключалась в том, чтобы, как это говорил сам Цукуи, создать единую национал-социалистическую организацию, которая будет в среде рабочих выполнять те же задачи, какие в других социальных слоях выполняла созданная в этот же период Тоямой также массовая «Национальная партия» («Нихон Кокуминто»). Предполагалось при этом, что между новой единой национальной партией и массовой партией Тоямы будет поддерживаться деловой контакт.

С этой целью в феврале 1930 г. группа Цукуи, группа Аmano—Накатани, а также Китида (из «Тайбося») слили руководимые ими организации в единое «Массовое патриотическое общество» («Айкоку Тайсюто»), насчитывавшее до 50 тыс. членов. Однако общество это не было долговечным, главным образом вследствие того, что часть общества, возглавлявшаяся Цукуи, тянула его в сторону наиболее тесного сближения с явно черносотенными организациями Тоямы, а другие группы, вошедшие в общество, считали, что постоянные совместные выступления с Тоямой под-

рывают авторитет общества в глазах рабочих. Результатом этого явился раскол общества: группа Цукуи и Китида ушла из общества и связалась с организациями Тоямы, в рядах которых они впоследствии стали работать, а группа Аmano—Накатани, оставшаяся в обществе, реорганизовала его в «Патриотическую рабочую партию» («Айкоку Кинро То»). Эта партия, насчитывающая около 10 тыс. членов, не пользуется большим влиянием, но она представляет для нас интерес, так как явилась одним из центров той новой полосы «национал-социалистического» движения, которая началась после оккупации Манчжурии и последовавшего за ней раскола социал-демократических партий. Поэтому о программе этой партии стоит сказать несколько слов.

Партия, во-первых, объявила себя антипарламентской и строго монархической. «Наша партия,—читаем мы в программе патриотической рабочей партии,—будет уничтожать все те силы, которые незаконно станут между императором и народными массами, с тем чтобы создать честное государство на великих принципах единой семьи императора и народа». Второе руководящее программное положение партии—всемерная поддержка империалистической экспансии Японии: «Мы провозглашаем мировую миссию японской расы, стремимся к укреплению национализма на базе равенства всех народностей и управления природных богатств», что, как мы знаем, на языке японских империалистов означает их право на грабеж богатств и природных ресурсов Азиатского континента. Наконец для оправдания своего названия рабочей партии «Айкоку Кинро То» включает в свою программу обычные «антикапиталистические» лозунги: «управление промышленностью государством», «гармония доходов трудящихся деревни, города и моря», «противостоять партиям монополистического капитализма» и т. д.

Дальнейшая история этой партии, так же как и другой сохранившейся до этого времени национал-социалистической партии—«Общества обновления» Мицикавы, связана уже с расколом, происшедшим вскоре после начала манчжурских событий в социал-демократических партиях. Поэтому сейчас необходимо характеризовать обстоятельства этого раскола.

К сентябрю 1931 г., т. е. к моменту манчжурской оккупации, японские рабочие организации группировались вокруг трех центров: правого, возглавляемого партией «Сякай Минсюто», центристского (термин этот в данном случае условный), возглавляемого партией «Роно Тайсюто», и левого, в котором сотрудничали коммунисты и левые профсоюзные элементы из «Дзенкио».

«Сякай Минсюто» (социал-демократическая партия) возникла из раскола в 1926 г. рабоче-крестьянской партии («Родо Номинто»), объединявшей первоначально все направления в японском рабочем движении. Правое крыло этой партии и послужило основой для создания «Сякай Минсюто». Все последующие годы «Сякай Минсюто» противодействовала восстановлению единства в рядах рабочего движения, подменяя разрешение этой задачи стремлением объединить на своей платформе и под своей гегемонией

правые элементы, имевшиеся в различных социалистических группировках. «Наша партия, — заявляли вожди «Сякай Минсюто», — движется в направлении к крупному объединению с прочими политическими силами, имеющими аналогичный с нашим дух руководства, т. е. в направлении к образованию крупного правого крыла». Поддержка со стороны буржуазии, правительства и полиции была основной причиной того, что на выборах 1928 г. этой партии удалось повести за собой значительную группу рабочих избирателей. Под идеологическим, а отчасти непосредственным организационным руководством «Сякай Минсюто» действует правое крыло профессионального движения. Оно состоит из «Японской федерации труда» («Нихон Родо Содомей»), объединяющей около 40 тыс. членов, «Японской федерации моряков» (88 тыс. членов), «Федерации рабочих морских арсеналов» (41 тыс. членов) и ряда других более мелких объединений. Когда в декабре 1928 г. в связи с приездом в Японию Альберта Тома все эти организации объединились в «Комитет по ускорению рабочего законодательства», то под его руководством оказалось около 200 тыс. профессионально организованных рабочих, что составляет около двух третей всех членов легальных японских профсоюзных объединений. Позже (в июле 1931 г.) с целью подчинить своему руководству центристские профсоюзы «Комитет по ускорению рабочего законодательства» был реорганизован в «Японский рабочий клуб» («Нихон Роду Курабу»), к участию в котором была привлечена также «Всеяпонская федерация рабочих союзов» («Дзенку Родо Кумияй Домей»), работавшая до этого под руководством центристской «Тайсюто». Поскольку речь идет о профдвижении, надо иметь в виду, что многие японские профсоюзы не только не построены по производственному признаку, но не являются даже цеховыми рабочими союзами, а объединяют рабочих данной профессии под непосредственным руководством состоящих на жаловании у хозяев старшинок, подрядчиков и т. д. Это относится например к самому многочисленному в Японии Союзу моряков, теснейшим образом связанному с судовладельцами, полицией и т. д. Руководители Союза моряков открыто состоят на жаловании судовладельческих компаний, эти компании отводят помещения для союза, объявляют о приеме на работу только членов союза и т. д.

В кратких чертах идеология «Сякай Минсюто» и находящиеся под ее руководством профессиональных союзов характеризуется на протяжении всей их политической истории прежде всего полной лояльностью и преданностью по отношению к монархическим и шовинистическим идеям, культивируемым господствующими классами Японии. Эта откровенная реакционность правого крыла японского профдвижения до известной степени отличает их от западных, амстердамских, профсоюзов, в большей мере рядящихся в тогу демократических идей и радикальной и пацифистской фразеологии.

В соответствии с этим японская социал-демократия в своей политической программе, а тем паче в своей политической практике

и не помышляет о том, чтобы поднять голос против основных устоев реакции в Японии: против военно-полицейской монархии, помещичьего землевладения и т. д. Политическая программа социал-демократов ни словом не оговаривается о монархии, ограничиваясь требованиями расширения избирательного права, удлинения сессий парламента и лишения Верхней палаты права вносить поправки в бюджет, принятый парламентом, здание же монархического режима в целом и политического бесправия парламента остается совершенно незатронутым. Аграрная программа социал-демократии построена на признании помещичьей собственности на землю и выставляет лишь требование права на вечную аренду, установления максимума арендной платы и т. д. Нечего и говорить, что классовая практика японской социал-демократии и правых профсоюзов во всех конфликтах, возникающих между трудом и капиталом, характеризуется последовательной защитой капитализма, весьма слабо прикрытой теорией «примирения классовых противоречий».

Японская социал-демократия была в частности одной из главных опор буржуазии в проведении рационализации промышленности в 1926—1928 гг. Находившиеся под руководством социал-демократии профсоюзы доказывали, что никто так не заинтересован в рационализации, как рабочий класс. «Рационализация,—читаем мы в решениях содомеевского профсоюзного съезда 1928 г.,—основанная на гармоническом сотрудничестве труда и капитала, является практическим выражением хозяйственной демократии». В Японии с ее колониальным режимом эксплуатации пролетариата и одним из самых отсталых в мире законодательств о труде это применение амстердамской формулы о «хозяйственной демократии» выглядит конечно особенно цинично. Когда впоследствии в рядах правого крыла рабочего движения под влиянием роста фашизма и домогательств реакционной военщины стало крепнуть направление так называемого «государственного социализма», это привело к тому, что мысль о возможности «гармонического сотрудничества» была расширена и в сторону включения монархии в это сотрудничество. На монархию возлагается задача обновить загнивающий капитализм путем добровольной передачи помещиками и капиталистами их собственности нынешнему буржуазно-помещичьему государству. «Экономика труда» (орган «Содомея») в мае 1932 г. писала:

«Движение за передачу крупной промышленности должно быть гуманным насилием, призывающим помещиков и капиталистов к добровольному принятию этой идеи на основе осознания сущности интересов японской нации. Подобно тому как во время революции Мейдзи передача феодальных земель была вызвана гибелью феодального хозяйства, передача крупной промышленности вызвана также гибелью капиталистического хозяйства».

Так вожди правого профдвижения приходят к прямому повторению основных лозунгов фашизма о «второй реставрации».

Они же совместно с вождями японской социал-демократии выступают и последовательными защитниками агрессивной внешней политики японского империализма. Надо иметь в виду, что японское продвижение не входит в Амстердамский интернационал, а японская социал-демократия не входит во II Интернационал, так как даже подобные международные связи считаются слишком обременительными. Вместо этого вождь японского правого крыла продвижения Сузуки в течение ряда лет пытался создать Пан-азиатский интернационал, который на деле должен был явиться не чем иным, как приспособлением к потребностям социал-фашизма великодержавной империалистической идеи самого агрессивного крыла господствующих классов Японии, выступающего под лозунгом «Азия для азиатов». В соответствии с этим японские социал-фашисты проявляют величайшую заботу к делу сохранения боевой мощи японской армии как главного орудия империалистических захватов.

Один из социал-демократических теоретиков, Мицусита, в книге «Реформа военной системы», вышедшей в Японии в 1928 г., писал, что

«...мы высказываемся за сокращение вооружений и снижение военных расходов, но это не должно означать ослабления вооружений. Мы безусловно требуем превосходных вооружений, не уступающих вооружениям врага».

И даже тогда, когда социал-демократические лидеры выступают с критикой военщины, они это делают не потому, что пытаются разоблачить милитаризм в глазах масс, а потому, что хотят выступить перед буржуазией, как носители более дальновидной и потому могущей принести большие успехи империалистической политики. Так например Ассо, лидер левого крыла социал-демократии, выступил недавно с большой статьей против военщины, «обрекшей население Японии на колоссальные жертвы и ничего ему взамен дать не способной».

Ассо противопоставляет японскую военщину англичанам, которые

«...мало шумят, но незаметно для внешних наблюдателей захватывают целые обширные страны, тогда как японцы имеют только Корею, Формозу и Манчжурию, которые пока что вызвали затраты со стороны казны, но приносили мало дохода».

Опираясь на привилегированные слои «рабочей аристократии» (в состав которой входят мастера, старшинки, надсмотрщики и т. д.), сравнительно высокий уровень жизни которых связан с получаемыми японским империализмом колониальными сверхприбылями, социал-демократическая партия («Сякай Минсюто») постаралась оформить соответствующую теорию, оправдывающую внешнюю империалистическую экспансию Японии. Основой для этого послужила точка зрения, объединяющая все группировки японских господствующих классов и исходящая из признания того, что Япония обойдена и обижена более мощными империалистическими

хищниками при разделе колоний и поэтому борьба Японии за расширение сферы своей колониальной эксплуатации справедлива и необходима. Эта завязтая империалистическая теория только поверхностно маскируется «марксистской» фразеологией.

Один из лидеров японской социал-демократии и ее присяжный теоретик Такахаси еще в 1928 г. следующим образом аргументировал эту теорию:

«С тех пор как все страны земного шара были поделены между мировыми державами, возникла опасность постоянных войн за перераспределение при помощи меча уже захваченных земель. Естественно, что те, которые завладели большим числом колоний, заинтересованы в поддержании status quo, чтобы обеспечить неприкосновенность своих территорий. Раньше территориальная агрессия считалась у них актом героизма, теперь ее рассматривают как акт пегуманности и несправедливости. Всякую нацию, которая попытается нарушить этот status quo, будут рассматривать как общего врага всех наций, и этим объясняется поражение Германии в последней войне.

Ясно, что отсталые капиталистические нации не могут вести империалистических войн с развитыми нациями, которые располагают такими международными органами, как Лига наций, конференции по разоружению и пр. Все эти органы должны служить орудиями для поддержания status quo в интересах господствующих наций.

Но старые методы территориальных войн теперь заменяются «освободительной тактикой». Эту политику впервые применили Соединенные штаты после мировой войны по отношению к Турции, Персии и Китаю. Вашингтонская конференция была созвана американским правительством, чтобы осуществить эту политику. Этим объясняется отсутствие единства, проявленное державами в Китае».

Г-н Такахаси естественно считает Японию отсталой капиталистической страной. По его мнению, одного единственного вопроса, а именно проблемы перенаселения, достаточно, чтобы убедиться в том, что Япония—государство, интересы которого крайне стеснены монополистической политикой развитых наций. Он ссылается на утверждение Ленина о том, что война между Германией и союзниками была неизбежна благодаря несоответствию между исключительным промышленным развитием Германии в период 1890—1913 гг. и недостатком колоний у нее, что и вызвало мировую войну.

Далее г. Такахаси переходит к росту народонаселения в Японии и к рогаткам, которые ставятся японской эмиграции. Если Япония вынуждена будет сражаться с передовыми капиталистическими нациями из-за избытка населения, то эту войну, по его мнению, нельзя назвать империалистической.

«Ленин, быть может, потому, что сам был белым человеком, не мог рассматривать вопросы народонаселения так серьезно, как мы, японцы,—продолжает г. Такахаси,—он ничего не говорил о том, что империалистическая монополия великих держав на территории толкает отсталые страны на войны из-за перенаселения.

Тот факт, что мы страдаем от перенаселения в результате территориальной монополии империалистических наций, означает, что наша страна страдает и от империалистической эксплуатации тех же наций.

Правда, нас не эксплуатируют так прямо и непосредственно, как Китай и Индию, но все-таки нас эксплуатируют. Если бы Америка и Австралия открылись для нашей эмиграции, жизненный уровень японского народа поднялся бы, скажем, от 7 до 10. Эта разница в 2 или 3 пункта и есть то, что у нас забирают империалистические державы, обладающие монополией на поверхность земли.

Мы видим, что еще до манчжурской оккупации в правом крыле японской социал-демократии созрели и заняли господствующее положение взгляды, которые затем на все лады повторялись японскими фашистами. Но именно этот откровенно-реакционный характер партии «Сякай Минсюто» и порождал в рядах социал-фашизма, если только он хотел выполнить свою роль опоры господствующих классов, потребность в выдвигании других групп, которые в целях уловления революционизирующихся рабочих масс умели бы прикрывать свою реакционно-империалистическую сущность более тонким идеологическим покрывалом. Роль этой ширмы для откровенного социал-фашизма сыграли так называемые «центристские пролетарские партии».

В результате ряда расколов, начиная с 1926 по 1930 г., возникли две центристские партии, которые в 1931 г. объединились во Всеяпонскую рабоче-крестьянскую массовую партию («Дзенкоку Роно Тайсюто»).

Партия эта сложилась из различных центристских элементов, искавших в слиянии возможности укрепить свои позиции для борьбы с усиливающимися левыми течениями в руководимых ими профессиональных и крестьянских союзах. В новую партию вошли, во-первых, «Роното» (Рабоче-крестьянская партия), насчитывавшая 8—9 тыс. человек, но раздираемая внутренней борьбой между правой группой Ояма и прибегавшей к левой фразеологии группой Хососако—Каваками и др.

Во-вторых, в новую партию вошла и получила в ней преобладающее влияние «Всеяпонская массовая партия» («Дзенкоку Тайсюто»), насчитывавшая 72 тыс. членов и опиравшаяся на ряд крупных профобъединений. В политическом отношении эта партия занимала промежуточные позиции между «Сякай Минсюто» и «Роното», но в ее рядах была сильная левая оппозиция. Наконец третьей группой, вошедшей в объединение, явилась отколов-

шаяся от «Сякай Минсюто» группа в 1—2 тыс. человек работников кансайских профсоюзов. Большую роль в деле слияния трех этих партий сыграл Крестьянский союз («Дзенкоу Номин Кумиай»), руководители которого попытались путем объединения задушить нараставшее в рядах союза оппозиционное левое течение.

Новая партия на словах декларировала свое резко оппозиционное отношение к «Сякай Минсюто», обвиняя ее в скатывании к социал-фашизму, но на деле никакой борьбы против «Сякай Минсюто» эта партия не вела. Роль ее заключалась в том, чтобы путем отказа от откровенной монархической и шовинистической линии «Сякай Минсюто» удерживать революционными фразами левеющие под влиянием кризиса слои рабочих от перехода в лагерь коммунизма. Однако даже революционность ее фразеологии остается весьма ограниченной и условной.

«Роно Тайсюто» под своим руководством объединила ряд профессиональных союзов. Крупнейшие из них—Всеяпонский рабочий союз («Дзенкоу Родо Кумиай»), и Генеральный совет рабочих союзов («Родо Кумиай Сохиогикай»), отколовшийся от левого профдвижения. Общая численность центристских профсоюзов доходила к сентябрьским событиям 1931 г. до 50 тыс. человек.

Несмотря на ожесточенный полицейский террор в противовес правым и центристским социал-фашистским организациям концентрация сил происходила и на левом крыле рабочего движения. Это нашло свое выражение в росте японской компартии, ее орабочении и очищении от ликвидаторских элементов и в создании левого профсоюзного центра—«Национальной конфедерации профсоюзов» («Дзенкоу Киогикай» или «Дзенкио») и революционной оппозиции в руководимых социал-фашистами профсоюзах. Описание этого крыла рабочего движения выходит однако за рамки нашей работы.

Что касается крестьянского движения, то политическое размежевание имело место и здесь под влиянием расколов политических партий и рабочих организаций. Единый до 1926 г. Японский крестьянский союз («Нихон Номин Кумиай») разбился также на три самостоятельных центра в соответствии с политическими группировками в рабочем движении.

* * *

Таково было положение, в котором застали японское рабочее движение манчжурские события в сентябре 1931 г. Переход японского империализма в решительное наступление был сигналом к мобилизации для всей его агентуры в рядах японского рабочего движения. Первой активизировалась группа Акамацу—Коики—Симонака в рядах «Сякай Минсюто». Акамацу занимал до сих пор пост генерального секретаря партии. Это однако несколько не мешало ему еще с 1924 г. выдвигать ультрашовинистическую теорию «научного японизма». Накануне сентябрьских событий 1931 г. он опубликовал серию статей «Национализм и

социализм», в которых продолжал развивать свою теорию «научного японизма», и наконец уже после манчжурских событий выступил с рядом статей и брошюр, в которых довел свою теорию до ее логического конца, объявив, что «империализм является своего рода национальным движением» и должен поэтому поддерживаться пролетариатом. Исходным пунктом этой теории является утверждение, что интересы рабочих различных стран противоречивы.

«Ошибка марксистских интернационалов,—писал Акамацу в своей книге,—заключается в том, что они в истории борьбы человечества видят лишь борьбу классовую и не признают ни расовой, ни национальной борьбы. Поэтому они утверждают, что существует противоположность классовых интересов лишь между пролетариатом и буржуазией каждой страны, а между пролетариатом разных стран не существует противоположности международных интересов и поэтому пролетариату всех стран следует создать единый международный фронт для ведения классовой войны против буржуазии всех стран. А отсюда возможно и целесообразно международное объединение сил, т. е. Интернационал. В противоположность учению марксистских интернационалов мы признаем, что пролетариат любой страны, ведя классовую войну, не может избежать и войны расовой. Поэтому мы считаем невозможным создание единого международного фронта, который предлагает компартия».

По мнению Акамацу, даже победа социализма во всех странах не приведет к уничтожению противоречий между нациями.

«Я не говорю, что за установлением социалистического хозяйства всеми нациями немедленно последует всеобщий мир. Некоторые страны имеют большее материальное богатство и меньшее население, чем другие. Таким образом справедливое распределение богатств и труда представляет из себя большой вопрос. При разрешении этого вопроса более развитые нации естественно будут стараться удержать свои экономические преимущества возможно дольше, в то время как отсталые нации будут требовать освобождения естественных богатств и справедливой миграции народов. В этом и заключается борьба за существование между нациями. Всеобщий мир станет реальностью только тогда, когда эта борьба будет изжита и справедливо урегулирована. И всеобщий мир не может быть осуществлен так легко, как это кажется многим из наших друзей».

В своей книге «Утопизм и реализм в международном социализме» Акамацу доказывал, что каждая нация строит социализм по-своему и японская нация не может начать строительство социализма иначе, как с захвата в свои руки естественных богатств соседних стран, ибо у нее самой этих богатств мало. Эту «реальную

политику» Акамацу противопоставлял утопизму левых и в качестве примера, достойного подражания, указывал на английских лейбористов, которые полностью поддерживают колониальную политику британского империализма.

«Британский рабочий класс,—пишет он,—в современной британской капиталистической системе принимает участие в разделе тех богатств, которые британские капиталисты выколачивают из колоний. В этом—главная причина развития, которого достигли английские тред-юнионы за несколько последних десятилетий. Если британский рабочий класс хочет сохранить свой жизненный уровень, он не может отделить его от эксплуатации колоний. Другими словами, английские рабочие по своему существу националистичны, а не интернациональны.

Британскому рабочему классу как таковому необходимо сохранять эту экономическую политику, чтобы защищать свои экономические права».

Помимо поддержки империалистической агрессии для строительства социализма в Японии, по мнению Акамацу, необходимо однако еще и сотрудничество между классами внутри государства, а силой, вокруг которой может и должна сплотиться вся нация, является «государство», т. е. монархия.

«Соответственно принципу национализма,—пишет Акамацу,—пролетариат одного государства для осуществления социализма в пределах собственного государства должен прежде всего оказать поддержку капиталистической национальной экономике». Формой этой поддержки должно быть «сотрудничество с государством, в развитии которого заинтересован весь народ».

«Государство,—пишет Акамацу,—является единственной формой общественной жизни человечества и складывается из трех вещей на протяжении всей истории: земля, народ, верховная власть».

Позже в беседе с журналистами, устроенной редакцией журнала «Секкай Орай», Акамацу разъяснил, что он понимает под «государством»:

«В народе существует сильное мнение, что император представляет семейную систему всей японской нации. Мне кажется, что никто не говорит о том, что император представляет буржуазию»¹.

Из всего этого у Акамацу следует уже вывод, что интернациональное пролетарское движение должно смениться движением национальным.

¹ Беседа Акамацу с журналистами, «Секкай Орай» за июнь 1932 г.

«Вследствие распада системы мирового капитализма на национальные системы,—утверждает Акамацу,—пролетарское интернациональное движение теряет свой объект. Интернационализм пролетарского движения лишается всякого основания».

Что же осталось во всей программе Акамацу и его сторонников от их прежнего «социализма» и почему они называют себя национал-социалистами? Остались фразы против засилия финансовых концернов, травля «свокорыстных капиталистов» и т. д. «Акамацу напоминает,—пишет один японский автор,—что именно члены его партии наиболее активно выступали против спекулятивной закупки долларов крупнейшими банкирскими домами—Мицуи, Сумитомо, Мицубиси». Вот к этой критике «хищных монополистов» и противопоставлению им хороших капиталистов, которые заботятся обо всей «капиталистической национальной экономике» и таким образом не мешают ее «социалистическому развитию», и сводится весь плоский «социализм» г. Акамацу.

Что такая «критика» капитализма лишь облегчает ему выполнение его задач—свидетельствует позиция Акамацу в манчжурском вопросе, т. е. в том центральном практическом вопросе, ради которого он сочинял все свои теории. В манчжурском вопросе Акамацу и его сторонники с первых же шагов японской оккупации заняли позицию всесторонней поддержки этой захватнической военной авантюры, но оговорили свою поддержку одним условием, а именно: завоеванные народом богатства Манчжурии должны достаться не капиталистам, а всей нации. Акамацу и Конке выступили с лозунгом: «Манчжуро-монгольские интересы — в руки народных масс!», оправдывая разбойничий захват Манчжурии японской военщиной.

Письмо депутата Мапутани, выражающего, по свидетельству Акамацу, точку зрения национал-социализма, требовало:

«Особые права и интересы в Манчжурии и Монголии должны защищаться. Эти права нужно вырвать из рук капиталистов и передать рабочим и крестьянам. Должно быть отдано распоряжение об отправке на поля Манчжурии и Монголии 2 млн. японских безработных и передать им осуществление этих прав и привилегий».

Но это и было именно то, что требовалось всем группам господствующих классов Японии, в том числе и финансовому капиталу: изобразить войну за Манчжурию как дело, в котором заинтересованы не капиталисты и помещики, а как дело, в котором кровно заинтересована вся нация.

В течение полугода после сентябрьских событий группа Акамацу вела совершенно свободно в рядах социал-демократической партии пропаганду самого откровенного фашизма, требуя роспуска партии и создания новой «национал-социалистической партии». Партийное руководство не принимало никаких мер против этой агитации,

а надеялась найти общий язык с группой Акамацу путем дальнейших уступок фашизму, в программе и политических установках партии. Именно поэтому «тезисы нового курса движения», принятые на съезде партии в конце января 1932 г., провозглашая уважение к существующему государственному строю, заявляли о необходимости пересмотреть марксистское понимание «государства» и солидаризировались с идеологией национализма. Что касается манчжурского вопроса, то с первых же шагов оккупации руководство «Сякай Минсюто» стало на позицию, ничем не отличающуюся от позиции Акамацу. Резолюция ЦК «Сякай Минсюто» от 22 ноября 1931 г. говорила:

«Мы убеждены в том, что создание социалистической Японии есть необходимый шаг на пути к международному социализму. Мы протестуем против насилия над нашими правами и интересами в Манчжурии. Мы протестуем от имени пролетарских масс Японии. Мы приходим к решению, что управление хозяйственными предприятиями в Манчжурии должно быть вырвано из рук капиталистов и должно находиться в крепких руках масс. Мы убеждены в том, что демократическое управление хозяйственными предприятиями, осуществляемое совместно народами Японии и Китая, есть лучшее разрешение манчжурской проблемы. Таким образом для того, чтобы разрешить манчжурскую проблему, абсолютно необходима коренная ломка нашей экономической системы».

Военищина и крайне шовинистические круги имели полную возможность использовать в своих целях социал-демократию, поскольку она стала на эти позиции.

«Хорошо известен факт, — сообщает корреспонденция из Осаки в марте 1932 г., — что представители «Сякай Минсюто» (правые социал-демократы) и «Дзенкоку Роно Тайсюто» (левые социал-демократы), которые были посланы в Манчжурию для «исследования положения», финансировались фашистскими конспираторами. Они привезли обратно сообщения о том, что Япония не начинала войны в Манчжурии, но что она была вынуждена защищать своих граждан и свои «интересы» и что поэтому трудящиеся Японии должны поддерживать эти действия».

Таким образом руководство социал-демократической партии делало все, что от него зависело, для того чтобы найти общий язык с Акамацу. Однако группа Акамацу не сочла себя удовлетворенной этим уступками и продолжала оставаться в рядах «Сякай Минсюто» лишь для того, чтобы использовать ее аппарат для подготовки создания фашистской партии. Таким образом в «Сякай Минсюто» оформилось два течения: одно, возглавляемое Акамацу, Коике и др., открыто высказалось за национал-социализм; другое, возглавляемое Катаяма Тецу, Мацуока, Кидкава, оставалось на старой позиции социал-фашизма, высказываясь за принцип объеди-

нения всех пролетарских партий на основе «против трех» (т. е. против коммунизма, фашизма, капитализма). Если, несмотря на всю уступчивость, проявленную лидерами социал-демократии по отношению к точке зрения Акамацу, раскол социал-демократической партии стал все же неизбежным, то в основе этого бесспорно лежит объективная необходимость для японского империализма осуществить двойной маневр в рабочем движении: с одной стороны, использовать социал-фашизм для выпестовывания в его рядах открыто фашистской партии, с другой стороны—продолжать использовать социал-фашизм и по его старому назначению—распространения в рабочем классе иллюзий о возможности защищать свои классовые интересы под руководством социал-демократических вождей. Лишь понимание этой объективной необходимости, порожденной процессом революционизирования широкой рабочей массы, открывает нам причины перегруппировок, происшедших в течение 1932 г. в так называемом «социалистическом» лагере.

15 апреля 1932 г. состоялся пленум ЦК «Сякай Минсюто», и на нем большинством 61 голоса против 52 точка зрения Акамацу была отвергнута. Лидер партии Абе также высказался против нее. После этого сторонники Акамацу покинули пленум и объявили о своем выходе из партии. Считалось, что за Акамацу стоит приблизительно 30 тыс. сторонников в «Сякай Минсюто», которые вместе с ним выходят из партии.

Параллельно произошел раскол и в профсоюзном и крестьянском движении, находившемся до сих пор под руководством «Сякай Минсюто». Со времени оформления национал-социалистического движения из «Содомей» откололось 12 тыс. членов профсоюзов, что составляет одну треть всех членов союзов, входивших в «Содомей». Поддерживающий до сих пор «Содомей» Крестьянский союз («Нихон Номин Кумияй») заявил, что он стоит за Акамацу. Поэтому противники Акамацу внутри Крестьянского союза 18 мая вышли из союза, создали новую «Федерацию японских крестьян» («Нихон Номин Содомей») во главе с Сузуки Бундзи. Одновременно с расколом в «Сякай Минсюто» развивались аналогичные события в центристской партии «Тайсюто».

В ЦК «Тайсюто» 5 членов (Имамура и др.) также подали заявление с пропагандой национал-социалистических идей. Эта группа опирается на профсоюзы «Дзенкодомей». Она имеет также влияние в «Крестьянском союзе» партии «Тайсюто Дзенкоу»—«Номин Кумияй». Большинство ЦК «Тайсюто» отвергло точку зрения «пяти героев». На следующий день группа «пяти героев», к которой присоединилось еще несколько видных деятелей во главе с председателем «Всеяпонской федерации профсоюзов» (Оя Сойдзо, Фудзюка, Бунроку (председатель контрольной комиссии) и Имамура, заявила о своем выходе из «Тайсюто». Вместе с ними из партии ушло 19 местных отделений «Всеяпонской федерации профсоюзов». Несколько раньше из «Тайсюто» вышла также фашистская группа—Такаяма, Кондо, Сакамото, возглавлявших «Генеральный совет рабочих союзов» («Родо Кумияй Сонхогикай») и открыто

принявших сейчас участие в подготовке к созданию национал-социалистической партии.

Таким образом как из рядов «Сякай Минсюто», так и из рядов «Тайсюто» произошло отпочкование национал-социалистических элементов, которые предприняли теперь попытку объединиться и оформиться в фашистскую партию.

29 мая 1932 г. состоялась организационная конференция по созданию фашистской партии, которая должна была объединить все вышедшие из «Сякай Минсюто» и из «Тайсюто» национал-социалистические элементы. Однако на деле такого объединения не получилось вследствие разногласий организационного и персонального характера, возникших между Акамацу и другим, вышедшим из «Сякай Минсюто» национал-социалистом—Симонака.

Обе эти группы организовали самостоятельные партии. Созданная группой Акамацу партия называется «Нипонкоку Сякайто» («Японская государственно-социалистическая партия»).

Помимо группы Акамацу из «Сякай-Минсюто» в нее вошла также группа Оя и Имамура из «Тайсюто». В конце июля эта партия создала при себе также «Союз молодежи». Одновременно по инициативе Акамацу был создан новый профсоюзный центр для объединения поддерживающих государственно-социалистическую партию союзов: «Японская социалистическая рабочая лига» («Нихон Кока Сякай Родо Домей»). Эта лига объединила 15 преимущественно мелких союзов. Наиболее крупные из них: Токийский союз почтовиков (2 500 членов), Осакий союз строителей (1 500 членов) и союз рабочих бумагоделательной промышленности. Остальные союзы—это преимущественно смешанные группы рабочих различных производств, каждая из которых насчитывает по 300—400 человек. По нескольку таких групп имеется в Токио, Нагасаки и Осака. Общая численность партии Акамацу, его «Союза молодежи» и объединенных им профсоюзов не превышает 30 тыс. человек. Кроме того под влиянием Акамацу находится «Японский крестьянский союз» («Нихон Номин Кумияй»), насчитывающий 38 тыс. членов, преимущественно в префектурах Яманаси и Фукуока. Партия, возглавляемая Акамацу, на своем учредительном съезде, а затем на втором пленуме ЦК, состоявшемся в январе 1933 г., выработала свои программные и тактические установки, которые в основном сводятся к следующему: партия в вопросах внутренней политики стоит за уничтожение парламентаризма и установление абсолютной власти монарха, в экономических вопросах партия стремится «легальным путем уничтожить капитализм и осуществить государственный контроль над экономикой». Это конкретизируется в требованиях установления контроля над финансовой деятельностью 5 крупнейших банков, важнейшими отраслями промышленности и внешней торговли. В рабочем вопросе партия ограничивается глухим указанием на необходимость «урегулирования заработной платы» и «противодействия росту безработицы». Зато гораздо более подробно разработаны требования, касающиеся сельского хозяйства: партия требует передачи государству арен-

двумя крестьянством рисовых полей, государственной монополии экспорта шелка, государственного производства удобрений и сельскохозяйственных орудий, кредитования сельского хозяйства и урегулирования вопросов о задолженности деревни. Требования эти довольно ярко отражают стремление найти опору в кулацких слоях деревни. Для городской мелкой буржуазии партия требует «коренной реформы налоговой системы» и «урегулирования финансового положения мелких и средних торговцев и промышленников». Надо сказать, что практически партия Акамацу пока что больше всего проявляла себя на этом фронте, т. е. в работе среди городской мелкой буржуазии. В частности, осенью 1932 г. ею возглавлялась в Токио большая кампания среди мелких торговцев против универсальных магазинов и петиционное движение с требованиями от парламента кредита и военных заказов мелкой промышленности.

Газета «Токио-Ничиро» сообщала в начале ноября 1932 г.:

«На последней конференции национал-социалистической партии было принято окончательное решение полного отказа от идеи классовой борьбы с заменой последней борьбой за нацию.

В силу принятого решения национал-социалистическая партия намерена обратиться к владельцам средних и мелких торгово-промышленных предприятий в городах и к средним и мелким землевладельцам в деревнях, очутившимся в трудном положении, с предложением об установлении самого тесного сотрудничества на новых началах.

Владельцам таких предприятий партия предлагает войти в состав ее членов и образовать автономный предпринимательский национальный союз, которому будет противостоять аналогичный рабочий национальный союз: все противоречия между обоими будут сглаживаться особыми арбитражными комиссиями из представителей сторон в интересах японской нации и отечественного производства.

Национал-социалистическая партия готовит на днях опубликование пространной декларации, в центре которой будет признание вечного мира между отечественным трудом и капиталом.

Японские национал-социалисты предлагают повести с заводами и фабриками, владельцы которых не пожелают войти в партию, самую жестокую экономическую борьбу.

Для тех же предприятий, владельцы которых войдут в партию, последняя обязуется оказывать всяческое содействие в получении низкопроцентных ссуд и всемерно защищать их интересы».

В вопросах внешней политики партия Акамацу выдвинула конечно лозунг: «Освобождение народов Азии на основе равенства рас и уравнивания ресурсов!» Практически партия активно участвовала в кампаниях требования признания де-юре Манчжоу Го, тре-

бования выхода из Лиги наций и протеста против переговоров о пакте ненападения с СССР¹.

Группа Симонака, разошедшаяся с Акамацу из-за персональных вопросов, создала «Национальную лигу новой Японии» («Синихон Кокумин Домей»). Кроме части вышедших из «Сякай Минсюто» и «Роно Тайсюто» новоиспеченных национал-социалистов в эту лигу вошла также и часть старых национал-социалистов. Мы писали выше, что группа бывших учеников проф. Уэсуги во главе с Аmano и Накатани создала в 1930 г. «Патриотическую рабочую партию» («Айкоку Кинрото»). Когда Симонака стал подготавливать создание своей лиги, к нему присоединилась и группа Аmano, так что «Патриотическую рабочую партию» теперь возглавляет только группа Накатани. Кроме группы Аmano Симонака сумел привлечь в свою лигу также и отколовшуюся от «Общества действия» и создавшую, как мы уже писали, свою организацию—«Общество обновления»—группу Мицикава. Благодаря тому, что к лиге Симонака присоединилась часть бывших профсоюзных работников «Тайсюто», эта лига получила под свое влияние связанное до этого с «Тайсюто» «Японское объединение профсоюзов». В это объединение входят Объединение союзов округа Канто, Союз металлистов компании Токио Кокай, Осацкие союзы металлистов и текстильщиков и ряд более мелких союзов. Общая численность членов в «Японском объединении профсоюзов»—22 700 человек.

В качестве своей социальной базы сама лига указывает на «правое крыло рабочего движения, интеллигенцию, мелких торговцев и мелких промышленников, средних и мелких землевладельцев и крестьян». Программные установки лиги не отличаются от программных установок партии Акамацу, поэтому их не стоит здесь повторять. Заслуживает только упоминания, что в программе лиги (очевидно вследствие вхождения в нее ряда бывших сторонников «Общества действия» во главе с Мицикава) более старательно подчеркиваются и выделяются демагогические «уравнительные» лозунги («ограничение частной собственности и передача излишков ее государству», «введение прогрессивно-подходящего налога», «обобществление земельных участков в городах» и т. д.)².

Практические выступления лиги Симонака ничем не отличаются от выступлений партии Акамацу. В частности она с такой же энергией призывает к «беспощадной борьбе с компартией и со всякой идеей рабочего движения».

Откол национал-социалистических элементов из «Сякай Минсюто» и «Тайсюто» вызвал ослабление этих партий и поддерживавших их профсоюзных и крестьянских организаций, что не могло не усилить наметившихся уже до этого тенденций к слиянию

¹ «Ници-Ниди» от 2 октября 1932 г.

² «Современное общественное движение в Японии», изд. Исследовательского института условий труда, Токио, 1932 г.

обеих этих организаций. Теперь однако это слияние стало необходимостью, ибо при наличии оформившегося национал-социалистического центра и растущем сплочении революционных элементов в рядах КПЯ и «Дзенкио» продолжение взаимной борьбы между различными организациями социал-фашизма могло окончательно подорвать его авторитет. Наконец слияние было необходимо и потому, что оно позволило бы вождям социал-фашистов изобразить себя поборниками единства в рядах рабочего класса. Как известно, еще до сентябрьских событий тайсютовские профсоюзы были вовлечены в созданный «Сякай Минсюто» «Японский рабочий клуб», а сама «Сякай Минсюто» выдвинула на своем последнем съезде платформу объединения социалистических партий на основе «против трех».

Вскоре после открытого выступления национал-социалистов в обеих партиях («Сякай Минсюто» и «Тайсюто») руководители «Тайсюто» опубликовывают документ под названием «Разъяснение о направлении нашего движения». Документ этот подчеркивает резко отрицательное отношение партии к коммунизму и толкует национал-социализм как «мелкобуржуазный социализм, не представляющий собою национал-фашизма». Этими «уступками» тайсютовцы надеялись купить расположение национал-социалистических элементов в своей партии и в то же время найти общий язык с вождями «Сякай Минсюто». Как известно однако, национал-социалисты не остались удовлетворены этими уступками и повели линию на раскол партии. Именно в это время большинство ЦК «Сякай Минсюто» во главе с Абе после раскола со сторонниками Акамацу решило начать официальные переговоры с «Тайсюто» о слиянии обеих партий. Руководители «Тайсюто» сразу забыли все свои критические аргументы, которые они направляли по адресу «Сякай Минсюто», и 5 мая 1932 г. постановили начать переговоры о слиянии с нею. На деле это было подчинением платформы «против трех», хотя официально никаких предварительных условий слияния не ставилось. Объединительный съезд, состоявшийся 24 июля 1932 г., был по существу триумфом правого крыла, перед которым полностью капитулировали «центристы» как по политическим вопросам, так и по организационным. После объединения новая партия называется «Сякай Тайсюто». Большинство руководящих постов в ЦК новой партии закреплено за сторонниками бывшей «Сякай Минсюто». Центристы должны были удовлетвориться тем, что в декларации, изданной съездом, в изобилии употребляются различные «левые» фразы о гибели капитализма, о фашистской реакции и т. д. Действительным же смыслом декларации является призыв к борьбе против «крайне левых элементов», т. е. против коммунистов, которых социал-фашисты избегают даже называть.

О том, что политической линией новой партии является продолжение линии «Сякай Минсюто», свидетельствует например факт самой всесторонней и безоговорочной поддержки, оказываемой новой партией антикитайской войне японского империализма в Ман-

чжурии. Один из руководителей этой новой партии—вождь японского социал-фашистского профсоюзного движения—Б. Судзуки был «удостоен» даже включения в состав делегации Мацуока на пленум Лиги наций в Женеве.

Дело однако не ограничивается Манчжурией. Новая социал-демократическая партия берет на себя задачу оправдать и весь «великоазиатский план» японского империализма. Она вносит в него только ту «поправку», что предлагает его иначе мотивировать: Япония должна стать во главе всей Азии не ради принципа «пан-азиатизма», а по случаю того, что социальная структура Японии та же, что и социальная структура других восточных стран. В «Программе внешней политики», принятой в конце 1932 г. «Сякай Тайсюто», мы читаем:

«Япония, имеющая специальную структуру крестьянства, присущую всем азиатским странам, должна стремиться к объединению восточной политики, имея своею целью объединение всех оппозиционных сил в Азии, которые требуют самостоятельности и самоопределения, «народных революций», «независимости народов» и «отпора со стороны крестьянства» против империализма. Этот принцип не только прямо противоположен идее «пан-азиатства» и «монроизма» Азии и других идей, преследующих цель замены японским империализмом европейского и американского, но на этом принципе объединяются все силы освободительного движения малых и слабых народностей Востока»¹.

Этой словесной маскировкой и ограничивается дань, которую платит правое крыло партии слившимся с ним центристам. В обмен за эту словесную дань правые имеют возможность использовать центристов для осуществления ряда «левых маневров», без которых в новых условиях было бы невозможно удержание влияния партии в массах.

После длительных переговоров в октябре 1932 г. правые и центристы под руководством новой «единой» партии «Сякай Тайсюто» произвели объединение руководимых ими профсоюзных организаций, создав «Конгресс профсоюзов Японии» («Нихон Родо Кумий Кайги»). В него вошли все правые профсоюзные центры: «Содомей» («Японская федерация труда»), «Соренто» («Японская конфедерация профсоюзов»), «Кингио Родо Содомей» («Федерация рабочих госучреждений»), «Нихон Кайин Кумий» («Японский союз моряков») — общей численностью в 180—190 тыс. членов и несколько центристских союзов во главе с «Дзенкоку Родо Кумий Домей» — общей численностью в 30 тыс. членов. Своей главной задачей новый профсоюзный центр объявил «укрепление мира и сотрудничества между составляющими его организациями», «уничтожение взаимной демагогии» и т. д., т. е. взаимное прощение грехов и круговая порука для того, чтобы обеспечить таким «единым

¹ «Ници-Ници» от 2 октября 1932 г.

фронтом» более успешное сокрытие от масс предательской деятельности профсоюзных лидеров и их борьбу против действительного революционного единства в рядах рабочего класса.

Вне объединения помимо революционного профсоюзного центра «Дзенки» и его производственных профсоюзов остались также лево-центристские профсоюзы—«Нихон Копу Родо Кумиай» («Федерация японских транспортников») и «Токио Си Дзююки Кумиай» («Токийский союз муниципальных рабочих»).

Таким образом общим итогом организационно-политических перегруппировок в этот период является оформление и консолидация как откровенно фашистского, так и социал-фашистского лагерей. Мы показали, что толчком к этому явилось начало манчжурской авантюры японского империализма. Более того: можно установить, что связанное с этим усиление руководящей роли военщины в политике господствующих классов создало и ряд непосредственных, чисто организационных и персональных стимулов для фашизации социал-демократии и профсоюзных организаций Японии. Об этом в частности говорит участие группы Акамацу в заговоре военщины, приведшем к падению правительства Вакацуки, что мы отмечали уже выше. Один японский автор в следующих выражениях описывает влияние этого переворота на «правое крыло японского пролетариата»:

«Попытка переворота дала толчок, вызвавший весьма осязаемые результаты на правом крыле японского пролетариата. Рост «национал-социализма»—ныне «госсосоциализма»—обязан непосредственно этому толчку. Каждый был удивлен смелостью офицеров, и это удивление не было лишено примеси восхищения, так как японские пролетарские партии в течение последних нескольких лет слишком много говорили и слишком мало делали, особенно после разговоров о всеобщем избирательном праве для мужчин.

Вожди правого крыла не были удовлетворены своими политическими действиями и настроениями рабочего класса, которые скорей были на стороне левых. Левое крыло с его идеями интернационализма и героизма, выступающее против жестокого поведения полиции, оказало непосредственное влияние на мышление масс.

Лидеры давно уже чувствовали необходимость что-то сделать, если только ставить себе целью достижение каких-то ощутимых результатов в правом движении. Естественно, что история попытки переворота прозвучала в их ушах как небесное откровение.

В первую голову самый дух отважного предприятия офицеров имел очарование для колеблющихся пролетарских вождей.

Но главная привлекательность заключалась в том факте, что офицерство глубочайшим образом не удовлетворено современной капиталистической системой и что оно цитает же-

стоковую ненависть к тем капиталистам, которые захватывают львиную долю в распределении экономических богатств.

С солдатской простотой и прямотой эти офицеры попытались опрокинуть современную систему экономической эксплуатации кучкой людей и учредить нечто вроде коммунистического общества, в котором императорская фамилия будет обладать реальной, а не номинальной властью.

Коротко говоря, попытка переворота подняла дремлющий дух пролетарских лидеров правого крыла»¹.

Следует конечно только посмеяться над утверждением автора, что участники переворота ставили себе целью создание «коммунистического общества во главе с императорской фамилией» и что это привлекло к ним симпатии гг. Акамацу, Симонака и т. д. Тем не менее цитата эта ярко показывает, что активное выступление военщины и развитая ею социальная демагогия развязала и находившиеся до сих пор «в резерве» потенциальные силы фашизма в социал-демократических политических и профсоюзных организациях.

¹ «Национал-социализм в Японии. Происхождение, содержание и будущее», Токио, 1932 г.

Глава четвертая

ВОЙНА И АКТИВИЗАЦИЯ РЕАКЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ

Но в еще большей степени активизировали события 1931 г. то крыло реакционно-шовинистического движения, которое связано с именами Таямы и Уцида Рехей и представляет собой наиболее старый и испытанный инструмент японской экспансии. Начало манчжурской оккупации подняло на ноги весь этот лагерь агентов японской колониальной экспансии. В брошюре «Самостоятельность Манчжурии—Монголии», изданной в начале декабря 1931 г., Уцида Рехей писал:

«Я уже в течение более 40 лет изучаю манчжурско-монгольский и китайский вопросы. За это время произошли японо-китайская, японо-русская войны, была присоединена к Японии Корея. Имея ввиду великое предназначение, дарованное свыше Японии на управление Восточной Азии, я неоднократно советовал правительственным сферам и вообще японским патриотам приступить к исследованию действительного положения Восточной Азии для того, чтобы установить определенную политику Японии в этом вопросе. Неоднократно я бил в набат, предупреждая правительственные сферы не вести великий японский народ к гибели. Произошло настоящее манчжурское событие. Я снова, но уже с большим гневным криком не перестаю взывать к правительственным сферам, к государственным и общественным деятелям Японии. Но в чем же дело? Организация самостоятельного манчжуро-монгольского государства—абсолютно неотложное дело».

И Уцида Рехей излагает подробнейший «конкретный проект устройства самостоятельного манчжуро-монгольского государства». Сейчас, по прошествии 1½ лет со времени выхода в свет брошюры Уцида Рехей, приходится только удивляться, до чего точно совпал этот план с последовавшими за ним неожиданными «стихийными» волеизъявлениями манчжурского народа». Уцида Рехей предвидел все: и что манчжуры захотят самостоятельности, и что они вместе с тем пожелают «признать за Японией право политического руководства новым государством», что они хотят пригласить в качестве верховного правителя Пу-И, что китайские железные дороги

в Манчжурии захотят объединиться с ЮМЖД, что манчжуры будут мечтать о «японо-манчжурском экономическом блоке», что население Жехе также будет гореть желанием присоединиться к Манчжоу Го, и т. д. и т. п.! Так читать в сердцах манчжур мог только человек, который кроме этого читает еще (а по всей вероятности и составляет) все относящиеся к Манчжурии проекты и директивы японского генштаба, которые затем превращаются в «волеизъявления манчжурского народа».

И действительно Уцида Рехей, Тояма и все представляемые ими организации, специализировавшиеся на подготовке внешних империалистических войн Японии, с начала манчжурской оккупации оказались конечно именниками. Их связи и знание обстановки теперь широко понадобились и в военном министерстве, и в министерстве иностранных дел для обоснования японской точки зрения за границей и внутри страны и для пропаганды среди населения манчжурской войны. Основная организация Тояма и Уцида Рехей—общество «Черного дракона» («Кокурюкай») развивает теперь огромную активность, развивают ее также и подсобные организации, как «Общество сосуществования на Востоке» и «Лига Восточной Азии». Для объединения всей пропагандистской деятельности по вопросам манчжурско-монгольской политики создается еще одно легальное общество—«Окончательного разрешения манчжурского вопроса» («Мансю Мондай Кайкуцу Домей») под председательством члена верхней палаты барона К. Иноуэ, пригласившее своим советником Тояму. Это общество объединяет ряд дипломатов, политиков и в особенности журналистов, широко привлекая их к обслуживанию текущих агитационных потребностей японского империализма в связи с манчжурской оккупацией, и в частности оно специализировалось на антисоветской пропаганде. Для пропаганды идей поддержки армии внутри страны создается «Всеяпонская лига молодежи защиты страны» («Дайнихон Сейнен Гококу Ренмэй») под председательством Цукуи, пригласившая своим советником Р. Уцида.

К этому же типу обществ принадлежат и созданное Р. Уцида во время конфликта на КВЖД «Общество единомышленников против России» («Хайро Досикай») — немногочисленная группа политических авантюристов, специализирующихся на антисоветской пропаганде, сейчас снова ожививших свою деятельность — и «Клуб реставрации» («Исин Крабу») — созданное в апреле 1932 г. объединение небольшой группы токийских интеллигентов под руководством Цукуи.

Такой же характер носит созданное в 1932 г. старым членом общества «Черного дракона» Сю Хираяма общество «Койринкай». Это — немногочисленная организация, объединяющая группу связанных с зарубежной работой японцев и несколько десятков русских белогвардейцев. Общество это издает свой ежемесячный орган «Хокумей» и специализируется на антисоветской агитации.

Как само общество «Черного дракона», так и зависящие от него только что описанные организации проявляют со времени начала

манчжурских операций огромную активность. В частности должна быть отмечена их выдающаяся роль в антисоветской агитации и в агитации за выход из Лиги наций. Уцида Рехей выступал обычно в качестве председателя на всех массовых собраниях, которые устраивались по этим вопросам в Токио совместными усилиями всех «патриотических» организаций. Через общество «Черного дракона» ведется и вся работа среди русских белых в Манчжурии и в Шанхае, среди монгольских и бурятских эмигрантов и лам и среди китайских генеральских групп в Северном Китае. Должна быть также отмечена созванная по инициативе обществ Тояма и Уцида Рехей в конце 1932 г. пан-азиатская конференция в Токио, на которой, помимо представителей японских патриотических организаций, присутствовали представители Манчжоу Го, индийская делегация во главе с г. Босом, филиппинская делегация во главе с ген. Рикартэ и т. д. Конференция эта очевидно сыграла лишь подготовительную роль и сейчас предстоит созыв более широкой пан-азиатской конференции. Для всяких махинаций за рубежом старая агентура общества «Черного дракона», преимущественно из числа постоянных японских резидентов в Китае и некоторого количества купленных ими китайских компраторов, генералов и хунхузов, вновь оживает общество «Красная свастика» («Сакисинся»). Это общество основано еще в 1922 г. в Шандуне, откуда японцам нужно было тогда уходить в силу Вашингтонского договора, но где им надо было оставить свою агентуру, каковой цели и служило это общество. Теперь снова вытаскивается Уцида в качестве объединения, которое, якобы, представляет старую организацию «японо-китайской дружбы». В своей только что цитированной брошюре, изданной этим обществом, Уцида рассказывает совершенно фантастические небылицы о «10 миллионах членов этого общества в Пекине, Мукдене, Тяньцзине и других больших городах Китая» и т. д. Правда, когда дело доходит до именного списка членов общества, то Уцида перечисляет не 10 млн., а только 499 имен, и то о большинстве из них ничего определенного сказать нельзя, в частности нельзя сказать, существуют ли они вообще на свете. Остается бесспорным только одно: что «Красная свастика» — это все то же общество «Черного дракона», выдвинувшее теперь одно из своих разветвлений для выполнения конкретных задач японской разведки и пропаганды в связи с оккупацией Манчжурии. Единственный новый момент, который вносится действительностью «Красной свастики» в характеристику общества «Черного дракона», это — использование в своих целях религиозных организаций в Японии. Этот момент представляет однако не малый интерес.

Мы уже отмечали выше, что самым ощутимым недостатком «Кокурюкая» и других организаций Тоямы и Уциды Рехей было то, что при всей их оперативности, широких связях за рубежом, прочном разветвленном аппарате и т. д. они однако не имели серьезной массовой опоры внутри самой Японии. А с того времени, когда рост японского революционного движения стал

особенно очевидным для всех, этот недостаток был больше неперпим. Попыткой—отчасти удавшейся—наладить связи в массах было создание в 1929 г. уже описанной нами «Национальной партии» («Нихон Кокуминто»), но наряду с этим Тояма и Уцида Рехей пытаются проникнуть в более глубокие народные слои и с этой целью связываются с религиозными организациями. Примером такого использования религиозных организаций может служить связь общества «Красной свастики» с религиозной сектой «Омото Кио» («Дружбы человечества»).

Устав общества «Красной свастики» прямо говорит: «Японское общество «Красная свастика» идет рука об руку с обществом «Дружба человечества». Правление общества «Красной свастики» помещается в главном храме секты «Омото Кио» в г. Камиока (префектура Киото) и председателем правления «Красной свастики» является глава секты «Омото Кио» Дегуци Ванисабуро. О современной деятельности этой секты мы имеем довольно подробное описание русского белогвардейца П. Сибирякова, посетившего г. Камиока в январе 1933 г. В своих очерках П. Сибиряков рассказывает, что секта проводит большую работу как в самой Японии, так и среди японцев, живущих за границей, в особенности в Китае, на Филиппинах и в Бразилии. Наряду с религиозной пропагандой секта организует для молодежи занятия спортом и обучение военному строю, проводит сборы денег на нужды армии и ведет широкую агитацию, которое имеет своей целью:

«Создать единый фронт против безбожников, уничтожить их и установить равное во всем мире право, закон и порядок для торжества свободы над насилием и правды справедливой над человеческим злом и смутой».

Не приходится сомневаться в том, что этот «порядок» принадлежит к тому разряду, который теперь устанавливается японцами в Манчжурии, хотя о нем и повествуется нам туманным языком японского сектанта, украшенным к тому же церковно-славянскими оборотами П. Сибирякова. В частности из этой же статьи мы узнаем, что руководители секты горячо интересуются «правами сибирского народа на самоуправление и возможностями создания самостоятельного Сибирского государства»¹.

Очевидно к работе, которую ведет общество «Черного дракона» с помощью субсидируемой японцами белогвардейской группы «сибиряков-автономистов» (группа проф. Головачева), в которую вовлечен ряд деятелей японских реакционно-националистических организаций (Сото из общества «Черного дракона», Ивата на «Айкокуся», Манабэ и др.), теперь привлекается также и секта «Омото-Кио».

Наряду с сектой «Омото-Кио» Уцида Рехей и его общество «Красная свастика» сотрудничают также и с родственной «Омото-Кио» и очевидно зависящей от нее сектой «Донин», которая счи-

¹ П. Сибиряков, Камиока, «Гунбао» от 7 и 12 февраля 1932 г.

тает себя призванной «объединить даосизм, буддизм, магометанство, христианство, конфуцианство и вообще учения всех героев, мудрецов и философов, известных в мировой истории и почитаемых в качестве богов», что позволяет этой секте вести работу в любой стране за рубежом Японии или, во всяком случае, претендовать на это.

Использование этих религиозных организаций, так же как и создание «Национальной партии», несомненно способствовало расширению круга влияния общества «Черного дракона». Но в обстановке обострения классовой борьбы в стране и революционизирования широких трудящихся масс это все же не решало задачи расширения базы монархии в народе. Для решения этой задачи нужно было другое: нужно было пойти на ту же социальную демагогию и на выставление тех же антикапиталистических лозунгов, на которые пошли организации Окава, Тацибана, Акамацу. При этом условии общество «Черного дракона», обладавшее более мощным аппаратом, чем эти последние группы, и большими финансовыми возможностями и связями с властями, могло надеяться и на больший успех овладения массовым движением промежуточных социальных слоев и отсталой части рабочих, чем организации национал-социалистов и др. Для правительственных кругов такая попытка также представлялась целесообразной, ибо успех ее означал бы, что наиболее мощные организации промежуточных социальных слоев попадут не в руки недостаточно проверенных и надежных людей, которые к тому же сами являются выходцами из рядов мелкой буржуазии или даже из рядов социалистических партий, а в руки старых сотрудников военщины, десятилетиями работающих плечом к плечу с самыми агрессивными группами господствующих классов Японии. Наконец возможности для такой попытки были созданы тем, что группа Цукуи, имеющая известные связи среди рабочих, как мы выше писали, еще в 1930 г. перебежала в общество «Черного дракона» и теперь могла быть использована в качестве ядра для создания массовой партии, которая не будет чураться социальной демагогии.

Эти обстоятельства и позволили Уцида Рехей выступить в ноябре 1931 г. в качестве основателя «Великояпонской производственной партии» («Дайнихон Сейсанто»). В основу ее были положены местные организации общества «Черного дракона», «Национальной партии» и других обществ Уциды, зависящих от общества «Черного дракона»; общество «Синсю Кокуминто» под председательством Явата, общество «Большое объединение» («Дайтося») под руководством Иосида, организации, связанные с Цукуи, и другие, более мелкие общества. Таким образом с первых же своих шагов «Производственная партия» («Сейсанто») получила в свои руки мощный аппарат. В отношении программных требований и агитационных лозунгов руководители «Производственной партии» также не стеснялись. Основой программы «Производственной партии» является конечно укрепление монархии, усиление мощи армии, активизация внешней политики Японии. Это находит свое

выражение в обычных лозунгах: «Осуществить гармонию управления между императором и народом», «Укрепить армию и отклонить все теории о разоружении», «Против засилия белой расы», «Создать для японского государства базу самоснабжения» и т. д. Но наряду с этим «Производственная партия» подхватывает и все демагогические лозунги, выдвинутые мелкобуржуазными шовинистическими организациями. «Производственная партия» требует «уменьшения числа титулованного дворянства», «сокращения расходов на госаппарат», «расширения прав местного самоуправления и местных бюджетов», «предоставления избирательных прав всем главам семейств», «уничтожения налогов на предметы первой необходимости», «обеспечения трудящихся в случае безработицы, увечий и болезней».

«Производственная партия» идет даже настолько далеко, что требует «установления права земледельцев», и Уцида в своих речах объявляет себя сторонником перехода земли в руки крестьянства, содействует организации сельскохозяйственных кооперативов и касс взаимопомощи в деревне. «Производственная партия» воспринимает и «антикапиталистическую» фразеологию Окава и К^о: она требует «уничтожения плутократических паразитов денежного обращения—партий Минсейто и Сейюкай», «сокращения капиталистов, извлекающих личные выгоды из денежного обращения», «установления контроля над денежным обращением» и «сосредоточения управления производством в руках государства». Под таким прикрытием «Сейсанто» может позволить себе прямо формулировать и свои цели разгрома революционного движения и всего, что хотя бы внешне напоминает о революции. «Сейсанто» включает в свою программу требование «разгрома и уничтожения губящих страну компартий—«Дзенки», «Ронотайсюто» и «Сякай-минсюто». Свою практическую деятельность «Производственная партия» начала именно с осуществления этого последнего требования. О «Производственной партии» широко узнали со времени вооруженного столкновения ее членов в префектуре Тодикю с членами «Родайто». Этой тактике «Производственная партия» осталась верной и во все последующее время, хотя на «антикапиталистическом» фронте до сих пор не удалось зарегистрировать ни одного факта ее активности. В вопросах внешней политики «Производственная партия» выступает одним из главных застрельщиков антисоветской пропаганды. Продолжающий рядиться в тогу «социалиста», Цукуи писал недавно:

«Лозунг коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», превратился в жонглерский нонсенс. Но на практике это получается больше чем нонсенс, так как он имеет также смысл позитивной (активной) политики. Это—клыки и когти агрессии советского империализма»¹.

Эти сказки о «советском империализме» «Производственная партия» ежедневно вдальблывает в головы своих слушателей, на деле

¹ Цукуи, Диссертация о японском социализме, стр. 288, Токио, 1932 г.

вместе с тем шаг за шагом облегчая японской военщине задачу мобилизации масс для проведения антикитайской войны и подготовки антисоветской войны.

В момент своей организации «Производственная партия» опиралась в Осака, Токио и Фукуока на немногочисленные группы интеллигенции, государственных служащих, мелких и средних торговцев и промышленников. Но после первого съезда в Токио, на котором присутствовала 1 тыс. делегатов от всех организаций, привлеченных к созданию «Производственной партии», организация эта стала быстро расти и в конце 1932 г. насчитывала до 100 тыс. членов. В рядах «Производственной партии» сейчас значительное количество учащейся молодежи, выходцев из средних социальных слоев, в особенности мелкой городской и средней буржуазии, и даже некоторое количество рабочих государственных предприятий. Так например «Производственная партия» официально объявила, что она имеет поддержку союза осакских трамвайщиков и автобусников, осакского союза печатников, союза трамвайщиков и автобусников Киото. Многие японские авторы считают «Сейсанто» «самой активной и влиятельной из правых организаций» в Японии.

Тем не менее влияние «Сейсанто» еще далеко не прочно в массах. По крайней мере все кандидаты, которых она выставила на выборах в парламент в 1932 г., провалились.

В настоящее время председателем «Производственной партии» является Р. Уцида, советником—Тояма, председателем союза молодежи при «Производственной партии»—Цукуи, секретарями партии—Явата и Дз. Судзуки.

В этом «повороте лицом к массам» заключается важнейшее содержание эволюции общества «Черного дракона» за последнее время. Наряду с этим должно быть однако отмечено и наличие связи между обществом «Черного дракона» и террористическими организациями реакционной мелкой буржуазии и мелких помещиков. Здесь роль общества «Черного дракона» менее значительна, и можно говорить только об известной связи, но не о руководстве. Известно, что одно крыло бывших сторонников Тояма во главе с его секретарем Хомма (так называемые «митосцы») принимало участие в террористических актах 1932 г., что сын Тояма, создавший террористическую организацию «Тенкокай», арестован за это властями, что сами Тояма и Уцида сочли необходимым демонстративно присутствовать на похоронах одного из участников террористических покушений 15 мая.

Ряд видных деятелей «Производственной партии» поддерживает тесные связи с террористическими кругами. В особенности это относится к секретарям партии Дз. Судзуки и Оцуки, которые были лично связаны с организаторами террористических актов 15 мая 1932 г., помогали им деньгами и прятали участников этих актов.

Однако непосредственного участия в террористических организациях никто из ближайших сторонников Тоямы и Уциды (так

называемые «фукуокцы») не принимал, и полиция считает их непричастными к террористическим актам.

Наконец важнейшим новым моментом, внесенным усилением руководящей роли армии в политической жизни страны, является форсирование всех процессов разложения внутри старых парламентских политических партий и рост в их среде групп и течений, склоняющихся к отказу либо от господствующей до сих пор системы партийных кабинетов, либо даже вообще от самой парламентской системы и возвращения к системе независимых от парламента бюрократических кабинетов или к военной диктатуре. Причины этого разложения старых политических партий (Мянсейто и Сейюкай) после всего, что мы сказали, очевидны. Это—резкое падение их авторитета среди мелкой буржуазии, составляющей основную массу избирателей, и усиление взаимной борьбы между различными группами господствующих классов, что политически дезорганизует эти партии, принужденные обслуживать противоречивые интересы различных буржуазных и помещичьих группировок.

Внутри партии Сейюкай в настоящее время борется ряд групп. Это, во-первых, группа Токонами (так называемая «группа стариков»), бывшего лидера партии «Сеюхонта», влившейся в партию Сейюкай. Эта группа, наиболее тесно связанная с крупным помещичьим землевладением, претендует на руководящую роль в партии. По текущим политическим вопросам она выступает обычно с требованиями, отражающими интересы крупного землевладения, и уже на этой почве сталкивается с рядом других сейюкаевских групп, отношения с которыми еще больше обостряются у нее чисто персональными моментами борьбы за власть. В последнее время (после убийства Инукай) этой группе противостояла в партии так называемая «группа твердых» во главе с Кухара и Симода. Напомним, что сам Кухара, владелец крупнейшего концерна в медной и электротехнической промышленности, в последние годы втянулся в многочисленные колониальные предприятия в Манчжурии, Корее, на Сахалине и т. д. и на этой основе стал сближаться с агрессивными группами военщины. Руководимая им политическая фракция в Сейюкай (около 30 депутатов в парламенте), продолжая борьбу против требований помещиков в вопросах внутренней экономической политики, отразила однако и эти новые интересы своего хозяина, рьяно поддерживая завоевательный пыл военщины. Но еще ближе с военщиной и даже с «фашистскими» кругами связана «группа молодых», подчеркивающая, что она продолжает политику недавно умершего К. Мори (одного из вождей Сейюкай, очень близкого к военному ведомству и к кругам «Кокухонся»). Эта группа, насчитывающая около 40 сторонников среди сейюкаевских депутатов парламента и руководимая Каваками, Накадзима и Танабе, образует своего рода мост от партии к внепарламентским реакционным политическим силам. С этой последней группой был всегда тесно связан и нынешний лидер партии Судзуки—видный бюрократ из

министерства юстиции. Судзуки сам также участвовал в различных реакционно-шовинистических организациях, в частности был организатором «Общества духа великой Японии» («Кокусуйкай») и членом правления «Общества государственных основ» («Кокухонся»), так что часть японской прессы называет его вероятным членом триумvirата (Хиранума—Араки—Судзуки), который правил бы Японией в случае полного отказа от парламентско-партийной системы и перехода к открытой военной диктатуре. Все это не помешало однако Судзуки унаследовать значительную часть тех связей с концерном Мицуи, которые до него поддерживались его предшественником на посту лидера партии Инукаи, бывшим просто на жаловании у Мицуи. Хотя связи Судзуки с этим концерном менее прочны, чем у Инукаи, но известно, что расходы, связанные с выдвижением Судзуки на пост лидера партии, также оплачивались концерном Мицуи.

С группой К. Мори связана также обладающая большим влиянием в правительственных и крупнокапиталистических сферах группа Ямамото Дзетаро, бывшего председателя ЮМЖД и покровителя многочисленных реакционных и фашистских организаций.

Характеризовать политическую позицию каждой из этих групп в отдельности не имеет никакого смысла, ибо в зависимости от текущих потребностей, выдвигаемых борьбой за власть, каждая из этих групп бесконечное количество раз меняла свои лозунги и вступала в самые противоестественные политические блоки. Важно однако отметить, что вследствие этой внутренней групповой борьбы в своих рядах и резкого падения авторитета партии в глазах избирателей партия Сейюкай, как справедливо отметил недавно один японский публицист, «со своим подавляющим большинством в Нижней палате сейчас бессильна, как ни одно из правительств в Японии до сих пор». Боясь поражения при перевыборах, партия Сейюкай, несмотря на то, что стремится составить свой кабинет, не рискует однако войти в такое столкновение с правительством Сайто, которое может повести к роспуску парламента и назначению новых выборов. А это конечно обрекает партию Сейюкай на пассивность и резко ухудшает ее политические позиции.

Но еще глубже зашел процесс разложения в партии Минсейто. Эта партия, рассматриваемая в довольно широких кругах избирателей как прямая политическая агентура концерна Мицубиси, во время скандальных сессий парламента при кабинете Хамагути, а затем под влиянием агитации военщины во время кабинета Вакацуки успела совершенно растерять свой авторитет в массах избирателей. Неизбежность ее поражения на предстоящих выборах была очевидна для всех, и это послужило толчком к оформлению в партии группы под руководством Адаки, выдвинувшей в ноябре 1931 г. проект создания коалиционного минсейтовско-сейюкаевского кабинета с целью избежать перевыборов. Проект Адаки однако не встретил сочувствия в большинстве партии—минсейтовцам пришлось пойти на перевыборы, на которых они потерпели

жестокое поражение¹. Это создало для Адаци благоприятную обстановку для расширения своего влияния в партии, хотя сам он в результате групповой борьбы оказался вне партии. В таких условиях Адаци начинает кампанию против обеих политических партий (Сейюкай и Минсейто), за создание надпартийного кабинета «национальной консолидации» и устанавливает единый фронт с агрессивными группами военщины. Надо иметь в виду, что как сам Адаци, так и один из его ближайших сторонников—Накано в молодости были близки кругам общества «Черного дракона» и участвовали в руководимых обществом «Черного дракона» политических интригах в Корее до ее присоединения к Японии². Теперь Адаци снова вытаскивает из ножен старое оружие и пытается сблизиться с кругами внепарламентских реакционно-шовинистических организаций, не отказываясь однако и от использования парламентской системы. С этой целью Адаци совместно с другими своими сторонниками из числа минсейтовских депутатов парламента (Накано, Явадзи, Секи Коике, Фуруя и др.) создает новую политическую организацию—«Народную лигу» («Кокумин Домей»), которой удастся добиться в парламенте статуса партии, так как в нее вошли 30 депутатов парламента³.

При своей новой партии Адаци создал и Союз молодежи («Кокумин Сейнен Домей»). Политическая роль, которую играл Адаци в течение всех послевоенных лет, не оставляет никакого сомнения в том, кого он представляет. В качестве руководителя избирательных кампаний партии Минсейто и в качестве министра внутренних дел в кабинете Вакацуки он был теснейшим образом связан с той частью японской промышленности, которая работает на военное ведомство. В частности деньги за выборы он получал от предпринимателей военных отраслей промышленности (а последняя сильнее всего представлена в концерне Мицубиси) в обмен на заказы, которые давались затем этим предпринимателям благодаря протекции, оказываемой Адаци. Часть этих старых связей плюс новые связи, установленные с военщиной, определяют и политическое лицо «Народной лиги», выступающей в качестве заметной силы в лагере наиболее агрессивно настроенных по вопросам внешней политики групп японского империализма. Некоторые япон-

¹ Влияние Минсейто упало не только среди широких кругов избирателей, но и среди крупной буржуазии. Это видно из того, что на сентябрьских (1932 г.) перевыборах в Верхнюю палату от курии «высоких налогоплательщиков» было избрано всего 16 минсейтовцев вместо 30 в прошлом составе палаты, в то время как сейюкаевцы потеряли только 1 место (29—вместо 30).

² К. Адаци был участником убийства корейской королевы Мин и по этому делу отбывал кратковременное заключение в хиросимской тюрьме.

³ После выхода Адаци и его группы из Минсейто в рядах этой партии осталось все же influentialное течение, которое стоит за примирение с ним и за сближение с умеренными группами военщины. Это течение, возглавляемое Томито, высказывается за избрание президентом партии вместо Вакацуки ген. Угакэ. Кроме того Адаци проводит работу внутри Минсейто через виконта Кейго Каюра, являющегося главой того клана, из которого происходит Адаци.

К новой партии, созданной Адаци, присоединилась также группа И. Мацутани, бывшего советника партии «Сякай Тайсюто».

ские газеты указывают на то, что, не имея возможности выступить сейчас с самостоятельными претензиями на власть в силу своей слабости, Адаци «надеется сыграть роль парламентской опоры для кабинета Хиранума», т. е. быть парламентским подспорьем военщины. Однако это свое истинное политическое лицо Адаци в целях завоевания симпатии избирателей, как это теперь стало модным, также прикрывает резкой критикой «капиталистов», «зависящих от капиталистов политических партий», показной защитой интересов мелкой буржуазии города и деревни и т. д. В результате наряду с обычными монархическими и пан-азиатскими лозунгами мы находим в его программе требования установления государственного контроля над основными отраслями хозяйства¹, субсидий деревне, мелким и средним промышленникам, реформирования налоговой системы, введения прогрессивно-подходящего налога, специального налога на универмаги и т. д. В политических решениях, принятых I съездом «Народной лиги», фигурировало даже требование установления союза между Японией, Манчжоу Го и... СССР! Подлинным содержанием выступления Адаци в качестве вождя самостоятельной политической партии является однако только игра на этих демагогических требованиях для привлечения массы избирателей под руководство военщины и связанных с ней буржуазных и помещичьих групп. Это необходимо как для того, чтобы облегчить задачу подготовки населения к войне, так и для того, чтобы успешно бороться с назреванием в стране революционного взрыва. Последнее обстоятельство основатели «Народной лиги» высказали достаточно ясно в своей декларации. «Первейшей задачей в настоящее время, — говорят они, — является борьба с социальным беспокойством, которое чревато большими опасностями», ибо страна «уже сейчас очутилась почти перед революцией».

Несмотря на свою демагогическую программу, массового влияния партия Адаци пока что не завоевала: когда она выступила с самостоятельным списком на последних парламентских выборах, она получила всего 5 мест, число которых она впоследствии увеличила только путем раскольнической деятельности внутри минсейтовской фракции парламента. На данном этапе значение партии Адаци заключается не в том, что она сумела повести за собою хоть

¹ О том, что должен представлять собой этот «государственный контроль», можно судить по следующему месту из программы «Кокумин Домей», опубликованной всей японской прессой 19 декабря 1932 г.:

«Основа контролируемого хозяйства — общественная польза. Она покоится на государственном социализме и является средством для осуществления государственного идеала. Контроль над хозяйством для общей пользы имеет своим объектом благо всего народа и потому коренным образом отличается от социализма или коммунизма, имеющего своим основным принципом интересы одного класса. Контролируемое хозяйство не означает национализации предприятий и не ограничивает экономической жизни страны, наоборот, оно поощряет творчество и активность частных лиц и организаций. Размер и степень контроля определяется характером и особенностью отдельных отраслей хозяйства. В качестве органа по проведению контроля хозяйства создается экономический генеральный штаб».

сколько-нибудь значительные народные массы, а в том, что она способствует развалу парламентских политических партий, расчищая тем самым дорогу для военной диктатуры.

Процесс разложения в своих рядах и падение своего авторитета в массах обе парламентские политические партии—Сейюкай и Минсейто—стараятся затормозить самыми различными методами. Видное место среди этих методов занимает показная борьба «за очищение политических нравов», в частности—подготовка нового избирательного закона, по которому расходы на выборы должны быть отнесены за счет государства, чем якобы будет исключена возможность подкупа депутатов капиталистами. Некоторый эффект эти меры дают, и поэтому было бы преждевременно говорить, как это делают некоторые иностранные журналисты, о «полном крушении авторитета парламентских партий в массах»¹.

В еще большей степени роль политических парламентских партий, несмотря на всю остроту антипарламентской агитации со стороны реакционно-шовинистических организаций, сохраняется вследствие того, что те круги господствующих классов, которые стремятся обуздать непомерные аппетиты военщины на бесконтрольное руководство всей внешней и внутренней политикой, в качестве инструмента этого обуздания не отказываются использовать парламент и его политические партии. А собственная логика существования этих партий, вокруг которых кормится огромный аппарат разных политических дельцов, конечно способствует этому.

Тем не менее данная нами характеристика положения в Сейюкай и Минсейто показывает, что очевидно и в среде тех социальных групп, которые стояли до сих пор за спиной этих партий, начинают происходить известные сдвиги, которые мы формулировали бы как нарастание убеждения в том, что практиковавшаяся до сих пор лжепарламентская система изжила себя и что для разрешения задач, стоящих перед блоком господствующих классов, надо от этой системы отказаться и перейти либо к системе «национальных надпартийных кабинетов», либо к режиму открытой военной диктатуры. Это убеждение питается тем, что падение авторитета партий в глазах масс и их взаимная грызня, компрометирующие все парламентские запросы враждующих партий и т. д., делают их мало пригодным инструментом политической власти в обстановке, когда перед господствующими классами стоит задача совлечения масс с революционного пути, быстрого и решительного подавления революционного движения и твердой самостоятельной внешне-политической линии, хотя бы она и привела к войне. Не только помещики, бюрократия, военщина, реакционные верхние слои мел-

¹ Последние массовые выборы имели место в Японии в марте 1933 г. в Токийский городской муниципалитет. Из приблизительно 400 тыс. избирателей фактически принявших участие в выборах, более 90% отдали свои голоса либо партии Сейюкай, либо Минсейто. Адаи и другие группы получили ничтожное количество голосов.

кой буржуазии и великодержавной интеллигенции, но и все более значительные слои буржуазии начинают приходить к этому выводу. Этот вывод питается конечно не тем, что японский «парламентаризм» и японские парламентские политические партии когда-либо были или могут стать действительно демократическими организациями и поэтому они не пригодны к подавлению массового движения. Наоборот: они никогда демократическими организациями не были и не станут ими. Это всегда были клики политических дельцов, купленных той или иной группой господствующих классов. Но именно то обстоятельство, что этот факт их продажности теперь очевиден для всех, и именно тот факт, что эти партии слишком зависят от борющихся друг с другом различных плутократических буржуазных и помещичьих групп, делают их мало пригодными для руководства государственной жизнью сейчас, когда нужно создать видимость общенациональных интересов и твердой рукой осуществить задачи, стоящие перед блоком господствующих классов.

Это еще не точка зрения, решающих по своему удельному весу в хозяйстве слоев японской буржуазии. Последняя сумела в течение послевоенных лет настолько прочно овладеть аппаратом парламентских партий Нижней палаты, создать для себя настолько прочные позиции в Верхней палате, сумела втянуть в свои предприятия и заинтересовать в их развитии настолько значительную прослойку среди бюрократов отдельных министерств и даже непосредственно при самом императорском дворе, что эти завоеванные позиции финансовый и промышленный капитал не может сдать без боя военщине, ибо как бы ни необходима была последняя в качестве союзника для японских капиталистов, но ее известная самостоятельность и ее связи с помещичьим землевладением, ее игра демагогическими лозунгами в угоду мелкой буржуазии делают ее слишком дорогим союзником, которому нельзя давать полной воли. Известное недоверие военщине в этих кругах буржуазии особенно понятно сейчас, когда само лицо военщины изменилось и вместо старых клановых генералов, с которыми буржуазия сумела уже срастись, выдвинулись новые фигуры, политически еще мало проверенные и связанные к тому же с теми социальными слоями, которые стоят в оппозиции к финансовому капиталу. Финансовый капитал, опираясь в частности на старых клановых генералов и бюрократов, недовольных претензиями «выскочек», вроде генерала Араки, стремится поэтому, всячески сближаясь с военщиной, удерживать ее однако под своим контролем. Этим и объясняется то, что в течение последних двух лет не только политические партии Нижней палаты, но и большинство Верхней палаты во главе с маркизом Токугава и даже самая влиятельная группа при дворе (генро Сайондзи, бывш. министр императорского двора Икки, лорд-хранитель императорской печати Макино) оказывает сопротивление попыткам военщины сосредоточить всю полноту власти в своих

руках. Однако, по мере обострения кризиса, углубления революционного движения в стране, усложнения международной обстановки Японии, военщина шаг за шагом все ближе и ближе подходит к тому, чтобы восстановить свой контроль над государственным аппаратом в прежней полноте. Ей уже удалось полностью подчинить своему влиянию Тайный совет (во главе с графом Ито и бароном Хиранума), ей удалось спихнуть партийные кабинеты и привести к власти «национальный кабинет» (хотя и неполностью в том составе, как этого бы хотел Араки), ей удалось овладеть аппаратом отдельных министерств, наиболее важных для нее, но где до сих пор ее влияние было наименее прочно (министерство иностранных дел), и аппаратом ряда важных хозяйственных центров (правление ЮМЖД) и т. д. Группе Араки удалось в течение последнего года овладеть и Верховным военным советом (из 8 членов военного совета от армии—человек 5 ближайшие сторонники Араки). Все это стало возможным не только потому, что военщина опирается на недовольных финансовыми монополистами помещиков, не только потому, что ей удастся использовать оппозиционные настроения мелкой буржуазии, но и потому, что в сердце самой буржуазии и крупного, связанного с буржуазией землевладения происходили в течение последних двух лет сдвиги в сторону отказа от старой системы «лжепарламентаризма» и перехода на путь военной диктатуры.

Мы только что показали, как это отразилось на разложении парламентских партий. Это нашло свое выражение и в усилении внепарламентских реакционно-шовинистических организаций бюрократических и буржуазно-помещичьих групп.

В течение последнего года «Общество государственных основ» («Кокухонся») стало подлинным центром самого мощного политического лагеря японских господствующих классов. Не только крупнейшие генералы и бюрократы (Хара, Комма, Гото и др.) вошли в его состав, но в списке членов этого общества мы находим даже людей, которые не разделяют целиком тактических установок этого общества, но очевидно должны были присоединиться к нему, чтобы не оказаться политически изолированными: старый «сацумовец» премьер-министр Саито, финансист Икэда, ген. Угаки и др. Трижды в течение одного года подымался вопрос о передаче формирования кабинета в руки председателя «Общества государственных основ» барона Хиранума. Вырос и количественный состав общества, открывшего свои отделения во всех крупных городах и насчитывающего сейчас более 30 тыс., хотя все еще преимущественно из чиновничьей среды. Это укрепление политической роли общества началось особенно заметно с того момента, когда оно возглавило кампанию против Лондонского морского договора 1930 г. и на этой основе сплотило вокруг себя влиятельные группы военщины, ставшие костяком общества. Общество совместно с головкой военного министерства приступило также к созданию ряда новых, зависящих от него политических объединений как верхушечного характера для осу-

пешествления отдельных конкретных задач, так и массовых союзов. Так здесь должно быть отмечено создание по инициативе руководящих членов «Общества государственных основ» новой «Великоазиатской ассоциации», поставившей себе задачей «пропаганду японской культуры и пробуждение народов Азии». Эта ассоциация объединяет несколько сот крупных политиков, военных и дипломатов во главе с ген. Мацуи, вице-председателем Верхней палаты принцем Коноя, адмиралом Огасавара, бывшим японским послом в Москве Хирота, проф. Муракава и др. С сентября 1932 г. проводится большая работа по подготовке создания «в противовес левому движению среди молодежи» «Общества государственной обороны». Инициативная группа по созданию этого общества под руководством Араки и Огасавара опирается, с одной стороны, на аппарат министерств военного, морского и просвещения, а с другой стороны—на массовые организации общепатриотического типа (Ассоциация молодежи, Ассоциация молодых женщин, «Союз резервистов») и предполагает вовлечь в свои ряды 20 млн. человек. Пока однако дело не вышло из стадии организационной подготовки. Это движение инспирируется руководителями «Общества государственных основ».

Помимо «Общества государственных основ» возник и ряд новых политических центров того же направления, хотя и несравненно менее влиятельных. Среди них следует однако отметить созданное в последние месяцы 1932 г. общество «Синби Досикай». Во главе его стоит бывший премьер-министр Киоура, фактически возглавлявший раньше помещичью партию «Сеюхонто»,—типичный представитель самых реакционных зубров японской бюрократии. Это общество, объединяющее видных военных, дипломатов, членов парламента, промышленников, крупных землевладельцев и финансистов, объявило своей «главной задачей борьбу с коммунизмом». Численно оно совершенно незначительно, но обладает большими финансовыми возможностями, поэтому сумело развернуть издание многочисленной антикоммунистической литературы и т. д.

Характерно, что даже в рядах старых «парламентских» политических партий и буржуазно-помещичьих групп, стоящих за этими партиями, с большей силой, чем когда бы то ни было раньше, крепнут стремления искать решения политических вопросов внепарламентскими методами. Это нашло в частности свое выражение и в политических убийствах 1932 г. Установлено, что к подготовке убийства минсейтовского министра финансов Иноуэ, бывшего ярым противником инфляционной политики, имели прямое отношение очень влиятельные политические деятели, выступавшие с требованием перехода к инфляции и связанные с концерном Мицуи и партией Сейюкай. Когда сейюкаевцы пришли к власти, они приостановили полицейское расследование по этому делу, ибо дальнейшие разоблачения грозили бы развалом Сейюкай накануне выборов. С другой стороны, известно, что круги, близкие к концернам Мицубиси и Сумитома, снабжали

деньгами группу Адаци—Наконо, через которых эти деньги попадали потом в террористические организации. Возможно, что убийство Дана было неожиданно и даже нежелательно для этой группы, тем не менее остается фактом, что она финансировала террористические организации, совершившие это убийство, и что убит был не кто иной, как именно Дан, т. е. представитель конкурирующего с Мицубиси концерна Мицуи, противник обострения японо-американских отношений и в частности противник шанхайской операции, главными инициаторами которой были флотские круги, связанные с концерном Мицубиси.

Наконец самые тесные связи существуют, как мы это уже показали, между различными фашистскими и прочими реакционными организациями и правлением ЮМЖД. Последнее особенно охотно финансирует агитацию фашистов против «расхищения богатств Манчжурии корыстными капиталистами», ибо эта агитация облегчает для воротил ЮМЖД превращение финансовых предприятий дороги в основной канал японских капиталовложений в Манчжурии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все без исключения реакционно-шовинистические организации, которые мы здесь описали, имеют три основные общие черты:

1. Все они являются прежде всего передовыми ударными отрядами господствующих классов для борьбы против революции. Отсюда их роль в террористическом подавлении революционного рабочего и крестьянского движения, стачек, арендаторских конфликтов и в борьбе против японской компартии.

2. Они являются носителями и поборниками самых агрессивных тенденций японского военно-феодального империализма во внешней политике, прежде всего в области колониальных захватов. Отсюда их пан-азиатизм и антисоветская активность.

3. Они стоят на страже монархии и выступают за неограниченную, абсолютную форму ее. Отсюда их антипарламентские лозунги и сплочение вокруг армии как реальной силы военно-полицейской монархии.

Эти три внешне- и внутриполитические черты тесно связаны между собой, ибо «нельзя воевать для империализма, не укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить тыл, не подавляя рабочих. Для этого и существует фашизм» (Сталин).

Можем ли мы все это реакционно-шовинистическое движение от барона Хиранума, генерала Араки и Тояма до Окава, Тацибана и Акацуму назвать «фашистским» в западноевропейском смысле этого слова? Нет. Ибо если мы его будем рассматривать в целом, то оно характеризуется двумя отличительными чертами, существенно различающимися его от фашизма, например итальянского или германского.

Первое различие сводится к тому, что западноевропейский фашизм является в основном орудием финансового капитала, а японское реакционно-шовинистическое движение, взятое в целом,—это орудие не только финансового капитала, а орудие японской монархии, представляющей блок двух классовых сил: финансового капитала и полуфеодальных помещиков, и обладающей к тому же собственной логикой развития, представленной в лице армии и монархической бюрократии, гнет которых имеет самостоятельное значение. Поэтому в центре японского реакционно-шовинистического движения стоят в основном те же люди, которые возглавляют систему японского военно-феодального империализма. Отсюда роль армии как хребта всего реакционно-шовинистического движения, взятого в целом.

Отсюда вытекает вторая отличительная черта японского

реакционно-шовинистического движения, характерная для очень значительного и пока что для наиболее влиятельного его крыла. Это—ограниченное использование социальной демагогии реакционно-шовинистическим движением в целом.

Как мы уже показали выше, эти особенности японского реакционно-шовинистического движения в целом, отличающие его от западноевропейского фашизма, тесно связаны с особенностями социальной структуры и историческими особенностями развития японского военно-феодалного империализма.

Будет поэтому правильным говорить по крайней мере о двух потоках реакционно-шовинистического движения.

Первое—это реакционные организации привилегированных классов. Это—все организации «общепатриотического типа» («Союз резервистов», «Союз военных знаний», «Союз молодежи», «Женская патриотическая лига» и т. д.); все организации, группирующиеся вокруг «Общества государственных основ» («Кокухонся»); все организации, созданные раньше буржуазно-помещичьими партиями, но перешедшие впоследствии в руки бюрократии и военщины («Кокусуйкай», «Сейгидан», «Ямато», «Минрокай» и т. д.); организации верхушки военщины («Мейринкай» и т. д.); все организации Тома—Уцида («Кокурюкай», «Ронинкай», организации Касахи («Нихон Кокуминто», «Кенкокукай» и т. д. за исключением «Сейсанта»).

Сюда же примыкают и наиболее тесно связанные с военщиной группы парламентских политических партий (Адаки со своей «Кокумин Домей», группа Кухара, Ямамото и последователей К. Мори в Сейюкай). Это—организации монархической бюрократии, верхушки военщины, представителей старого дворянства и современного крупного землевладения и самой агрессивной группы финансового капитала, тесно связанной с колониальными предприятиями, военными заказами и т. д. Эти организации не просто борются за власть, ибо они уже являются важнейшей составной частью аппарата государственной власти, они борются за расширение своей роли внутри этого аппарата, за то, чтобы бесконтрольно и полностью овладеть этим аппаратом. В центре этой группы организаций стоит верхушка военщины. И если бы всем этим организациям удалось добиться полностью осуществления своих планов, то тот сдвиг, который произошел бы в формах японской государственной власти, заключался бы в том, что военщина из самого сильного участника власти стала бы ее единственным носителем.

Что бы это изменило в политике господствующих классов Японии? Представляется даже сомнительным, разбила ли бы военщина те политические институты, которые являются теперь центрами противодействия полному осуществлению ее планов внутри лагеря господствующих классов: парламент с его политическими партиями, генро и т. д. По всей вероятности дело свелось бы к изменениям в составе людей. Более того, если военщина будет осуществлять этот план на фоне вступления Японии в большую

войну, то и людей менять не придется: все сегодняшние «противники» военной диктатуры капитулируют перед военщиной, а использование парламентских иллюзий все же имеет некоторый смысл и для военщины.

Очень мало изменится и политика господствующих классов по отношению к трудящимся массам, ибо для рабочих и крестьян Японии не может быть многим хуже, чем сейчас, кто бы из буржуазных партий ни стал у власти. Дальнейшее резкое ухудшение в положении трудящихся Японии будет связано не с изменениями соотношения сил между военщиной и другими группами господствующих классов в составе власти, а со вступлением Японии в новую большую войну.

Что изменил бы переход всей полноты власти в руки военщины с точки зрения соотношения сил внутри лагеря господствующих классов? Находящиеся под руководством военщины реакционно-шовинистические организации опираются преимущественно на военно-бюрократические и помещичьи группы, но править страной вне союза с финансовым капиталом они не могут. Уже сейчас военщина и находящиеся под ее влиянием организации всячески стараются укрепить свои связи с финансовым капиталом. Это очень ярко видно из того, как враждующие между собой группы военщины наперебой стараются оклеветать друг друга в глазах капиталистов.

Так например после событий 15 мая 1932 г. группа офицеров из Нагоя разослала видным японским деятелям политического, промышленного и военного мира анонимную листовку, обвинявшую группу ген. Угаки в том, что она вошла в соглашение с С. Окава с целью совершить государственный переворот, в результате которого будет установлен социализм, и что капиталисты делают поэтому грубейшую ошибку, поддерживая группу Угаки.

«Наиболее циничным,—писали авторы этой листовки,—является то обстоятельство, что министерство ген. Угаки будет содействовать краху капиталистов, которые ждут помощи от этого генерала. В действительности ген. Угаки никоим образом не является спасением капитализма. Об этом следует снова и снова подумать. Единственным спасением капиталистов может быть полное отрешение от их своекорыстного поведения и проявление большого уважения к принципам права и закона. Необходимо эксплуатировать естественные ресурсы, чтобы увеличивать общественное благосостояние, но богатства, добытые такой эксплуатацией, не являются собственностью индивидуумов. Они должны быть справедливо распределены между народами. Капиталисты всей страны должны понять эти принципы, если они хотят спасти себя от гибели. Ген. Угаки вел секретные переговоры с Окава и его группой, как мы уже изложили в начале этой листовки. Мы с интересом ожидаем опубликования официальных протоколов допроса Окава относительно заговора ген.

Угаки. Несомненно, что Юкава приобрел бы господствующее влияние, если бы ген. Угаки пришел к власти. Социализм осуществился бы в нашей стране, и система частной собственности отрицалась бы таким правительством. Это и позволяет нам заключить, что поддержка ген. Угаки капиталистами была бы бессмысленной попыткой с их стороны содействовать своей собственной гибели».

Нагойские офицеры стараются доказать японским капиталистам, что группа ген. Угаки гораздо хуже, чем ее конкуренты в армии, сумеет спасти капитализм. Пусть только капиталисты откажутся от поддержки ген. Угаки и окажут некоторое уважение «принципам права и закона», ибо скандальные спекулятивные махинации возбуждают слишком острое недовольство в народе.

С другой стороны, серьезные представители основных групп финансового капитала убеждены также и в том, что в случае неизбежности полного провала старых политических партий и прихода к власти военно-фашистской клики последняя принуждена будет еще до того, как она станет у власти, а в особенности после этого, во что бы то ни стало добиться взаимного понимания с руководителями финансовых концернов. С этой целью парламентские группы, наиболее тесно связанные с концернами, еще накануне августовской (1932 г.) сессии японского парламента вели переговоры с политическим выразителем военщины—вождем «Кокухонся»—бароном Хиранума. Последний, так же как и бывший генералитет, прекрасно понимая, что без концернов и банков нельзя осуществлять власти, проявлял готовность пойти на уступки представителям финансового капитала и создать для своего правительства парламентскую опору в лице менее скомпрометированных групп из старых, связанных с концернами политических партий. Этой цели очевидно должна была послужить «Национальная лига», созданная Адаки, группа Мори Кухара внутри партии Сейюкай. Таким образом, хотя внешне борьба между сторонниками парламентаризма и военщиной продолжала носить очень острый характер и еще 13 августа 1932 г. полицией был снова раскрыт заговор со стороны правой террористической группы на жизнь премьер-министра Сайто, министра внутренних дел Ямамото и министра финансов Такахаси, однако на деле буржуазия уже подготавливала почву для нового сговора и полюбовного раздела власти между политическими кликами финансового капитала и военщиной. Насколько можно судить, среди военщины за необходимость такого сговора выступило также общество «Мейринкай», выставившее наряду с требованием уничтожения старых политических партий лозунг сохранения парламентской системы.

Осенью 1932 г. японские газеты сообщили о новых шагах, принятых военщиной через «Союз резервистов», с целью добиться сближения с «деловыми кругами». 6 сентября в Токио состоялось собрание, на котором, помимо лидеров военщины Араки, Масаки, Янагава и других, присутствовало 117 деятелей финансового и промышленного мира, в том числе директора концернов Мицуи,

Мицубиси, Окура, Сумитомо и др. Собрание было посвящено вопросу о необходимости проведения решительных реформ, которые устранили бы элементы коррупции и разложения в государственном аппарате и среди политических партий. Араки предлагал на этом собрании создать организацию, которая опиралась бы на «Союз резервистов» и включала бы в себя как руководящих деятелей армии, так и видных финансистов и деятелей промышленности и торговли, служивших прежде в армии. Новая организация должна будет руководить подачей петиций парламенту. Собрание согласилось с предложением Араки и постановило избрать 14 человек для выработки устава новой организации. В дальнейшем представителям концернов удалось добиться от Араки еще большей уступчивости:

«3 октября в том же помещении офицерского собрания, — сообщала японская газета, — происходило второе собрание, на котором присутствовали как представители от военных, так и представители от промышленности — от Мицуи, Мицубиси, Окура и других. На этом совещании было решено, что, исходя из государственного положения, движение за непосредственную чистку парламента неправильно и поэтому прежнее решение в области политики надо вычеркнуть. Во главу угла теперь ставится помощь резервистов промышленности. Организация, которая будет заниматься этим, будет названа «Общество военных друзей промышленности». 25 октября решено провести открытие этого общества в офицерском собрании, на котором будут присутствовать 300 с лишним человек представителей со всей Японии»¹.

Что же касается императорского двора и кругов, связанных с кланом Сацума, то и они вслед за финансовыми кликами, с которыми они связаны, выражают полную готовность договориться с военщиной в случае, если дальше окажется невозможным использовать систему парламентских политических партий. Для того чтобы облегчить этот сговор и для давления на императорский двор, военщиной был выдвинут в начале августа 1932 г. граф Хокен Танака — 90-летний старец, бывший министр императорского двора, который уже ряд лет стоял вне политической жизни, а теперь неожиданно снова появился на авансцене и взял на себя посредническую роль в различных переговорах. В интервью, данных им представителям прессы, он подверг критике партийно-политические круги, заявляя, что «причины кризиса происходят главным образом от гнилости во всех областях внутренней жизни нации» и что «теперь настал важный момент, чтобы предпринять последние шаги для усовершенствования реставрации Мейдзи». Пока что «усовершенствование», по мнению Танаки, должно выражаться в устранении от политической жизни Сайондзи, адмирала Судзуки, Макино, Икки, т. е. той группы,

¹ «Кокумин» 4 октября 1932 г.

которая до сих пор мешала военщине взять под свой полный контроль императорский двор. Просачивающиеся в печать сведения говорят о том, что план этот не так далек от осуществления и что в частности отставка Макино предрешена, а Икки, как известно, уже ушел.

Таким образом сговор между военщиной и финансовым капиталом вполне подготовлен. Что в этом отношении изменила бы военная диктатура—это то, что для военщины была бы облегчена задача установления контроля над всей народнохозяйственной жизнью в целях лучшей подготовки Японии к войне. По этой линии пойдут и внешнеполитические последствия установления военной диктатуры. Несомненно, что военщина, если она возьмет под свой полный контроль иностранную политику, сумеет сделать ее более целеустремленной и форсировать дипломатическую подготовку Японии к войне. При этом как вся внешняя, так и внутренняя политика будет подчинена задаче максимально быстрой и эффективной подготовки к войне именно против СССР, что вытекает из охарактеризованной нами выше политической программы военщины.

Расширит ли установление открытой военной диктатуры социальный базис японской монархии? Нет, надо думать, что скорее сузит. Во-первых, потому, что правительство военной диктатуры обострит отношения между помещиками и финансовым капиталом и отбросит в оппозицию к себе часть буржуазных кругов. Во-вторых, потому, что, лишившись своего лжепарламентского прикрытия, военно-полицейская монархия добьется только ускорения процесса радикализации мелкобуржуазных масс и трудящихся.

Как же обстоит дело со второй частью реакционно-шовинистического движения и кем это крыло представлено?

Сюда мы относим реакционно-шовинистические организации в среде промежуточных социальных слоев, преимущественно мелких помещиков и городской мелкой буржуазии. Это: 1) организация Гондо—Тацибана («Айкодзюку» и др.), 2) организация Окава—И. Кита («Копися», «Дзимукай» и др.), 3) организация национал-социалистов (Акаману, Симонака и др.), 4) организация молодой военщины, часть студенческих организаций. Сюда же примыкает и «Сейсанто».

Это крыло широко использует социальную демагогию, отражающую недовольство со стороны мелкого помещичьего землевладения, немонополизированных слоев буржуазии, мелкой городской буржуазии, деревенского кулачества и значительных групп интеллигенции всемогуществом финансового капитала, крупного землевладения и бюрократии и в то же время панический страх этих социальных слоев перед зреющей революцией. Это крыло реакционно-шовинистического движения по своей идеологии наиболее близко к европейскому фашизму. Но и оно широко используется верхушкой военщины в своих целях. Дальнейший рост революционного движения в

стране может побудить господствующие классы в еще большей степени использовать эти организации вплоть до привлечения тех или иных из них к участию во власти. Социальная демагогия этих организаций нужна для того, чтобы удерживать массы от вступления на путь революции и попытаться расширить социальный базис монархии за счет тех промежуточных слоев, которые идут за этими организациями.

Однако приход этого крыла реакционно-шовинистического движения в качестве руководящей и самостоятельной силы к власти представляется нам маловероятным. Этот эксперимент имел бы смысл в том случае, если бы этим организациям были даны возможность и материальная база для того, чтобы сплотить гораздо большие массы последователей, чем они имеют сегодня. Но это может быть сделано только ценою самой широкой игры демагогическими лозунгами, которые являются слишком острым оружием при данном напряжении классовых противоречий в стране.

Какова организационная сила реакционно-шовинистического движения? Если просто сложить цифры количества членов всех этих организаций, как они фигурируют в их официальных отчетах, то получается совершенно фантастическая картина, и сумма членов всех этих организаций будет превосходить число всего взрослого мужского населения Собственно Японии. Но такой подсчет будет совершенно неправилен, ибо, во-первых, официальные отчеты преувеличивают количество членов каждой организации, во-вторых, во многих случаях одна и та же членская масса фигурирует в нескольких организациях ¹. Наконец должно быть учтено, что членская масса этих организаций в качественном отношении весьма различна. Мы имеем чрезвычайно разбухшие организации вроде «Союза резервистов», куда однако механически зачисляются все отбывшие военную службу и поэтому политически весьма пестрые элементы. Наряду с этим мы имеем замкнутые, но политически высоко активные организации, в которых почти каждый участник является действующей силой.

Учитывая все эти соображения, мы получаем следующую картину организационной силы реакционно-шовинистических организаций:

а) Массовые патриотические организации, как то: «Союз резервистов», «Союз молодежи», «Союз военных знаний», «Женская патриотическая лига» и т. п. Количество членов по спискам—около 7 млн. человек. Это число можно смело уменьшить наполовину, так как значительное количество членов «Союза резервистов» и «Союза молодежи» состоит одновременно в «Союзе военных знаний» и т. д. Еще важнее однако то, что подавляющее большинство членов этих организаций никакой поли-

¹ Это означает, что одно и то же общество фигурирует под несколькими названиями. Один из лидеров фашистского движения разъяснил, что это делается, «для того чтобы одно копье казалось тысячей копий».

тической работы не несет и даже не находится постоянно под таким политическим воздействием актива этих организаций, которое гарантировало бы, что реакция может располагать миллионами этих членов как орудием в своих руках. Поэтому как о действенной силе в борьбе против рабочего и крестьянского движения внутри своей страны и в подготовке населения к империалистическим войнам можно говорить только об активе этих организаций. Однако этот актив также представляет собою немалую силу, если учесть, что количество местных ячеек, отделений команд и т. д. «Союза резервистов», «Союза молодежи», «Союза ревнителей военных знаний», «Национального союза физкультуры и т. д. в общей сложности составляет не менее 50 тыс. ячеек, разбросанных по самым глухим деревням, местечкам, заводам, железнодорожным станциям, в городах, уездных, губернских центрах, в столицах и т. д. Группирующийся вокруг этих местных организаций актив будет составлять примерно полумиллионную массу. Это—действенная сила. По всей вероятности добрая половина ее является участниками других реакционных организаций более замкнутого типа. Остальные в значительной своей части являются кандидатами, будущими участниками этих организаций.

б) «Общество государственных основ» («Кокухонся») и примыкающие к нему организации, в том числе организации верхушки военищины («Мейринкай» и др.). В количественном отношении они опираются на немногочисленную массу, но в качественном отношении—это наиболее однородные элементы, состоящие из привилегированных и близких к ним социальных групп: офицерства, чиновничества, буржуазной интеллигенции, помещиков, части крупной буржуазии. Членскую массу этой группы организации мы оцениваем приблизительно в 80 тыс. человек.

в) Организации, созданные в период первого революционного подъема буржуазными и помещичьими политическими деятелями («Кокусуйкай», «Сейгидан» и т. д.). Часть из этих организаций уже развалилась, часть из них утратила свое прежнее политическое значение, и их членская масса была поглощена другими организациями. Только «Кокусуйкай» и отчасти «Сейгидан» продолжают еще играть заметную роль. Действительное количество членов всех этих организаций, вместе взятых, по всей вероятности не превышает 10 тыс. членов.

г) Все организации Тояма—Уцида входят в «Сейсанто», поэтому количество членов последнего и составляет общую сумму членов всех организаций этого направления. А количество членов «Сейсанто» равно приблизительно 90 тыс. человек. Сюда еще следует причислить «Кенкокукай» с его 10 тыс. человек.

д) Фашиствующие группы, бывшие ранее или остающиеся еще сейчас в рядах политических партий (Адади, Кухара, Мори), массовой политической базы в организационно-оформленном виде не имеют. Это просто группы политических дельцов, которые даже вместе с оплачиваемыми ими «соси» насчитывают не более нескольких тысяч членов, несмотря на то, что на выборах они ведут с со-

бою громадные массы избирателей. Значение этих групп не в их численности, а в их связях среди буржуазии и бюрократии и вытекающей отсюда прочной материальной базе.

е) Количество членов реакционных организаций промежуточных социальных слоев (т. е. организации Гондо, Тацибана, Окава, Акамацу, офицерская молодежь и т. д.) на основании подсчета цифр, которые мы давали в каждом отдельном случае, может быть названо довольно точно: вместе с примыкающими к ним профессиональными и крестьянскими организациями они объединяют около 50 тыс. членов.

Следовательно общий итог составляется из 250 тыс. активистов массовых «общепатриотических организаций» (вторая половина полумиллионной массы актива этих организаций состоит одновременно в других обществах и поэтому не зачисляется нами в общий итог) и примерно 400 тыс. участников всех других организаций, т. е. 650 тыс. человек. Наряду с кадровой армией, полицией, чиновничеством и духовенством—это важная опора японской монархии, реальный политический фактор и реальная физическая сила. Конечно при этом не следует упускать из виду, что не вся эта масса одинаково активна и боеспособна.

Каково влияние всех этих организаций за рамками их собственной членской массы, в каких социальных группах они находят наибольшую поддержку?

При первом взгляде на политические выступления многих из этих организаций кажется, что зачастую мы имеем дело с ничтожными группами крикунов и полицейских наймитов, которые стараются перекричать всех для демонстрирования своего патриотизма и своей верноподданности, но за которыми в действительности никакой серьезной опоры нет. Этот взгляд не лишен известного основания, поскольку среди методов работы реакционно-шовинистических организаций очень видное место действительно занимает учинение шумных скандалов и хулиганских выпадов, единственное назначение которых—рекламировать себя, обратить на себя внимание. При этом чем менее известна и чем меньшим влиянием обладает какая-либо организация, тем громче старается она шуметь, чтобы обратить на себя внимание, добиться субсидий от полиции, получить работу от предпринимателей и т. д. Приведем несколько примеров.

В феврале 1932 г. в Токио возникает организация под громким названием «Союза великой Азии» («Дайа Гимей»). Сначала о ней никто не знает. Но вот конфетная фабрика Тороя в Токио возводит такую высокую трубу, что с нее можно увидеть переднюю часть расположенного надалеко дворца принца Цицибу. Члены «Союза великой Азии» решили, что—это неуважение к императорской фамилии, и группа в 10 человек отправилась на фабрику, где под угрозами стала требовать немедленного сноса трубы. В дело вмешалась полиция; газеты размазали этот факт на своих страницах, и таким образом группа стала известной среди населения Токио. А этого только им и требовалось.

Или другой случай. Возникает дело по поводу злоупотреблений в сахарной компании «Мейдзи», которое привлекает к себе внимание прессы. Одна из «патриотических» организаций в Осаки — «Кокусуй Тайсюто» решает воспользоваться этим, чтобы демонстрировать свою оппозицию против «своекорыстных капиталистов». Группа в 17 человек, членов этой организации, прибывает в Токио, посещает правительственные учреждения и различные публичные места, объявляя везде, что они начинают голодовку, которую они будут продолжать до тех пор, пока не будут наказаны виновники злоупотреблений.

Группа членов «Секкобосидан» («Дружина по борьбе с большевизацией») решает «отличиться» другим способом. Они узнали, что дипкорпус устраивает в зале Империялотея в Токио бал. Случайно день, назначенный для бала, совпал с днем траура по императору Тайсио. Этого оказывается достаточным, чтобы группа членов «Секкобосидана» ворвалась в залу во время бала и разогнала публику. На следующий день националистические газеты восхваляют «героев», защищающих национальные традиции Японии от «оскорблений со стороны иностранцев».

Еще выгоднее оказываются такие демонстрации, когда они направлены против Китая. Патриотическая организация «Синсю Токуюто» («Партия защиты страны богов») в Осака узнала, что некий купец Сима продал в Китай партию соли. И хотя в Китай ввозится разных товаров на сотни миллионов иен в год, на этот раз «патриоты» нападают на дом Сима и подвергают его погрому. Другая группа патриотов срывает в это время работу на осакском заводе «Дженерал Моторс», так как завод получил из Шанхая заказ на 110 автомобильных шасси, хотя заказ сделан не китайцами, а британской автокомпанией.

Нечего говорить, что «патриоты» не пропускают ни одного повода для учинения антисоветских выходок, начиная с того времени, когда было совершено нападение на дом Гото за то, что он пригласил в Японию Иоффе, и кончая недавними протестами против того, что советское торгпредство арендовало какой-то зал, в котором однажды останавливался умерший двадцать лет тому назад император Мейдзи, и тем самым осквернило «национальную реликвию» и «императорскую идею».

Таких примеров можно было бы привести еще много. Подобные выступления имеют конечно не столько политический смысл, сколько предназначены для того, чтобы сыскать дешевую известность «героям» этих выступлений. Такой рекламно-квасной «патриотизм» занимает видное место в «работе» многих реакционно-шовинистических организаций, старающихся громче всех кричать о своей «любви к родине» и «верности императору» уже потому, что это хорошо оплачивается и может явиться хорошим началом для полицейской или чиновничьей карьеры. Однако к этому далеко не сводится роль реакционно-шовинистических организаций, и было бы неправильно рассматривать их просто как банды пустых крикунов или как шайки наемных хулиганов.

И ошибаются поэтому те иностранные обозреватели, которые к этому сводят роль японских реакционно-шовинистических организаций, как это сделала например американская газета, писавшая недавно:

«Слово «сверхпатриот» или «ультрапатриот» широко употребляется в Японии для обозначения лиц или организаций, посвятивших себя службе отечеству незаконными методами.

Очень часто это означает убийства, но всегда делают вид, что мотивы этого были самые высокие. Бесспорно, что все японские политические организации патриотичны и готовы принести себя в жертву на алтарь отечества. Задолго до теперешнего взрыва национализма насилие было обычным явлением в японской политической жизни. Банды, наемных хулиганов были частью избирательной машины, и убийства вызывались исключительно внутренними вопросами. Но союз, несомненно существующий сейчас между военной партией и наемными хулиганами, нов. Раньше политики предоставляли работу бандитам. Однако теперь старые японские кланы и феодальное дворянство к этому грязному занятию примешивают еще более грязные мотивы»¹.

Выходит, что новым является только то, что раньше банды этих «соси» формировались политическими партиями, а теперь они формируются военщиной. Но в действительности это только одна сторона дела, и вопрос этим не исчерпывается. Банды политических хулиганов, которые обслуживали избирательные кампании политических партий, действительно выполняли очень несложные политические функции. Как мы уже показали в начале этой работы, это были просто шайки разорившихся самураев и безработных люмпенов, которые нанимались сегодня одной, завтра другой политической кликой, не имели никакой политической программы, не апеллировали, как правило, к массам и не претендовали на самостоятельную роль в политической жизни страны.

Очень заметные элементы этой политической системы сохранились и в нынешнем реакционно-шовинистическом движении. Но теперь его социальные функции уже усложнились.

Все, что мы показали выше, описывая отдельные организации реакционно-шовинистического фронта, их участие в подавлении рабочего и крестьянского движения, в вовлечении на путь реакции промежуточных социальных слоев, в укреплении монархии как основного оплота реакции в стране, в подготовке населения к новым империалистическим войнам,—говорит о том, что эти организации являются необходимым составным элементом японского политического строя. Их роль и их значение в особенности поднимаются на фоне обострения классовых противоречий в стране, расшатывания и сужения базиса военно-полицейской монархии.

¹ «New York Times» 24, February 1933.

Именно поэтому армия—самая организованная часть военно-монархического аппарата—ищет в поддержке этих организаций возможности создать новые скрепки и подпорки для грозящего обрушиться здания монархии. Без этих организаций господствующие классы не могли бы справиться с теми сложными задачами на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом фронтах, которые поставлены перед ними кризисом, обострением классовых отношений внутри Японии, межимпериалистическими противоречиями, ростом революционного движения в колониальных странах и выросшим значением и революционизирующим влиянием Советского союза.

В этом легко убедиться, если вспомнить, какую роль сыграли и продолжают играть под эгидой военщины реакционно-шовинистические организации в продолжение одного только последнего года: проведение ими «петиционной кампании помощи деревне и мелкой промышленности» для разрядки остроты классовых конфликтов в городе и деревне; раскол ими рабочих и крестьянских организаций; их участие в подавлении стачек и крестьянских выступлений; проведение ими террористических актов, рассчитанных военщине путь к власти; провокационная работа, сделанная ими в Китае для подготовки японской интервенции и подготовка сейчас таких же провокаций по отношению к Советскому союзу; работа, которую они ведут по пропаганде пан-азиатизма; практическая работа, которая ими выполняется по подготовке населения к войне, и т. д. и т. п. Движение это превратилось следовательно в необходимое орудие японского военно-феодалного империализма в целом и в особенности—в необходимую опору для военно-полицейской монархии. Отсюда вытекает то значение, тот удельный вес, который приобрели эти организации в отдельных социальных слоях за рамками их собственной членской массы.

Каков же в действительности круг этого влияния?

Основные группы буржуазии и экономически тесно связанное с буржуазией крупное землевладение, как правило, до настоящего момента не считали необходимым отказаться от лжепарламентской системы, от выпестованных ими парламентских политических партий Сейюкай и Минсейто и поставить ставку на реакционно-шовинистические антипарламентские организации. Эти группы господствующих классов продолжают думать, что старая политическая система еще достаточно прочна, чтобы продолжать выполнять стоящие перед ней задачи. С другой стороны, эти группы опасаются, что приход к власти военщины с ее политическими связями в реакционно-шовинистических антипарламентских организациях, которые слишком обязали себя перед промежуточными социальными слоями своей «антикапиталистической» демагогией, может привести к потере, хотя бы на известный промежуток времени, некоторых из тех привилегий, которые обеспечил себе финансовый капитал в борьбе за долю в национальном доходе между различными группами господ-

ствующих классов. Эти группы (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо) опасаются также и того, что авантюризм военщины и реакционно-шовинистических элементов вовлечет Японию слишком рано в большую войну при невыгодных внешнеполитических условиях, когда не будет обеспечена поддержка других империалистических держав и следовательно японским капиталистам придется взвалить на себя непосильную тяжесть финансирования войны, а перекладывание по частям этой тяжести на трудящихся может довести дело до такого обострения внутри страны, которое грозит революцией. Все это заставляет японскую буржуазию с большей опаской относиться к так называемому «военно-фашистскому движению». Представители крупного землевладения, его политические организации в лице Имперского сельскохозяйственного общества, осколков бывшей партии «Сеюхонто», а также аграрной фракции Сейюкай в лице Токонами и титулованные аграрии, входящие в состав Верхней палаты, в подавляющем большинстве своем действуют в этом общеполитическом вопросе о системе и составе власти вместе с финансовыми концернами, с которыми они давно уже успели связаться бесчисленным количеством нитей (ибо крупные японские помещики—это в то же время и крупные держатели промышленных и банковских акций, участники различных торговых предприятий и т. д.). Их позицию разделяет и часть бюрократии, именно та часть бюрократии, которая ближе всего связана с буржуазией, и те бюрократические и монархические учреждения, в которых наиболее сильно влияние финансовых концернов, в первую очередь—двор и Верхняя палата. Старый клановый генералитет и аппарат парламентских политических партий, также тесно связанные с финансовыми концернами и с крупным землевладением, в силу логики собственного развития, в силу стремления к самосохранению также противятся сосредоточению всей полноты власти в руках так называемого «военно-фашистского» крыла. На сегодняшний день основные финансовые концерны и крупное землевладение считают преждевременным и нежелательным открытый переход всей полноты власти в руки военщины и реакционно-шовинистических организаций и противодействуют этому. Этим и объясняются те политические убийства, свидетелями которых мы были в 1932 г., и тот факт, что к власти пришло компромиссное правительство Сайто—правительство переходного типа: от парламентского к военной диктатуре.

Эта оценка однако подлежит ограничению. Ряд особенно тесно связанных с колониальными предприятиями и с военной промышленностью групп буржуазии (в особенности Ясуда и Кухара), часть буржуазии, связанной с полугосударственными предприятиями (в особенности вокруг ЮМЖД и Восточного колониального общества), уже сейчас полностью связали себя с политическими планами военщины. Другие группы буржуазии, не желающие полного перехода власти в руки военщины, считают однако

необходимым использовать ее демагогию и даже ее авантюризм для подавления рабоче-крестьянского движения, для пантажирования Лиги наций, для подготовительных мероприятий к войне и в то же время считают нужным обеспечить себе более прочные связи среди военщины и реакционных организаций на случай их прихода к власти. Отсюда—финансирование этих организаций и нелегальные связи с ними. В особенности эта тактика применяется буржуазией по отношению к партии Адаци («Кокумин Домей»), но отчасти также и к «Кокухонся», «Сейсанто», «Кокусуйкай», «Сейгидан» и даже к группе С. Окава.

Наконец надо иметь в виду, что, если большая война начнется, все группы господствующих классов, прекрасно понимая, что речь идет об их существовании, «забудут» прежние разногласия и сплотятся вокруг военщины.

Интересную характеристику политических течений среди руководящих кругов японской буржуазии мы находим в статье Сугихара «Скрытая борьба военных с плутократией», в которой выясняется позиция различных капиталистических групп по отношению к кабинету Сайто. Сугихара считает, что значительные группы буржуазии противятся прежде всего попыткам военщины расширить государственный контроль над хозяйством и, наоборот, добиваются большей свободы действия для частнокапиталистических групп.

«Капиталисты,—пишет он,—желают проведения административных реформ, которые, по их мнению, должны заключаться в продаже государством госмонополий и госпредприятий. Слияние железододелательных заводов, являющееся по существу продажей в частные руки яваских заводов, передача в частные руки телеграфа и телефона, которую проектировал Накано в бытность его вице-министром почт и телеграфов, продажа частным предпринимателям суконных заводов Сэндзю и т. д.—все это мероприятия, которые могут принести большие выгоды крупным капиталистическим группировкам».

Надо думать однако, что это утверждение правильно лишь для части буржуазии, ибо ряд ее привилегированных и близких к правительственному аппарату слоев, наоборот, использует систему государственной монополий и совместную с государством предпринимательскую деятельность к собственной выгоде. В соответствии с этим среди крупной буржуазии есть влиятельные группы, которые ориентируются на поддержку военно-фашистского крыла. В особенности это относится к тем группам буржуазии, которые заинтересованы в колониальных захватах японской военщины. Одну из таких групп буржуазии указывает нам сам Сугихара, когда он пишет:

«Ясуда имеет большие интересы в Манчжурии и хочет укрепить там свои позиции. В этих условиях группировка

Ясуда поддерживала кандидатуру Хирануму и сблизилась с С. Накано» (из «Кокумин Домей»).

В качестве групп, противодействующих всевластию военщины и стремящихся вместо правительства Саито восстановить систему партийных кабинетов, Сухигара указывает на осакскую (т. е. преимущественно текстильную) буржуазию и на «Промышленный клуб», в котором руководящую роль играют круги, близкие к концерну Мицуи.

«Деятельность, направленная на свержение кабинета Саито,—пишет Сухигара,—возглавляется так называемой «Кансайской группировкой капиталистов», заинтересованных главным образом в торговле с Китаем. Движение это возглавляется следующими лицами, принадлежащими к «Кансайской группировке»: Атака—председатель торгового дома «Атака-Сио-кайся», Кокура—главный директор товарищества Сумитомо, Инабата—глава Осакской торгово-промышленной палаты. Этой группировкой финансистов выставляется кандидатура Угаки.

«Когекурабу» («Промышленный клуб»), возглавляемый бароном Го и Икэда (из концерна Мицуи), также делает установку на смену правительства, но в отличие от осакских торговцев с Китаем эта группа больше связана с внутренней политикой. «Когекурабу» постепенно становится на путь борьбы за возвращение к системе партийных кабинетов. Вокруг этой группы капиталистов концентрируется и деятельность Сейюкай»¹.

Весьма определенное отношение наблюдаем мы к реакционно-шовинистическим организациям в руководящих кругах военщины и у значительной части монархической бюрократии. Мы показали уже, что эти круги непосредственно либо косвенно инспирируют не только так называемые «общепатриотические» организации («Союз резервистов» и т. д.), но и наиболее мощные и влиятельные антипарламентские реакционно-шовинистические общества («Кокухонся», «Кокурюкай», «Кокусуйкай», «Кэнкокукай» и т. д.). Военщина широко использует в своих целях и антипарламентские организации реакционной мелкой буржуазии, начиная от террористических обществ типа «Дзимукай» и кончая «национал-социалистическими». В реакционно-националистическом движении лидеры военно-бюрократического крыла видят действительные средства укрепления распадающейся социальной базы монархии, борьбы с революцией, подготовки к войне. По военщине и бюрократии равняется и националистическая интеллигенция. Характерно, что именно на эти слои в качестве основных покровителей реакционно-шовинистических организаций указывает в уже цитированной нами статье Дон Гото.

¹ Статья Сухигара помещена в майском номере «Кайбо Дзидзай» за 1933 г.

«Множество,—пишет он,—военных, полицейских и жандармских чинов горячо придерживаются фашизма, усматривая в нем спасительный вал, которому суждено отгородить Японию от марксизма и коммунизма.

Среди профессоров многих университетов числится также немало выдающихся ученых, которые и словом и пером отстаивают идеи фашистского государства и фашистского мировоззрения, стремясь этим путем отвлечь учащуюся молодежь от опасных коммунистических соблазнов».

Однако массовую базу реакционно-шовинистических организаций создают не эти слои, а, во-первых, представители столь многочисленного в Японии слоя мелких и средних помещиков и деревенского кулачества и, во-вторых, реакционные слои городской мелкой буржуазии. Мы показали уже, что обострение классовой борьбы в деревне, выражающееся прежде всего в быстром росте числа арендаторских конфликтов, и экономическая слабость мелкого и среднего помещичьего землевладения толкают мелкопомещичьи слои к организации под реакционными лозунгами восстановления в самом полном виде абсолютной власти военно-полицейской монархии, которая должна, в представлении этих слоев, избавить их от ужасов зреющей аграрной революции и от гнета финансовых концернов и зависящих от финансовых политических партий. За этими помещичьими слоями тянется и деревенское кулачество. Обе эти привилегированные группы деревни уверены также и в том, что если центральная власть будет освобождена от зависимости финансовых концернов и будут расширены права местного самоуправления, в котором решающее влияние принадлежит помещикам, тогда государство сумеет притти на помощь этим привилегированным группам деревни и в деле перестройки, согласно требованиям торгового землевладения, их хозяйства. Экономический кризис 1929—1933 гг., особенно больно ударивший по сельскому хозяйству, способствовал росту этих настроений. Отсюда—то влияние, которое имеют среди привилегированных групп деревни и в мелких городах, где живет большое количество помещиков-абсентеистов, такие организации, как «Кокусуйкай», «Кэнкокукай», организации, находящиеся под руководством Н. Гондо, и различные террористические группировки реакционного лагеря (Тацибана и др.).

Но наиболее серьезную в количественном отношении базу создали себе реакционно-шовинистические организации среди городской мелкой буржуазии: владельцев мелких мастерских, торговцев, лавочников, ремесленников, работающих с несколькими учениками, мелких служащих, приказчиков, мелких чиновников и вышедших из этой среды молодых офицеров, студентов, представителей «свободных профессий» и т. д. Было бы совершенно неправильно думать, что реакционно-шовинистические организации господствуют безраздельно в этой среде,—отсюда черпает часть своих сторонников и революция, параллельно здесь сотни тысяч людей

голосуют еще на выборах за Сейюкай и Минсейто, либо идут на поводу за так называемыми «пролетарскими», т. е. социал-демократическими партиями. Здесь находят для себя почву и революция, и либерализм, и реакция. Но кризис, который с опустошительной силой свирепствует в этих слоях и в равной степени вселяет здесь как ужас перед революцией, так и ненависть к монополиям финансового капитала, должен был толкать все большие группы на путь крайних решений. Резкое падение авторитета парламентских партий, скомпрометировавших себя своей коррупцией, также сыграло определенную роль. Консервативные по своей идеологии, смотрящие назад, а не вперед даже тогда, когда они приходят к выводу о невыносимости теперешнего положения, эти промежуточные социальные слои создали благодарную питательную почву для реакционно-шовинистических демагогов. Политической устойчивости здесь нет, но способности метаться от одной крайности к другой—сколько угодно. Очень значительные слои этих промежуточных социальных элементов продолжают и сейчас с большой опаской или враждебностью относиться к военщине и бюрократии, от которых также ничего другого, кроме новых налогов, ждать не приходится и которые создали себе достаточно широкую известность своей враждебностью ко всему демократическому. Но наряду с этим многочисленные группы этих мелкобуржуазных слоев оказались увлеченными демагогической агитацией военщины и реакционных организаций, легко поддались шовинистическому утару, дали запугать себя рассказами об опасностях, которыми им угрожает революция, и дали вскружить себе голову радужными перспективами, которые откроются перед Японией в случае захвата Манчжурии, Шанхая, советского Дальнего Востока и т. д. и т. п.¹, поверили, что другого выхода из кризиса, кроме войны, нет и быть не может, увидели в лице армии ту «независимую от финансового капитала» и в то же время способную справиться с революцией силу, которую они так страстно призывали. Большую роль в успехе агитации реакционно-шовинистических организаций среди этих слоев сыграло также выдвижение лозунга восстановления в ее первоначальном виде абсолютной власти монархии, ибо в представлении этих слоев допарламентское прошлое Японии идентично с представлением о большей устойчивости и прочности их собственного положения, которое последние десятилетия испыты-

¹ Какими методами военщина завоевывает влияние в мелкобуржуазных слоях, видно например из следующего сообщения японской газеты:

«Квантунские военные круги издавна выдвигали идею о необходимости сотрудничества мелких капиталистов в деле эксплуатации богатств Манчжурии. Недавно в Осака было начато движение за патриотическую эксплуатацию богатств Манчжурии мелкими и средними капиталистами. Центральной фигурой движения является директор Осакской биржи Коси Кийро. Квантунская армия энергично поддерживает это движение. Между Киси и начальником штаба квантунской армии Коисо уже велись переговоры по этому вопросу. Предполагается, что капитал новой компании, которая объединит капиталы мелких и средних капиталистов, достигнет около 100 млн. иен и что она станет центральным органом по развитию промышленности Манчжурии». (Спецкор «Ницзи-Ницзи» из Синьззина от 30 марта 1933 г.)

тывало на себе все возрастающий гнет финансовых монополий. Таковы причины, позволившие «Сейсанто», «Сейгидану», «Нихон Кокуминто», национал-социалистам, организациям С. Окава, И. Кита и др. вербовать в этой среде десятки тысяч сторонников.

Что касается рабочих и основной массы крестьянства, то здесь ни одно из направлений реакционно-шовинистического лагеря не создало себе сколько-нибудь значительной базы. Участие многих сотен тысяч рабочих и в особенности крестьян в таких «общепатриотических» организациях, как «Союз резервистов» и т. д., не является политически решающим фактом, ибо, как показал опыт всех послевоенных лет, при возникновении острых социальных конфликтов в городе или в деревне низовая членская масса этих «патриотических» организаций чаще всего оказывается увлеченной общим революционным потоком. «Принятие» отдельными рабочими и крестьянскими организациями национал-социалистической программы носит чисто верхушечный характер и означает не то, что рабочие или крестьяне, входящие в эти союзы, обсудили и приняли эту программу, а только то, что под этой программой, никого не спросив, расписались профсоюзные бюрократы. Что касается фабричных ячеек, которые имеются у некоторых реакционно-шовинистических организаций («Кокусуйкай»), то в их состав входят обычно конторские служащие, надсмотрщики, небольшие хорошо оплачиваемые группы высококвалифицированных рабочих и небольшое количество люмпен-пролетарских, деклассированных элементов. Национал-социалистические организации работают не столько среди промышленных рабочих, сколько среди мелкой буржуазии. Это и заставляет господствующие классы в качестве своего основного орудия разложения изнутри рабоче-крестьянского движения попрежнему использовать партию «Або и Ассио», содомеевские и подобные им профсоюзные и крестьянские социал-фашистские организации.

Конечно китайской стены между трудящимися и промежуточными социальными слоями не существует, так что реакционные и шовинистические настроения частично распространяются и в рабоче-крестьянском лагере. Это может иметь место вследствие молодости японского рабочего класса, текучести его состава, господства системы «пантернализма» на многих фабриках и заводах, низкого культурного уровня рабочей массы, огромного количества работающих по контракту на несколько лет и полностью зависящих от фабрикантов женщин и девушек среди рабочих, наличия уже сформировавшейся головки рабочей аристократии и наконец вследствие слабой организованности японских рабочих, только семь процентов которых состоит в профсоюзах и значительная часть которых на выборах голосует за буржуазные партии. Пробуждение революционного самосознания рабочих тормозится также трудностью связи с основными массами рабочих для японской компартии и революционных профсоюзов, принужденных работать в глубоком подполье, в то время как широко пользующиеся легальностью социал-фашистские

партии и желтые профсоюзы всей этой агитацией и повседневной практикой из года в год и изо дня в день подготавливали почву для фашизма в рабочей среде, клялись в своей преданности монархии, изображали полицейский арбитраж образцом надклассовой справедливости, воспитывали среди рабочих чувства самого зоологического шовинизма и т. д. Все это конечно не могло пройти бесследно и позволило «национал-социалистам», «государственным социалистам» и т. д., всем этим гг. Акамацу, Симонаки, Цукуи и т. д. захватить в свои руки отдельные рабочие и крестьянские организации.

В последнее время в противовес радикализации масс японская военщина стремится усилить свое влияние среди рабочих и крестьянства на основе громадной работы, продельваемой в этом направлении прессой, «Союзом резервистов», различными «общепатриотическими» организациями, желтыми профсоюзами и т. д., и в отдельных прослойках трудящихся эти усилия военщины остаются не безрезультатными. Так японские газеты сообщали в течение 1932 и начале 1933 г. ряд фактов, когда рабочие отчисляли однодневный заработок в пользу армии (например 23 марта 1933 г. представитель текстильной фабрики «Нисин» передал военведу 60 тыс. иен—пожертвование 6 тыс. работниц и очевидно дирекции фабрики на постройку военного аэроплана; 19 марта 1 600 рабочих Осацкого проволочного завода отработали один день в пользу армии и передали военведу 4 420 иен и т. д.¹). В начале марта 1933 г. желтый союз моряков организовал забастовку на пароходе «Хору-мару», транспортировавшем в Китай автомобили, которые, как предполагается, предназначались Чжан Сюэ-лян, мотивируя это тем, что «Чжан Сюэ-лян является врагом японских войск». Военное ведомство прилагает все усилия, чтобы упрочить и расширить свои связи в рабочей массе, в особенности среди рабочих военных заводов. 30 марта 1933 г. газета «Иомиури» сообщила:

«После манчжурских событий в течение двух лет отношения между военными и широкими массами стали очень тесными, поэтому для обслуживания широких слоев населения военное министерство решило выпустить свою газету. Эта газета в первую очередь будет распространяться среди 300 тыс. рабочих казенных предприятий, а потом среди широких слоев населения. Газета называется «Сила государства» («Куни Но Цикара»). Редакционный отдел будет находиться в военном министерстве. Первый номер выйдет первого мая».

Газета «Иородзу» от 14 апреля 1933 г. сообщала о политической деятельности военщины в рабочей среде:

¹ По сообщению «Кокуцу», всего с начала Манчжурской оккупации до середины апреля 1933 г. «общая сумма пожертвований рабочих организаций на армию достигла 417 тыс. иен».

«Можно наблюдать обострение отношений между правыми и левыми организациями. В последнее время наблюдается постепенное движение в сторону правых организаций. Это движение заметно среди рабочих главных отраслей промышленности, в частности военной промышленности. На этих предприятиях в последнее время возникли организации по воспитанию рабочих в национальном духе. Кроме того эти организации занимаются изучением японского духа и военного дела. Военное ведомство в последнее время занято отправкой лекторов на заводы и высылкой материалов для изучения военного дела».

Всем этим, так же как и агитацией социал-фашистов, объясняется то, что шовинистические настроения охватывают отдельные слои рабочих, что и более широкими слоями еще не изжиты шовинистические настроения. Это создает почву и для работы реакционных и фашистских организаций в их рядах, хотя до последнего времени, повторяем, никаких прочно закрепленных организационных успехов ими в этом направлении еще не достигнуто.

Таким образом центром реакционно-шовинистических организаций является военщина и монархическая бюрократия, а средние и мелкие помещики, кулацкая верхушка крестьянства и реакционный слой городской мелкой буржуазии составляют их массовую базу. Что именно военщина является среди этих сил ведущей, мы уже имели случай показать. Крупная буржуазия использует в отдельных важных вопросах эти организации, ищет контакта с ними на будущее, но еще не ставит ставку на их немедленный приход к власти за исключением отдельных групп буржуазии. В других социальных слоях—среди трудящихся—прощупывается влияние политической агитации реакционных организаций (в первую очередь—по внешнеполитическим вопросам), но нет серьезной организационной базы для них.

Чрезвычайно характерной особенностью японского реакционного движения является его раздробленность. Мы уже упоминали, что в Японии существует в настоящее время более 600 формально независимых друг от друга реакционно-шовинистических организаций. Германский гитлеровский агент в Японии, пишущий под псевдонимом проф. Дон Гато, говорит:

«Фашизм в Японии пока еще не развивается по единому фарватеру, а разбит на несколько, пока еще самостоятельных друг от друга течений, причем каждая из соответствующих партий и группировок преследует свои особенные цели.

Отдельные из этих группировок полностью построены на базисе капитализма, тогда как другие имеют значительно более радикальные в социальном отношении подкладки.

Эти различные целеустремления отдельных группировок

препятствовали до настоящего времени полному объединению всех фашистских партий Японии и облегчали противникам фашизма возможность вести с ними борьбу и даже игнорировать их удельный вес и значение.

Но объединение всех фашистских течений Японии в одно русло должно неизбежно произойти, если только фашизм там действительно претендует на руководящую государственную роль»¹.

Как же в действительности обстоит дело с этим объединением?

До настоящего времени был уже сделан ряд попыток объединения в одну организацию раздробленного реакционно-националистического движения. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в период пребывания у власти ген. Танака, но на практике дело свелось тогда лишь к тому, что лица, возглавляющие различные реакционные организации, вошли также и в правления других близких к ним реакционных организаций, настоящего же объединения не получалось. Новые попытки объединить силы реакции начинаются с возникновения манчжурского конфликта. Толчок, данный росту шовинистических настроений вступлением Японии в войну и политической активизацией военщины, находит также свое выражение и в многочисленных попытках объединить существующие реакционные организации либо создать новые массовые реакционные организации, которые поглотят существующие мелкие общества.

Наиболее энергичные, но пока что все же мало успешные попытки в этом направлении предпринимает так называемое «национал-социалистическое» крыло реакционных организаций. Практически это нашло свое выражение, во-первых, в организации совместных идеологических центров, на которые возлагается задача «разработки теории и юридических основ национал-социализма». Из этих центров наибольшую деятельность в отношении издания литературы, пропагандистской работы и т. д. проявила «Японская лига изучения «госсocialизма» («Нихон Кока Сякай-сюти Гакумей»). Эта лига возникла в апреле 1932 г. В нее вошли представители откальзывавшихся как раз в это время от социал-демократических партий фашистских групп (Акамацу и Симонака), представители старых национал-социалистических организаций (Мицикава, Хаяси, Исикава), представители террористических мелкобуржуазных реакционных организаций (Окава и Кано) и наконец представитель «Сейсанто» в лице Цукуи. Наряду с этой лигой, играющей роль теоретического центра, эти же организации в начале июня 1932 г. решили создать и объединенный политический комитет для координирования выступлений по текущим вопросам. Японские газеты сообщали, что «в целях организации единого фронта по борьбе с опасностью, по-

¹ Проф. Дон Гато, Будет ли в Японии свой Муссолини?, «Харбинское время» от 1 марта 1933 г.

рождаемой безработицей, все представители группировок, стоящих на национал-социалистической платформе, решили создать на продолжительное время боевой союз, который будет руководствоваться двумя требованиями: а) облегчения бедственного положения населения, б) немедленного признания «Манчжоу Го». В обращении совещания этих группировок к населению говорится, что «кабинет Сайто не располагает достаточными силами и не в состоянии вывести страну из безвыходного тупика, в котором она очутилась, и тем более создать новую Японию»¹.

Осенью 1932 г. были сделаны попытки дальнейшего объединения. «Токио Ничиро» сообщала в начале ноября 1932 г., что

«...японская национал-социалистическая партия, возглавляемая г. Кацумаро Акамацу, все ближе подходит к идеологии фашистских партий».

В «Сейсанто» и «Симбукай» в последнее время поднят вопрос о необходимости объединения всех трех партий в одну фашистскую партию».

Однако на деле эти попытки не привели к созданию единой национал-социалистической партии, и все перечисленные здесь организации не только продолжают существовать раздельно, но даже созданный ими «на продолжительное время» объединенный политический комитет фактически распался. Эта трудность объединения внутри даже одного только национал-социалистического крыла реакционного движения объясняется очевидно тем, что все эти организации тесно связаны с инспирирующими их различными кликами военного и политического мира, где в силу острых противоречий, порожденных кризисом и войной, также нет единства, а, с другой стороны, очевидно нет и желания способствовать объединению национал-социалистических элементов, которые полезно использовать в разбивку, но которые могут причинить неприятности, если объединятся, окрепнут и будут продолжать опасную игру с демагогическими лозунгами.

Более успешные попытки объединения были сделаны со стороны того крыла реакционно-шовинистического движения, которое возглавляется М. Тояма—Р. Уцида. С идеей объединения они выступили первые. Еще в марте 1931 г. по их инициативе был создан «Всеяпонский совет объединенной борьбы патриотов» («Дзеннихон Айкокуся Кию Тосокиокай») — ассоциация, в которую вошли, сохраняя однако свою организационную самостоятельность, 10 различных реакционно-шовинистических организаций, принадлежащих как к лагерю Тояма—Уцида, так и к лагерю С. Окава. Возглавлял этот совет Цукуи. Совет повел сначала довольно широкую агитацию «за разрушение обеих политических партий и финансовых клик», «против классовой борьбы», «за разрешение манчжурского вопроса» и т. д., издавал газету «Кемин Симбун», но очень быстро выдохся, не сумел расширить

¹ «Ничиро Цусин» от 11 июня 1932 г.

своего влияния, а после событий 15 мая не проявил больше особой активности. Однако если организация этого совета не привела к ощутимым результатам, то большего успеха добился Р. Уцида созданием «Сейсанто». На деле эта партия объединила членскую массу почти всех организаций, находившихся раньше под руководством «фуюкской тройки», и известное количество членов из различных «диких» местных реакционных обществ и просто черносотенных банд, находящихся на жаловании отдельных фабрикантов, полиции и т. д.

Что касается «Кокухонся» и других реакционных организаций, находящихся под руководством бюрократии, то с их стороны никаких попыток объединения реакционного лагеря не делалось. Уже цитированный нами гитлеровец Дон Гато делает руководителю «Кокухонся» Хиранума упрек, что—

«...до тех пор, пока почтенный виконт Хиранума будет оставаться в своем сравнительно малочисленном партийном окружении и не будет ощущать за своей спиной объединенного движения широких фашистских масс, ему будет невозможно отодвинуть в сторону обе господствующие политические партии Японии—Сейюкай и Минсейто, все еще пользующиеся громадным влиянием».

Не трудно однако понять, что в этом воздержании Хиранума от создания «объединенного движения широких фашистских масс» есть вполне определенный смысл. Представляемое бароном Хиранума бюрократическое крыло японской реакции инстинктивно опасается всего, что пахнет «массами», и, прекрасно зная, насколько обострены социальные отношения в стране, избегает пользоваться демагогическими лозунгами, «без которых невозможно создать объединенного движения широких фашистских масс». Хиранума и другие бюрократы могут примириться с необходимостью мобилизовывать мелкобуржуазные массы под «фашистскими» лозунгами, но они предпочитают, чтобы эти «массы» были организованы в таких формах, которые облегчают подчинение их контролю сверху.

Эти же соображения, хотя и в иной форме, прощупываются и в объединительных начинаниях военщины. Как мы уже показали выше, лидеры военщины отнюдь не отказываются от использования любой реакционной организации, к какой бы демагогии она же прибегала в своих целях, т. е. в целях укрепления и расширения контроля армии над государственным аппаратом. К своим антипарламентским заговорам военщина привлекала уже и организации Уцида, Окава и Акамацу. Однако, когда встает вопрос о создании массовых организаций, лидеры военщины предпочитают не передоверять руководства этими организациями даже самым испытанным из своих союзников, а берут дело в собственные руки. Так они очень ревниво следят за тем, чтобы самая мощная и массовая из этих организаций—«Союз резервистов»—

была охранена от вмешательства в ее внутреннюю жизнь со стороны национал-социалистических и тому подобных элементов. В частности, когда Нисида и другие последователи Кита Икки попробовали развернуть работу внутри «Союза резервистов», то головка военщины нисколько не возражала против полицейских репрессий по отношению к этой группе, несмотря на то, что и раньше и позже эта группа привлекалась лидерами военщины к различным политическим комбинациям. В равной степени военщина, приступая сейчас к созданию массового «Общества обороны страны», ведет дело таким образом, чтобы полностью гарантировать свою руководящую роль в этом обществе¹. Это стремление во что бы то ни стало монополизировать руководство политическими организациями выступило еще более ярко в созданном по инициативе военщины «Обществе возвышенной этики» («Мейринкай»).

По своим политическим установкам это общество ничем не отличается от «Кокухонся», и единственное оправдание его возникновения состоит в том, что лидерам военщины понадобилась организация, в которой они не будут делить своего руководящего влияния ни с кем, в том числе даже с бюрократами типа Хиранума. Это общество было создано в мае 1932 г., и во главе его поставлен был ген. К. Танака, бывший начальник разведывательного отдела генштаба и военный представитель Японии на Версальской и Вашингтонской конференциях. Общество развернуло свои местные организации уже во всех крупных центрах страны и ведет вербовку членов из числа офицеров запаса и действительной службы, актива «Союза резервистов», видных политических и административных работников наиболее реакционного лагеря. Задачей общества является создание крупной политической организации непосредственно под руководством военщины. Общество заявило в своих декларациях, что оно будет бороться за сосредоточение руководства страной в руках военных—единственной силы, способной осуществлять волю императора,—за реорганизацию парламента для борьбы со злоупотреблениями со стороны политических партий и конечно за осуществление лозунга «Азия для азиатов».

В этом стремлении со стороны лидеров военщины удержаться за собой руководство реакционно-шовинистическим движением ска-

¹ Недавно японские газеты сообщили о возникновении новой политической организации «Коодоокай» («Общество императорского пути»), создание которой еще раз подтверждает, что военщина никому не намерена передоверять руководство массовым движением. Это общество объединило в себе местных резервистов и членов правых групп крестьянских организаций.

«В состав руководящего органа этой организации вошли главным образом высшие чины кор уса офицеров армии и флота. Политическими лозунгами этой новой организации являются:

«Ликвидация недостатков и вредных сторон существующих политических партий».

«Установление справедливой политики».

«Долой Коминтерн».

«Пополнение средств и помощь государственной обороне» и т. д. («Кокуду» от 4 апреля 1933 г.) Газеты называют руководителем этого общества генерал-лейтенанта Тодороки Моризо, а среди членов правления—национал-социалистов Симонаки и Хиранаи.

зывается не только кастовый или корпоративный дух офицерства, хотя конечно и этот мотив играет известную роль. Но основой этой тактики или, если угодно, «организационного принципа» является другое: уверенность, что именно армия с ее прочной организацией сумеет лучше чем кто бы то ни было другой подчинить себе и удержать под своим контролем мобилизуемые под демагогическими лозунгами массы, пресечь в зародыше всякие попытки реализовать те утопические лозунги, которыми ей приходится агитировать, но которые в действительности предназначены не для их осуществления, а лишь для маскировки и расширения базиса старой монархической системы и более выгодного для военщины, бюрократии, помещиков распределения доходов и власти внутри лагеря господствующих классов, между различными его группами и организациями.

Все эти, охарактеризованные нами выше моменты сделали действительное объединение всего реакционно-шовинистического лагеря в единую мощную политическую партию невозможным. Даже попытки объединения делались до сих пор не по отношению ко всему реакционно-шовинистическому движению, а раздельно: по водоразделу тех двух потоков, о которых мы говорили выше. Однако и эти попытки до сих пор были безуспешны. Трудно предсказать, как будет обстоять дело в дальнейшем. Но можно указать на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое будет и дальше затруднять это объединение, несмотря на то, что армия остается тем политическим центром, вокруг которого на практике группируются все реакционно-шовинистические течения. Этим затрудняющим объединение обстоятельством является неизбежное в условиях продолжающегося кризиса дальнейшее обострение классовой борьбы между господствующими классами и трудящимися массами, неизбежное усиление нажима со стороны привилегированных классов на промежуточные социальные слои и столь же неизбежное обострение противоречий из-за доли в общем доходе между различными группами самих господствующих классов, в первую очередь между представителями ренты и прибыли. При этом, чем ближе подходит военщина к полному осуществлению своего плана бесконтрольного руководства государственным аппаратом, тем труднее становится ей выступить в качестве силы, объединяющей весь реакционно-шовинистический лагерь. Ибо из выгодной в демагогических целях позиции критиков правительства военщина становится на позицию силы, отвечающей полностью за действия правительства. А действия эти, конечно обусловленные самим классовым характером власти, никак не могут удовлетворить даже самых скромных требований промежуточных социальных слоев и мобилизованных под фашистскими лозунгами масс. Поэтому в ближайшее время надо ожидать не сплочения, а, наоборот, углубления расхождений внутри реакционно-шовинистического лагеря. Симптомы этого можно подметить уже сейчас.

Мы уже писали, что группа Хиранума при всей остроте кри-

тики, которую она направляет по адресу парламентских политических партий, старается не терять возможности сговора с ними и в то же время избегает выставления демагогических лозунгов, могущих отпугнуть от нее влиятельные группы буржуазии. Именно это имел в виду и сам Хиранума, когда он в одном из своих выступлений в апреле 1932 г. старался доказать, что общество «Кокухонся» — это отнюдь не фашистская организация.

«Фашистская пропаганда, — сказал он, — развивается во всех странах. Но Япония преследует свои собственные цели. Эти цели есть высший путь добродетели. Наше общество положило их в основу, и эти цели не имеют никакого отношения к мировому фашистскому движению».

Мы показали, что подобные мысли характерны и для головки военщины. До известной степени прав был поэтому японский журналист, который писал осенью 1932 г.:

«В военных кругах начали редеть ряды сторонников теории Хиранума о кабинете правления (пропуск цензуры)... Наоборот, появились люди, замышляющие блок Хиранума с Судзуки; это явление указывает пожалуй нам истинное направление мыслей военщины. Думается, что пресловутое фашистское движение уже ликвидировано руками самих военных»¹.

Характерно, что среди офицерской молодежи причину неудачи попытки военного переворота 15 мая видели не только в контрмерах, предпринятых правительством, но и в колебаниях верхушки самой военщины. Дело в том, что сам Араки, находившийся под давлением Верхней палаты и морского министерства, действовал нерешительно. В то время как готовилось убийство Инукаи и другие террористические акты, Араки пытался при формировании правительства остаться на почве легальности и получить санкцию императора. Однако, как известно, выставляемый группой Араки план создания надпартийного кабинета Хиранума был провален. Союз молодых офицеров потребовал после этого более решительных мер, но Араки уклонился, и тогда, согласно одному сообщению, 20 мая группа молодых офицеров пыталась убить самого Араки. Надо иметь в виду, что в среде военной партии с начала мая 1932 г. начало оформляться течение недовольных политикой Араки в манчжурском вопросе и в Собственно Китае, так как, по мнению этой группы, Араки следует советам Сайондзи и считает, что основной силой движения должны быть резервисты, а армия активно не должна вмешиваться в непосредственные политические выступления, которые, как думал Араки, грозят подорвать армейскую дисциплину. Разочарование в Араки еще более усилилось, когда он уступил давлению Верхней па-

¹ Баба Дзюго, Перспективы политической ситуации в Японии, «Кайдзо», октябрь 1932 г.

латы, морского министра и двора в вопросе о создании правительства Сайто и в особенности: когда он под тем же давлением дал согласие на аресты среди молодых офицеров—участников террористических актов 15 мая.

Когда стало известно о переговорах между военщиной и парламентскими деятелями накануне августовской сессии парламента 1932 г., то из среды «Союза молодого офицерства» и «Сейсанта» раздавались голоса угроз по адресу Араки и Хиранума. Среди этой офицерской молодежи есть немало людей, которые искренне верят, что армия действительно может освободить страну от произвола и гнета финансовых монополистов и спасти от разорения мелких хозяйчиков и крестьян. Надо иметь в виду, что политическое развитие этой офицерской молодежи большей частью ограничено той требухой о божественности государственной власти, об ее единении с народом, о великой миссии Японии, которой с детства набиваются мозги японского школьника. Весьма возможно, что тот офицер, который, вернувшись летом 1932 г. с фронта в Токио, заявил по адресу «капиталистов»: «Господа, мы очистили Манчжурию, а теперь мы готовы очистить столицу»,—искренне верил в то, что эта задача действительно по силам армии. Весьма возможно, что в реальность своих планов верили и те молодые офицеры, декларацию которых о конфискации части капиталов крупнейших финансовых концернов на покрытие манчжурских военных расходов оглашал Араки на заседании Совета министров, конечно возмутившегося «большевистскими требованиями» молодых офицеров. Но если это действительно так,—если есть среди молодых офицеров люди, искренне верящие в надклассовую роль армии,—то тем более жестоким будет предстоящее им разочарование в их кумире—«железном человеке Садао Араки» и во всей его демагогии.

В еще более яркой форме эти настроения недовольства и разочарования в политике своих лидеров выразил арестованный в августе 1932 г. глава фашистской заговорщической организации «Симбукай» (ставивший себе целью убить премьера Сайто, министра финансов Такахаси и некоторых других членов правительства), заявивший:

«Наши товарищи во время событий 15 мая ставили на карту свою жизнь, и какой же из этого получился результат? Мы смогли свергнуть кабинет Инукаи, но был организован кабинет Сайто, который под именем единого национального кабинета получил поддержку Минсейто и Сейюкай. Однако кабинет Сайто ничего за это время не сделал. Между тем манчжурские события и международные отношения все больше усложняются, финансовое положение страны все больше ухудшается, мелкие и средние промышленники и торговцы находятся в чрезвычайно трудном положении, крестьянство очутилось на краю бездны, безработица в городе и деревне растет. Наши товарищи, которые ставили

на карту свою жизнь, не стремились к таким результатам. Можно ли допустить при таком положении дальнейшее существование кабинета Сайто?»¹

В дальнейшем это разочарование еще усилилось под влиянием например таких фактов, как арест в январе 1933 г. восьми руководящих работников организации Тацибана «Айкодзюку» только за то, что они «пытались подать прошение непосредственно императору с просьбой освободить из тюрьмы лиц, арестованных по делу об убийстве премьера Инукаи»².

Из всего этого вытекает и ответ на вопрос о том, какая из реакционно-шовинистических организаций имеет наибольшие шансы на то, чтобы стать «центральной организацией движения», как говорят в Японии, в частности—наибольшие шансы на приход к власти в условиях, когда большие внешнеполитические или внутренние осложнения заставят буржуазию вступить на путь высокой диктатуры. В нынешней обстановке это может быть только та организация, которая, с одной стороны, тесно связана с военщиной, а с другой стороны, пользуется политическим весом в глазах буржуазно-помещичьих кругов и связанных с ними бюрократических слоев. Этим требованиям полностью удовлетворяют только две организации: «Кокухонся» барона Хиранума и «Кокумин-Домей» г-на Адаци. Обе эти организации не массовые, но они годятся для того, чтобы противопоставить их в глазах масс скомпрометировавшим себя парламентским политическим партиям. Однако и эти организации могут быть участниками власти только в правительстве, где первая роль будет принадлежать непосредственно самой военщине. Весьма вероятно также, что, создавая такой «национальный кабинет», буржуазия постарается застраховать свои интересы включением в этот кабинет представителей фракций Судзуки или Кухара. Только очень большой подъем революционного движения внутри страны может принудить господствующие классы пойти еще дальше и привлечь к участию во власти те организации, которые специализировались последний год на спекуляции социально-демагогическими лозунгами. В таком случае речь может идти о «Сейсанто» Р. Уцида или «Кока Сякайто» Акамацу. При нынешней обстановке реальность этого однако незначительна.

¹ «Иомимури» от 16 августа 1932 г.

² «Асахи» от 17 января 1933 г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Садао Араки

ЗАДАЧИ ЯПОНИИ В ЭПОХУ СИОВА

Введение

В результате своей великой экспедиции основатель императорской династии Дзимму построил первый императорский дворец в Кавасибара в районе Ямато (теперь префектура Нара) и торжественно установил основание государства и принцип верховной власти.

С тех пор императорская линия в течение 124 поколений непрерывно продолжалась и основание государства с каждым годом укреплялось. Великое дело японского народа (народа Ямато) с каждым годом процветает под отеческим руководством ряда императоров.

С глубоким чувством и гордостью мы вспоминаем блестящую 3 000-летнюю историю государства.

Особенно при императоре Мейдзи, который взял на себя великую задачу руководить народом нововосстанавливающегося государства, народом, слава которого гремит по всему земному шару, — национальный дух, долгое время находившийся в скрытом состоянии, наконец показал свою действенность и живую энергию.

Императорское государство — Япония, так гигантски возвышающаяся над облаками города Фудзи, является великой фигурой для мира. Стоя перед этой фигурой, мы не можем не почувствовать еще большей гордости и бодрости.

Однако за последнее время в Японии появилась часть народа, которая забывает сущность собственного национального духа и духа нашего государственного строя, в нее легко проникает легкомысленная иностранная идеология, среди которой все более заметной становится тенденция к погоне за скоропреходящим весельем. Больше того, с каждым годом постепенно уничтожаются характерные особенности японского народа: простота, смелость и т. д.

Такое положение безусловно является результатом недопонимания и глупости. Процесс ухудшения народного духа протекает быстро, и направить его на путь добродетели чрезвычайно трудно. Тем более преступным является молчание компетентных лиц в то время, как они слышат проклятия по адресу великолепного государственного строя хотя бы и от небольшого числа людей.

Мы ни в какой степени не сомневаемся в искренности японского народа, имеющего 3 000-летнюю историю, и в правильности основ

государственности, которые должны быть вечны, как небо и земля. Но нам нужно постоянно придерживаться правила: «Будь готов к самому худшему и делай для избежания этого худшего все возможное».

Выражая здесь свое мнение о задачах Японии в эпоху Сиова, я не думаю совершить этим какой-либо коренной переворот. Я думаю только о пользе, которую оно может принести хотя бы в небольшой степени.

Ошибочная философия об отсутствии различий

Буддисты проповедуют мысль: «В природе нет различий». По их мнению, там, где нет различий, существует так называемый «искренний свет». Но этот «искренний свет» означает «свет пустоты», т. е. «свет нигилизма». Однако разве сущностью современности является нигилизм? Иначе говоря, разве может существовать нигилизм в ограниченном свете? С этой точки зрения большому сомнению подлежит правильность философии об отсутствии различий.

В сущности нет ничего из существующего в космосе, что не имело бы своей цели: и у солнца, и у луны, и у бесчисленных звезд, и у земного шара — у всех имеется определенная цель. Это же можно сказать и о нашем мире: как у человека имеются характерные для него человеческие свойства и особенности, так и каждое животное, каждое растение имеет свои свойства.

Только там, где существует различие, там создается достоинство.

Считая здесь лишним сравнивать человека с животными, возьмем для примера хотя бы собаку. Лягавая и пудель, и та и другая — собака. Но ведь существует большое различие между ними: в то время как пудель ценен только для забавы, лягавая собака является охотничьей и сторожевой. Но если лягавую собаку и пуделя в течение нескольких поколений мы поставим в одинаковые условия воспитания, обстановки, пищи и т. д., то разница в их особенностях исчезнет.

То же самое мы имеем и в мире человека. Если здесь не существует большого различия между людьми в отношении внешности, то все же существуют различия, определяемые расовой принадлежностью и национальностью.

У нас, у японцев, имеются свои свойства и своя цель, а у китайцев свои особенности. Такие же различия имеются и среди других государств. Только тогда, когда народы различных стран знают свои особенности и искренно добиваются достижения своих целей, только тогда наступит рай на земле.

Поэтому мы, японцы, должны иметь достаточное представление о своих свойствах и целях и соответственно этому направлять наши действия. Идея об отсутствии различий не может быть нами признана. Мы верим, что только стоя на точке зрения абсолютного различия, мы придем к человечеству, среди которого не будет различий. Помимо этого пути нет другого, по которому мы могли бы пойти.

Осознание себя как японцев

Международное положение сейчас вызывает много беспокойств ввиду открытого антагонизма между странами, угнетения слабых более сильными и мирового экономического кризиса, приводящего хозяйства различных стран к хаотическому положению.

С другой стороны, внутри страны все еще имеются легкомысленные выступления эгоистичных заграничных идей, чем усиливается общественное беспокойство.

В данное время, чреватое разного рода событиями, мы находимся лицом к лицу с небывало серьезным положением. Как мы должны относиться к этому положению?

О том, что мы должны иметь бодрость,—говорить здесь не нужно. Однако одной бодрости недостаточно. Надо прежде всего иметь прозорливое «осознание». Прежде чем предпринимать ряд мер внешнего и внутреннего порядка, надо предварительно тщательно их исследовать. А тем более неотложным для нас делом является осознание самих себя.

Не осознавая самих себя, мы не можем предпринимать правильных мер. Основным является то, что все должно исходить от нас самих. Если мы будем забывать об этом основном неперменном условии, то бессознательно будем впадать в иллюзии или в ересь. Вот именно поэтому мы должны открыто говорить: «Всякие изучения должны исходить из самоосознания». Прежде чем приступить к изучению того или иного вопроса в столь небывало тяжелом положении, надо твердо осознать: «Я—японец». Изучать те или иные вопросы без самоосознания—это значит мерить без меры.

Возьмем один пример—нынешнее манчжурское положение. Почему возникли манчжурские события и в чем их сущность—это должен понимать весь народ.

Когда ставится вопрос о причинах манчжурского инцидента, то каждый японец ищет их в незаконном нарушении Китаем договоров, в недопустимом игнорировании им международных обычаев и в несправедливом посягательстве на приобретенные Японией права и интересы.

Бесспорно, что все это является поводами происхождения инцидента, но, откровенно говоря, этот инцидент вырос не на таких мелких вопросах. В основе его лежит коренной вопрос. Что же это такое? Это—оскорбление Китаем Японии.

Однако могут сказать, что не только один Китай, но почти весь мир пренебрежительно относится к настоящему положению Японии.

Какая позиция была занята Китаем вскоре после возникновения манчжурского инцидента? Характерны настроение ряда государств, входящих в Лигу наций, против Японии в связи с инцидентом!

В Китае произвольно игнорируются договоры, которые надлежит строго соблюдать по международному публичному праву. Там постоянно нарушаются законно приобретенные Японией права и интересы. К тому же там проводятся такие антияпонские дей-

ствия, что даже в учебниках для начальных школ откровенно пишется против Японии. Совершенно понятно, что Япония рано или поздно должна была выйти из терпения.

Действия Японии ни в чем не противоречат принципам справедливости.

Забывая свою основную задачу—действовать на началах справедливости, Лига наций в течение долгого времени пыталась отклонить и осудить справедливые требования и действия Японии. В конечном счете стало ясным, что пренебрежение по адресу Японии стало крупным течением мирового масштаба.

На вопрос, откуда получилось такое положение, ответ прост. Оно получилось оттого, что японцы сами забыли свою национальную гордость, забыли свои убеждения и потеряли самоосознание. Оно получилось оттого, что японцы утонули в легкомысленной заграничной идеологии, унизив свой престиж перед всем миром. Надо сказать, что является совершенно естественным то, что они оказались оскорбленными рядом держав и Китаем.

Поэтому не только для того, чтобы выработать контрмеры в отношении Манчжурии и Монголии, но и для того, чтобы показать всему миру свою блестящую сущность, нам нужно, чтобы у всего народа были разбужены убеждения и идеалы императорской армии, чтобы народ имел решимость идти под еще большим прицелом, избегая отдельных прагматических идей.

А иначе даже в том случае, когда манчжуро-монгольский вопрос будет разрешен удовлетворительно для Японии, перед нами будет стоять вопрос: неужели это положение еще долго продолжится?

Значительная часть народа удовлетворена только превращением Манчжурии и Монголии в японскую колонию экономического значения. Но я уверен в том, что от такого легкомыслия нам не только ничего не следует ожидать, но даже в недалеком будущем будем иметь события больших масштабов и значения, чем настоящие события.

С такой точки зрения нам кажется, что континентальная теория, которая до сих пор имела место в Японии, оказывается бессодержательной.

Думаем, что при рассмотрении и установлении японской политики в отношении континента личные интересы должны быть отодвинуты на второстепенный план. В японской континентальной политике должен быть взят более высокий прицел. Экономическое развитие Японии в Манчжурии и Монголии является в конечном счете только второстепенным делом. Поскольку развитие на континенте нужно для спасения Японии, для спасения Востока и для спасения мира, нам нужно теперь иметь чрезвычайную решимость.

Но для этого надо иметь прежде всего самоосознание: «Я—Японец».

Мысли о японском духе

Тайной победы на войне является знание себя и противника. Это основной принцип, который применяется ко всему. Не зная

себя, ничего не можешь знать.

Я думаю, что для того, чтобы Япония могла избежать ее настоящего затруднительного положения, нет другого средства, кроме того, чтобы весь японский народ решительно и полно осознал себя японцем. Только тогда развитие Японии получит достаточный размах, когда это самоосознание будет достигнуто.

Но что должно быть конкретными объектами этого самоосознания японцев? Что является основными отличительными чертами Японии? Это не что иное, как великий идеал, представляемый тремя регалиями японской династии: яшма, зеркало и меч, которые были даны Аматаераомиками при создании японского государства. Как всем японцам известно, эти три регалии являются прообразом:

зеркало—справедливости,
яшма—милосердия,
меч—смелости.

Именно справедливость, милосердие и смелость, представленные тремя регалиями японской династии, являются основным идеалом Японского государства, путь которого указывался императорами. Это так называемый настоящий «императорский путь». Японская история представляет из себя не что иное, как осуществление этого пути. Сохранить этот путь, прославить его—является долгом японского народа как верного подданного его величества.

Основная сущность японского государственного строя заключается в единении высшего с низшим, монарха с народом. Тем самым становится ясной цель японцев, которая сводится к тому, чтобы прославлять величие императора, для этого же следует общественное благосостояние ставить выше частного, личного.

И тогда, когда японский народ усвоит этот настоящий национальный дух и осознает свою истинную цель, естественно, что будет усиленно развиваться и он сам.

Настоящее затруднительное положение не может быть ликвидировано до тех пор, пока японский народ не будет воодушевлен желанием реализовать с максимальной решимостью свой великий идеал мирового значения. Без этого воодушевления невозможно ни коренное разрешение манчжуро-монгольского вопроса, ни континентальной политики.

Все это подтверждается такими историческими фактами, которые имели место, начиная с эры Мейдзи, как японо-китайская, японо-русская и японо-германская войны, торжественно проводившиеся под этим великим идеалом. Позиция Японии тогда была признана всем миром. На этой основе создалось величие Японского государства, выросла и увеличилась его сила. Если бы эти войны проводились Японией на основе эгоистичных интересов, если бы они носили разбойничий, грабительский характер, тогда по всей вероятности Япония была бы объектом упреков со стороны всех государств мира и в конце концов попала бы в затруднительное

положение, граничащее с безвыходным. Германия во время последней европейской войны является живым доказательством этому.

С самого начала истории превосходство Японии заключалось в том, что зло и несправедливость никогда не руководили ее действиями, никогда не заменяли высокой нравственности ее поступков.

Теперь однако есть основание для беспокойства, так как среди народа имеется группа людей, численно хотя и незначительная, но которая, будучи захваченной иностранной радикальной идеологией и следуя теории марксизма, иногда забывает честь Японии, ее цели и свой долг. Есть также люди, которые ведут себя к гибели, предаваясь лени и покою при отсутствии идеалов и сознательности.

Здесь не нужно будет говорить о том, что теория материализма, не признающая духовных функций человека, превращающая его в машину, лишаящая его идеалов и свободы, превращающая его в раба общества,—является вредной для здорового общества.

Мы, верящие в японские традиции и японский дух, сильно желаем того, чтобы весь японский народ немедленно пробудился от дурного сна и, объединяясь под великим идеалом, стал бы апостолом-проповедником высокой императорской нравственности.

Япония и мир

Теперь рассмотрим внешнюю позицию Японии.

С тех пор как Япония, начиная с эпохи Мейдзи, показала всему миру свое действительное, искреннее лицо, она все время действовала на основе справедливости и имела решимость прибегать к реальной силе, жертвуя собой в пользу мира. Она никогда не колебалась в деле уничтожения зла. В результате этого она стала одной из трех крупнейших держав мира.

Оказать величю императора поддержку—это значит реализовать великий идеал Великой Японии. Для этого японский народ напрягал все свои силы, так как у него горело великое самосознание как японского народа.

Однако за последнее время это сильное национальное воодушевление постепенно падает, даже, можно сказать, находится в резко упадочном положении.

Для примера возьмем распространение в обществе легкомысленной идеологии. Капиталисты заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь; политики часто забывают общее положение страны, увлекаясь интересами своих партий; служащие и учащиеся забывают свой долг, предаваясь увеселениям и утехам.

Словом, можно сказать, что всюду имеется легкомысленное течение, эгоизм, исключаяющий бодрость, честь и идеал. Кто может не беспокоиться о будущем государства, думая о дальнейших результатах такого положения? Да ведь этот вопрос не

только будущего. Ведь признаки бедствия вырисовываются уже теперь.

В действительности ведь имеется крупный печальный факт изоляции Японии в ее международном положении, — и японский народ должен знать, что, до тех пор пока он не оставит свое равнодушие, Япония будет постоянно подвержена этому положению изоляции.

Изучить причины такого положения является неотложно необходимым. Они просты. Они заключаются в том, что японцы забыли свое национальное самосознание, забыли правильное представление об императорской Японии.

Что же может остаться от Японии, когда забывается великая душа государства, когда оставляется национальная гордость? То, что Япония является сейчас объектом пренебрежения со стороны всего мира и получила оскорбление от Китая, в конечном счете случилось по вине самой Японии. Надо хорошо понять, что отсюда произошли и манчжурский инцидент и атака на Японию со стороны государств, объединенных Лигой наций.

Повторяю, нынешний манчжурский инцидент возник не на основе таких мелких вопросов, как игнорирование договоров или посягательство на права и интересы Японии. Основной причиной инцидента является оскорбление Японии Китаем. Лига наций не могла отличить справедливости от несправедливости, что привело в результате к тому, что и она оскорбляет Японию. Таким образом должно быть ясно всякому, что непосредственной причиной изоляции Японии является оскорбление, полученное ею от всего мира, и что это случилось по вине самой Японии.

Японский народ должен понять это отчетливо. Он должен также понять и то, что, только усвоив эту истину, он может избежать имеющиеся затруднения.

При наличии такого положения манчжурский инцидент является для Японии случаем, данный богом. Надо признать, что бог забил во все колокола, чтобы тем самым разбудить японский народ.

Мы никоим образом не придерживаемся пессимистического взгляда в отношении современного затруднительного положения. Мы твердо верим в то, что настоящее международное положение быстро улучшится для Японии, если японский народ возродится из великой души Японского государства и покажет себя как японский народ. При этом условии скоро придет время, когда весь мир радостно встретит императорскую нравственность.

Настоящее положение Восточной Азии

Наша «императорская нравственность», являющаяся воплощением сочетания истинной души Японского государства с великим идеалом японского народа, должна проповедываться и распространяться по всему миру. Все препятствия, стоящие на пути этого дела, должны решительно уничтожаться, не останавливаясь перед применением реальной силы.

Здесь нам придется предварительно рассмотреть настоящее положение в Восточной Азии, так как наши мероприятия устанавливаются прежде всего в соответствии с условиями непосредственно граничащих с нами государств.

Спрашивается: какое положение в Восточной Азии в настоящее время?

В Китае уже в течение 20 лет непрерывно господствует беспорядок, там до сих пор нет даже центрального правительства и нет самой сути государства.

В Индии под гнетом Англии страдает более 300 млн. человек, и она теперь лицом к лицу стоит перед серьезным кризисом.

Как в Средней Азии, так и в Сибири не найдется даже одного куска свободы. И Монголия тоже как будто превратилась во вторую Среднюю Азию. Таким образом на континенте Восточной Азии кроме Японии самостоятельным государством является только Сиам.

При наличии такого положения является непозволительным умалчивать и упускать из виду Японию, которая является самым сильным государством в Восточной Азии и у которой не только имеется соответственно этому действительная сила, но также и историческая миссия спасти ряд государств Восточной Азии. Япония должна решительно встать во имя справедливости, хотя бы и была реальная угроза разорения отечества. Во всяком случае нам нужно решительно бороться за правду.

Говорят, что Англия—страна джентльменов. Если это так, то почему национально-освободительное движение в Индии все более обостряется из года в год? В Америке выставляется эмблема гуманности и справедливости, но чувствуется ли это в ее внешней политике по отношению к Панаме, Кубе, Мексике и ряду стран Средней и Южной Америки? При рассмотрении и других государств, действующих на международной арене, мы видим, что нигде нет императорской нравственности.

Различные страны Восточной Азии являются объектами гнета со стороны белой расы.

Разбуженная императорская Япония больше не может позволить произвол белой расы. Миссией Японии является борьба со всеми действиями, несовместимыми с императорской нравственностью, от каковой бы страны эти действия ни исходили.

В этом смысле Япония не может упускать из виду ни одного случая беспорядка, возникающего в том или другом пункте Восточной Азии. Так как нарушение мира абсолютно несовместимо с великими идеалами императорской Японии, нужно всегда иметь необходимые приготовления и решимость сразу же устранять такие беспорядки, хотя бы и пришлось для этого прибегать к реальной силе. Мы уверены, что, пока существует такая решимость и действительные силы, мы можем ожидать мира.

Нам очень жаль, что Китай до сих пор не понимает искренности Японии и напрасно прибегает к помощи Европы и Америки, что он все еще продолжает играть в техническую дипломатию, становясь с каждым годом во все более невыгодное для себя положение.

Поверхностным взглядом или сознательным искажением действительности является представление о том, что Япония является милитаристической страной и проводит агрессивную политику. У Японии нет других намерений, как всеми силами реализовать свой основной идеал—сохранение мира.

В манчжурском инциденте Япония прибегла к вооруженной силе. Но это означает, что Япония взяла в свои руки меч для того, чтобы спасти многих, принеся в жертву одного.

Важность манчжуро-монгольского вопроса

Здесь не следовало бы говорить о важности манчжуро-монгольского вопроса, так как после возникновения инцидента она была всесторонне разъяснена и стала хорошо известной народу. Но здесь нужно заострить внимание на то, какой простор для распространения императорской нравственности представляют Манчжурия и Монголия.

Манчжурия и Монголия служили ареной японо-китайской и японо-русской войны, где погибло около 100 тыс. человек и было израсходовано около 2 млрд. иен государственных средств. Там живет около 1 млн. человек наших соотечественников (из которых 200 тыс. японцев и 800 тыс. корейцев), туда вложено более 1 500 млн. иен капиталов. В вопросах регулирования населения, продовольствия, сырья для тяжелой промышленности и наконец государственной обороны существование Японской империи тесно связано с Манчжурией и Монголией. Бесспорно разрешение этих вопросов очень важно, но в конечном счете они являются второстепенными вопросами.

Мы считаем манчжуро-монгольский вопрос важным потому, что, если мы не установим прочно своего престижа в Манчжурии и Монголии, мы никак не сможем распространить великие идеалы, развивавшиеся на протяжении 3 000-летней истории Японии. Япония не должна удовлетворяться только собственным расцветом, свои идеалы она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру.

Настоящее же положение на Дальнем Востоке и положение во всем мире диктуют Японии необходимость выступления. Думаю, что в этом смысле имеет большое значение манчжурский инцидент. Япония уже сделала по указанию бога первый шаг вперед. Там, куда императорская армия направлена, где действует реальная сила ее, сохраняются мир и спокойствие. Императорская армия даром не употребляет оружия. Мир и справедливость заставляют ее принимать за меч, ибо это является необходимым средством реализации ее идеалов.

Если спросить, чьей территорией является Манчжурия,—территория ли это Китая, территория ли это России, или же она является самостоятельным государством,—очевидно, никто в мире не сможет дать на этот вопрос точного ответа. Даже сам Китай не может удовлетворительно на него ответить.

Прежде чем ставить вопрос о мире в Восточной Азии, надо дать себе отчетливое представление о роли Монголии. Япония не желает допускать существование такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей Востоку, и ей надо дать мир и спокойствие. Никак нельзя оставить ее в положении, при котором другие государства распространяют в отношении ее свою агрессивную политику. Оставить Монголию в двусмысленном положении—значит сохранить очаг беспорядков на Дальнем Востоке.

Можно было бы сказать, что вопрос о распространении в Монголии императорской идеи является более трудным, чем аналогичный вопрос в отношении Манчжурии. Нужно здесь выразить отчетливо и откровенно ту мысль, что, какой бы враг ни противостоял распространению императорской идеи, он должен быть уничтожен.

Далее, обращая наше внимание на великую работу по выполнению наших идеалов и целей, по сохранению мира на Дальнем Востоке, мы должны внимательно следить за действиями нашей соседки—России, памятуя, что все еще существует название «Владивосток» (что по-русски означает «владеть Дальним Востоком»).

Вопрос о корейцах

Сохранить мир на Востоке—это традиционный государственный принцип императорской Японии. Она это неоднократно доказывала, рискуя собственной судьбой. Япония вела японо-китайскую, японо-русскую и японо-германскую войны только для того, чтобы прежде всего сохранить мир на Дальнем Востоке.

Повторяем: сохранение мира на Дальнем Востоке означает прежде всего распространение императорской нравственности. Отсюда исходят как внешние, так и внутренние мероприятия Японии. На этом основании базировалась и аннексия Японией Кореи. Нам очень жаль, что с течением времени эта истина забывается. В императорском эдикте по поводу аннексии Кореи сказано так:

«Под моей милостью народные массы будут увеличивать свое благосостояние. Промышленность и торговля значительно разовьются в условиях спокойного времени. Я твердо убежден, что тем самым дело мира на Дальнем Востоке будет укреплено».

О великой душе бывшего императора Мейдзи можно судить уже из приведенных выше слов. Разве последующие государственные деятели хорошо восприняли эти слова?

Благодаря целому ряду установлений благосостояние Кореи с каждым днем и месяцем улучшается. Но там упускался из виду один большой факт—это вопрос о корейцах, живущих в Манчжурии. Они издавна являются подданными императора и нашими соотечественниками. Несмотря на то, что число их выражается в 800 тыс. человек, существование их совершенно упускалось до

сих пор из виду. Под гнетом зверских китайских властей их жизни и имуществу постоянно угрожала опасность.

О чем заставляет нас подумать этот факт? Имея перед собою миллионные массы, которые бродяжничают в поисках земли, нельзя не принять на себя ответственность за них и оставить их в таком положении.

Полное объединение Японии с Кореей является основанием мира на Дальнем Востоке. Нельзя не заботиться о корейцах. Нужно кормить их, давать им силу жизни и тем самым обеспечить их будущее. Иначе великий дух аннексии Кореи в конце концов погибнет.

Глубокой ошибкой было бы думать, что с приобретением концессий на железные дороги и горную промышленность цели манчжуро-монгольской политики Японии целиком достигнуты. До сих пор Япония, сосредоточивая свое внимание на этих правах и интересах, возбуждала подозрение других государств и находилась в изолированном положении. Воспользовавшись нынешним инцидентом, мы должны на деле показать, что заявления и действия Японии исходят исключительно из начал гуманности и стремления к миру.

Далее, в восточной части Сибири живет несколько сот тысяч корейцев, и положение их еще более ужасно. Мы должны глубоко почувствовать необходимость позаботиться о них, как мы это делаем в отношении корейцев, живущих в Манчжурии, и принять необходимые меры в ближайшем будущем для помощи им. Наши традиции и национальные чувства не позволяют нам молча, сложа руки, наблюдать их ужасное положение.

Японцы—апостолы мира

С самого начала истории Япония являлась «государством военного искусства». Однако одновременно с этим существовала традиция не прибегать к оружию произвольно. В этом заключался национальный престиж Японии, и поэтому Япония никогда произвольно не прибегала к оружию. Так она твердо осуществляет дух императорской армии, путь к которой поконится на справедливости и милосердии.

Совершенно поверхностным является представление о Японии как о милитаристическом или империалистическом государстве. Такое представление может иметь только тот, кто не знает, что Япония берется за оружие только в борьбе за мир.

О том, как Япония любит мир и стремится к спокойствию и благосостоянию человечества, можно судить по императорским эдиктам каждого императора, где ясно упоминается об этом. Япония уважает военное искусство только для того, чтобы осуществить свои великие идеалы.

Нельзя японскому народу некритически воспринимать американскую и европейскую культуру и ослаблять традиционный японский дух. Развивая свой великий дух, определившийся в

течение 3 000-летней истории, японский народ должен стремиться к распространению императорской нравственности. В этом заключается его вечная жизнь и слава как апостола мира.

Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратные течения!

На материю нельзя положиться.

Сильный дух и бодрость в конечном счете решают все.

Вопрос о численности населения важен. Важен также и продовольственный вопрос. Конечно важен вопрос и о международном положении. Однако нам не нужно слишком беспокоиться по этим вопросам. Японский народ должен стоять выше всех и смотреть дальше всех. Когда он осознает свою миссию и свои цели, все эти вопросы разрешатся сами собой.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Або — 197, 201, 238
 Агинальдо — 22
 Адапи — 168, 183, 213, 214, 215, 216, 220, 222, 224, 228, 234, 248
 «Айкодзюку» («Школа любви к родной земле») — 61, 167, 178, 179, 180, 181, 183, 184, 226, 248
 «Айкоку Кинро То» («Патриотическая рабочая партия») — 186, 200
 «Айкокуся» («Патриотическое общество») — 11, 106, 107, 208
 «Айкоку Родото» («Патриотическая трудовая партия») — 182
 «Айкоку Тайсюто» («Массовое патриотическое общество») — 185
 «Айкоку Гакусэй Рэнмэй» («Лига учащихся патриотов») — 33, 107
 «Айкодзю» — 167, 168, 183, 184, 248
 «Айкокудзюку» («Школа патриотов») — 107
 «Акао» — 72, 87, 88, 89
 Академия «золотого фазана» — 165
 Акамацу — 161, 163, 168, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 204, 209, 229, 239, 241, 242, 243
 Аmano — 71, 89, 185, 186, 200
 Амадзи — 70
 Аояма Хироноси — 52
 Араки (ген.) — 112, 122, 132, 133, 143, 144, 145, 146, 148, 152, 153, 156, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 177, 183, 213, 217, 218, 219, 221, 224, 225, 246
 Асано — 26
 «Асахи» (газета) — 118, 222, 248
 Ассо — 189, 238
 Ассоциация помещиков Великой Японии — см. «Дайникон Дзинуси Киокай»
 Ануми К. — 72, 107
 Аякава — 89

Б.

«Байбуси» («Общество продажи литературы») — 73
 Босс — 22, 207
 Бокурэцу — 165

«Большое объединение» — см. «Дайтося»
 «Братство крови» — 166, 167, 179
 Бунроку — 197
 «Бунгей Сюндзю» — 151
 Бусидо — 146, 161
 «Быстрый прогресс» («Кюсин») — 93

В.

Вада — 26
 Вакацуки — 78, 79, 83, 84, 96, 102, 119, 122, 136, 138, 148, 167, 168, 169, 213, 214
 Васио (д-р) — 114
 «Великоазиатская ассоциация» — 219
 «Великояпонский союз справедливости» — см. «Сейгидан»
 «Всеяпонская лига молодежи защиты страны» — см. «Дай Нихон Сейнен Гококу Рэнмэй»
 «Всеяпонская ассоциация помещичьих союзов» — 119
 «Всеяпонское общество возвеличения родины» — см. «Дзен Нихон Кенкоку Досикай»
 «Всеяпонский союз молодежи» — 163
 «Всеяпонская федерация рабочих союзов» — см. «Дзенкоу Родо Кумнай Домей»

Г.

«Гакусей Киококу Рэнмэй» («Лига единения студентов») — 107
 Гаузофер — 14, 19, 45
 «Гейюся» — («Общество черного океана») — 11, 11, 14, 20, 21, 22, 31, 37
 Гентаро Кондама (ген.) — 21
 «Гейкоку Гундзин Годзикай» — 36
 «Гюоцисы» («Общество действия») — 90, 91, 92, 182, 185
 Го (барон) — 112, 114, 121
 Гондо Наряки — 53, 64, 65, 67, 68, 176, 181, 182, 229
 Гондо-Дзюку — 180, 222
 Гото — 9, 218
 «Государственный социализм» (журнал) — 73
 Группа проф. Головачева — 22, 208
 Гэббине — 9, 17, 18
 Гондо — 181

Генро (Сайондзи) 77, 131, 140, 170, 217, 225, 246

Д.

«Дайкося» — 93
 Дайкакай» («Общество величия») — 74, 93, 106, 167, 183
 «Дайнихон Сейсанто» («Всеяпонская производственная партия») — 209
 «Дайнихон Дзинуси Киокай» («Ассоциация помещиков» Великой Японии) — 101, 102
 «Дайнихон Сейгидан» («Великояпонский союз справедливости») — 80
 «Дайнихон Бутoku Кай» («Общество содействия военной доблести») — 32, 132
 «Дайнихон Сэзика Хасидан» («Дружина по борьбе с большевизацией Великой Японии») — 48, 49, 85
 «Дайтося» («Большое объединение») — 85, 86, 209
 «Дайюбокай» — 85
 «Дайнихон Кокикай» («Общество блеска Великой Японии») — 107
 «Дайнихон Сейнен Гококу Генмей» («Всеяпонская лига молодежи защиты страны») — 206
 «Дайа Гимей» («Общество свободной Азии») — 229
 «Даймондо» (журнал) — 113
 Дан (барон) — 169, 181, 220
 Дегуци Ванисабуро — 208
 «Дзайно Гундзин Кай» («Союз резервистов») — 32, 34, 35, 37, 93, 123, 137, 163, 164, 165, 168, 176, 222, 224, 225, 228, 235, 243, 244
 «Дзен Нихон Кенкоку Досикай» («Всеяпонское общество единомышленников возвеличения родины») — 89
 Дзиму — 251
 Дзенкодомей — 197
 Дзенкио — 112, 186, 201, 203, 210
 «Дзенкоку Родо Кумнай» («Генеральный совет рабочих союзов») — 122
 «Дзенкоку Родо Кумнай Домей» («Всеяпонская федерация рабочих союзов») — 187, 192, 202
 «Дзенкоку Роно Тайското» («Всеяпонская рабоче-крестьянская массовая партия») — 191, 196
 «Дзенкоку Тайското» («Всеяпонская массовая партия») — 191
 «Дзенкоку Номин Кумнай» («Крестьянский союз») — 192
 «Дзенкоку Киогикай» или «Дзенкио» («Национальная конфедерация профсоюзов») — 192
 «Дзенихон Айкокуса Кюю Тосокиокай» («Всеяпонский совет объединенной борьбы патриотов») — 242

«Дзиммукай» — 61, 167, 169, 170, 182, 183, 184, 226

«Дипугио Досигаё» («Партия деловых людей») — 103

«Дзи-Дзи» (газета) — 120

«Дзитаро Хираока» — 10

«Дзиюто» («Либеральная партия») — 27

«Дзикиоку Кенкюкай» («Общество по изучению вопросов современного положения») — 167

«Дзидзи Номин Киокай» («Крестьянская партия самоуправления») — 181

Доин — 33

Дон Гото — 113, 235, 240, 241, 243

Донин — 208

«Дружба человечества» — зм. «Омото Кио»

Е.

Еекай — 166

Есида Сигэру — 92

З.

Зава — 44

И.

Ивата — 208

Ивада — 72, 74, 89, 93, 106, 107, 169

Ивакура (банк) — 15

Икеда Киоси — 92, 218, 233

Икеда Сейкин — 82

Имамура — 197, 198

Имперское сельскохозяйственное общество — 98, 100, 157, 176

Ии Наосукэ — 178

Иноуэ К. (барон) — 103, 166, 169, 170, 181, 183, 206, 219

Ии мата Цунао — 42, 113

Ииокичи Сабура — 52

Иноуэ — 179, 180, 181, 182

Институт «золотого фазана» («Кинхэй Гакуин») — 92

Инукай — 61, 119, 133, 167, 170, 181, 212, 213, 216, 247

Иосифудзэ — 293

«Ицукакэй» («Общество 5-го числа») — 169, 172

Иосино — 31, 37, 69, 70

Иокано Кинци — 85

«Иомиура» (газета) — 239

Иосида — 23, 85, 86, 209

«Иородзэ» (газета) — 239

Иосии — 48

Исакава — 73, 241

Исии (концерн) — 48

«Исисяя» («Общество обновления») — 89, 90, 185, 186

Итагаки — 9

Ито — 8, 18, 27, 47, 218

К.

«Каага Кудзику» («Группа развития Азии»)—85
 Каваками—191, 212
 Кагава—72
 «Кодакуракай» («Общество малой вишни»)—165
 «Кайдзо» (газета)—70, 120
 «Кайкокай» («Организация отставных офицеров»)—73, 80, 84
 «Кайокай» («Общество восстановления личности»)—82
 Камисуги (проф.)—68, 70, 71
 Каминаги—182
 Канакоки Гэйин (проф.)—45, 75, 182
 Каная (ген.)—143, 166, 167
 Канин (принц)—32, 36, 168
 Канагоки (проф.)—69
 Канэко (адвокат)—178
 Каино—107, 183, 241
 Канэко Сантаро—178
 Каралу (клан)—81
 Касаги—85, 89, 91, 92
 Касахара (полк)—153, 154
 Касахи—222
 Ката—8
 Като (адмирал)—77, 78, 79, 83, 84, 99, 101, 102, 103, 107, 138, 166
 Катаяма Тедзу—196
 Какура (ген.)—137
 Кейго Каюра—214
 «Кэйрин Гакумей» («Лига принципов управления»)—73, 87
 «Кемин Симбун»—242
 «Кенкокукай» («Союз государственного строительства»)—87, 88, 89, 222, 228, 235, 236
 Кенсекэй—94, 103, 104
 Кеннеди (ген.)—174
 «Кибося» («Общество надежды»)—46
 Кидкава—196
 Кидзи—2
 Кида И. (ген.)—47, 89
 «Киншоо Родо Соломей» («Федерация рабочих госучреждений»)—202
 Киаура—78, 83
 Киноо Рэмэй—80, 84, 106
 «Кингэй Гакуин» (см. Институт «золотого фазана»)—92
 «Кинкикай» («Общество императорского штандарта»)—107
 Кикуги (ген.)—71, 81, 82, 164, 180, 183
 Киоура—77
 Кита-Рейкичи—182
 Китала—186
 Кига Икки—53, 61, 64, 69, 74, 77, 90, 92, 93, 96, 105, 106, 131, 161, 165, 166, 167, 168, 182, 217, 225, 226, 244
 Китахара—72
 Кисабуро Сузуки—144

«Киокай»—91
 Киоура—108, 219
 «Кодакуракай» («Общество малой вишни»)—165
 Когекурабу (Промышленный клуб)—235
 Кодакан (школа)—177, 178
 «Кодо» («Императорский путь»)—146, 147
 «Кодокай» («Общество императорского пути»)—244
 Койсо (ген.)—166
 «Койринкай»—206
 «Кооганроку»—90
 «Кокухонся» («Общество государственных основ»)—80, 81, 82, 83, 84, 86, 89, 99, 105, 107, 108, 161, 165, 166, 167, 182, 183, 213, 218, 219, 222, 228, 234, 243, 246, 248
 «Кокурюкай» («Общество черного дракона»)—21, 22, 23, 30, 31, 37, 61, 85, 86, 88, 161, 182, 206, 207, 208, 209, 214, 222, 235
 «Кокумин Сейнен Домей» («Союз молодежи»)—107, 214
 «Кокусуйкай» или «Дайнинхон Кокусуйкай» («Общество духа Великой Японии»)—47, 48, 49, 50, 51, 52, 75, 80, 82, 83, 84, 99, 102, 105, 108, 213, 222, 228, 234, 235, 236
 «Кокуминдомей» («Народная лига»)—183, 214, 215, 222, 234, 248
 «Кокусу Дайсюто»—230
 «Кокушюкай» («Общество основ государства»)—32
 «Кокуфукай» («Общество государственных нравов»)—46
 «Кока Сякайто»—70, 248
 «Кока» (газета)—81
 «Кококу Досикай» («Общество единомышленников защиты родины»)—49, 71
 «Кокуминронха» («Партия национализма»)—8
 «Кокуминкиокай» («Патриотическое общество»)—11
 Комитет по ускорению рабочего законодательства—187
 Комма—218
 Кондо—197
 Коноа—219
 Коики—192, 214, 222
 Котоку—30
 Кофу (полковник)—170
 «Коцися» или «Зиоцися» («Общество действий»)—90, 91, 92, 93, 167, 183
 КПЯ—201
 «Красная свастика»—см. «Сакисиня»
 «Крестьяне-смертники»—176
 «Кровавое братство»—92, 93
 Курбан Галиев—22
 Кухара—26, 212, 222, 224, 228, 233, 248
 Куга Минору—8
 «Кэйрин Гакумей» («Лига принципов управления»)—87

«Кюсин» («Быстрый прогресс») — 93, 98
 «Кюсин Айкокозу» («Патриотическая радикальная партия») — 73
 «Кюсин Айкоку Родоса Сонмей» — 185
 «Кюсин Айкоку То» — 185

Л.

«Левый театр» — 115
 «Лига борьбы за всеобщее избирательное право» — 76
 «Либеральная школа» — 5
 «Лига единения студентов» — см. «Гакусей Киококу Реймэй»
 «Лига Восточной Азии» — 85, 206
 «Лига крови» — 93, 169, 170, 182
 «Лига профсоюзов» — 43
 «Лига принципов управления» — см. «Кейрин-Гакумей»

М.

«Мансю Мондай Кайкуцу Домей» («Общество окончательного разрешения манчжурского вопроса») — 206
 Масаки (ген.) — 143, 166, 224
 Макин — 77, 131, 140, 168, 170, 181, 217, 225, 226
 «Мартовский заговор» — 167
 «Массовое общество» — см. «Тайсюся»
 Марита (проф.) — 71
 Манабэ — 208
 Массовые патриотические организации — 227
 Мацуи (ген.) — 219
 «Маркусусюги» — 97
 Матано — 172
 Мацуй — 82
 Мацунабу — 72, 91, 183
 Мацуката — 25
 Мацуска — 196
 Мацутани — 195
 Мейдзи — 3, 5, 6, 8, 10, 44, 45, 65, 68, 90, 139, 151, 153, 168, 178, 188, 230, 251, 255
 «Мейринка» («Общество возвышенной этики») — 222, 224, 228, 244
 Мемото — 168
 Минами (ген.) — 122, 133, 143, 166, 167
 Минсейто — 104, 122, 132, 133, 139, 142, 148, 150, 168, 171, 210, 212, 213, 214, 216, 232, 237, 243, 247
 Мидзуи — 15, 26, 53, 56, 64, 82, 103, 114, 121, 125, 139, 144, 169, 195, 213, 219, 220, 225, 233
 Мидзусима — 91
 Миура — 10
 Минубиси — 25, 64, 77, 114, 121, 124, 125, 131, 139, 148, 170, 195, 213, 214, 219, 220, 225, 233
 Мицуки — 25
 Мицусэ — 189

Мицикава — 69, 74, 89, 90, 91, 92, 161, 186, 200, 241,
 Мияко — 148
 Моги — 72
 Мори К. — 9, 212, 213, 228
 Муракава — 219
 Муго — 26, 143

Н.

Нагоя — 223
 Нагано Акиро — 20, 120, 176, 177, 181
 Накано — 20, 86, 200, 234
 Нагата — 89, 97
 «Накатани» («Общество единомышленников возвеличения родины») — 71, 89, 182, 185, 186, 200
 Накаю Сисабуро — 47
 Нагаи — 97, 98, 101, 102, 105
 Нагути Эйджиро — 26, 143
 Наоки — 169, 172, 173
 Накая — 171
 Накадзава — 212
 Национальный союз физической подготовки — 32, 228
 Национальная федерация молодых офицеров — 161, 167, 168
 Немото — 107, 169
 Нисида (лейтенант) — 92, 93, 106, 165, 167, 244
 «Ниппон» (монархическая газета) — 168
 «Ниппонкоку Сякайто» («Японская государственно-социалистическая партия») — 198
 Нинон — 90, 126, 129, 182
 «Нихон Дзюнкоку» — 84
 «Нихон Дзюнкокукай» (газета) — 80, 82
 «Нихон Кока Сякай Родо Домей» («Японская социал-рабочая лига») — 198
 «Нихон Кокуминто» («Национальная партия Японии») — 106, 185, 208, 222, 229, 238
 «Нихой Коцу Рото Кумнай» (Федерация японских транспортников) — 203
 «Нихон Кейдзай Немпо» — 155
 «Нихон Кайин Кумнай» («Японский союз моржиков») — 202
 «Нихон Кока Сякай-Сюти Гакумей» («Японская лига изучения госсocialизма») — 241
 «Нихон Номин Содомей» («Федерация японских крестьян») — 197
 «Нихон Родо Кумнай Кайги» («Конгресс профсоюзов Японии») — 202
 «Нихон Номин Кумнай» («Японский крестьянский союз») — 76, 192, 197, 198
 «Нихон Сюги» (печатный орган) — 89
 «Нихон Сейнендаи» («Японский союз молодежи») — 32
 «Нихон Сондзиха Домей» («Общество самоуправления деревни») — 180
 Нихонгсю Ундо — 89
 «Нихон Роду Курабу» («Японский рабочий клуб») — 187

«Нихон Родо Содомей» («Японская федерация труда») — 187
 «Нихон Фашизму Рэммэй» («Японский фашистский союз») — 172
 Нихонгинко — 170
 Ницирен — 33, 34, 179
 «Ници-Ници» — 126, 200, 202
 «Ноги-Ко» («Общество им. генерала Ноги») — 32
 Нода-Юкаро — 46
 Номин Кумнай — 197
 Номура — 166
 Нонэмура Дзюнциро — 48
 «Нихон-Ренмей» («Союз земледелия») — 181

О.

«Общество белого волка» — см. «Хакурокай»
 «Общество малой вишни» — см. «Кодзакуракай»
 «Общество вишни» — см. «Сайкуракай»
 «Общество восстановления личности» — см. «Кайокай»
 «Общество государственных основ» — см. «Кокухонсей»
 «Общество единомышленников возвеличения родины» — 185
 «Общество действия» — 182, 185
 «Общество звездных лучей» — см. «Сейко Домей»
 «Общество небесного меча» — 93
 «Общество величия» — см. «Дайкакай»
 «Общество обновления» — см. «Иссинся»
 «Общество духа Великой Японии» — см. «Кокусуйкай»
 «Общество земли» — см. «Катикайся»
 «Общество 5-го числа» — см. «Ицукакай»
 «Общество старых борцов» — см. «Росокай»
 «Общество блеска Великой Японии» — см. «Дайнихон Кокикай»
 «Общество конституционных преобразований» — см. «Риккэн Иссинкай»
 «Общество королевского пути» — 47, 51
 «Общество осенней воды» — 85
 «Общество черного дракона» — см. «Кокурюкай»
 «Общество черного океана» — см. «Генйося»
 «Общество семи учеников» — см. «Тэйдai Сидися»
 «Общество сосуществования на Востоке» — см. «Тоёо Киосенкай»
 «Общество окончательного разрешения манчжурского вопроса» — см. «Мансю Мондай Кайкуцу Домей»

Огана У. — 31

Огасавара (адм.) — 165, 219

Огасавара (лидер народной лиги) — 183

Огасавара Цесей (граф) — 81, 82

Окур — 182

«Одогикай» — 46

«Осака Майичи» — 85

Окава Сюмей — 52, 53, 60, 61, 64, 69, 74, 185, 90, 91, 92, 93, 106, 107, 161, 166, 167, 169, 170, 179, 182, 183, 184, 209, 221, 223, 224, 225, 229, 241, 243

Окадо — 131, 136

Окуба (князь) — 11

Окума — 9

Окура — 23, 124, 125, 126, 225

Ойи Кантаро (ген.) — 73, 82

«Омото Кио» («Дружба человечества») — 52, 208

Осаги — 72

Ота — 48, 89

Оура (барон) — 32

Ояма — 191

Охара — 54

Оя — 198

Оя Сойдзо — 197

Одуки — 211

П.

«Патриотическое общество» — см. «Айкокуся»

Петиционно-крестьянское движение — 176, 181

Протап — 22

«Производственная партия» — см. «Сейсанто»

Пролетарская медицина — 115

Пролетарские писатели — 105

Пу II — 205

Р.

Раппа — 10

Революция Императорского флага (заговор) — 167

Рикартэ (ген.) — 207

«Риккэн Исинто» — 80, 84

«Риккэн Иссинкай» («Общество конституционных преобразований») — 82

«Родо Номинто» («Рабоче-крестьянская партия») — 96, 186

«Роно-Тайсюто» — 158, 186, 191, 192, 200, 210

«Родо Кумиай Сохиогикай» («Генеральный совет рабочих союзов») — 192, 197

«Родайто» — 210

«Ронинкай» («Общество бродячих самураев») — 31, 222

«Роното» («Рабоче-крестьянская партия») — 191

«Росокай» («Общество старых борцов») — 69, 72, 73, 74, 87, 182

С.

Сайто — 119, 120, 131, 171, 213, 218, 224, 233, 234, 235, 242, 247, 248

Сайондзи (генро) — 77, 131, 140, 170, 217, 225, 246

Сайго—8, 9)
 Сага (группа)—166
 Сага (клан)—8, 166
 «Сакисия» («Красная свастика») — 207, 208
 Сагибо Цудан — 38
 Сакамото — 197
 Сакакибара — 183
 «Сайкурай» («Общество вишни») — 165, 167, 183
 Сакаи Эйзио — 80, 92
 «Сангю Родо Дзихо» — 116
 Саса — 149
 Сасаки — 31
 Сантаро — 178
 Сато Кайиро — 7, 47
 Сато (ген.) — 146, 152, 200
 Сато Кийокацу — 47, 151
 Сандзи Мутто — 103
 Сацума (клан) — 9, 138, 139, 140, 142, 171, 225
 «Сбор самураев» — см. «Сиринся»
 Сейюхонто — 59, 103, 104, 212, 219, 233
 Секи Коике — 214
 «Секкабосидан» («Дружина по борьбе с большевизацией») — 75, 85, 86, 230
 «Сейко Домей» («Союз звездных лучей») — 165, 193
 Сейкай Орай — 83
 Сейюкай — 45, 47, 51, 83, 93, 103, 104, 118, 122, 132, 133, 137, 138, 139, 144, 168, 171, 196, 210, 212, 213, 214, 216, 219, 222, 224, 232, 233, 235, 237, 243, 247
 «Сейгидан» («Великояпонский союз справедливости») — 80, 81, 82, 84, 105, 222, 228, 234, 238
 Сейкей — 165, 167
 «Сейсанто» («Производственная партия») — 210, 211, 222, 226, 228, 234, 238, 241, 243, 247, 248
 Субусава — 25, 108
 Сидехара — 143, 148, 149, 168
 «Синихон Кокумин Домей» («Национальная лига Новой Японии») — 200
 «Сининкай» («Общество новых людей») — 69
 «Синсю Кокуминто» — 209
 «Синби Досикай» — 219
 Синдо — 10
 Сино Синдзиро — 52
 «Синсю Тококуто» («Партия защиты страны богов») — 230
 «Синая Мадзук» — 178, 181
 Сиова — 149, 153, 251
 Симинока — 181
 Сиотен (ген.) — 82, 164, 168
 Сумитомо — 124, 131
 Симидзу Гюнусуке — 74, 86, 92, 93, 167, 183
 Симидзу (депутат) — 114, 212
 Симонака — 161, 181, 198, 200, 204, 226, 239, 241, 241

«Симбукай» — 242, 247
 «Сиринся» («Сбор самураев») — 93, 165, 167
 Сиоин Иосида — 7
 «Сисодзэндокай» — 81
 «Сиписо» — 34
 «Содомей» («Японская федерация труда») — 188, 197, 202
 «Сококукай» («Общество родины») — 182
 «Соренто» («Японская конфедерация профсоюзов») — 202
 «Соси» — 38, 180, 228
 «Союз резервистов» — см. «Дзаина-Гундзин»
 «Союз развития Востока» — см. «Токио Ремнэй»
 «Союз государственного строительства» — см. «Кэнкокукай»
 «Союз Великой Азии» («Дайа Гимей») — 292
 Союз молодежи — 37, 198, 222, 227, 228
 «Союз молодых девушек» — 33
 «Союз верности императору» — см. «Кинно Ремнэй»
 «Союз молодежи Великой Японии» — 37, 107, 198, 222, 227, 228
 Сугихара — 234, 235
 Судзуки — 36, 47, 81, 82, 83, 84, 106, 122, 169, 200, 211, 212, 213, 225, 246, 248
 «Суйхейся» — 48
 «Суйкосю» (Военно-морской клуб) — 165
 Сумитомо (кондери) — 25, 77, 195, 219, 225, 233
 Сугимото (лейтенант) — 89
 Сугияма — 21, 30
 Сун Ят-сен — 21, 61
 «Сякай Минсюто» — 168, 186, 187, 189, 191, 192, 196, 197, 198, 200, 201, 210
 «Сякай Тайсюто» — 201, 202, 214

T.

Такагава Нариаки — 177
 Таяма — 23, 205
 Тайсно — 45
 «Тайсюто» («Центральная партия») — 197, 198, 200, 201
 «Тайсюто Дзенкоу» — 197
 «Тайсюся» («Массовое общество») — 72, 89, 185
 Такесо Мори (проф.) — 154, 155
 Такабатаке — 69, 70, 71, 72, 74, 87, 88, 89, 106, 182, 185
 Таканами Такедзиро — 47
 Таканаучи — 49
 Такахаси — 103, 131, 138, 190, 191, 224, 247
 Такекоси — 4
 Такаяма — 197
 Танабе — 21, 22, 212
 Танака (ген.) — 36, 82, 84, 95, 96, 103, 106, 107, 138, 139, 149, 179, 185, 225, 241, 244
 Татакава Есшугу (ген.) — 92, 165

Тамон (ген.-лейтенант) — 147
 Танибана — 46, 92, 170, 178, 179, 180, 181,
 182, 183, 184, 209, 221, 229, 236, 248
 Тацкава Сидзуб — 92
 Терауци — 36, 59
 «Тениюкиодан» («Группа небесного спасе-
 ния угнетенных») — 20
 Тенкокай — 211
 Тидзяки (вице-адмирал) — 183
 «Тоа Ренмей» («Лига Восточной Азии») —
 85
 Того — 36
 «Тоёо Гакай» («Восточное общество») —
 70
 «Тоёо Киосенкай» — 83, 206
 Токио-Ничиро — 199
 Токио Асахи — 168
 «Токио Си Догюки Кумнай» («Токийский
 союз муниципальных рабочих») — 203
 Того Фуджита — 7
 «Токонами» («Группа стариков») — 212, 233
 «Токай Ремней» («Союз развития Восто-
 ка») — 85
 Токугава - Сиогуна — 6, 81, 217
 «Тонхак» («Восточная школа») — 20
 «Токио Рэммэй» — 89
 Тоёда — 166
 Тояма Тосо — 10, 11, 21, 30, 31, 48, 75, 82,
 85, 86, 89, 96, 106, 178, 182, 185, 186,
 205, 206, 207, 208, 211, 221, 222, 242
 «Тэнро» — 33
 Тэроуци (ген.) — 58, 137, 141
 «Тэникиодан» (Небесное спасение угнетен-
 ных) — 20
 Тэнно (император) — 146
 Тэрада Инедзиро — 106
 «Тэйдай Сицися» («Общество семи учени-
 ков») — 87

У.

Угаки (ген.) — 122, 133, 142, 166, 167,
 183, 218, 223, 224, 235
 Уцида Риохей — 20, 21, 23, 30, 31, 48, 75,
 85, 86, 106, 154, 168, 205, 206, 207, 208,
 209, 210, 211, 222, 242, 243, 248
 Уэхиро — 47
 Уэсуги (проф.) — 69, 70, 71, 73, 74, 87, 88, 89,
 182, 185, 200
 Уэхара — 36

Ф.

«Федерация молодых офицеров» — 170
 «Федерация рабочих морских арсеналов» —
 187
 Фудасасы — 2
 Фудзисука — 107
 Фудзисиро — 51
 Фудзима (лейтенант) — 166, 179, 182
 Фудзитагуми — 48
 Фукуда — 72
 Фуриюка — 197
 Фуруя — 214

Фукудзава — 5
 Фукуокская тройка (Тояма — Уцида — Су-
 гияма) — 30, 243

Х.

Хамагути — 96, 106, 107, 148, 166, 167,
 213
 «Хайро Досикай» («Общество единомыш-
 ленников против России») — 206
 Хасимото (полковник) — 97, 98, 101, 102,
 105, 107, 167, 170, 183
 Хара — 46, 47, 59, 82, 99, 103, 137, 218
 «Хакурокай» («Белый волк») — 92, 165
 Хата — 166
 Хаяси — 241
 Хиогикай — 76
 Хиранума (барон) — 49, 50, 82, 83, 84, 166,
 213, 215, 218, 221, 222, 243, 244, 246,
 247, 248
 Хиранума — Араки — Судзук — 218, 245
 Хираока — 10, 11
 Хирата Синсак — 150, 219, 244
 Хироси — 117
 Хозэ — 22
 Хокадо — 10
 Хокен Тонака — 225
 «Хокумин» — 206
 Хомма — 178, 181, 183, 211
 Хосино — 108
 Хосюдзёсайрока — 8
 Хососака — 191

Ц.

«Центральная Ассоциация промышленных
 союзов» — 158
 Цисю (клан) — 33, 95, 137, 139, 140, 142
 Цицибу — 144, 229
 «Цувамоно» (газета — орган военных) — 168
 Цукун — 73, 88, 89, 185, 186, 206, 209,
 210, 211, 239, 241, 242
 Цуюго Баба — 246
 «Цюо Корон» — 158, 162

Ч.

Чжаны (клан) — 124
 Чжан Цзо-лин — 149
 Чжан Сюэ-лян — 149

Ш.

Шиозава (адм.) — 128

Э.

Эндо Тамосира — 107
 Эта — 48

Ю.

Юдзюся — 69, 74, 75, 79, 80, 82, 85, 90,
 91, 92, 93, 106, 182

«Юсакэби» («Мощный призыв») — 74

Юдзосея — 182

Юринкай — 21

Я.

Ябе — 73

Яватэ — 26, 48, 106, 208, 211

Явадзи — 214

Ямагато (маршал) — 18, 26, 30, 132, 137, 138

«Ямато» — 46, 222

«Ямато Минрокай» («Японское народное трудовое общество») — 51, 75, 80, 82, 84

Ямамото Дэтаро (ген.) 60, 61, 213

Ямамото — 222, 224

Яmanoуци — 46

Ямоока (проф.) — 108

Ялагава — 224

Японская федерация моряков — 187

Ясиро (адм.) — 32

Ясуда — 15, 21, 23, 26, 124, 154, 233, 234

Японский рабочий клуб — см. «Няхон Роду Курабу»

Японское объединение профсоюзов — 200

Ясуока — 74, 82, 91, 92, 165

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Помимо периодических изданий (газет и журналов) и листовок, изданных различными японскими реакционно-шовинистическими организациями, для характеристики последних и описания их деятельности использованы следующие книги:

- Акамацу, **Национализм и социализм**, изд. Института по изучению японского социализма, 1932 г.
- Зама, **Обозрение фашистского движения Японии**, изд. «Кокумин», Токио, 1932 г., 305 стр.
- «История 7-го года царствования Сиова», изд. Общества исторической литературы, Токио, 1933 г., 777 стр.
- Исикава, **Обзор патриотического движения Японии**, изд. «Нихон», Токио, 1932 г., 175 стр.
- Итачи, **Фашистская буря**, изд. «Мейдзи», Токио, 1932 г., 737 стр.
- Ката, **Анализ японского государственного социализма**, изд. «Сюнсю-ся», Токио, 1932 г., 276 стр.
- Комацу, **Рост фашизма и процесс упадка политических партий**, изд. «Монсин-ся», Токио, 1932 г., 119 стр.
- Накатани, **Идеи «госсосоциализма»**, Токио, 1932 г.
- «Общественное движение в Японии», изд. Бюро по обследованию условий труда, Токио, 1932 г.
- Оиси, **Анализ состава армейских деятелей**, изд. «Сеому-ся», Токио, 1930 г., 300 стр.
- «Политико-экономический ежегодник Японии», изд. Токийского политико-экономического института, 1932 г.
- «Рабочий ежегодник Японии», изд. Института по изучению социальных проблем, Охара, 1932 г.
- Саса, **Приближение политического кризиса**, изд. «Сенсо-ся», Токио, 1932 г., 293 стр.
- Саса, **Этапы развития японского фашизма**, Токио, 1932 г.
- Сборник статей Акамацу, Танака и др. — **Изучение фашизма**, изд. «Кайдзо-ся», Токио, 1932 г., 365 стр.
- Судзуки, **От кризиса — к фашизму**, изд. «Асано», Токио, 1932 г., 341 стр.
- Хаяси, **«Госсосоциализм» и контролируемая экономика**, изд. Института «госсосоциализма», 1932 г.

В тексте при описании отдельных организаций мы на эти источники не ссылаемся.

Часть первая

Реакционно-шовинистическое движение до мировой войны

<i>Глава первая</i> Самурайская оппозиция первых пореформенных десятилетий	3
<i>Глава вторая</i> Переход на путь колониальных захватов	13
<i>Глава третья</i> Период формирования японского финансового капитала	24

Часть вторая

Реакционно-шовинистическое движение в период от мировой войны до кризиса 1929 г.

<i>Глава первая</i> Обострение классовых противоречий в период войны и первого послевоенного кризиса	41
Возникновение реакционных организаций нового типа	—
Новые буржуазно-помещичьи реакционные организации	45
Реакционные слои мелкой буржуазии и мелкие помещики С. Окава, И. Кита, Н. Гондо	53
Ранний «госсоциализм». Общество «Юдзонся»	69
<i>Глава вторая</i> Период углубления разногласий в лагере господствующих классов (1923—1927)	76
Бюрократия как организатор реакционно-шовинистического движения	—
Оформление национал-социалистических террористических организаций	87
<i>Глава третья</i> Эпоха Танака. Помещичьи организации	95

Часть третья

Реакционно-шовинистическое и фашистское движение в обстановке современного кризиса и войны

<i>Глава первая</i> Кризис, обострение классовой борьбы, начало войны	111
<i>Глава вторая</i> Армия как центр реакционно-шовинистического и фашистского движения в Японии	135
Эволюция политической роли армии	—
Политическая программа военщины	145
Офицерские организации и военные заговоры	163
Военщина и реакционные террористические организации	171
<i>Глава третья</i> Социал-фашизм и национал-социализм	185
<i>Глава четвертая</i> Война и активизация реакционных организаций господствующих классов	205
<i>Заключение</i>	221

Часть четвертая

Приложения

<i>Садао Араки, Задачи Японии в эпоху Сиова</i>	251
<i>Предметно-именной указатель</i>	26

2 p. 10 n.

17
87933*

5

X-

